

ISSN 2307-2539 (Print)
ISSN 2712-8202 (Online)

Том 37 №2 • 2025

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор (Россия)

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора), д-р ист. наук, доцент (Россия);

А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);

У. Бросседер, Ph.D., профессор (Германия);

Т.Р. Гермес, Ph.D. (США);

Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Россия);

А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия);

Н.Н. Серегин, д-р ист. наук, доцент (Россия);

М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);

А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор (Россия);

Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай)

Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор (Монголия)

Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия);

Т.С. Паршикова (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук, профессор (Россия);

Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор (Великобритания);

С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент (Россия);

А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Россия);

И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);

Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент (Россия);

Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);

П. Линь, Ph.D., профессор (Китай);

А.В. Поляков, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук, профессор (Россия);

К.Ш. Табалдиев, доктор ист. наук, проф. (Кыргызстан);

С.С. Тур, канд. ист. наук (Россия);

Ц. Турбат, Ph.D., доцент (Монголия);

Ц. Фан, Ph.D., профессор (Китай);

Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);

М.В. Шуньков, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия)

Журнал основан в 2005 г., с 2016 г. выходит 4 раза в год.

Учредителем издания является ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Адрес редакции и издателя:

656049, Алтайский край, Барнаул,

пр-т Ленина, 61, каб. 211,

телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Печатное издание — журнал «Теория и практика археологических исследований»

© Алтайский государственный университет, 2005–2024.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер

ПИ № ФС77-80671

от 07 апреля 2021 г.

ISSN 2307–2539 (Print)
ISSN 2712–8202 (Online)

Vol. 37 (2) • 2025

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor (Russia)

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);

U. Brosseder, Ph.D., Professor (Germany);

T.R. Hermes, Ph.D. (USA);

N.N. Kradin, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A.I. Krivoshapkin, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia);

N.N. Seregin, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);

A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor (Russia);

L. Zhang, Ph.D., Professor (China);

D. Erdenebaatar, Candidate of History, Professor (Mongolia)

D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History (Russia);

T.S. Parshikova (Assistant Editor) Candidate of History (Russia)

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History, Professor (Russia);

D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);

S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A.P. Derevianko, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);

D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.L. Kungurov, Candidate of History, Associate Professor (Russia);

P. Ling, Ph.D., Professor (China);

L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);

A.V. Polyakov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.G. Sitdikov, Doctor of History, Professor (Russia);

K.Sh. Tabaldiev, Doctor of History, Professor (Kyrgyzstan);

S.S. Tur, Candidate of History (Russia);

Ts. Turbat, Ph.D., Associate Professor (Mongolia);

Q. Fang, Ph.D., Professor (China);

T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);

M.V. Shunkov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia)

The journal was founded in 2005.

Since 2016 the journal has been published 4 times a year.

The founder of the journal is Altai State University.

The address of the publisher and the publishing house:

office 211, Lenina av., 61, Barnaul,

Altai region, 656049, Russia,

tel.: (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher

Print Edition of the journal “The Theory and Practice of Archaeological Research”

© Altai State University, 2005–2024.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications:

PI Registration number No. FS 77-80671 dated April 7, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.М. Илюшин

Керамика с зубчатым орнаментом в средневековой археологии Кузбасса
и на сопредельных территориях.....9

А.А. Казаков, О.М. Казакова

Памятники алтайского варианта кулайской культуры иткульского
археологического микрорайона32

С.М. Киреев, О.С. Лихачева

Наконечники стрел из памятника Майма-VII48

С.Н. Леонтьев

Предметы рыболовного промысла в материалах памятников острова
Сергушкин (зона затопления Богучанской ГЭС).....71

А.Н. Меркулов

Археологические данные о промыслах среднедонского населения скифского
времени.....91

Н.Н. Серегин, М.А. Демин, С.С. Радовский

Общие и особенные характеристики положения умерших в некрополях
Северного Алтая раннескифского времени
(по материалам комплекса Карбан-I).....108

В.И. Ташак

Усть-Кяхта-16: леваллуазская техника расщепления на юге Западного
Забайкалья125

С.С. Тихонов

Узлы на ремешках, шнурах, веревках из раскопок: информативные
возможности140

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Б.А. Сиражева</i>	
К вопросу об интерпретации костяных «коньков» Сарайчика	153
<i>Э.Р. Усманова, Е.А. Дмитриев, Р.М. Жумашев, Ж.Н. Шайгозова, В.А. Лопатин</i>	
Археологические исследования ландшафта ойрато-казахского военного конфликта в междуречье Буланты-Белеуитты в 2024 году (предварительные результаты)	169
<i>Чжан Вэньшань, Му Цзиньшань</i>	
Причины захоронения кладов бронзовых вещей на востоке Евразийской степи	183
<i>Л. Германн, Г. Соронкулов, Л. Дельвич, А.А. Уулу</i>	
Три новых тибетских надписи и ойрато-джунгарское наскальное искусство в Ала-Беле и их региональный контекст, Кыргызстан	194

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Шиме Жгела, А.В. Табарев</i>	
История исследований памятников эпохи неолита на восточном побережье Адриатики	207

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Л.А. Бобров</i>	
Ойратское оружие и доспехи в отечественных и зарубежных музейных собраниях	224

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	244
--------------------------------	-----

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>A.M. Ilyushin</i> Ceramics with Serrated Ornaments in the Medieval Archaeology of Kuzbass and Adjacent Territories.....	9
<i>A.A. Kazakov, O.M. Kazakova</i> Archaeological Sites of the Altai Variant of the Kulaiskaya Culture in the Itkul Lake Area.....	32
<i>S.M. Kireev, O.S. Likhacheva</i> The Arrowheads from the Mima-VII Site.....	48
<i>S.N. Leont`ev</i> Fishing Objects in the Materials from the Archaeological Sites on the Sergushkin Island (Zone of the Boguchanovskaya Hydro-Electric Power Station Flooding).....	71
<i>A.N. Merkulov</i> Trades of the Middle Don Population of the Scythian Time.....	91
<i>N.N. Seregin, M.A. Demin, S.S. Radovskiy</i> General and Specific Characteristics of the Pose of the Deceased in the Necropolises of Northern Altai of the Early Scythian period (based on materials from the Karban-I complex).....	108
<i>V.I. Tashak</i> Ust'-Kyahta-16: Levallois Knapping Technique in the South of Western Transbaikalia	125
<i>S.S. Tikhonov</i> Knots on Straps, Laces, Ropes from Excavations: Informative Opportunities	140

FOREIGN ARCHAEOLOGY*B.A. Sirazheva*

The Interpretation of the Bone "Skates" from the Saraichik Settlement.....153

*E.R. Usmanova, E.A. Dmitriev, R.M. Zhumashev, Zh.N. Shaigozova, V.A. Lopatin*Archaeological Research of the Landscape of the Oyrat-Kazakh Military Conflict
in the Bulanty-Beleuitty Interfluve in 2024 (preliminary results)169*Zhang Wenshan, Mu Jinshan*

Reasons for the Burial of Bronze Artifact Hoards in the Eastern Eurasian Steppe183

*L. Hermann, G. Soronkulov, L. Delwiche, A. Asein Uulu*Three New Tibetan Inscriptions and Oirat-Jungarian Rock Art in Ala-Bel and Their
Regional Context, Kyrgyzstan 194**HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY
AND RESEARCH***Šime Žgela, A. V. Tabarev*The History of Researching the Neolithic Sites on the Eastern Coast
of the Adriatic Sea207**FROM MUSEUM COLLECTIONS***L.A. Bobrov*

Oirat Weapons and Armor in Domestic and Foreign Museum Collections.....224

ABBREVIATIONS.....244

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 903.08:903.02(571.17)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-01)

EDN: WOOFJW

КЕРАМИКА С ЗУБЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ КУЗБАССА И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Андрей Михайлович Илюшин

*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия;*

ilushin1963@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>

Резюме. Статья посвящена исследованию элемента орнамента, который выявлен на средневековой керамической посуде в Кузнецкой котловине и Горной Шории. Публикуются материалы полевых исследований 21 археологического памятника, их местоположение обозначено на карте Кузбасса. Картографированные объекты располагаются вблизи горных массивов Салаирского кряжа и Кузнецкого Алатау и в Горной Шории, в бассейнах рек Иня и Томь. Наибольшая концентрация памятников фиксируется в южной части Кузнецкой котловины, богатой железными рудами. Зубчатый элемент орнамента появляется в этом регионе в развитом средневековье и продолжает бытовать до XVIII в. Появление украшенной зубчатым элементом керамической посуды в Кузбассе связывается с миграционными потоками, которые могли иметь разные источники. Сравнение исследуемой керамической посуды с материалами сопредельных территорий Верхнего Приобья позволило сделать вывод об активном ее распространении в этом регионе в период развитого средневековья. Высказываются гипотезы о генетических корнях исследуемого элемента орнамента, связанных с кулайской археологической культурой, с железоделательным производством.

Ключевые слова: Кузбасс, Верхнее Приобье, зубчатый элемент орнамента, керамическая посуда, ранний железный век, средневековье

Для цитирования: Илюшин А.М. Керамика с зубчатым орнаментом в средневековой археологии Кузбасса и на сопредельных территориях // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 9–31. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-01)

CERAMICS WITH SERRATED ORNAMENTS IN THE MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF KUZBASS AND ADJACENT TERRITORIES

Andrey M. Ilyushin

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia;
ilyushin1963@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>

Abstract. The article is devoted to the study of the element of ornament, which was revealed on medieval ceramic dishes in the Kuznetsk basin and Gornaya Shoriya. The materials of field research of 21 archaeological sites, the location of which is indicated on the map of Kuzbass, are published. The mapped objects are located near the mountain ranges of the Salair Ridge and Kuznetsk Alatau and in the Mountain Shoria, in the basins of the Inya and Tom rivers. The greatest concentration of sites is recorded in the southern part of the Kuznetsk basin, rich in iron ores. The serrated element of the ornament appeared in this region in the developed Middle Ages and continued to exist until the 18th century. The appearance of ceramic dishes decorated with a serrated element in Kuzbass is associated with migration flows that could have different sources. A comparison of the studied ceramic tableware with materials from the adjacent territories of the Upper Ob region allowed us to conclude that it was actively distributed in this region during the developed Middle Ages. Hypotheses are made about the genetic roots of the studied element of the ornament with the Kulai archaeological culture and its carriers associated with the iron industry.

Keywords: Kuzbass, Upper Ob region, serrated ornament element, ceramic tableware, early Iron Age, Middle Ages

For citation: Ilyushin A.M. Ceramics with Serrated Ornaments in the Medieval Archaeology of Kuzbass and Adjacent Territories. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):9–31. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-01)

Введение, цель и методы исследования

Исследования средневековой керамической посуды на территории современного Кузбасса, расположенного на северной периферии Саяно-Алтая и юго-востоке Западной Сибири (рис. 1), имеют свою историю. Наибольшее место в научных исследованиях по этой тематике занимают публикации материалов раскопок археологических памятников с описанием находок керамической посуды и попытки их систематизации (Бобров, Васютин, Зимин, 2009; Елькин, 1974; Илюшин, 2005; Окунева, 1997; Ширин, 1992, 1999; Эрдниев, 1960; и др.). Это привело к формированию историко-культурной концепции о поступательном развитии средневековой керамической посуды на основе традиционных черт с наполнением инноваций в каждом из трех периодов средневековья. Последнее способствовало изменениям изучаемых источников во времени и пространстве, являющимся отражением разнообразных этнокультурных процессов (Ширин, 1992; Илюшин, 2005, 2010). Предметом настоящего исследования является один из элементов орнаментации средневековой керамической посуды, который мы называем зубчатым (рис. 2.-1–25; 3.-1; 4.-1–20; 5.-1–9). Он наносится на сосуды при их украшении путем многочисленных тычковых вдавлений или штампов. По этой причине он имеет большую вариативность в исполнении. Поэтому в научной литературе существуют различные наименования при его типологической классификации: двузубчатый, трезубчатый, четы-

резубчатый, пильчатый и др. Цель исследования состоит в том, чтобы оценить этот элемент орнамента как хронологический и этнокультурный индикатор в средневековой археологии Кузбасса и сравнить полученные результаты с материалами исследований на сопредельных территориях. Мотивы орнамента, форма и технологии изготовления керамической посуды, на которую нанесен исследуемый элемент орнамента, в настоящей работе не исследуются.

Для достижения поставленной цели необходимо:

- собрать информацию о находках керамической посуды, украшенной зубчатым элементом орнамента, на территории Кузбасса и сопредельных территориях;
- картографировать памятники с находками керамики с этим элементом орнамента на территории Кузбасса и исследовать вопрос о наличии или отсутствии закономерности в их распространении;
- сравнить данные по датировке объектов и определить период бытования зубчатого элемента орнамента на территории Кузбасса;
- провести сравнительный анализ полученных результатов исследования с материалами исследований керамической посуды, украшенной зубчатым элементом орнамента, на сопредельных территориях Верхнего Приобья;
- по совокупности полученных данных сформировать гипотезу об этнокультурной характеристике исследуемых материалов на территории Кузбасса и сопредельных территориях.

Источники исследования

На территории Кемеровской области — Кузбасса факты орнаментации средневековой керамической посуды зубчатым элементом орнамента выявлены на погребальных и культовых памятниках, а также на городищах и поселениях, которые расположены в бассейне двух рек: Томи и Ини, являющихся крупными притоками р. Обь в ее верхнем течении (рис. 1).

В бассейне р. Иня в северо-западной, западной и центральной части Кузнецкой котловины находки керамической посуды с зубчатым орнаментом известны на семи археологических объектах культурного наследия (рис. 1.-1-7).

Из числа погребальных памятников находки керамической посуды с зубчатым орнаментом известны по раскопкам кургана № 1 на курганной группе Озерки-5, которая расположена в бассейне р. Тарсыма — левого притока р. Иня в северо-западной части Кузнецкой котловины (рис. 1.-1; 2.-1-4). Этот памятник при публикации материалов был датирован IX — 1-й половиной XI в., X в. и 2-й половиной X — 1-й четвертью XI в. и отнесен к сrostкинской археологической культуре (Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко, 2012, с. 28–30, 170–185, табл. 2, рис. 57б.-2–7). В дальнейшем, по результатам классификации материалов раскопок и сравнительного типолого-хронологического анализа он был датирован концом XII–XIII в. и отнесен к шандинской археологической культуре тюркоязычных кочевников развитого средневековья (Илюшин, 2016а, с. 13–15).

Рис. 1. Карта Сибири и Кемеровской области — Кузбасса с указанием территории археологического исследования и месторасположения археологических памятников, на которых была найдена керамическая посуда с зубчатым элементом орнамента: 1 — Озерки-5; 2 — Шабаново-5; 3 — Шабаново-10; 4 — Торопово-7; 5 — Торопово-7А; 6 — Гурьевское; 7 — Усть-Уруп-1; 8 — Городок; 9 — Казанково-5; 10 — Красулино-2; 11 — Кыргай-1; 12 — Тишинкова-1; 13 — Аба-1; 14 — Маяк; 15 — Блиновское-1; 16 — Драгунское; 17 — Прорва-1; 18 — Юла-1; 19 — Шодрова-1; 20 — Земелье; 21 — Усть-Пызас-2 (1 — курганная группа, 2, 3, 6, 7, 9–13, 15–21 — поселения, 4, 5 — комплексы археологических памятников, 8, 14 — городища)

Fig. 1. Map of Siberia and the Kemerovo region — Kuzbass, indicating the territory of archaeological research and the location of archaeological sites where ceramic dishes with a serrated ornament element were found: 1 — Ozerki-5; 2 — Shabanovo-5; 3 — Shabanovo-10; 4 — Toropovo-7; 5 — Toropovo-7A; 6 — Guryevskoye; 7 — Ust-Urope-1; 8 — Gorodok; 9 — Kazankovo-5; 10 — Krasulino-2; 11 — Kyrgyzay-1; 12 — Tishinkova-1; 13 — Aba-1; 14 — Mayak; 15 — Blinovskoye-1; 16 — Dragunskoye; 17 — Prova-1; 18 — Yula-1; 19 — Shodrova-1; 20 — Zemelye; 21 — Ust-Pyzas-2 (1 — Kurgan group, 2, 3, 6, 7, 9–13, 15–21 — settlements, 4, 5 — complex of archaeological sites, 8, 14 — ancient settlements)

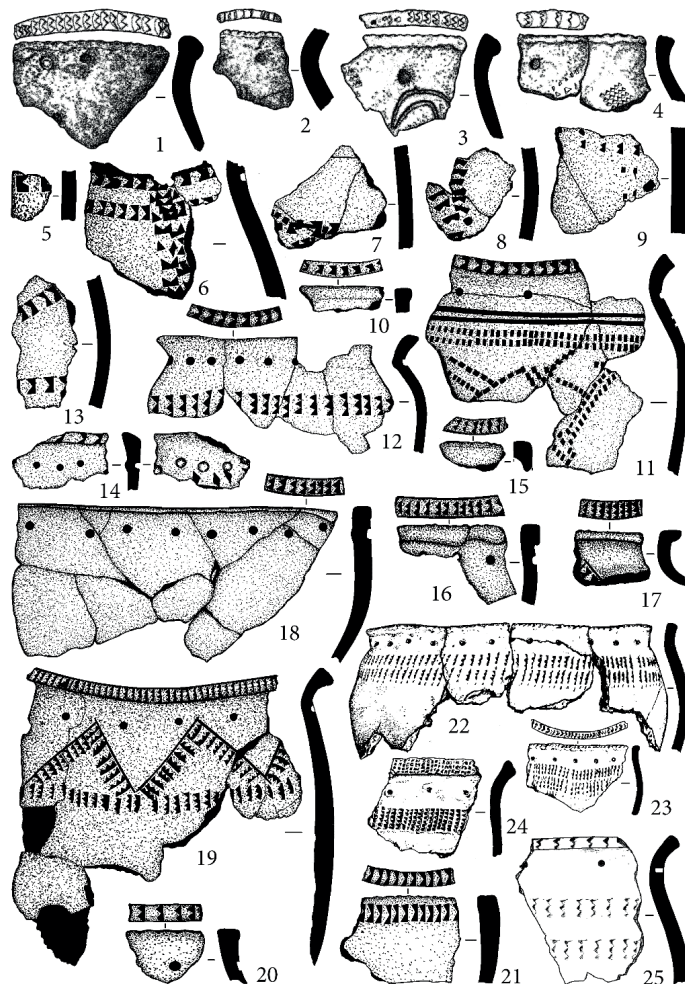

Рис. 2. Находки керамической посуды с зубчатым орнаментом: 1–4 — курганная группа Озерки-5, курган № 1 (Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко, 2012); 5 — поселение Шабаново-5; 6–10 — поселение Шабаново-10; 11, 12 — комплекс археологических памятников Торопово-7; 13–21 — комплекс археологических памятников Торопово-7А; 22–24 — поселение Гурьевское (Елькин, 1974); 25 — поселение Усть-Урон-1 (Ширина, 2017)

Fig. 2. Finds of ceramic dishes with serrated ornaments: 1–4 — Ozerki-5 kurgan group, kurgan № 1 (Vasyutin A. S., Vasyutin S. A., Onishchenko, 2012); 5 — Shabanovo-5 settlement; 6–10 — Shabanovo-10 settlement; 11, 12 — Toropovo-7 archaeological site complex; 13–21 — Toropovo-7A archaeological site complex; 22–24 — Guryevskoye settlement (Elkin, 1974); 25 — Ust-Urope-1 settlement (Shirin, 2017)

Очаг распространения керамической посуды, украшенной зубчатым элементом орнамента, фиксируется в среднем течении р. Касьма, левого притока р. Иня, при раскопках поселений и культовых площадок, датируемых в пределах развитого средневековья (рис. 1.-2-5). Так, на территории села Шабаново этот элемент орнамента в единичных случаях был зафиксирован на керамической посуде при раскопках поселений Шабаново-5 и Шабаново-10 (рис. 1.-2, 3; 2.-5-10), датированных XIII-XV и XI — XIII вв. и отождествляемых с культурой племени аз-кыштымов и шандинской археологической культурой (Илюшин, 2000, рис. 45.-116; 2001, рис. 26.-44, 45; 29.-88-90; 2015, с. 92-98, рис. 2.-13; 2016, с. 98-104). В 6-7 км ниже по течению р. Касьма на комплексе археологических памятников Торопово-7 при раскопках жилища в раскопе № 6 и семейной культовой площадки на раскопе № 7 были найдены фрагменты керамической посуды, украшенные зубчатым элементом орнамента (рис. 2.-4; 3.-11, 12). Эти объекты были датированы в широких пределах: XI-XIV вв., а более узко — концом XII-XIII в., и отнесены к шандинской археологической культуре (Илюшин, 2014, с. 64-69, рис.1. -13; Илюшин, Борисов, 2017, с. 85-91, рис.2. -7). На комплексе археологических памятников Торопово-7А единичные фрагменты керамической посуды с зубчатым орнаментом были встречены на раскопе № 1 при исследовании 2, 3 и 4-го слоя поселения, жилища 1 и грунтовых ям (рис.1.-5; 2.-13-21; 3.-1). Эти материалы были датированы XI-XIV вв. (более узко XIII-XIV вв.) и отнесены к шандинской археологической культуре (Илюшин, 2019, рис. 33.-5; 35.-39; 2019а, с. 47-53, рис. 1.-1, 2; Илюшин, Онищенко, 2024, с. 9-35, рис. 6.-87, 88; 7.-92, 94, 98; и др.).

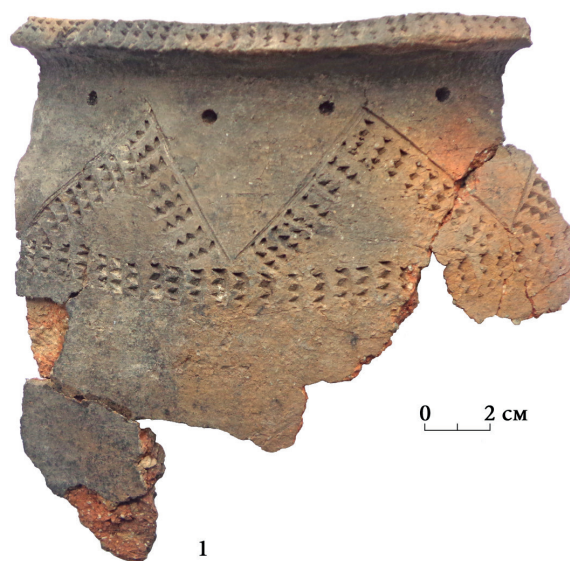

Рис. 3. Керамическая посуда с зубчатым орнаментом: 1 — комплекс археологических памятников Торопово-7А (жилище 1)

Fig. 3. Ceramic dishes with serrated ornaments: 1 — the complex of archaeological sites Toropovo-7A (dwelling 1)

Керамика с зубчатым элементом орнамента была найдена при раскопках многослойного Гурьевского поселения, расположенного на правом берегу р. Малый Бачат, левый приток р. Иня (рис. 1.-6; 2.-22–24). В опубликованных М. Г. Елькиным материалах позднего железного века (X–XI вв.) исследователь выделяет самостоятельный тип керамической посуды, украшенный различными мотивами при помощи штампов зубчатого орнамента (Елькин, 1974, с. 119–129). В дальнейшем средневековые материалы этого поселения с исследуемым орнаментом были датированы разными авторами в пределах XI–XIII вв. (Ширина, 1992, с. 46), XIII–XIV вв. (Адамов, 2000, с. 81), 2-й половиной X — XIII в. (Илюшин, 2001, с. 385).

В верхнем течении р. Иня на северо-западном склоне Караканского хребта в 0,1 км выше современного устья ее правого притока р. Урюп на поселении Усть-Уроп-1 был найден большой фрагмент керамического сосуда с зубчатой орнаментацией (рис. 1.-7; 2.-25). По обрезу обращенного наружу венчика и по плечу были нанесены оттиски отступающей трехзубой гребенки, а в зоне шейки наколоты ямки. Эту находку автор открытия датировал сначала концом I тыс. н. э., а затем поздним средневековьем (Ширина, 2004; 2017, с. 5, рис. 19.-8).

В бассейне среднего и верхнего течения р. Томи исследуемый элемент на средневековой керамической посуде был выявлен на памятниках, расположенных как на главной водной артерии, так и на притоках первого и второго уровня (рис. 1.-8–21).

Большая часть исследуемой керамической посуды была найдена на городище Городок, расположенном на правом высоком берегу р. Томь в восточной части Кузнецкой котловины (рис. 1.-8). Коллекция керамической посуды насчитывает восемь фрагментов, украшенных зубчатым орнаментом в зоне венчика, шейки, плечика и тулова (рис. 4.-1–8). По мнению автора раскопок, эта керамика с городища находит аналогии в большой группе памятников Приобья и Притомья, датируемых достаточно широко в пределах 1-й половины II тыс., но по другим находкам автор исследования сужает датировку памятника до X–XII вв. (Ширина, 2004а, с. 86–90, рис. 4.-1, 6, 9, 12; 5.-12; 6.-1, 2, 5).

Единичный фрагмент керамического сосуда, венчик которого был украшен трезубцем, был найден в первом раскопе на поселении Казанково-5, расположенном на левом берегу р. Томь в 4,5 км к северо-востоку от д. Казанково (рис. 1.-9; 4.-9). Автор раскопок эту находку отнес к комплексу начала II тыс. (Ширина, 1999, с. 26; рис. 2.-24).

На левом берегу р. Ускат, в 0,25–0,3 км к северу от с. Красулино, на поселении Красулино-2 среди подъемных материалов имеются фрагменты керамической посуды, украшенные трезубцем в разном исполнении (рис. 1.-10; 4.-10–13). Средневековые материалы автором открытия были датированы концом I тыс. (Ширина, 2013, с. 25, рис. 18.-1, 2; 19.-1, 3). В 2 км к север-северо-западу от поселения Красулино-2 на поселении Кыргай-1, которое расположено на правом берегу одноименной реки близ ее впадения в р. Ускат в южной части Кузнецкой котловины, были найдены фрагменты посуды, украшенные зубчатым орнаментом (рис. 1.-11; 4.-14–16). На трех фрагментах керамической посуды имеется орнамент в виде двузубца и трезубца. Этот памятник с комбинированным комплексом признаков саратовской и шандинской археологической культур с преобладанием первых был датирован XII–XIII вв. (Зиняков, Илюшин, 2017, с. 38; рис. 5.-1, 2; 7.-41).

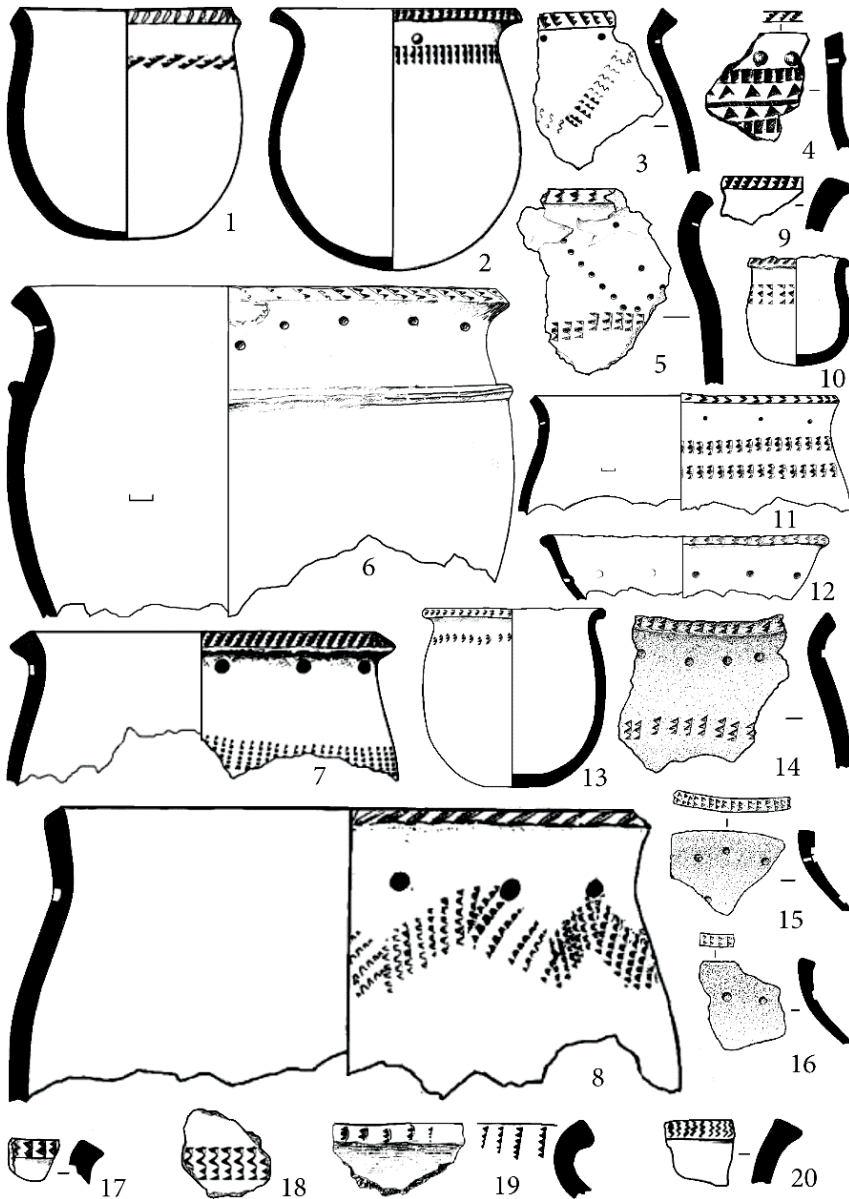

Рис. 4. Находки керамической посуды с зубчатым орнаментом: 1–8 — городище Городок (Ширин, 2004); 9 — поселение Казанково-5 (Ширин, 1999); 10–13 — поселение Красулино-2 (Ширин, 2013); 14–16 — поселение Кыргай-1 (Зиняков, Илюшин, 2017); 17, 18 — поселение Тишинкова-1 (Ширин, 2015); 19 — поселение Аба-1 (Ширин, 2012); 20 — поселение Драгунское (Ширин, 2015)

Fig. 4. Finds of ceramic dishes with serrated ornaments: 1–8 — Gorodok ancient settlement (Shirin, 2004); 9 — Kazankovo-5 settlement (Shirin, 1999); 10–13 — Krasulino-2 settlement (Shirin, 2013); 14–16 — Kyrgyz-1 settlement (Zinyakov, Ilyushin, 2017); 17, 18 — Tishinkova-1 settlement (Shirin, 2015); 19 — Aba-1 settlement (Shirin, 2012); 20 — Dragunskoye settlement (Shirin, 2015)

Исследуемая керамическая посуда была найдена на распаханном участке поселения Тишинкова-1, которое расположено на левом берегу р. Тишинкова (левом притоке р. Томь), в 0,5 км выше устья, в 0,4 км к западу от южной окраины д. Шорохово (рис. 1.-12). В подъемных материалах имеются фрагменты керамического сосуда — вывернутый венчик с уплощенным срезом и плечиком, орнаментированным оттисками пильчатой гребенки (рис. 4.-17, 18). Этот сосуд автор открытия датировал развитым средневековьем (1-я половина II тыс.) (Ширин, 2015, с. 26, рис. 29.-8, 9).

Единичный фрагмент керамической посуды, украшенный зубчатым орнаментом, был найден в долине р. Аба — левого притока р. Томь, в южной части Кузнецкой котловины на поселении Аба-1 (рис. 1.-13). Фрагмент керамического сосуда был орнаментирован пильчатой гребенкой по венчику и внутренней стороне шейки (рис. 4.-19). Эта находка была отождествлена с культурными остатками позднесредневекового поселения (Ширин, 2012, с. 15–16, рис. 8.-1).

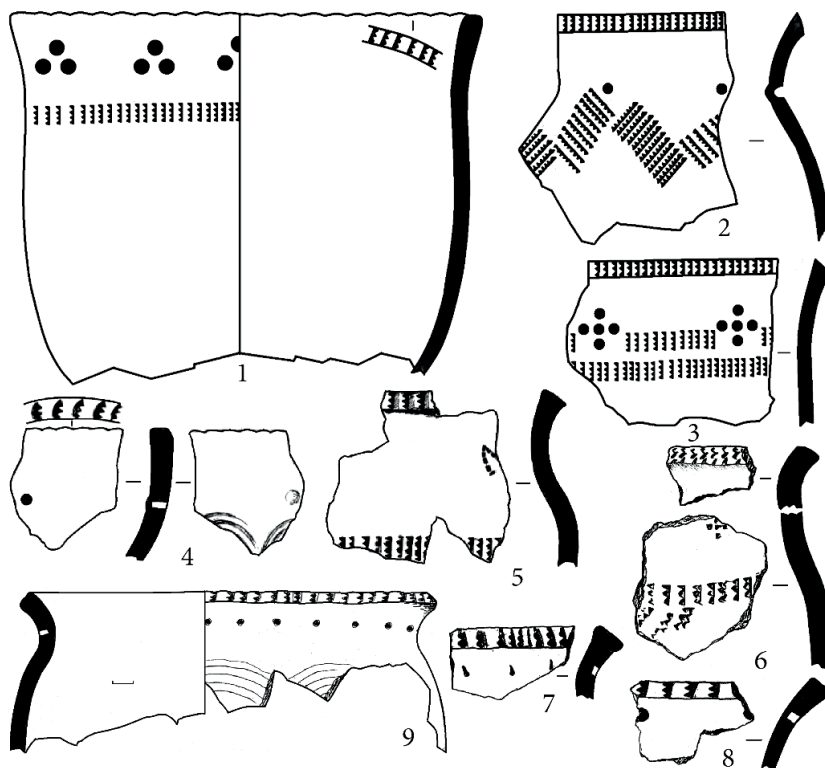

Рис. 5. Находки керамической посуды с зубчатым орнаментом: 1–3 — городище Маяк (Ширин, 1992); 4 — поселение Блиновское-1 (Ширин, 2015); 5 — поселение Прорва-1 (Ширин, 2015); 6 — поселение Юла-1 (Ширин, 2010); 7 — поселение Земелье (Ширин, 2014); 8 — поселение Шодрова-1 (Ширин, 2014); 9 — поселение Усть-Пызас-2 (Ширин, 2014)

Fig. 5. Finds of ceramic dishes with serrated ornaments: 1–3 — Mayak ancient settlement (Shirin, 1992); 4 — Blinovskoye-1 settlement (Shirin, 2015); 5 — Prorva-1 settlement (Shirin, 2015); 6 — Yula-1 settlement (Shirin, 2010); 7 — Zemelye settlement (Shirin, 2014); 8 — Shodrova-1 settlement (Shirin, 2014); 9 — Ust-Pyzas-2 settlement (Shirin, 2014)

Самая большая коллекция керамической посуды с зубчатым элементом орнамента была выявлена при раскопках городища Маяк, расположенного на правом берегу р. Томь в черте г. Новокузнецка (рис. 1.-14). Этот элемент орнамента был нанесен преимущественно на обрезы венчиков, а также зону шейки и плечико-тулово, как правило, горизонтальными линиями, но при этом отдельные фрагменты керамической посуды имели индивидуальные декоративные особенности (рис. 5.-1-3). Средневековый слой памятника исследователи датировали в разных интервалах. У.Э. Эрдниев — VIII–XII вв., Ю. В. Ширин — XI–XIII вв., А. А. Адамов — XIII–XIV вв., А. М. Илюшин — 2-й половиной VIII — XIII в. (Адамов, 2000, с. 81; Илюшин, 2001, с. 385; 2005, с. 30; Ширин, 1992, с. 41, табл. 4, рис. 5.-1, 2, 5; Эрдниев, 1960, с. 44–46, табл. IX.-1, 3, 5; XIII.-9; и др.).

Фрагмент венчика керамической посуды, украшенного пильчатым трезубцем, был обнаружен в верхнем культурном слое на поселение Блиновское-1, которое находится в Кузнецком районе г. Новокузнецка, на правом берегу старицы бывшей протоки р. Томь Иванцевки, в усадьбе домов № 20, 22 по ул. Достоевского, на краю высокой поймы (рис. 1.-15; 5.-4). Эту находку автор открытия связывает с периодом существования Кузнецка в XVII–XVIII вв. (Ширин, 2015, с. 12, рис. 30.-10).

Еще один фрагмент керамического сосуда, венчик которого был украшен пильчатой гребенкой, был найден в подъемных сборах на поселение Драгунское, которое расположено на террасе левого берега р. Томи, в 0,5 км к северо-востоку от Драгунского водозабора (рис. 1.-16; 4.-20). По подъемным сборам поселение было датировано началом II тыс. (Ширин, 2015, с. 9, рис. 29.-5).

Фрагмент сосуда, украшенный зубчатым орнаментом по венчику и тулову, был обнаружен в шурфе на поселение Прорва-1, расположенном на левобережном участке устья р. Прорва, левого притока р. Томь (рис. 1.-17; 5.-5). Материалы из шурфа были отнесены автором открытия к 1-й половине II тыс. (Кимеев, Копытов, 2018, с. 119; Ширин, 2015, с. 8, рис. 28.-5).

На юге Кузнецкой котловины в предгорьях Горной Шории керамика с зубчатым орнаментом была найдена на поселении Юла-1 — в 0,2 км к югу от с. Кузедеево, на левом берегу р. Кондома (левый приток р. Томь), в устье ее левого притока р. Юла (рис. 1.-18; 5.-6). На памятнике были выявлены следы железодельного производства, а также два фрагмента керамического сосуда, украшенные оттисками трезубого орнамента, которые вертикально были нанесены горизонтальными полосами по венчику и плечу сосуда. Автор открытия отмечал, что такая керамика известна в позднесредневековых комплексах Кузнецкой котловины, например на городище Маяк, и имеет аналогии в орнаментации керамики кузнецких татар XVII в. (Кимеев, Копытов, 2018, с. 134; Ширин, 2010, с. 11–12, рис. 15.-2).

На юге Кемеровской области исследуемая керамическая посуда, украшенная зубчатым орнаментом, в единичных экземплярах была найдена на территории Горной Шории, граничащей с Кузнецкой котловиной, в нижнем и верхнем течении р. Мрассу, левом притоке р. Томь (рис. 1.-19–21). Так, на удалении до 50 и 65 км от устья на поселениях Шодрова-1 и Земелье, расположенных на приустьевых террасах одноименных рек на правом и левом берегах р. Мрассу, были обнаружены фрагменты керамической посуды с зубчатым элементом орнамента (рис. 5.-7, 8). Два этих памятника были датированы автором открытия началом II тыс. (Ширин, 2014, с. 16, рис. 5.-3–5). Еще один ке-

рамический сосуд, венчик которого был украшен трезубцем, был найден на поселении Усть-Пызас-2, расположенном на левом берегу р. Мрассу в ее верхнем течении, в 0,2 км от устья р. Пызас (рис. 5.-9). Культурный слой этого памятника с исследуемым керамическим сосудом автор открытия датировал периодом позднего средневековья (XVII — началом XVIII в.) и связывал с шорцами-бирюсинцами (Кимеев, Копытов, 2018, с. 120–121; Ширин, 2014а, с. 19–22, рис. 14.-1).

Исследование источников и обсуждение результатов

Археологические объекты, на которых была найдена керамическая посуда, украшенная зубчатым орнаментом, на территории Кузбасса располагаются в Кузнецкой котловине и Горной Шории (рис. 1.-1–21). Основная масса этих артефактов выявлена в северо-западной, западной, восточной и южной части Кузнецкой котловины и три археологических объекта — на территории Горной Шории. Памятники с керамической посудой, украшенной зубчатым элементом орнамента, расположены в бассейнах двух рек — Томь и Иня, главных водных артерий региона, которые являются правыми притоками р. Обь в ее верхнем течении. В бассейне верхнего и среднего течения р. Иня зубчатый элемент орнамента был выявлен на семи археологических объектах — курганной группе Озерки-5, поселениях Шабаново-5, Шабаново-10, Гурьевское, Усть-Уроп-1 и комплексах археологических памятников Торопово-7 и Торопово-7А (рис. 1.-1–7). Названные археологические памятники располагались, как правило, на притоках первого и второго уровня р. Иня. Наибольшее скопление (4 объекта) было выявлено в долине среднего течения р. Касьма, одного из крупнейших левых притоков р. Иня (рис. 1.-2–5). Из семи археологических объектов лишь поселение Усть-Уроп-1 имеет противоречивую датировку. Сначала оно было датировано концом I тыс., а затем поздним средневековьем (Ширин, 2004; 2017, с. 5). Корреляция датировок остальных памятников указывает на то, что все они (100%) функционировали в XIII в., 67% — в XII в. и 33% — в XIV в. Фиксируется незначительная вероятность существования отдельных объектов в XI и XV вв.

В бассейне верхнего и среднего течения р. Томь зубчатый элемент орнамента был выявлен на 14 археологических объектах, которые расположены неравномерно на этой территории (рис. 1.-8–21). В среднем Притомье исследуемый элемент орнамента представлен лишь на городище Городок (рис. 1.-8). В верхнем Притомье на территории г. Новокузнецка и на удалении от него до 50 км фиксируется скопление из девяти памятников, которые располагаются на разных берегах р. Томь и ее левых притоках первого и второго уровней. В их числе поселения Казанково-5, Красулино-2, Кыргай-1, Тишинкова-1, Аба-1, Блиновское-1, Драгунское, Прорва-1 и городище Маяк (рис. 1.-9–17). Центральное место в этом скоплении объектов, безусловно, занимает городище Маяк — как по географическому положению, так и по количеству находок керамической посуды, украшенной зубчатым элементом орнамента. Географически выделяются поселения Юла-1, Шадрова-1, Земелье и Усть-Пызас-2, которые расположены в бассейнах рек Кондома и Мрассу, являющихся крупными левыми притоками р. Томь, в лесостепном предгорье и тайге Горной Шории (рис. 1.-18–21). Памятники в бассейне р. Томь, на которых была найдена керамическая посуда, орнаментированная зубчатым элементом ор-

намента, датируются в широком хронологическом диапазоне с конца I тыс. до XVIII в. включительно. При корреляции дат памятников выделяются две хронологические группы объектов развитого и позднего средневековья. В развитом средневековье по количеству объектов доминирует XII в. (9 памятников), XI и XIII вв. (по 8 памятников). Вероятно, в XI–XIII в. исследуемый элемент орнамента керамической посуды был популярен и использовался населением верхнего и среднего Притомья. При этом фиксируется вероятность существования отдельных объектов в XIV в. К позднему средневековью (XV — середина XVIII в.), основываясь на опубликованных данных, можно отнести шесть памятников бассейна верхнего течения р. Томь, где исследуемая керамическая посуда представлена единичными экземплярами. Два из них — поселения Блиновское-1 и Усть-Пызас-2 были датированы XVII–XVIII вв.

Таким образом, данные позволяют сделать вывод о том, что зубчатый элемент орнамента керамической посуды появляется и активно используется на территории верхнего и среднего Притомья в XI–XIII в., где затем фиксируется традиция его использования вплоть до XVIII в. В бассейне верхнего течения р. Иня в Кузнецком Присалаирье зубчатый элемент орнамента керамической посуды появляется и активно используется в XII–XIII вв. и сохраняется до XIV в.

Необходимо отметить, что исследуемый элемент орнамента на территории Кузбасса отсутствует в материалах раннего средневековья и железного века. В этой связи возникает вопрос о процессе и механизмах появления этой инновации и превращения ее в традиционную черту культуры аборигенного населения в развитом и позднем средневековье. Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к материалам с сопредельных территорий Верхнего Приобья и южной части Среднего Приобья, где исследуемый элемент орнамента фиксируется на памятниках эпохи средневековья и предшествующего времени.

В Среднем Приобье зубчатый элемент орнамента керамической посуды присутствует в материалах раннего железного века на памятниках кулайской археологической культуры (Чиндина, 1984, рис. 38.-6; 39.-1, 3; 40.-1, 3, 6). Известен он на могильнике Рёлка, датированном концом VI — началом VIII в. «Пильчатая гребенка» как элемент использовалась в 44 (6,4%) случаях при нанесении всех выявленных мотивов украшений на керамической посуде этого памятника (Чиндина, 1977, с. 79, табл. 5). На территории Нарымско-Томского Приобья в материалах рёлкинской археологической культуры VI–IX вв. в группе гребенчатых элементов орнамента фиксируется пильчатый, который автор называет новым. При этом он встречается на керамических сосудах II типа, больше распространенного в северных районах региона (Чиндина, 1991, с. 44, 52, 67, рис. 13).

В Томском Приобье зубчатый элемент орнамента выявлен в единичном случае на керамической посуде из жилища №7 поселения Шеломок-II, датированного V–III вв. до н. э. и отнесенного к кижировской археологической культуре раннего железного века (Плетнева, 1977, с. 42, рис. 10.-5). В этом же регионе зубчатый элемент орнамента выявлен на керамической посуде из погребальных памятников Тимирязевского курганного могильника I и могильника у Архиерейской заимки, датированных авторами публикации в пределах VI–VIII вв. и соотносимых с одинцовской археологической культурой раннего средневековья. Этот элемент орнамента не был выделен авторами

в качестве самостоятельного и был включен в разновидность оттисков гребенчатого штампа (Беликова, Плетнева, 1983, с. 89–96, 123, рис. 5.-5, 12; 6.-3; 18.-10; 23.-1; 27.-2; 35.-3; 36.-4; 47.-2; 50.-3; 78.-12). В развитом средневековье этот элемент орнамента единично встречается в погребальных памятниках басандайской археологической культуры (Гриневич, 1948, с. 146, табл. 15.-1; Плетнева, 1997, рис. 84.-1; 145.-4). Он встречен на могильнике Шайтан-II, предварительно датированном XIII–XIV вв. (Зайцева, Капитонова, 2003, с. 15–18, рис. 3.-1), на Тягловском могильнике X–XIII — XIV вв. (Боброва, Петрова, 1993, с. 97–112, рис. 6.-13; 7.-5, 10), на селище Золотая Горка в керамике I и II групп, датированных XI–XIV вв. и XVI — началом XVII в., связанных с тюркским и селькупским компонентом (Яковлев, Мец, 1993, с. 129–151, рис. 6.-2; 7.-10). Продолжает он бытовать в этом регионе и в позднем средневековье. Этим элементом орнамента в XVI–XVII вв. местные жители, занимаясь домашним гончарным производством, украшали зоны венчика, шейки и тулова (Плетнева, 1990, с. 13, 71–72, 99–101, 111, рис. 9.-1, 8; 10.-2; 53.-13; 54.-4).

В соседнем с Томским Приобьем регионом Среднее Причулымье зубчатый элемент орнамента был в единичных случаях зафиксирован на керамических сосудах из жилища 4 на поселение Городекское-1 и в яме около кургана №40 Змеинкинского курганного могильника. Объекты были датированы концом I — началом II тыс. и серединой XI — XIII в. и отнесены к среднечулымскому варианту культуры енисейских кыргызов (Беликова, 1996, с. 5, 23, 100, 136, рис. 23.-1; 103.-6).

На территории Новосибирского Приобья зубчатый элемент орнамента в единичных случаях зафиксирован на керамической посуде раннего железного века на памятниках, относимых ранее к большебереченской (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XLIX.-28) и кулайской археологической культуре (Троицкая, 1979, табл. XXII.-10; XXVI.-8; XXXII.-10; XXXIII.-2; XXXV.-11; XXXVI.-4; XXXVII.-6). В раннем средневековье на памятниках верхнеобской культуры исследуемый элемент в этом регионе не встречается (Троицкая, Новиков, 1998, с. 60–66). Зато он известен здесь на керамической посуде памятников сrostкинской археологической культуры в X–XIV вв. При этом если в X–XII вв. он представлен в 13 случаях (5,8% от всех выявленных элементов), то в XIII–XIV вв. известно 27 находок, что составляет 35,5% от всей совокупности элементов, выявленных на керамической посуде, датированной этим временным отрезком (Адамов, 2000, табл. 4).

В лесостепном Алтае на территории Барнаульско-Бийского Приобья единичные фрагменты керамической посуды с зубчатым элементом орнамента встречаются на памятниках кулайской культуры раннего железного века и в раннем средневековье на памятниках залесовского типа и одинцовской культуры (Иванов, 1991, с. 120–121, рис. 1; Казаков, 2014, с. 34, 53, 54, рис. 26; 39; 42; 43; 44; 2024, рис. 10.-3; 34.-2, 4, 5; Сайберт, 2022; и др.). В большом количестве зубчатый элемент орнамента в этом регионе фиксируется на поселениях и единично встречается на погребальных памятниках сrostкинской археологической культуры. Появившись на инском этапе сrostкинской культуры (2-я половина VIII — 1-я половина IX в.), он количественно преобладает на памятниках шадринцевского (2-я половина X — 1-я половина XI в.) и змеевско-го (2-я половина XI–XII в.) этапов. Зубчатый элемент орнамента был отнесен к показа-

тельными признакам сrostкинской керамической посуды на территории лесостепного Алтая (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 219–228, рис. 2.-1, 12; 2.-1, 3, 4, 6, 10, 14–20; 3.-9–12, 14, 15, 17; 4.-3, 4; 5.-1, 2, 4–6, 8–12). Надо отметить, что этот элемент орнамента на поселении Ближние Елбаны-II и городище Елбанка исследователями был отнесен к змеевскому этапу (2-я половина XI — XII в.) сrostкинской археологической культуры Алтая (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 221). Однако авторы раскопок отождествляли эти материалы с комплексами, датируемыми XII–XIII вв. и XII–XIV вв. (скорее всего, даже XIII–XIV вв.). На первом памятнике это единичная находка, а на втором — зубчатый штамп украшает 43% керамической посуды обозначенного культурно-хронологического комплекса, который был интерпретирован как постсrostкинский (Абдулганеев, 2001, с. 76, рис. 4.-1, 3, 5, 8; Грязнов, 1956, с. 156, табл. LIX.-10; Тишкин, 2009, с. 72–73, рис. 38.-1, 2, 4, 5).

Приведенные аналогии с сопредельных территорий современного Кузбасса указывают на то, что традиция использования зубчатого элемента орнамента появляется на территории Среднего и Верхнего Приобья в эпоху раннего железного века и с большой долей вероятности связана с носителями кулайской археологической культуры. Эта традиция непрерывно функционировала до позднего средневековья на территории Томского Приобья. В Новосибирском Приобье она фиксируется в раннем железном веке и материалах сrostкинской археологической культуры X–XIV вв. На территории Барнаульско-Бийского Приобья она частично прослеживается в раннем железном веке (кулайская культура) и раннем средневековье (одинцовская культура и залецовский тип памятников) и достаточно полно представлена в материалах сrostкинской археологической культуры во 2-й половине VIII — XII в., а также в постсrostкинских материалах XII–XIV вв. На территории Кузнецкой котловины и Горной Шории, составных частях Верхнего Приобья, эта традиция появляется и функционирует в шандинской археологической культуре развитого средневековья (XI–XIV вв.) и фиксируется в позднем средневековье.

Таким образом, зубчатый элемент орнамента является общим для всех территорий Верхнего Приобья лишь в развитом средневековье, а в другие хронологические периоды его локализация варьирует. Именно в развитом средневековье он получает в этом регионе наиболее широкое распространение в материалах сrostкинской, басандайской и шандинской археологических культур. Все названные выше археологические культуры связаны с миграцией кимако-кыпчакских (тюркских, не исключено, и монгольских) этнических групп и их смешением с местным (гипотетично самодийским) населением.

Логично предположить, что появление мигрантов в Верхнем Приобье стимулировало и дало импульс развитию вялотекущей традиции использования зубчатого элемента в орнаментации керамической посуды. Последнее могло случиться в результате разных процессов.

Во-первых, у мигрантов тоже была такая традиция, что и стимулировало ее всплеск. Однако на керамической посуде, соотносимой с кимакскими и кыпчакскими комплексами конца I тыс. — начала II тыс. на территории Восточного и Центрального Казахстана, исследуемый элемент орнамента отсутствует. Он зафиксирован лишь в Бобровском могильнике из лесостепного Павлодарского Прииртышья, где был использован

для составления различных мотивов и композиций. Этот памятник расположен на одной широте с Новосибирским Приобьем (рис. 1) и, по мнению автора раскопок, является результатом смешения местных этнографических групп, носителей традиций изготовления и украшения керамической посуды, и кимаков (Арсланова, 1980, с. 79–103, рис. 3.-1; 5.-1, 2; 8.-8, 23; 9.-4; 10.-7, 9, 16). К северу от этого памятника в южнотаежном Прииртышье в материалах усть-ишимской археологической культуры X–XIII вв. фиксируется традиция использования зубчатого элемента орнамента для украшения поселенческой и погребальной керамической посуды, которая корнями связана с потчевашской и кулайской археологической культурой (Коников, 1993, с. 122–128, рис. 5.-1, 2, 10; 13.-3; 24.-4; 27.-4; 28.-1, 5, 6; 32.-1; 35.-10). Не исключено, что уже смешанное население лесостепного Прииртышья, выявленное в Бобровском могильнике, со своими традициями могло мигрировать на территорию Верхнего Приобья в развитом средневековье, тем более что движение кыпчаков в этот период фиксируется как на запад, так и на восток (Илюшин, 2016б, с. 15–19). Косвенным подтверждением этого сценария являются три миграционные волны на территорию Кузнецкой котловины и дробная периодизация сrostкинской археологической культуры на Алтае и в Новосибирском Приобье.

Во-вторых, мигранты на территории Верхнего Приобья испытывали недостаток женского пола, брали в жены местных женщин или с удаленных на север территорий, где фиксируется устойчивая традиция использования этого элемента орнамента. С учетом того, что изготовление керамической посуды относится к домашнему ремеслу, которым занимались женщины (Илюшин, 2005, с. 169), это могло привести к появлению традиции украшать керамическую посуду зубчатым элементом орнамента. В качестве транспортных артерий для налаживания родственных контактов и проникновения инноваций выступали степи и река Обь с ее притоками, что уже отмечалось исследователями (Троицкая, 2006, с. 56–61).

В-третьих, вполне возможно, что появление мигрантов в Верхнем Приобье на рубеже I–II тыс. могло спровоцировать встречную миграцию носителей исследуемого элемента орнамента с севера на юг для защиты своих экономических интересов, и прежде всего сырьевых ресурсов. Косвенно на это указывают обстоятельства находок керамики с зубчатым элементом орнамента в Кузбассе на средневековых городищах (Городок, Маяк) и поселениях (Шабаново-5, Гурьевское, Казанково-5, Юла-1, Земелье, Усть-Пызас-2), в культурном слое которых фиксируются находки остатков железоплавильного производства (Елькин, 1974; Ширин, 1999, с. 26–27; 2004а, с. 84–85; 2010, с. 10–11; 2014, с. 16; 2014а, с. 22; Эрдниев, 1960, с. 50; и др.). В пользу выказанного предположения указывает факт появления городищ в Кузнецкой котловине на берегу р. Томь, что не было характерно для населения этого региона в предшествующий период. Известно, что юг Кузбасса имел богатую железорудную базу в виде бурых железняков Горной Шории и Салаирского кряжа, выходы железняков на территории близ Кузнецка и в болотах (Эрдниев, 1960, с. 47). Последнее позволяет высказать гипотезу, что исследуемый элемент орнаментации керамической посуды мог выполнять функцию маркера населения, профессионально занимающегося железоделательным производством с раннего железного века до позднего средневековья на территории Верхнего и юга Среднего Приобья.

В-четвертых, не исключено, что все вышеназванные процессы могли иметь место как одновременно на всех территориях Верхнего Приобья, так и поступательно в близких временных интервалах с конкретным учетом индивидуальных географических, социокультурных и экономических особенностей каждого региона.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что керамическая посуда, украшенная зубчатым элементом орнамента, на территории Кузбасса выявлена на 21 археологическом памятнике. Картографирование этих памятников свидетельствует об их привязке к предгорьям Салаирского кряжа и Караканского хребта в бассейне р. Иня, а также Кузнецкого Алатау и Горной Шории в бассейне р. Томь, в местах богатых железной рудой. На территории Кузбасса зубчатый элемент орнамента появляется и активно используется в развитом средневековье, преимущественно на археологических объектах, где фиксируются следы железоделательного производства. Эта традиция в регионе продолжается до позднего средневековья. Вопрос о генетических корнях традиции использования зубчатого элемента орнамента остается открытым. На сегодня можно предполагать, что этот элемент орнамента появляется на территории Среднего Приобья в эпоху раннего железного века, а затем поступательно распространяется в регионах Верхнего Приобья и связан с носителями кулайской археологической культуры. Наиболее вероятно его появление в Кузбассе в развитом средневековье и на сопредельных территориях Верхнего Приобья на рубеже I–II тыс., что связано со сложными и многоступенчатыми миграционными процессами, а также освоением в этом регионе Западной Сибири сырьевых ресурсов для железоделательного производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдуганеев М. Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 6. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. С. 74–81.

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.

Арсланова Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 79–104.

Беликова О. Б. Среднее Причуйское в X–XIII вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 244 с.

Бобров В. В., Васютин А. С., Зимин А. А. Орнаментация поздней верхнеобской керамики из курганных могильников калтышинского археологического микрорайона (Кузнецкая котловина) // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 209–213.

Боброва А. И., Петрова Н. В. Тягловский могильник // Археологические исследования в Томском Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 97–112.

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII — первой половине XI в. н. э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Кунгуров А. Л. Поселения сrostкинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4. С. 218–229.

Гриневиц К. Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Полиграфиздат, 1948. С. 141–147.

Грязнов М. П. Древняя история племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 198 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 48)

Елькин М. Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 5. Кемерово: КемГУ, 1974. С. 119–129.

Зайцева О. В., Капитонова М. А. Предварительные итоги исследования Шайтанского археологического микрорайона (к археологической карте Кожевниковского района Томской области) // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 15–18.

Зиняков Н. М., Илюшин А. М. Поселение Кыргай-1 в Среднем Притомье как памятник эпохи средневековья // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 5. С. 35–50.

Иванов Г. Е. Поселение Бочанцево 1 — памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 117–122.

Илюшин А. М. Отчет об аварийных археологических раскопках на территории села Шабаново Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1999 году. Кемерово, 2000. 49 с.

Илюшин А. М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2000 году. Кемерово, 2001. 96 с.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А. М. Позднесредневековая керамика Кузнецкой котловины как показатель этнокультурных процессов // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XVI. Томск: ТМА-Пресс, 2010. С. 55–60.

Илюшин А. М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 64–69.

Илюшин А. М. Новые материалы о местах проживания населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 92–98.

Илюшин А. М. Поселение Шабаново-5 как объект культурного наследия средневекового населения Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 98–104.

Илюшин А. М. Курганная группа Озерки-5 (классификация и типолого-хронологический анализ материалов) // Интеграция современных научных исследований в развитие общества. Т. I. Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016а. С. 13–15.

Илюшин А. М. Западные и восточные кипчаки по материалам археологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016б. № 5 (43). С. 15–19.

Илюшин А. М. Отчет об спасательных археологических раскопках на выявленном объекте археологического наследия Торопово-7А в 2018 году в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Кемерово, 2019. 91 с.

Илюшин А. М. Раскопки на Торопово-7А в касьминском археологическом микрорайоне // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г.: Вып. 14. Барнаул: АлтГПУ, 2019а. С. 47–53.

Илюшин А. М., Борисов В. А. Исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: археология. Вып. 11. Т. 2. Павлодар: ПГПИ, 2017. С. 85–91.

Илюшин А. М., Онищенко С. С. Средневековое жилище с погребом на комплексе археологических объектов Торопово-7А в Кузнецкой котловине // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 2. С. 9–35. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).—01](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).—01)

Казаков А. А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с.

Казаков А. А. Культурогенетические и миграционные процессы на территории лесостепного Алтая в I в. до н. э. — VIII в. н. э. (по археологическим источникам): дис. ... д-ра ист. наук. Т. 2. Приложения. Барнаул, 2024. 206 с.

Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.

Коников Б. А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск: ОГПИ, 1993. 176 с.

Окунева И. В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 36–64.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 142 с.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1990. 134 с.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Сайберт В. О. Городища лесостепного Алтая (по материалам археологических памятников II — первой половины VIII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 281 с.

Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 124 с.

Троицкая Т. Н. Степи и реки как средство связи общества: (на примере Западной Сибири) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. С. 56–61.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 194 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 193 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 181 с.

Ширин Ю. В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 36–50.

Ширин Ю. В. Многослойное поселение Казанково V // Кузнецкая старина. Вып. 4. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. С. 25–44.

Ширин Ю. В. Древности Беловского района: их историко-культурный потенциал, проблемы использования и охраны // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. Кемерово: Изд-во Ин-та угля и углехимии СО РАН, 2004. Т. 1. С. 374–388.

Ширин Ю. В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк: Изд-во Кузнецкая крепость, 2004а. С. 69–112.

Ширин Ю. В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // Из кузнецкой старины. Вып. 1. Новокузнецк: Полиграфист, 2010. С. 4–42.

Ширин Ю. В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Абы // Из кузнецкой старины. Вып. 3. Новокузнецк: Полиграфист, 2012. С. 11–33.

Ширин Ю. В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Ускат // Из кузнецкой старины. Вып. 4. Новокузнецк: Полиграфист, 2013. С. 19–55.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок на р. Мрассу от Хомутовских порогов до устья // Из кузнецкой старины. Вып. 5. Новокузнецк: Полиграфист, 2014. С. 4–18.

Ширин Ю. В. Древние поселения верхнего течения р. Мрассу и шорцы-бюрисинцы // Из кузнецкой старины. Вып. 5. Новокузнецк: Полиграфист, 2014а. С. 19–43.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок на р. Томь // Из кузнецкой старины. Вып. 6. Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2015. С. 4–75.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок в бассейне р. Ини // Из кузнецкой старины. Вып. 7. Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2017. С. 4–42.

Эрдниева У. Э. Городище Маяк. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1960. 68 с.

Яковлев Я. А., Мец Ф. И. Селище Золотая Горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н. э. // Археологические исследования в Томском Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 129–151.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. Cultural and Chronological Complexes of the Yelbank Settlement In: The Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archeology №6. Gorno-Altajsk: Izd-vo GAGU, 2001. Pp. 74–81. (*In Russ.*)

Adamov A. A. Novosibirsk Priobje in the 10th–14th Centuries. Tobolsk; Omsk: Izd-vo OmGPU, 2000. 256 p. (*In Russ.*)

Arslanova F. H. Ceramics of Early Medieval Burial Mounds of Kazakhstan's Irtysh region. In: Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 79–104. (*In Russ.*)

Belikova O. B. Middle Prichulymye in the 10th–13th Centuries. Tomsk: Izd-vo TGU, 1996. 272 p. (*In Russ.*)

Belikova O. B., Pletneva L. M. The Sites of the Tomsk Region in the 5th–8th Centuries A. D. Tomsk: Izd-vo TGU, 1983. 244 p. (*In Russ.*)

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Zimin A. A. Ornamentation of Late Upper Ob Ceramics from the Burial Mounds of the Kaltyshinsky Archaeological Microdistrict (Kuznetsk basin). In: Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XV. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2009. Pp. 209–213. (*In Russ.*)

Bobrova A. I., Petrova N. V. Tyaglovsky Burial Ground. In: Archaeological Research in the Tomsk Region. Tomsk: Izd-vo TGU, 1993. Pp. 97–112. (*In Russ.*)

Vasyutin A. S., Vasyutin S. A., Onishchenko S. S. Kaltyshinsky Archaeological Microdistrict in the Late 8th — First Half of the 11th Centuries A. D.: Nature and Culture (steppe region). Kemerovo: OFSET, 2012. 213 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Kungurov A. L. Settlements of the Srostkin Culture in the Territory of the Forest-Steppe Altai: Identification Features. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*. 2016;4:218–229. (*In Russ.*)

Grinevich K. E. The Experience of Classification and Dating of the Basandai Ceramics. In: Basandaika: Collection of Materials and Research on the Archaeology of the Tomsk Region. Tomsk: Poligrafizdat, 1948. Pp. 141–147. (*In Russ.*)

Griaznov M. P. The Ancient History of the Upper Ob Tribes from the Excavations near the Village of Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 198 p. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. №48) (*In Russ.*)

Elkin M. G. Late Iron Age Settlement Guryevsk. In: News of the Laboratory of Archaeological Research. Issue 5. Kemerovo: KemGU, 1974. Pp. 119–129. (*In Russ.*)

Zaitseva O. V., Kapitonova M. A. Preliminary Results of the Study of the Shaitan Archaeological Microdistrict (to the archaeological map of the Kozhevnikovskiy district of the Tomsk region). In: Archaeological and Ethnographic Research in the Southern Taiga Zone of Western Siberia. Tomsk: Izd-vo TGU, 2003. Pp. 15–18. (*In Russ.*)

Zinyakov N. M., Ilyushin A. M. The Kyrgai-1 Settlement in the Middle Tom Region as a Site of the Middle Ages. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanica" = Scientific Notes of the "Tomsk Pisanitsa" Museum-Reserve*. 2017;5:35–50. (*In Russ.*)

Ivanov G. E. The Settlement of Bochantsevo 1 is a Site of the Kulai Culture in Steppe Altai. In: Protection and Research of Archaeological Sites of Altai. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1991. Pp. 117–122. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Report on Emergency Archaeological Excavations on the Territory of the Shabanovo Village, Leninsk-Kuznetsky District, Kemerovo Region in 1999. Kemerovo, 2000. 49 p. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Report on Emergency Archaeological Excavations of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition in 2000. Kemerovo, 2001. 96 p. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Ethnocultural History of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2005. 240 p. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Late Medieval Ceramics of the Kuznetsk Basin as an Indicator of ethnocultural Processes. In: Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore. Vol. XVI. Tomsk: TML-Press, 2010. Pp. 55–60. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Study of Family Cult Sites of Eastern Kypchaks on Toropovo-7 in the Kuznetsk Basin. In: Field Research in the Upper Priobye, Irtyshye and Altai. 2013: Archaeology, Ethnography, Oral History. Issue 9. Pavlodar: PGPI, 2014. Pp. 64–69. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. New Materials about the Places of Residence of the Population of the Kuznetsk Basin in the Developed Middle Ages. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXI. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 92–98. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Settlement Shabanovo-5 as an Object of Cultural Heritage of the Medieval Population of the Kuznetsk Basin. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXVII. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016. Pp. 98–104. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Kurgan group Ozerki-5 (classification and typological and chronological analysis of materials). In: Integration of Modern Scientific Research into the Development of Society. Vol. I. Kemerovo: ZapSibNC, 2016a. Pp. 13–15. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Western and Eastern Kipchaks Based on the Materials of Archaeology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2016b;5(43):15–19. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Report on Rescue Archaeological Excavations at the Identified Toropovo-7A Archaeological Heritage Site in 2018 in the Leninsk-Kuznetsk District of the Kemerovo Region. Kemerovo, 2019. 91 p. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. Excavations at Toropovo-7A in the Kasminsky Archaeological Microdistrict. In: Field Research in the Upper Priobye, Irtyshye and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology). 2018: Issue 14. Barnaul: AltGPU, 2019a. Pp. 47–53. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M., Borisov V. A. Research on the Complex of Archaeological Sites Toropovo-7. In: Field Research in the Irtysh Region, the Upper Ob Region and Altai in 2015: Archaeology. Issue 11. Vol. 2. Pavlodar: PGPI, 2017. Pp. 85–91. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M., Onishchenko S. S. Medieval Dwelling with a cellar on the Complex of Archeological Objects Toropovo-7A in the Kuznetsk Basin. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):9–35. (*In Russ.*). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).—01](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).—01)

Kazakov A. A. Odintsov Culture of the Barnaul-Bijskoye Priobie. Barnaul: Barnaul'skiy yuridicheskij institut MVD Rossii, 2014. 152 p. (*In Russ.*)

Kazakov A. A. Cultural and Migration Processes on the Territory of the Forest-Steppe Altai in the 1st Century BC — 8th century AD (Based on Archaeological Sources): dis. ... Doc. Hist. Sciences. T. 2. Appendices. Barnaul, 2024. 206 p. (*In Russ.*)

Kimeev V. M., Kopytov A. I. Gornaya Shoria: History and Modernity. Historical and Ethnographic Sketches. Kemerovo: Primula, 2018. 600 p. (*In Russ.*)

Konikov B. A. Tayozhnoe Priirtyshye in the 10th–13th Centuries A. D. Omsk: OGPI, 1993. 176 p. (*In Russ.*)

Okuneva I. V. The Lachinovskaya Culture. In: The Sites of the Early Middle Ages Kuznetsk Basin. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. Pp. 36–64. (*In Russ.*)

Pletnyova L. M. Tomsk Priobye at the End of the 8th–3rd Centuries BC. Tomsk: Izd-vo TGU, 1977. 142 p. (*In Russ.*)

Pletnyova L. M. Tomsk Priobye in the late Middle Ages (according to Archaeological Sources). Tomsk: Izd-vo TGU, 1990. 134 p. (*In Russ.*)

Pletnyova L. M. Tomsk Priobye in the Beginning of the 2nd Millennium AD. (according to Archaeological Sources). Tomsk: Izd-vo TGU, 1997. 350 p. (*In Russ.*)

Saybert V. O. The Settlement of Forest-Steppe Altai (Based on the Materials of Archaeological Sites in the 2nd — the First Half of the 8th cc.): Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul, 2022. 281 p. (*In Russ.*)

Tishkin A. A. Altai in Mongolian Time (Based on the Materials of Archeological Sites). Barnaul: Azbuka, 2009. 208 p. (*In Russ.*)

Troitskaya T. N. Kulai Culture in the Novosibirsk Priobye. Novosibirsk: Nauka, Sib. otdnie, 1979. 124 p. (*In Russ.*)

Troitskaya T. N. Steppes and Rivers as a Means of Communication of Society: (Based on Western Siberia). In: Study of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia. Issues 3–4. Gorno-Altajsk: AKIN, 2006. Pp. 56–61. (*In Russ.*)

Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. The Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Priobye. Novosibirsk: Nauka, 1994. 194 p. (*In Russ.*)

Troitskaya T. N., Novikov A. V. Upper Ob Culture in the Novosibirsk Priobye. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p. (*In Russ.*)

Chindina L. A. The Relka Burial Ground on the Middle Ob. Tomsk: Izd-vo TGU, 1977. 193 p. (*In Russ.*)

Chindina L. A. The Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age. Tomsk: Izd-vo TGU, 1984. 256 p. (*In Russ.*)

Chindina L. A. The History of the Middle Ob Region in the Middle Ages. Tomsk: Izd-vo TGU, 1991. 181 p. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. Ornamentation of Medieval Ceramics of Southern Kuzbass. In: Ornament of the Peoples of Western Siberia. Tomsk: Izd-vo TGU, 1992. Pp. 36–50. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. Multilayer Settlement Kazankovo V. In: Kuznetsk Antiquity. Issue 4. Novokuznetsk: Kuzneckaya krepost', 1999. Pp. 25–44. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. Antiquities of Belovo District: Their Historical and Cultural Potential, Problems of Use and Protection. In: Proceedings of the Kuzbass Complex Expedition. The Belovsky, Yashkinsky, Tashtagolsky Districts of the Kemerovo Region. Kemerovo: Izd-vo In-ta uglya i uglehimii SO RAN, 2004. Vol. 1. P. 374–388. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. The “Gorodok” Settlement and Its Surroundings in ancient Times. In: Kuznetsk Antiquity. Issue 6. Novokuzneck: Kuzneckaya krepost', 2004a. Pp. 69–112. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. The Results of Archaeological Exploration in the Kondoma River Basin. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 1. Novokuzneck: Poligrafist, 2010. Pp. 4–42. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. The Results of Archaeological Exploration in the Basin of the Aby River. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 3. Novokuzneck: Poligrafist, 2012. Pp. 11–33. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. The Results of Archaeological Exploration in the Basin of the Uskat River. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 4. Novokuzneck: Poligrafist, 2013. Pp. 19–55. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. Materials of Archaeological Exploration on the Mrassa River from the Khomutovsky Rapids to the Mouth. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 5. Novokuzneck: Poligrafist, 2014. Pp. 4–18. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. Ancient Settlements of the Upper Reaches of the Mrassu River and Shortsy-Byurisintsy. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 5. Novokuzneck: Poligrafist, 2014a. Pp. 19–43. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. Materials of Archaeological Exploration on the Tom River. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 6. Novokuzneck: Lotus-Press, 2015. Pp. 4–75. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. Materials of Archaeological Exploration in the Basin of the Ini. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 7. Novokuzneck: Lotus-Press, 2017. Pp. 4–42. (*In Russ.*)

Erdniev U. E. The Mayak Settlement. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, 1960. 68 p. (*In Russ.*)

Yakovlev Ya. A., Metz F. I. The Village of Zolotaya Gorka (on Raising the Question of the Ethnic Situation in the Tomsk Region of the 2nd millennium A. D.). In: Archaeological Research in the Tomsk Region. Tomsk: Izd-vo TGU, 1993. Pp. 129–151. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, директор Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева, Кемерово, Россия.

Andrey M. Ilyushin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Humanitarian Research Center of the Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025;

одобрена после рецензирования 18.05.2025;

принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 27.02.2025;

approved after reviewing 18.05.2025;

accepted for publication 16.06.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 902.2(571.151)«638»

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-02)

EDN: TQWDVA

ПАМЯТНИКИ АЛТАЙСКОГО ВАРИАНТА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИТКУЛЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Александр Альбертович Казаков^{1*}, Ольга Михайловна Казакова²

¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;

kaa-2862@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

kazakova-olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3159-1950>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье впервые обобщены неопубликованные материалы алтайского варианта кулайской культуры из иткульского археологического микрорайона. Из 56 известных в этом микрорайоне памятников 10 можно отнести к алтайскому варианту кулайской культуры. Еще пять относятся достаточно условно, лишь на основе их планиграфических особенностей, которые для памятников этого культурно-хронологического круга являются достаточно устойчивыми. Несмотря на хорошую изученность памятников, материалы с некоторых из них не были опубликованы. В работе впервые вводятся в научный оборот материалы с многослойных нестратифицированных памятников, которые были выделены на основе типологического анализа (Костенкова Избушка, Коровья Пристань-3, Дергач и Озерки Восточные). В более крупном масштабе перепубликуются материалы поселения Малый Иткуль-1/3, так как их первоначальная публикация не отражала особенностей этого комплекса. На основании анализа материалов делается вывод о массовом заселении берегов озер Большой и Малый Иткуль и бассейна реки Иткуль представителями алтайского варианта кулайской культуры на фоминском этапе, в начале II в. Наличие ранних саровских элементов в керамическом комплексе свидетельствует о знакомстве населения алтайского варианта кулайской культуры с этим регионом и на более раннем, саровском этапе.

Ключевые слова: памятник, керамика, археологический микрорайон, озеро Иткуль, алтайский вариант кулайской культуры

Для цитирования: Казаков А.А., Казакова О.М. Памятники алтайского варианта кулайской культуры иткульского археологического микрорайона // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 32–47. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-02)

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE ALTAI VARIANT OF THE KULAIKAYA CULTURE IN THE ITKUL LAKE AREA

Aleksandr A. Kazakov^{1*}, Olga M. Kazakova²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia;

kaa-2862@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

²Altai State University, Barnaul, Russia;

kazakova-olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3159-1950>

*Corresponding Author

Abstract. The article summarizes all the materials of the Altai variant of the Kulaiskaya culture from the Itkul archaeological microdistrict for the first time. Out of 56 sites known in this area, 10 can be attributed to the Altai variant of the Kulaiskaya culture. Five more might also be related but only according to their planographic features, which are quite stable for the sites of such cultural and chronological attribution. Even though the sites are well-known, materials from some of them have not been published yet. For the first time, the article introduces scientific circulation materials from multilayer non-stratified sites, which were identified on the basis of typological analysis (Kostenkova Izbushka, Korovyva Pristan-3, Dergach and Ozerki Vostochnye). The materials of the Malyi Itkul-1/3 settlement are republished on a larger scale, since their initial publication did not reflect the features of the complex. Based on the analysis of the materials, a conclusion has been drawn about the massive settlement of the shores of Bolshoi and Malyi Itkul Lakes and the Itkul River basin by representatives of the Altai variant of the Kulaiskaya culture at the Fominskii stage, in early 2nd century. The presence of early Sarovskii elements in the ceramic complex indicates that the population of the Altai variant of the Kulaiskaya culture was familiar with the region at an earlier, Sarovskii stage.

Keywords: site, ceramics, archaeological microdistrict, Itkul Lake, Altai variant of the Kulaiskaya culture

For citation: Kazakov A.A., Kazakova O.M. Archaeological Sites of the Altai Variant of the Kulaiskaya Culture in the Itkul Lake Area. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):32–47. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-02)

Введение
Иткульский археологический микрорайон является одним из наиболее известных в лесостепном Алтае (Абдулганеев и др., 2003). Несмотря на это, комплексного исследования этого феномена до сих пор не проведено (Казakov, 2020, с. 618). Исследователи, занимающиеся изучением различных культурно-хронологических периодов, постоянно обращаются к материалам с памятников, расположенных на берегах озер Большой и Малый Иткуль (сейчас чаще эти озера называют Уткуль) и истока р. Иткуль (Уткуль) до с. Комарово, которые и составляют этот микрорайон.

Не вдаваясь в интерпретацию этого топонима, можно говорить, что название озера Иткуль обозначает «священное озеро» (Воробьева, Малолетко, Розен, 1980, с. 74, Молчанова, 1979, с. 70, 189, Кадилов, 1993, с. 5). Вариант Уткуль является более поздней его трансформацией. Вероятно, это объясняется народно-этимологическим сближением с русским словом «утка». Изначальное название озера — Иткуль. Учитывая, что язык — явление живое и постоянно эволюционирующее, следует признать правомерность и второго названия озера, которое в настоящее время более употребимо: Уткуль. В данной работе будем пользоваться изначальным названием.

В этом микрорайоне известно 56 памятников, представляющих различные культурно-хронологические периоды, начиная с неолита и до позднего средневековья (Абдулганеев и др., 2003, с. 60). Среди них имеются и памятники, содержащие материалы алтайского варианта кулайской культуры. Целью настоящей работы является выделение этих памятников, их краткая характеристика и введение в научный оборот не опубликованных ранее материалов.

Из 56 известных памятников 10 можно отнести к алтайскому варианту кулайской культуры. Все они представлены различными типами поселений (с ограничительны-

ми линиями, без ограничительных линий, типологически выделенные из многослойных памятников). Это Городище-1, Городище-3, поселения Малый Иткуль-1/3 (ПМИ-1/3), Дергач, Комарово-1, Комарово-5, Коровья Пристань-3 (КП-3), Корчажка-5, Костенкова Избушка (КИ) и Озерки Восточные (ОВ).

Еще пять памятников различными авторами предварительно отнесены к алтайскому варианту кулайской культуры условно. К ним относятся городище Малый Иткуль-3 (ГМИ-3) (Абдулганеев и др., 2003, с. 54), городище Малый Иткуль-4 (ГМИ-4) (Казаков, Абдулганеев, 1994, с. 331; Абдулганеев и др., 2003, с. 54), Городище-7 (Казаков, Абдулганеев, 1994, с. 331; Абдулганеев и др., 2003, с. 59), Городище-8 (Казаков, Абдулганеев, 1994, с. 331; Абдулганеев и др., 2003, с. 59), городище Городище-9 (Абдулганеев и др., 2003, с. 59). Эти памятники обследованы лишь визуально, с них сняты глазомерные планы. Основанием для их предварительной культурно-хронологической атрибуции послужили лишь планиграфические особенности. Собранный на их площади подъемный материал, представленный крайне немногочисленными коллекциями сильно фрагментированной керамики без орнамента (1–5 мелких фрагментов), не позволяет достоверно отнести их к какому-либо культурно-хронологическому образованию.

Все 10 памятников, которые относятся к алтайскому варианту кулайской культуры, исследованы достаточно большими площадями, что позволяет говорить об их хорошей изученности. Несмотря на наличие представительных комплексов, материалы алтайского варианта кулайской культуры с некоторых из них не были введены в научный оборот и, как следствие, плохо известны широком кругу исследователей.

Подобное положение привело к утверждению и долгому бытованию точки зрения, согласно которой керамические комплексы, относящиеся к разным этапам алтайского варианта кулайской культуры, рассматривались как единый однородный комплекс, представляющий лишь фоминский этап и маркирующий памятники начала I тыс. н. э. (Грязнов, 1956, с. 126–144; Троицкая, 1979, с. 41–43, 49–50; Чиндина, 1984, с. 162; и др.). Доминирование подобной точки зрения привело даже к выделению самостоятельной фоминской культуры и отрицанию наличия более ранних кулайских памятников на территории Верхнего Приобья (Ширин, 2003, 2004, 2023).

Поэтому назрела настоятельная необходимость обобщить материалы рассматриваемого культурно-хронологического образования и опубликовать ранее не опубликованные комплексы.

Материалы

К памятникам, материалы с которых опубликованы в полном объеме и достаточно подробно интерпретированы, относятся Городище-1 (Казаков, Казакова, 2020), Городище-3 (Казаков, 2020), Комарово-1 (Абдулганеев, 1990; Абдулганеев, Кунгурова, Кирюшин, 2011), Комарово-5 (Абдулганеев, 1990) и Корчажка-5 (Казаков, 2023). К таковым можно отнести и поселение Малый Иткуль-1/3, однако имеющаяся публикация страдает одним недостатком — рисунки керамического комплекса алтайского варианта кулайской культуры в ней имеют слишком малый масштаб и сильно уплотнены, что скрадывает некоторые детали как орнаментации, так и морфологии (Абдулганеев, 2001), поэ-

тому принято решение опубликовать его в более крупном масштабе, на котором можно хорошо проследить все особенности керамического комплекса. Учитывая, что в археологии мелочей не бывает, для последующей работы с этими материалами это сделать просто необходимо (рис. 1–3).

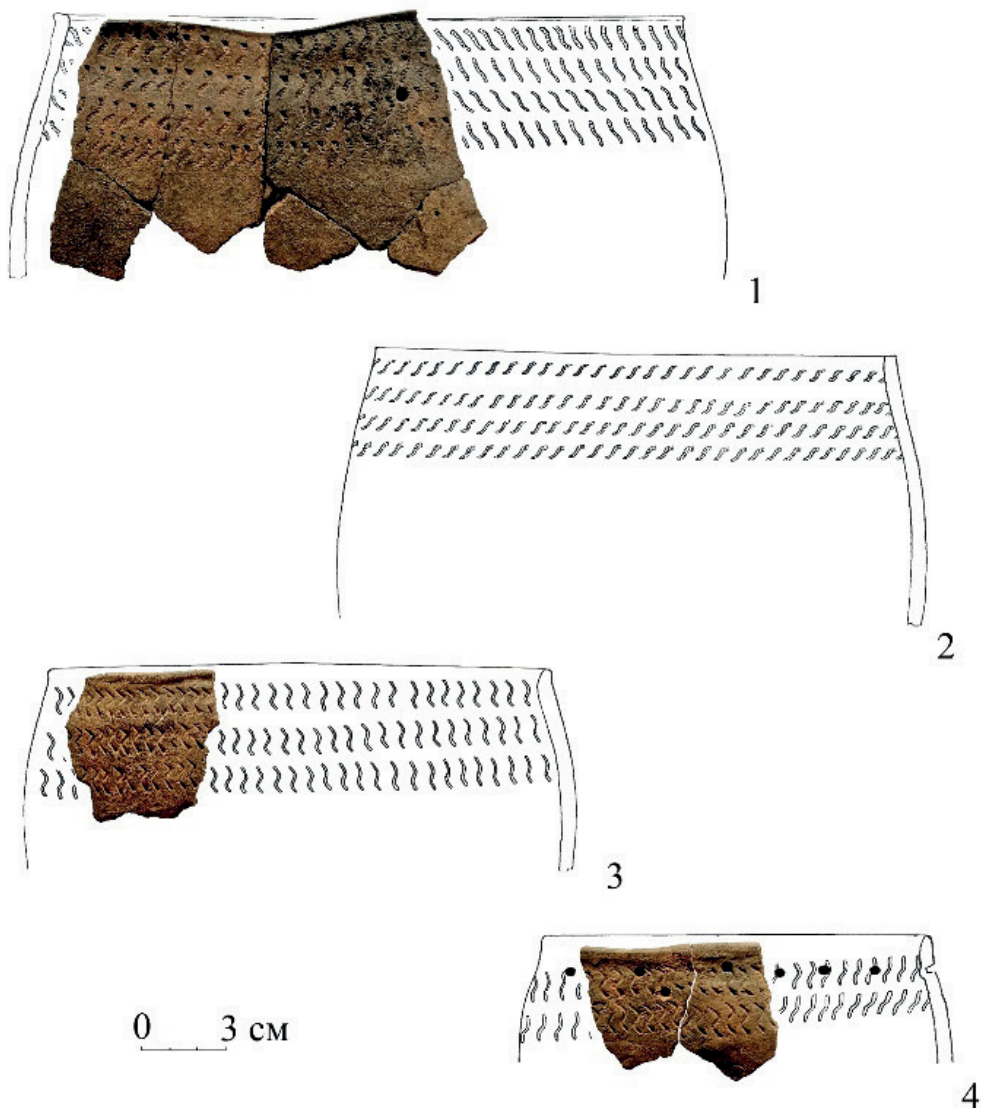

Рис. 1. Керамический комплекс алтайского варианта кулайской культуры поселения Малый Иткуль-1/3

Fig. 1. Ceramic complex of the Altai variant of the Kulaiskaya culture from the settlement Malyi Itkul-1/3

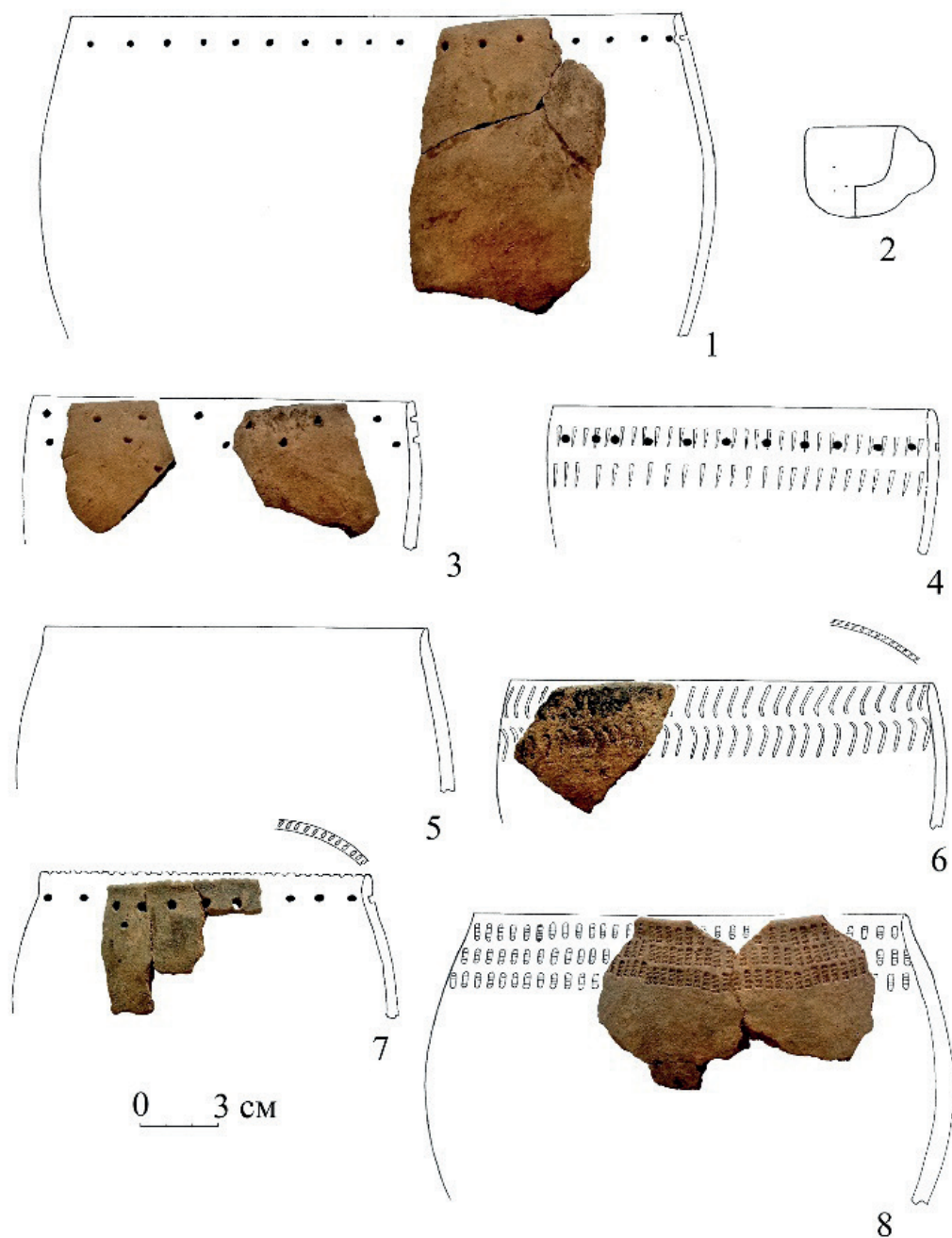

Рис. 2. Керамический комплекс алтайского варианта кулайской культуры поселения Малый Иткуль-1/3

Fig. 2. Ceramic complex of the Altai variant of the Kulaiskaya culture from the settlement Malyi Itkul-1/3

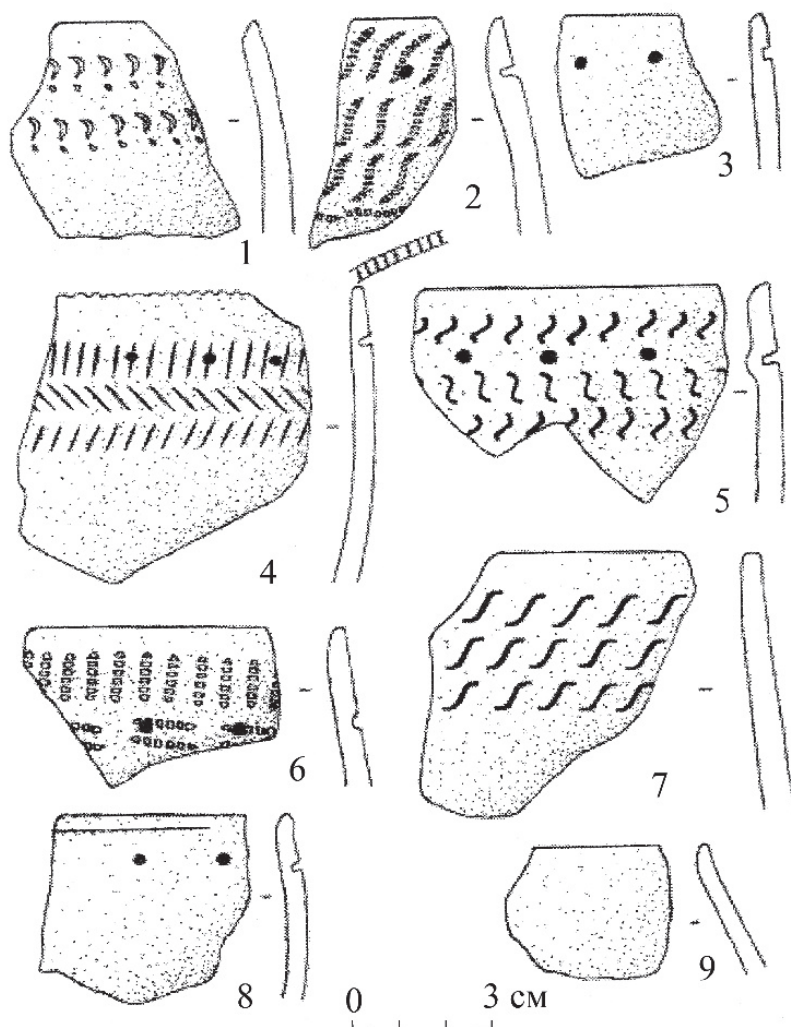

Рис. 3. Керамический комплекс алтайского варианта кулайской культуры поселения Малый Иткуль-1/3

Fig. 3. Ceramic complex of the Altai variant of the Kulaiskaya culture from the settlement Malyi Itkul-1/3

Из памятников, сведения о которых имеются в научной литературе в связи с публикацией материалов других культурно-хронологических комплексов, наиболее представительная коллекция, относящаяся к алтайскому варианту кулайской культуры, происходит с поселения Костенкова Избушка. Этот памятник исследован большой площадью и, как следствие, с него получено большое количество материалов.

Все описываемые памятники находятся в Зональном районе. Открыты Борисом Хатмиевичем Кадиковым во 2-й половине 1960-х гг. (рис. 4).

Рис. 4. Схема расположения памятников: 1 — Костенкова Избушка; 2 — Коровья Пристань-3; 3 — Озерки Восточные; 4 — Дергач

Fig. 4. Sites layout: 1 — Kostenkova Izbushka; 2 — Korov'ya Pristan-3; 3 — Ozerki Vostochnye; 4 — Dergach

Поселение Костенкова Избушка. Находится в 4,5 км к юго-западу от с. Плешково, в 2,5 км к югу от с. Вершинино. В восточной части оз. Большой Иткуль, на мысу южного берега залива Дергач. Высота мыса порядка 1,5 м от уреза воды (рис. 4.-1). Во время открытия волнами разрушалась лишь береговая (северная) часть памятника (Кадиков, 1957), остальная площадь была покрыта невысокой травой (Кирюшин, 1979, с. 4). Ю. Ф. Кирюшин начал исследование этого памятника в 1978 г., раскопав на нем 288 кв. м (Кирюшин, 1979, с. 11). В 1979 г. работы были продолжены. Площадь раскопа составила 268 кв. м (Кирюшин, 1979а, с. 35). В последующие годы (1980 и 1981 гг.) этим же исследователем было изучено еще 340 кв. м (Кирюшин, 1981, с. 2) и 1414 кв. м (Кирюшин, 1982, с. 9). Таким образом, общая исследованная площадь памятника составила 2310 кв. м.

Культурный слой памятника содержит переотложенный материал. Ю. Ф. Кирюшин и другие исследователи характеризуют его как многослойный (Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 206), однако характер залегания материала позволяет говорить об отсутствии стратиграфического разделения различных культурно-хронологических слоев. Ранние материалы встречаются в верхних слоях раскопа, при выборке первого штыка, поздние, включая и материалы алтайского варианта кулайской культуры, имеются в слоях,

прилегающих к матерiku. Большинство материалов относятся к периодам энеолита — ранней бронзы (Кожин, 1989, с. 208, 211; Кирюшин, 1983, с. 19; и др.).

Фрагменты керамики алтайского варианта кулайской культуры выделены типологически. Ранее не публиковались (рис. 5).

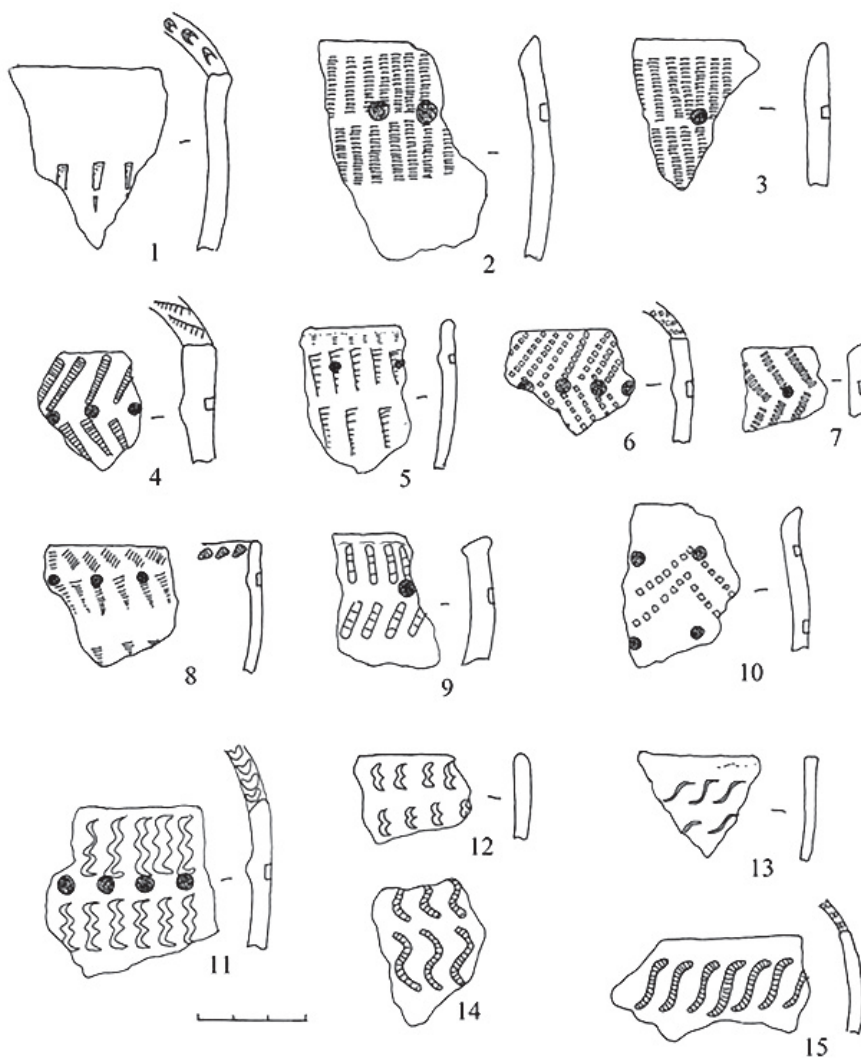

Рис. 5. Керамический комплекс алтайского варианта кулайской культуры поселения Костенкова Избушка

Fig. 5. Ceramic complex of the Altai variant of the Kulaiskaya culture of the Kostenkova Izbushka settlement

Другим поселением, также содержащим представительный комплекс материалов алтайского варианта кулайской культуры, является **Коровья Пристань-3 (КП-3)**. Находится в 6–7 км к юго-западу от с. Плешково, в 2 км к югу от с. Вершинино, на невысокой надпойменной террасе южного берега залива Дергач (рис. 4.-2). Во время откры-

тия волнами разрушалась лишь береговая (северная) часть памятника (Кадиков, 1957), остальная площадь была покрыта невысокой травой (Кирюшин, 1979, с. 4). Первые исследования на этом поселении были проведены Б. Х. Кадиковым в 1962 г., которым был заложен раскоп площадью 120 кв. м (Кирюшин, 1979, с. 4). В 1978 г. Ю. Ф. Кирюшин продолжил работы на поселении, расширив раскоп Б. Х. Кадикова на 466 кв. м. Общая площадь, исследованная на поселении, составила 586 кв. м (Кирюшин, 1979, с. 5). Стратиграфическая ситуация идентична таковой поселения Костенкова Избушка. Большинство материалов относится к периодам неолита — энеолита — ранней бронзы (Кирюшин, 1979; Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 200, 206, 208; Кирюшин, 1983, с. 19; Кирюшин, 1990, с. 35; и др.). Материалы, относящиеся к алтайскому варианту кулайской культуры, выделяются только типологически. Представлены реконструируемыми сосудами и отдельными фрагментами керамики. Публикуются впервые (рис. 6).

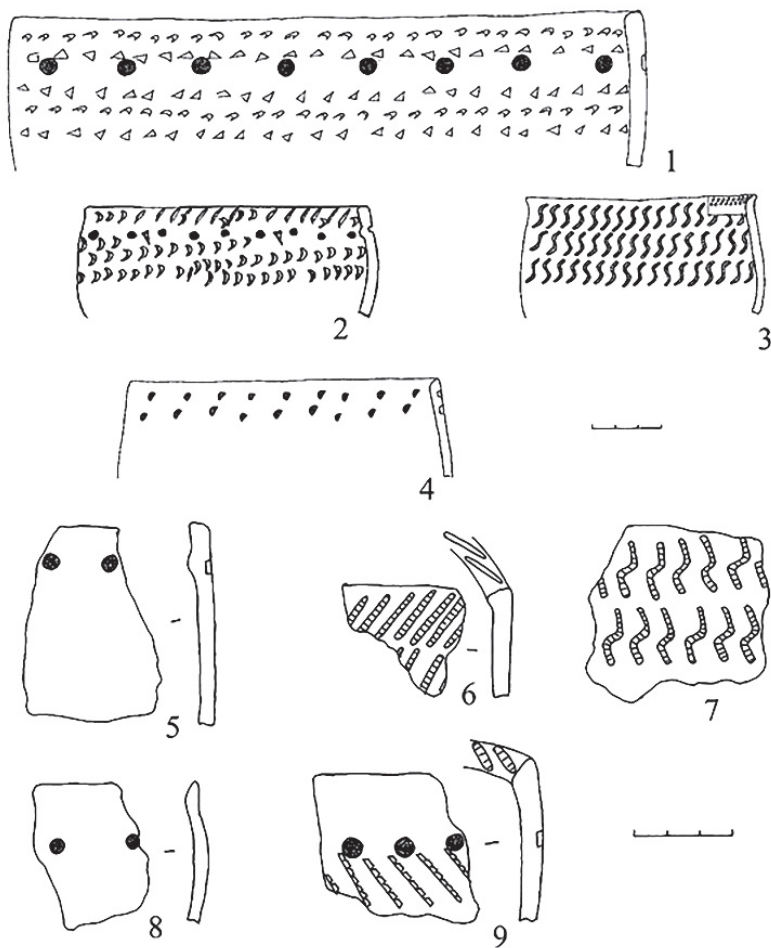

Рис. 6. Керамический комплекс поселения Коровья Пристань-3
Fig. 6. Ceramic complex from the settlement Koroviya Pristan-3

Поселение **Дергач** (рис. 4.-4) находится в 4,5 км к западу от с. Плешково, в восточной части оз. Большой Иткуль, на северном берегу залива Дергач. Площадка, на которой расположено поселение, овальной формы, высотой порядка 4 м над урезом воды. С юга ограничена невысоким обрывом берега, с запада — низиной и склоном. Как и памятники, описанные выше, содержит переотложенный материал. В результате раскопок и сборов подъемного материала получена немногочисленная коллекция, представленная в основном керамикой I тысячелетия до н. э. Комплекс, относящийся к алтайскому варианту кулайской культуры, выделяется типологически. Ранее не публиковался (рис. 7).

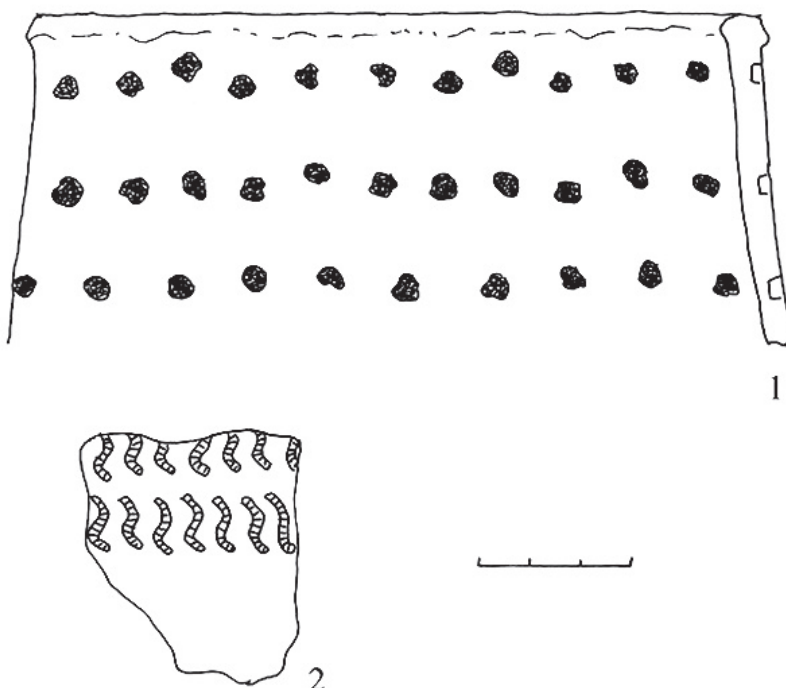

Рис. 7. Керамический комплекс поселения Дергач
Fig. 7. Ceramic complex from the Dergach settlement

Поселение **Озерки Восточные** (рис. 4.-3) находится в 160 м к северо-востоку от заброшенной деревни Озерки, напротив с. Вершинино, на южном берегу оз. Большой Иткуль. Расположено на высоте 2–3 м над урезом воды, занимая локальный участок гривы. На поселении Б. Х. Кадиковым и Ю. Ф. Кирюшиным исследована площадь в 402 кв. м, изучено два погребения и остатки конструкций. Основные материалы относятся к 1-й половине II тыс. до н. э. (Абдулганеев и др., 2003). Содержит переотложенный материал. Фрагменты керамики алтайского варианта кулайской культуры выделены типологически. Ранее не публиковались (рис. 8).

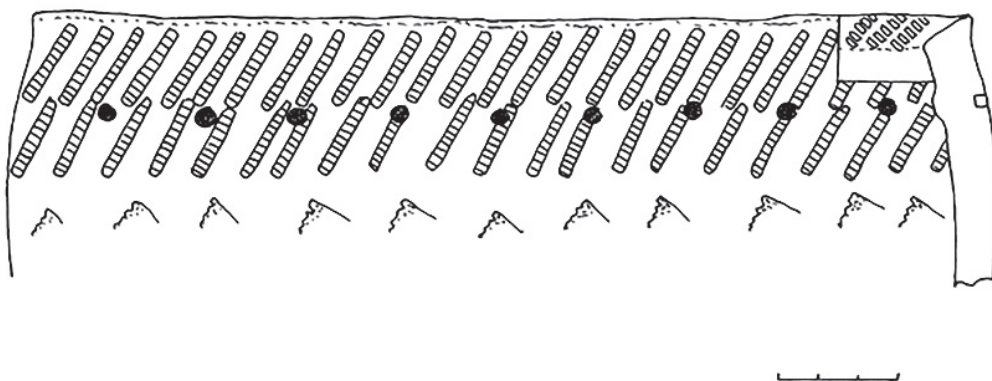

Рис. 8. Частично реконструированный сосуд с поселения Озерки Восточные
 Fig. 8. A partially reconstructed vessel from the settlement of Ozerki Vostochnye

Обсуждение

Ввиду достаточной однородности материалов алтайского варианта кулайской культуры с вышеописанных памятников их культурно-хронологическая атрибуция будет проведена комплексно.

Представленный на этих памятниках керамический комплекс обладает всеми признаками, позволяющими датировать его концом II — 1-й половиной IV в. и отнести к фоминскому этапу алтайского варианта кулайской культуры (Казаков, 2022, с. 181).

На это указывают такие особенности керамического комплекса, как:

- 1) тонкостенность сосудов;
- 2) их круглодонность (о чем свидетельствует отсутствие фрагментов плоских донц, изготовленных из подобного теста);
- 3) баночные формы. Редко встречаются переходные к горшковидным;
- 4) отсутствие на венчиках карнизиков;
- 5) заглаженные с внутренней стороны жемчужины;
- 6) отсутствие нанесенных движущимся орнаментиром орнаментальных элементов;
- 7) отсутствие правильной кулайской уточки;
- 8) простота орнаментальных мотивов;
- 9) наличие в композиции одного или двух орнаментальных элементов;
- 10) небрежное нанесение орнаментальных строк и элементов.

Подобные признаки керамических комплексов практически всех памятников алтайского варианта кулайской культуры Иткульского микрорайона свидетельствуют о его заселении представителями алтайского варианта кулайской культуры в середине — конце II в. Столь ранняя датировка комплекса фоминского этапа (середина II в.) возможна благодаря наличию архаичных признаков у некоторых фрагментов керамики, свидетельствующих об остаточном влиянии традиций керамического производства саровского этапа алтайского варианта кулайской культуры. К ним можно отнести наличие плоских венчиков с карнизиками, встречающихся на керамике с поселений Костенкова Избушка (рис. 5.-9), Коровья Пристань-3 (рис. 6.-7), Озерки Восточ-

ные (рис. 8), редко встречаемые сложные орнаментальные композиции, вместе с ямками содержащие три и более орнаментальных элемента (рис. 8), наличие эсвидного гребенчатого штампа (Казаков, 2022, с. 181). Отмеченные особенности являются архаичными признаками. Их наличие позволяет говорить о сохранении пережитков орнаментальных традиций второго, саровского этапа алтайского варианта кулайской культуры и переходе к комплексам последнего, фоминского этапа.

Заключение

Таким образом, можно говорить о достаточно длительном проживании населения алтайского варианта кулайской культуры на территории иткульского микрорайона. Его заселение было связано с представителями фоминского этапа, о чем свидетельствуют особенности керамического комплекса, выделенные выше.

Несмотря на достаточно хорошую изученность этого микрорайона, материалов более ранних этапов развития алтайского варианта кулайской культуры с памятников, расположенных на его территории, в настоящее время не известно. И лишь некоторые элементы, характерные для керамических комплексов саровского этапа алтайского варианта кулайской культуры, встреченные в качестве архаичных черт на некоторых памятниках иткульского микрорайона, позволяют говорить о расширении ареала обитания кулайцев в середине — конце II в., которые заселяли уже знакомые им экологические ниши, пригодные для ведения традиционных форм хозяйственной деятельности, таких как охота, рыболовство и собирательство, представляющие боровые массивы на стыке с пойменными участками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдулганеев М. Т. Материалы эпохи железа из раскопок у с. Комарово // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 143–149.

Абдулганеев М. Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.

Абдулганеев М. Т., Кадиков Б. Х., Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район. История, люди и судьбы. Барнаул: Управление архивного дела администрации АК, 2003. С. 50–78.

Абдулганеев М. Т., Кунгурова Н. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Многослойное поселение Комарово-1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 142 с.

Воробьева И. А., Малолетко А. М., Розен М. Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск: Издательство Томского университета, 1980. 122 с.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 256 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 48)

Кадиков Б. Х. Главы из истории: образование Бийска // Бийск. 1993. № 1. С. 4–17.

Кадиков Б. Х. Предварительный отчет по археологическим разведкам Бийского музея в 1956 г. // Фонды БКМ. Бийск, 1957.

Казаков А. А. Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище-3 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 3. С. 618–625. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625.

Казаков А. А. К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны-VII (по материалам Государственного Эрмитажа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 172–187. DOI: 10.17223/19988613/78/22

Казаков А. А. Керамический комплекс алтайского варианта кулайской и одинцовской культур с поселения Корчажка-5 // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 320–324.

Казаков А. А., Абдулганеев М. Т. Лесостепной Алтай // Этнокультурная история Западной Сибири. Поселения и жилища. Томск: Издательство Томского университета, 1994. С. 331–333.

Казаков А. А., Казакова О. М. Исследование городища Городище-1 в Зональном районе // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 2. С. 107–113. DOI: 10.14258/izvasu (2020) 2–18

Кирюшин Ю. Ф. Отчет о полевых работах Алтайской и Васюганской археологических экспедиций Алтайского государственного университета летом 1978 г. // Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Барнаул, 1979. Инв. № 4.

Кирюшин Ю. Ф. Отчет о работах Алтайской археологической экспедиции в 1979 г. // Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Барнаул, 1979а. Инв. № 7.

Кирюшин Ю. Ф. Отчет о полевых работах Алтайской и Васюганской археологических экспедиций Алтайского государственного университета летом 1980 г. // Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Барнаул, 1981. Инв. № 22.

Кирюшин Ю. Ф. Отчет о полевых работах Алтайской и Васюганской археологических экспедиций Алтайского государственного университета летом 1981 г. // Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Барнаул, 1982. Инв. № 33.

Кирюшин Ю. Ф. Алтай в эпоху энеолита и бронзы // История Алтая: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. Ч. 1. С. 15–28.

Кирюшин Ю. Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 35–39.

Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. 15. Барнаул: Алтайское отделение Всероссийского Фонда Культуры, 1992. С. 194–222.

Кожин П. М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. С. 54–70.

Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 397 с.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 126 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Ширин Ю. В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. № 2. С. 51–60.

Ширин Ю. В. О некоторых взглядах на культурную принадлежность памятников с фигурно-штамповой орнаментацией в Барнаульско-Бийском Приобье // Из кузнецкой старины: историко-краеведческий сборник. Вып. 10. Новокузнецк: Лотус, 2023. С. 3–18.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. Iron Age Materials from Excavations near the Komarovo village. In: Archaeology and Ethnography of Southern Siberia. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 143–149. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T. The Fominskii Complex of the Malyi Itkul-1 Settlement. In: Studying Ancient and Medieval History. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 103–110. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T., Kadikov B. Kh., Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu. History of Studying Archaeological Sites of the Zonal'nyi District. In: Zonal'nyi District. History, People and Destinies. Barnaul: Upravlenie arhivnogo dela administracii AK, 2003. Pp. 50–78. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T., Kungurova N. Yu., Kiryushin Yu. F. Multilayered Settlement Komarovo-1 in Retrospective of History of the Lake Itkul Settlement. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011. 142 p. (*In Russ.*)

Vorobyeva I. A., Maloletko A. M., Rozen M. F. Historical Cartography and Toponymy of Altai. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1980. 122 p. (*In Russ.*)

Gryaznov M. P. History of Ancient Tribes of the Upper Ob according to Excavations near the Bolshaya Rechka Village. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 256 p. (Materials and Research on Archaeology of the USSR, No. 48) (*In Russ.*)

Kadikov B. Kh. Chapters from History: Formation of Biysk. *Bijsk = Biysk*. 1993;1:4–17. (*In Russ.*)

Kadikov B. Kh. Preliminary Report on Archaeological Explorations of the Biysk Museum in 1956. In: Biysk Museum funds. Biysk, 1957. (*In Russ.*)

Kazakov A. A. Complex of Fominskii Stage of Kulaiskaya Culture Settlement Gorodishche-3. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kemerovo State University*. 2020;22(3):618–625. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625. (*In Russ.*)

Kazakov A. A. On the Issue of Cultural and Chronological Uniformity of the Blizhnie Elbany VII Complex (Based on the Materials of the State Hermitage Museum). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2022;78:172–187. DOI: 10.17223/19988613/78/22 (*In Russ.*)

Kazakov A. A. Ceramic Complex of the Altai Variant of the Kulaiskaya and Odintsovskaya Cultures from the Korchazhka-5 Settlement. In: *Modern Solutions to Topical Issues of Eurasian Archaeology*. Issue 3. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2023. Pp. 320–324. (*In Russ.*)

Kazakov A. A., Abdulganeev M. T. Forest-steppe Altai. In: *Ethnocultural History of Western Siberia. Settlements and Dwellings*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1994. Pp. 331–333. (*In Russ.*)

Kazakov A. A., Kazakova O. M. Investigation of the Gorodishche 1 Settlement in the Zonalnyi District. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. 2020;2:107–113. DOI: 10.14258/izvasu (2020) 2–18 (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. Report on Field Work of Altai and Vasyugan Archaeological Expeditions of Altai State University in Summer 1978. In: *Museum of Archaeology and Ethnography of Altai*, Altai State University. Barnaul, 1979. Inv. No. 4. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. Report on the Work of Altai Archaeological Expedition in 1979. In: *Museum of Archaeology and Ethnography of Altai*, Altai State University. Barnaul, 1979a. Inv. No. 7. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. Report on Field Work of Altai and Vasyugan Archaeological Expeditions of Altai State University in Summer 1980. In: *Museum of Archaeology and Ethnography of Altai*, Altai State University. Barnaul, 1981. Inv. No. 22. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. Report on Field Work of Altai and Vasyugan Archaeological Expeditions of Altai State University in Summer 1981. In: *Museum of Archaeology and Ethnography of Altai*, Altai State University. Barnaul, 1982. Inv. No. 33. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. Altai in Aeneolithic and Bronze Age. In: *History of Altai: Textbook*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1983. Part 1. Pp. 15–28. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. Studying Eneolithic Sites in Forest-steppe Altai. In: *Protection and Use of Altai Archaeological Sites*. Issue 1. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 35–39. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Shamshin A. B. Results of Archaeological Studies of Eneolithic and Bronze Age Sites in Forest-steppe and Steppe Altai. In: *Altai Collection*. Issue 15. Barnaul: Altajskoe otделение Vserossijskogo Fonda Kul'tury, 1992. Pp. 194–222. (*In Russ.*)

Kozhin P. M. Importance of Ceramics in Studying Ancient Ethnocultural Processes. In: *Ceramics as Historical Source*. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 54–70. (*In Russ.*)

Molchanova O. T. Toponymic Dictionary of the Altai Mountains. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otделение Altajskogo knizhnogo izdatel'stva, 1979. 397 p. (*In Russ.*)

Troitskaya T. N. Kulaiskaya Culture in the Novosibirsk Ob Region. Novosibirsk: Nauka, 1979. 126 p. (*In Russ.*)

Chindina L. A. Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1984. 256 p. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. The Upper Ob Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau in Early First Millennium AD (Funerary Sites of the Fominskaya Culture). Novokuznetsk: Kuzneckaya krepost', 2003. 288 p. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. On Early Kulaiskaya Culture Sites of the Upper Ob Region. *Rossiyskaya arheologiya = Russian Archeology*. 2004;2:51–60. (*In Russ.*)

Shirin Yu. V. On Some Views on Cultural Affiliation of Sites with Figured-Stamped Ornamentation in Barnaul-Biysk Ob Region. In: From Kuznetsk antiquity: historical and local history collection. Issue 10. Novokuznetsk: Lotus, 2023. Pp. 3–18. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Казakov А. А.: идея статьи, сбор и обработка материала, написание статьи.

A. A. Kazakov: idea of the article, collecting and processing the data, writing the article.

Казакoвa О. М.: редактирование статьи, аннотирование и оформление статьи.

O. M. Kazakova: scientific editing of the article, writing the abstract and final editing.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казakov Александр Альбертович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, Барнаул, Россия.

Aleksandr A. Kazakov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia.

Казакoвa Ольга Михайловна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Olga M. Kazakova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Institute of History and International Relations of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025;

одобрена после рецензирования 14.06.2025;

принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 23.03.2025;

approved after reviewing 14.06.2025;

accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 903.222(571.151)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-03)

EDN: TYNPBN

НАКОНЕЧНИКИ СРЕЛ ИЗ ПАМЯТНИКА МАЙМА-VII

Сергей Михайлович Киреев¹, Ольга Сергеевна Лихачева^{2*}

¹Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия;

kireevsm2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

lihaolga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Статья посвящена серии наконечников стрел, происходящей из комплекса Майма-VII в северных предгорьях Алтая. Ранее данный материал был опубликован лишь частично, следовательно, его введение в научный оборот является актуальной задачей. Рассматриваемая коллекция достаточно представительна и включает 36 изделий. На текущий момент большая их часть хранится в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. Большинство из них изготовлено из органических материалов (кость, рог), но есть также экземпляры из бронзы и железа. В работе приводится история изучения самого памятника и подробная характеристика предметов. Предлагается их классификационная схема, для каждого из выделенных типов даются аналогии, позволяющие уточнить время их бытования. Могильник Майма-VII является разновременным, благодаря чему на данном материале можно проследить эволюцию этой категории инвентаря в рамках одной локальной территории. В то же время это однокультурный комплекс, следовательно, по данным погребений устанавливается сочетание различных форм наконечников в колчаных наборах и выделяются наиболее распространенные типы.

Ключевые слова: ранний железный век, наконечники стрел, оружие, охота, косторезное дело, Алтай, быстрянская культура

Благодарности: работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Киреев С.М., Лихачева О.С. Наконечники стрел из памятника Майма-VII // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 48–70. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-03)

THE ARROWHEADS FROM THE MAIMA-VII SITE

Sergej M. Kireev¹, Olga S. Likhacheva^{2*}

¹Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altaysk, Russia;

kireevsm2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>

²Altai State University, Barnaul, Russia;

lihaolga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>

*Corresponding Author

Abstract. The presented article examines a series of arrowheads originating from the Maima-VII complex in the northern foothills of Altai. Previously, this material was only partially published,

therefore, its introduction into scientific circulation is an urgent task. The collection in question is quite representative and includes 36 items. Currently, most of them are kept in the collections of the Anokhin National Museum of the Altai Republic. Most of them are made of organic materials (bone, horn), but there are also specimens made of bronze and iron. The paper provides the history of the study of the site itself and detailed characteristics of the objects. Their classification scheme is proposed, and analogies are given for each of the identified types to clarify the time of their existence. The Maima-VII burial ground is multi-temporal, which makes it possible to trace the evolution of this category of inventory within a single local territory. At the same time, it is a closed complex, therefore, according to the burial data, a combination of different shapes of arrowheads in quiver sets is established and the most common types are distinguished.

Keywords: early Iron Age, arrowheads, weapons, hunting, bone cutting, Altai, Bystryan culture

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences (project No. 22-18-00470-P "The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy").

For citation: Kireev S.M., Likhacheva O.S. The Arrowheads from the Mima-VII Site. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):48–70. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-03)

Введение

Могильник Майма-VII расположен в южном ареале быстрианской археологической культуры раннего железного века, локализовавшейся в северных предгорьях Алтая и прилегающей лесостепной части. Этот регион является одной из естественных природно-климатических зон между южносибирской лесостепью и горной системой Российского Алтая. Основная часть территории культуры расположена в современном Алтайском крае, своим южным ареалом она заходит на территорию Республики Алтай, восточным — в Кемеровскую область. Наибольшее количество памятников быстрианской культуры сосредоточено в междуречье нижнего течения рек Катуни и Бии.

В 1992 г. С. М. Киреевым на основании многих предшествующих исследований (М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, С. В. Киселев, С. И. Руденко, С. М. Сергеев, М. П. Завитухина, В. А. Могильников, А. П. Уманский, А. Л. Кунгуров, Н. Ю. Кунгурова, А. С. Суразаков, Т. Н. Троицкая, М. Т. Абдулганеев и др.) дано ее краткое определение и введен термин «быстрианская культура» (Киреев, 1992а, с. 54–58; 1992б, с. 55–56). История ее исследования достаточно хорошо представлена в публикации С. С. Радовского (2025, с. 93–101). В целом быстрианская культура датируется пределах середины VI — II в. до н. э. Традиционно разделена на три этапа: ранний (середина VI — середина V в. до н. э.), средний (2-я половина V — конец III в. до н. э.), поздний, или завершающий (конец III — II, возможно, начало I в. до н. э.). Данная периодизация в целом соответствует принятым критериям и традициям в южносибирской археологии и базируется на изучении стадийных изменений и эволюции погребального обряда, и прежде всего вещевого инвентаря (Киреев, Чевалков, 2005, с. 87).

Быстрианская культура изучена достаточно хорошо как по погребальным, так и поселенческим комплексам. Могильники крупные, иногда насчитывающие многие десятки и даже сотни курганов, с достаточно сложной внутренней планировкой. Надмогильные сооружения быстрианской культуры представляют собой курганы из камня, земли

и смешанные каменно-земляные. Часто по периметру они имеют кольца из более крупных камней или ровики. Под насыпью одна, иногда две, реже — три могилы. Их размеры и глубина связаны с полом, возрастом и, очевидно, социальным статусом погребенного. Быстрянские погребения одиночные, редко — парные. На Майме-VII встречено два погребения из трех человек, по два взрослых и один ребенок. Костяки уложены головой на запад или с небольшими отклонениями к северу/югу, вытянуто на спине или на правом боку с согнутыми в коленях ногами.

Внутримогильные сооружения достаточно разнообразны: деревянные срубы или рамы из досок, поставленных на ребро, жердей; без перекрытия или перекрытые досками или также жердями. Часто фиксируются каменные обкладки по периметру дна могилы, изредка — простые каменные ящики. Нередко в ямах встречаются следы огня: угли, обгоревшие остатки дерева, прокалы почвы, зольные пятна. В изголовье сохранялись остатки погребальной пищи в виде костей овцы с положенными рядом ножами и установлены глиняные сосуды. Иногда сосуды находились в ногах погребенных. В насыпях курганов или окологурганном пространстве при раскопках встречаются кости лошадей, овец, разбитые сосуды, остатки кострищ. В погребениях также обнаружены детали фурнитуры одежды, предметы вооружения, украшения, предметы быта и туалета, детали конского снаряжения. В ряде курганов с каменными насыпями, содержащими мужские погребения, имелись сопроводительные захоронения коней, которые также ориентированы черепом в западный сектор. В рамках единого стандартного обряда они имеют целый ряд вариантов (Киреев, Герасимов, 1992, с. 33–35; Радовский, 2021, с. 76–82). Погребения с конем отмечены практически на всем протяжении существования быстрянской культуры с середины VI по III в. до н. э.

История изучения памятника

Могильник Майма-VII является классическим примером типичного быстрянского погребального памятника. Некрополь находился в нижнем течении р. Катунь на ее правом берегу в 6 км к северу от с. Майма Республики Алтай на обширной территории высокой катунской террасы и входил в систему объектов крупного одновременного Майминского археологического комплекса (Киреев и др., 2008, с. 31–33). Памятник неоднократно подвергался разрушительному антропогенному воздействию. Достаточно большая часть его площади была распахана в 30–80-х гг. XX в., многие курганные погребения были нивелированы проселочными дорогами и разрушены карьерами, существовавшими с 60-х гг. прошлого века. Поэтому большая часть исследованных объектов не имела внешних конструкций, также на различную глубину была уничтожена и верхняя часть заполнения могильных ям. Вследствие этого определение глубины могил производилось от уровня поверхности, образовавшейся после снесенного при хозяйственных работах грунта с учетом высоты близлежащей естественной поверхности.

Раскопки памятника проходили в течение длительного времени с перерывами, начиная с 1983 г., основные масштабные работы были проведены в 1986, 1988, 1990–1991 гг. Общее количество раскопанных погребений (подкурганых, с нивелированными и раз-

рушенными насыпями) составляет 236 объектов. Нумерация курганов и погребений присваивалась по мере их исследования. Учитывая имеющиеся сведения и наблюдения о длительном антропогенном разрушении памятника, можно предположить, что он насчитывал не менее 300 а то и более погребальных объектов.

При исследовании было выявлено, что могильное поле состояло из погребений, расположенных цепочками и микроцепочками по линии С — Ю, встречаются микроцепочки, вытянутые в широтном направлении, а также единичные погребения и их небольшие группы (2–3), пристроенные к основным цепочкам (Киреев и др., 2008, рис. 41). Насыпи курганов каменные, достаточно сильно задернованы, каменно-земляные и земляные; как уже отмечалось, имеются и грунтовые погребения. Большинство каменных и каменно-земляных курганов имеют кольца, сложенные из крупных рваных камней по периметру насыпи. В насыпях и под ними часто встречаются фрагменты сосудов хорошего обжига, кости животных, угли. Могильные ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами, овальной, подовальной, округлой, ориентированы с запада на восток или с отклонениями к северо-западу. Имеется два основных варианта положения погребенных: на спине с вытянутыми ногами и на правом боку со слегка согнутыми ногами. Подавляющее большинство могил было ограблено.

По совокупности особенностей погребального обряда, анализа предметного комплекса захоронений установлено, что некрополь формировался по направлению с юга на север. Наиболее ранние комплексы расположены в южном и западном секторах могильника, наиболее поздние объекты — в северном и северо-восточном.

Погребения южной и западной групп датируются серединой VI–V в. до н. э., центральной — IV–III вв. до н. э., северная группа захоронений относится к завершающему этапу скифской эпохи Алтая и датируется 2-й половиной III — II вв. до н. э. и, скорее всего, более поздним временем (1-я половина I в. до н. э.). Подавляющее количество курганов и погребений памятника относится к быстрианской культуре. Несколько сильно ограбленных и полуразрушенных объектов в крайней северной части памятника совершены по хуннскому обряду и отнесены к рубежу эр.

В результате сопоставления планиграфических исследований, эволюции погребального обряда и полученного вещевого материала установлено, что памятник формировался длительное время с юга на север в течение 450–500 лет.

Материалы из погребений могильника хранятся в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина.

Наконечники стрел зафиксированы в 19 объектах. Подробный их перечень, а также размеры наконечников и информация о музейном хранении приводятся в таблице. Ранее были опубликованы рисунки четырех наконечников из курганов № 8 и одного — из кургана № 23 (Киреев, 1992б, с. 113, рис. 11–14; Киреев и др., 2008, рис. 22.-6–9). Также опубликован один из двух железных черешковых наконечников из кургана № 27 (Киреев, Чевалков, 2005, рис. 3–4).

Сводная информация по наконечникам стрел из памятника Майма-VII
Consolidated information on the arrowheads from the Maima-VII site

Номер объекта / инвентарный номер	Материал	Общая длина, см	Перо (длина, ширина, толщина, см)	Черешок (длина, ширина, толщина, см)	Скрытая втулка (глубина, см)	Шипы
1. Майма-VII, курган №2 (б/н) (рис. 2.-8)	Кость	5,1	3,2×1×0,5	1,7×0,6×0,3	-	+
2. Майма-VII, курган №3 (8575/3) (рис. 2.-12)	Кость	5,9	4,1×1,4×0,6	1,9×0,7×0,4	-	+
3. Майма-VII курган №4 (б/н) (рис. 2.-5)	Кость	8,3	6,3×1	2,4×0,6	-	+
4. Майма-VII курган №4 (б/н) (рис. 2.-6)	Кость	7,6	6,7×1	1,2×0,7	-	+
5. Майма-VII, курган №8 (б/н) (рис. 4.-3)	Бронза	4,2	2×1×1	2,2×0,3×0,4	-	-
6. Майма-VII, курган №8 (13168/5) (рис. 2.-3)	Кость	8,4	5,7×1,4×0,8	3,4×0,5×0,2	-	+
7. Майма-VII, курган №8 (13168/6) (рис. 2.-7)	Кость	6,7	4,6×1,2×0,9	2,4×0,7×0,6	-	+
8. Майма-VII, курган №8 (б/н) (рис. 2.-2)	Кость	8,2	4,4×1,3×0,8	4×0,8×0,3	-	+
9. Майма-VII, курган №8 (б/н) (рис. 2.-4)	Кость	7	4,6×1,2×1	3×0,7×0,3	-	+
10. Майма-VII, курган №8 (б/н) (рис. 4.-2)	Бронза	3	2,5×1,3×0,8	1,7×0,4×0,1	-	+
11. Майма-VII, курган №8 (б/н) (рис. 4.-1)	Бронза	4,1	2,4×1×1	1,8×0,5×0,5	-	-
12. Майма-VII, курган №23 (12653/3) (рис. 1.-6)	Кость	3,9	3,9×1,2×0,6	-	1,6	+
13. Майма-VII, курган №24 (13168/7) (рис. 1.-7)	Кость	5,1	5,2×1,3×0,7	-	1,7	+
14. Майма-VII, курган №27 (б/н, фрагмент) (рис. 4.-4)	Железо	4,7	-	4,6×0,6×0,6	-	-
15. Майма-VII, курган №27 (б/н, фрагмент) (рис. 4.-5)	Железо	5,7	×1,2×0,7	3,8×0,7×0,6	-	-
16. Майма-VII, курган №39 (12653/6) (рис. 3.-10)	Кость	4,2	2,5×0,7×0,7	1,7×0,7×0,6	-	-
17. Майма-VII, курган №100 (12653/21) (рис. 2.-7)	Кость	5,4	4×1×0,8	1,5×0,5×0,4	-	+
18. Майма-VII, курган №100 (12653/22) (рис. 2.-9)	Кость	4,9	2,6×1×0,8	2,4×0,6×0,5	-	+
19. Майма-VII, погребение №49 (б/н) (рис. 2.-11)	Кость	6	4,1×1,2×0,8	2×0,6×0,4	-	+
20. Майма-VII, погребение №61 (б/н) (рис. 3.-1)	Кость	8,7	6,3×1,3×1,1	2,9×0,6×0,3	-	+
21. Майма-VII, погребение №61 (б/н) (рис. 3.-2)	Кость	7,3	5,1×1,1×0,7	2,2×0,6×0,3	-	+
22. Майма-VII, погребение №62 (12685/35) (рис. 1.-5)	Кость	3,7	3,7×1×1	-	0,4	+
23. Майма-VII, погребение №68 (12685/45) (рис. 1.-9)	Кость	6,9	4,1×1,3×0,6	Расщепленный насад: 2,3×1×0,7	-	-

Номер объекта / инвентарный номер	Материал	Общая длина, см	Перо (длина, ширина, толщина, см)	Черешок (длина, ширина, толщина, см)	Скрытая втулка (глубина, см)	Шипы
24. Майма-VII, погребение №68 (12635/46) (рис. 2.-10)	Кость	5,9	3,7×1,1×0,6	2,4×0,4×0,4	-	+
25. Майма-VII, погребение №81 (б/н) (рис. 3.-3)	Кость	6,8	4,9×1,2×0,9	2,3×0,6×0,3	-	+
26. Майма-VII, погребение №81 (б/н) (рис. 3.-4)	Кость	6,4	4,8×1,1×0,9	1,9×0,5×0,2	-	+
27. Майма-VII, погребение №81 (б/н) (рис. 3.-5)	Кость	6,7	5×1,3×1	1,9×0,6×0,3	-	+
28. Майма-VII, погребение №81 (б/н) (рис. 3.-6)	Кость	6,4	5×1,2×0,8	1,7×0,5×0,3	-	+
29. Майма-VII, погребение №83 (б/н) (рис. 1.-7)	Кость	4,9	3,3×0,9×0,5	1,6×0,4×0,2	-	-
30. Майма-VII, погребение №86 (12703/4) (рис. 1.-8)	Кость	5,5	5,5×1,2×0,8	-	1,4	+
31. Майма-VII, погребение №140 (13168/38) (рис. 1.-3)	Кость	4,1	3,5×1,3×0,4	0,8×0,7×0,1	-	+
32. Майма-VII, погребение №140 (13168/39, фрагмент) (рис. 1.-4)	Кость	3,9	3,9×1,5×0,7	Обломлен	-	+
33. Майма-VII, погребение №151 (б/н) (рис. 3.-7)	Кость	6,3	4,5×1×0,6	1,9×0,4×0,2	-	+
34. Майма-VII, погребение №151 (б/н) (рис. 3.-8)	Кость	6,5	4,5×0,9×0,7	2,2×0,5×0,3	-	+
35. Майма-VII, погребение №151 (б/н) (рис. 3.-9)	Кость	6,6	4,4×1,3×0,8	2,5×0,6×0,3	-	+
36. Майма-VII, погребение №191 (б/н) (рис. 1.-2)	Кость	4,4	3,2×1×0,6	1,1×0,4×0,2	-	+

Характеристика материала

Происходящая из комплекса Майма-VII серия наконечников стрел достаточно репрезентативна и включает 36 экземпляров, что позволяет классифицировать данный материал. На основе анализа признаков в классификационной схеме выделены следующие таксоны: группа — разряд — подразряд — раздел — отдел — тип. Группа определяется по материалу изготовления. Разряд — по способу насада наконечника на древко. Подразряд — по конструкции втульчатого насада. Раздел выделяется по способу насада на древко. Отдел — по форме тела пера и его поперечному сечению. Тип — по абрису пера. Кроме того, дополнительно выделяется вариант, информирующий о наличии или отсутствии такого элемента, как шипы, и других дополнительных технологических или декоративных элементов.

Большая часть наконечников хранится на настоящий момент в фондах Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина. Два экземпляра из кургана № 4 находятся в музее школы № 2 с. Майма, Республики Алтай.

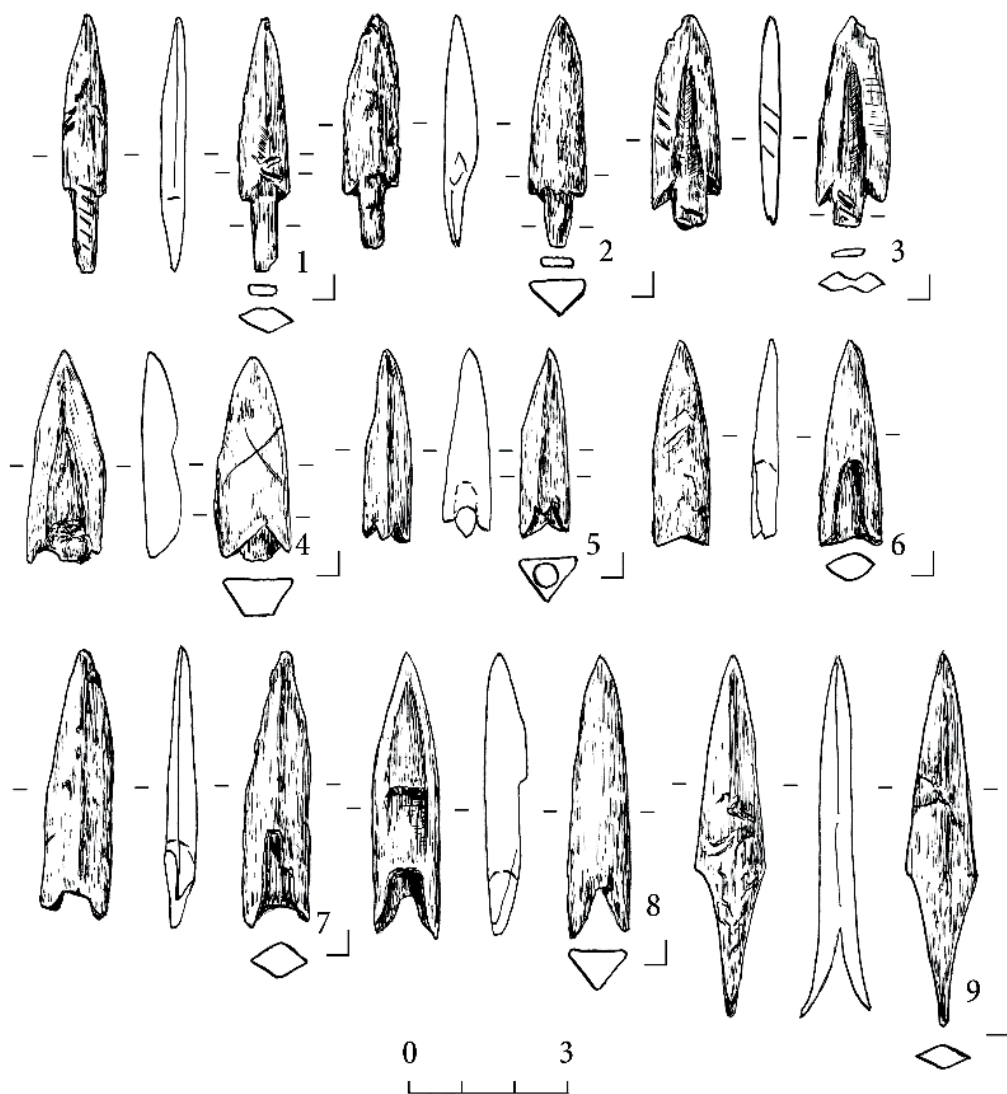

Рис. 1. Костяные наконечники стрел, могильник Майма-VII: 1 — погребение 83; 2 — погребение 191; 3-4 — погребение 140; 5 — погребение 62; 6 — курган № 23; 7 — курган № 24; 8 — погребение 68; 9 — курган № 68

Fig. 1. Bone arrowheads, Maya-VII burial ground: 1 — burial 83; 2 — burial 191; 3-4 — burial 140; 5 — burial 62; 6 — mound No. 23; 7 — mound No. 24; 8 — burial 68; 9 — mound No. 68

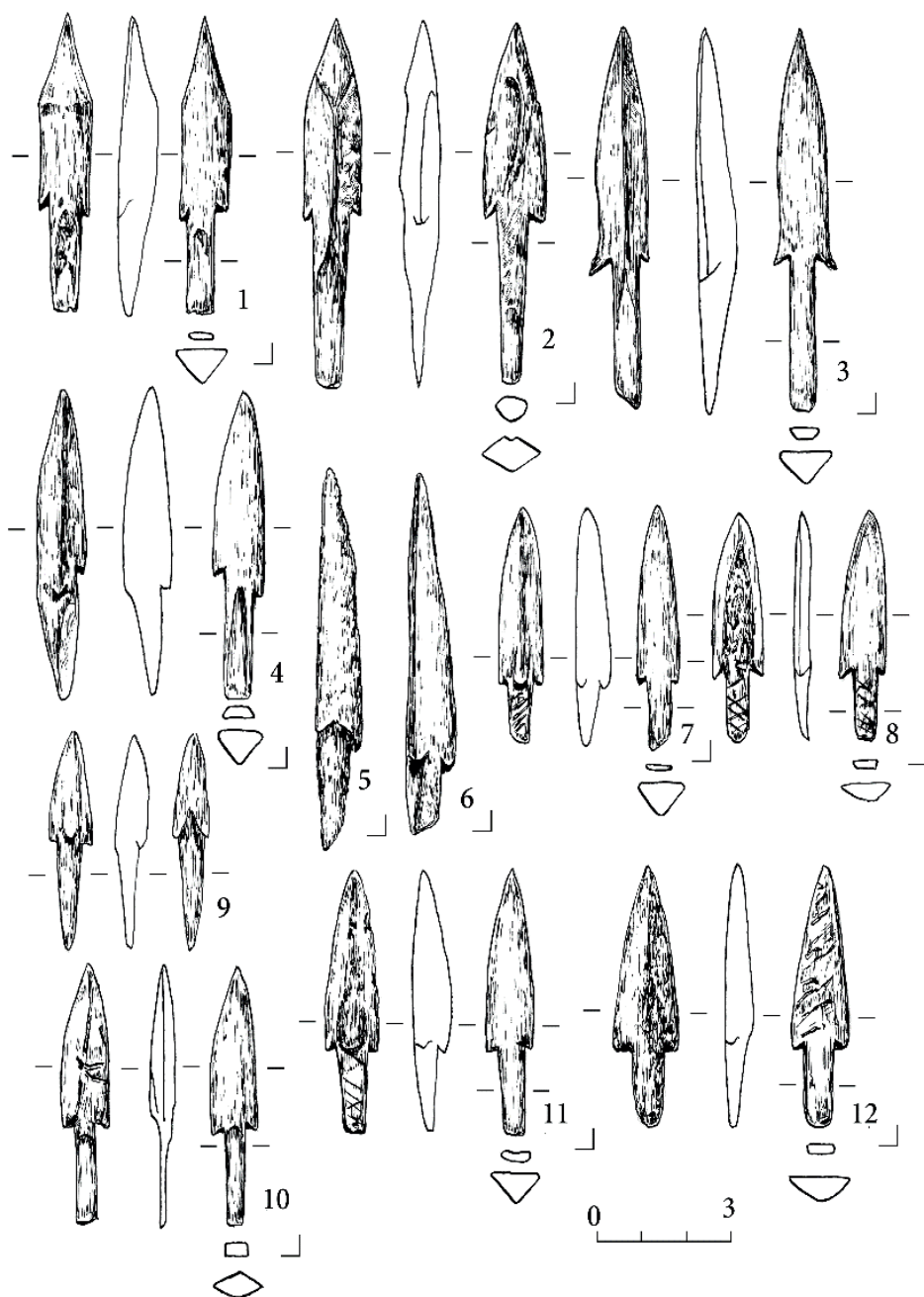

Рис. 2. Костяные наконечники стрел, могильник Майма-VII: 1-4 — курган № 8; 5-6 — курган № 4; 7, 9 — курган № 100; 8 — курган № 2; 10 — курган № 68; 11 — погребение 49; 12 — курган № 3
 Fig. 2. Bone arrowheads, Maya-VII burial ground-VII: 1-4 — mound No. 8; 5-6 — mound No. 4; 7, 9 — mound No. 100; 8 — mound No. 2; 10 — mound No. 68; 11 — burial 49; 12 — mound No. 3

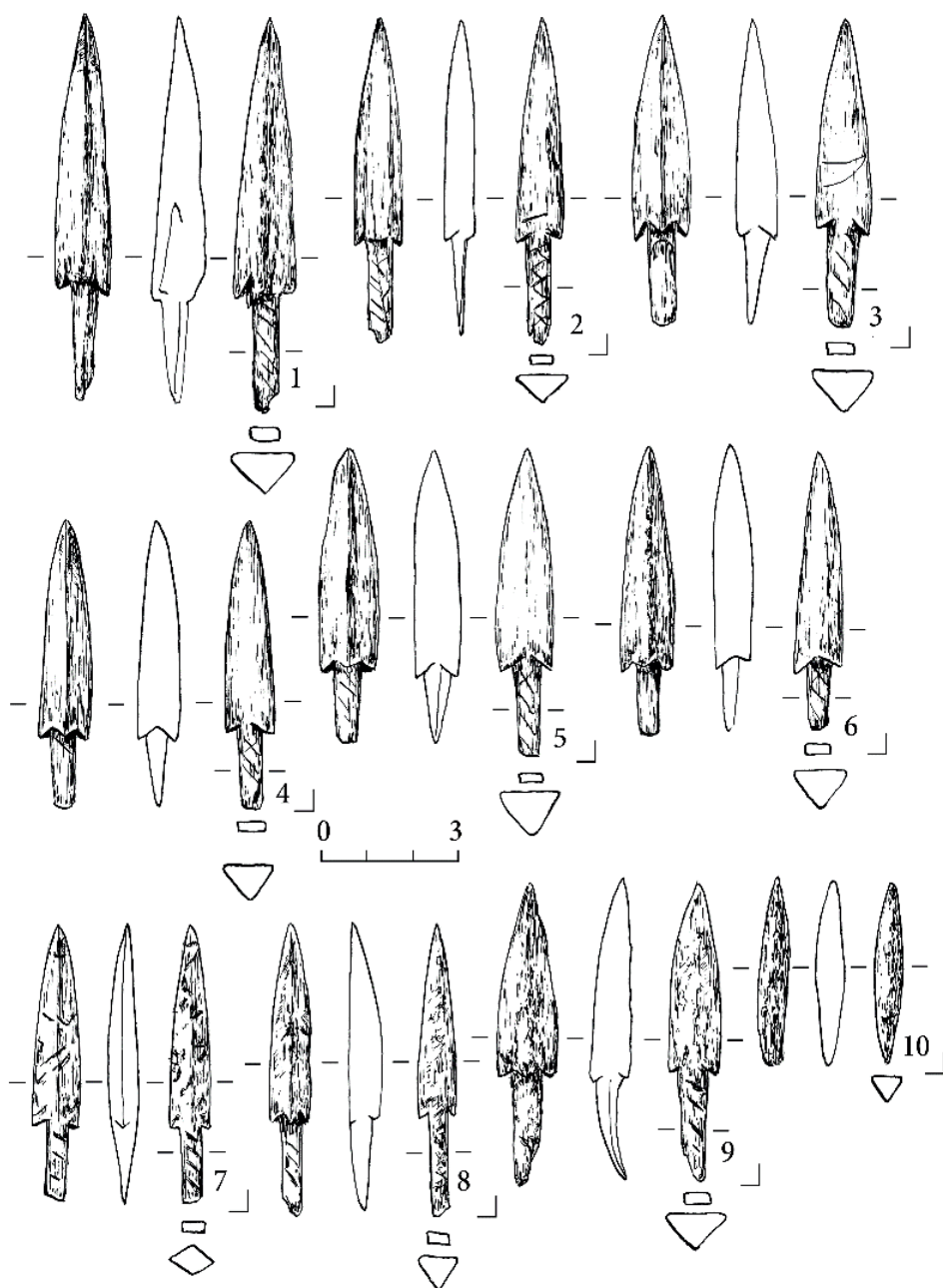

Рис. 3. Костяные наконечники стрел, могильник Майма-VII: 1-2 — погребение 61;
 3-6 — погребение 81; 7-9 — погребение 151; 10 — курган № 39
 Fig. 3. Bone arrowheads, Maima-VII burial ground: 1-2 — burial 61; 3-6 — burial 81; 7-9 — burial 151;
 10 — burial mound No. 39

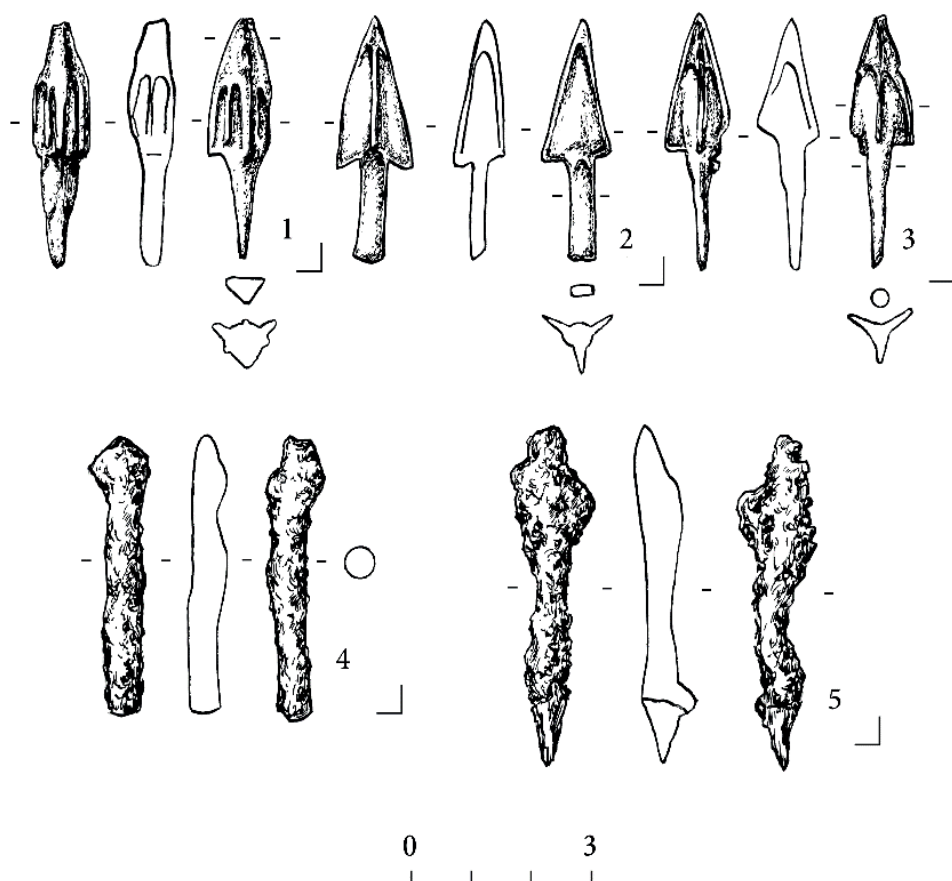

Рис 4. Изделия из могильника Майма-VII: 1-3, 6 — курган №8; 3 — курган №5; 4-5 — курган №27 (1-5 — наконечники стрел; 1-3 — бронза, 4-5 — железо)
 Fig. 4. The items from Maima-VII burial ground: 1-3, 6 — burial mound №8; 3 — burial mound №5; 4-5 — Kurgan №27 (1-5 — arrowheads; 1-3 — bronze, 4-5 — iron)

Группа I. Костяные, роговые.

Раздел I. Втульчатые. Втулка представляет собой усеченно-коническую деталь, в которую вставляется древко стрелы.

Подраздел I. Со скрытой втулкой. Втулка погружена в тело пера и не читается на его поверхности.

Отдел I. Ромбические. Поперечное сечение пера представляет собой ромб.

Тип 1. Треугольные. Общий абрис пера представляет собой равнобедренный треугольник. **Вариант а.** С шипами. Шипы представляют собой элементы, являющиеся продолжением пера (рис. 1.-6-7).

Отдел II. Трехгранные. Тело пера наконечника представляет собой трехгранную пирамиду, поперечное сечение которой треугольное.

Тип 2. Треугольные. Боковые стороны пера идут параллельно друг другу и сходятся у окончания, образуя таким образом форму, напоминающую киль корабля. **Вариант а.** С шипами (рис. 1.-5).

Отдел III. Трехгранно-трапециевидные. В верхней трети наконечник имеет трехгранное сечение, ниже из-за плоско срезанной площадки сечение напоминает трапецию.

Тип 3. Килевидные. **Вариант а.** С шипами (рис. 1.-8).

Раздел II. Черешковые. От бойка наконечника отходит деталь, представляющая собой пластину прямоугольного абриса или стрежень (у металлических экземпляров), которая вставлялась в древко при креплении.

Отдел I. Ромбические.

Тип 4. Треугольные. **Вариант а.** С шипами (рис. 2.-10). **Вариант б.** С насечками на черешке (рис. 1.-1; 3.-7). Они представляют собой косые параллельные линии, у некоторых изделий они могут быть разнонаправленными и образующими таким образом «сеточку». Данная деталь имела, видимо, чисто технический характер.

Тип 5. Килевидные. **Вариант а.** С шипами (рис. 2.-2).

Отдел II. Трехгранные.

Тип 6. Треугольные. **Вариант а.** С шипами (рис. 1.-2; 2.-4-6, 9, 12). **Вариант б.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов (рис. 3.-10). **Вариант в.** С шипами и насечками на черешке (рис. 2.-7, 11; 3.-1, 3-9). **Вариант г.** С шипами и знаком на пере (рис. 3.-2). «Тамга» представляет собой косую черту в нижней трети пера на одной из его граней.

Тип 7. Килевидные. **Вариант а.** С шипами (рис. 2.-1).

Тип 8. Килевидно-фигурные. Общий абрис аналогичен килевидным изделиям, но боковые грани могут быть слегка вогнутыми или, напротив, выгнутыми. **Вариант а.** С шипами (рис. 2.-3).

Отдел IV. Трапециевидные. В поперечном сечении абрис пера представляет собой трапецию из-за того, что на одной из его сторон имеется плоский срез.

Тип 9. Треугольные. **Вариант а.** С шипами и насечками на черешке (рис. 2.-8). **Вариант б.** С шипами и знаком на пере (рис. 1.-4). «Тамга» представляет собой Х-видную фигуру на одной из граней наконечника.

Отдел V. Двухлопастные. По центру пера с обеих сторон имеется два глубоких выреза, благодаря которым образуется две лопасти.

Тип 10. Треугольные. **Вариант а.** С шипами и насечками на пере (рис. 1.-3).

Раздел III. С расщепленным насадом. Книзу перо наконечника раздваивается, переходя в две треугольные лопасти, которые образуют зажим для насада на древко.

Отдел I. Ромбические.

Тип 11. Треугольные. **Вариант а.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов (рис. 1.-9).

Группа II. Бронзовые.

Раздел II. Черешковые.

Отдел V. Трехлопастные. Тело пера наконечника составляет три лопасти, а поперечное сечение имеет вид трехлучевой звезды.

Тип 12. Треугольные. **Вариант а.** С шипами (рис. 4.-2). **Вариант б.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов (рис. 4.-3).

Отдел VI. Трехгранно-трехлопастные. Верхняя треть пера представляет собой трехгранную пирамиду и треугольное поперечное сечение, в нижней части проходящие по перу желобки образуют небольшие лопасти.

Тип 13. Треугольные. **Вариант а.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов (рис. 4.-1).

Группа III. Железные.

Раздел II. Черешковые.

Ввиду крайне плохой сохранности изделий установить признаки, относящиеся к другим таксонам, невозможно (рис. 4.-4–5).

В результате классификации рассматриваемого материала было выделено: три группы, три раздела, два подраздела, шесть отделов и 13 типов, дополненных 19 вариантами.

Рассмотрим круг аналогий для выделенных типов. Сразу отметим, что подборка материала для них велась преимущественно среди изделий из лесостепной и горной зон Алтая, наиболее отражающих особенности местного производства. Большинство из них является совокупностью аналогичных признаков, а не полностью идентичными образцами, поскольку ручное производство не может предполагать точного повторения даже одной и той же формы.

Кость и рог (группа I) являются одними из наиболее древних материалов для изготовления наконечников стрел. В публикуемой серии изделия из указанных материалов преобладают, составляя 31 из 36 образцов. На территории Горного Алтая костяные и роговые наконечники стрел известны по комплексам афанасьевской культуры (Ефремова, 2008, с. 107, рис. 1.-1). В лесостепной зоне наконечники стрел из кости и рога активно применяются с эпохи ранней бронзы, используя носителями елунинской культуры с середины III тыс. до н. э. (Кирюшин, 2002, рис. 144–145). Благодаря доступности и универсальности на рассматриваемых территориях они продолжали бытовать вплоть до эпохи средневековья (Тишкин, 2009, рис. 16.-9–10; 24.-4–6; 41.-1–4; Кубарев, 2005, с. 86, рис. 25.-22).

Более ранней формой насада, представленной уже в энеолитических материалах, является втульчатая (раздел I). Этот способ крепления фиксируется у изделий из святилища Кучерла-I (Ефремова, 2008, с. 107, рис. 1.-1). Наибольшее распространение оно получает в скифское время, сохраняясь впоследствии вплоть до тюркского времени (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 68; Матренин, Серегин, 2019, с. 109). В рассматриваемой серии этот насад представлен незначительно и использован лишь у четырех экземпляров.

Аналогичным образом были распространены и датируются изделия со скрытой втулкой (подраздел I). Это единственный подраздел со втульчатым способом насада, происходящий с комплекса Майма-VII.

Ромбическое сечение пера (отдел I) с конца VI в. до н. э. встречается в материалах Лесостепного Алтая (Могильников, 1997, с. 176). В Горном Алтае такое поперечное сечение есть у наконечников стрел со Средней Катунь, которые относятся к скифскому времени (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 26.-1, 3–4, 10).

Изделие с треугольным абрисом пера и шипами (тип 1а) находит наиболее близкую аналогию в материалах памятника V–IV вв. до н. э. Тыткескень-VI, объект № 47 (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 107, рис. 26.-3). Общая датировка типа 1а может определяться V–IV вв. до н. э.

Перо трехгранного сечения (отдел II) встречается в горной зоне с 1-й половины VI в. до н. э., бытуя там до IV в. до н. э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 263–264). В лесостепи наконечники с таким признаком фиксируются с конца VI до III в. до н. э. (Могильников, 1997, с. 176).

Изделие треугольного абриса с шипами (тип 2а) находит аналогии в могильниках пазырыкской культуры Уландрык-III, курган № 1; Уландрык-IV, курган № 2; Юстыд-ХII, курган № 3; Малталу-IV, курган № 25 (Кубарев, 1987, табл. LVIII.-16; LXXV.-39; 1991, табл. XIX.-13; 1992, табл. LXX.-11–14). А также быстрианской культуры — Бийск-I (Завитухина, 1961, рис. 3.-2, 4). Это позволяет датировать тип 2а в рамках V–IV вв. до н. э.

Экземпляр с трехгранно-трапециевидным сечением (отдел III), килевидным абрисом и шипами (тип 3а) не находит полностью идентичных аналогий.

Наконечники стрел с черешковым способом насада (раздел II) фиксируются на территории Лесостепного Алтая с раннего бронзового века, продолжая активно применяться до эпохи развитого средневековья (Кирюшин, 2002, с. 247–249; Тишкин, 2009, рис. 64.-2–6; 96.-1). В Горном Алтае изделия с таким типом фиксации на древке появляются в «раннескифское» и бытуют до жужанского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 59.-8–9; 64.-5, 7–9). В рассматриваемой выборке среди костяных и роговых образцов они являются преобладающими.

Ромбическое сечение (отдел I) у черешковых наконечников является одним из наиболее древних и распространенных, встречаясь в материалах культур Лесостепного и Горного Алтая с эпохи палеометалла до развитого средневековья (Кирюшин, 2002, рис. 143.-2, 7; 144.-4; Кубарев, Шульга, 2007, Фролов, 2008, рис. 96.-5; 121.-11, 20; Матренин, Серегин, 2019, рис. 1.-6–12, 15–18; Тишкин, 2009, рис. 41.-3; 49.-13–14; и др.).

Изделие с треугольным абрисом и шипами (тип 4а) не находит полностью идентичных аналогий, но по ряду признаков оно может быть соотнесено с наконечником из могильника VI–V вв. до н. э. Фирсово-XIV, могила 319 (Фролов, 2008, рис. 135.-15). Образец, имеющий технические насечки на черене (тип 4б), находит наиболее близкие аналогии в материалах могильников IV–III вв. до н. э. Новотроицкое-1 и Локоть-4а (Шульга, 2003, рис. 48.-31; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 29.-2).

Наконечники килевидного абриса с шипами (тип 5а) представлены двумя разновидностями: одно изделие более крупное, второе — меньших размеров. Крупный наконечник не находит полностью идентичных аналогий. По абрису он наиболее близок к образцам староалейской культуры V — начала IV в. до н. э. (Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 18.-7; Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 13.-10; 15.-2). К этим датам может относиться и бытование типа 5а.

Трехгранные (отдел II) черешковые образцы широко известны по материалам Горного и Лесостепного Алтая в скифское время (Фролов, 2008, рис. 69.-11; 72.-10; 74.-2; 82.-4–7; Могильников, 1997, с. 176; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 68).

Изделия треугольного абриса с шипами (тип 6а) находят наиболее близкие аналогии в следующих комплексах: Кайнду, курган № 13 (V–IV вв. до н. э.), Тыткескень-VI,

курган №9 (V–IV вв. до н. э.), Обские Плесьи-II (V — начало IV в. до н. э.), Староалейка-II, могила №48, и др. (рубеж VI–V вв. до н. э.) (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 25.-4–5, 10; Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 18.-5–9, 14–16; Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 9.-8–9). Наконечник достаточно аморфной формы без шипов (тип бб), идентичен изделию из могильника Боротал-I (V в. до н. э.) и памятника Староалейка-II, могила №48 (рубеж VI–V вв. до н. э.) (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 68.-4; Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 13.-10; Лихачева, 2020, с. 190). Образцы, имеющие помимо шипов такой дополнительный технический элемент, как насечка на черешке (тип бв), находят ряд аналогий среди изделий в памятниках, датируемых в пределах середины VI — III вв. до н. э. Это могильники Тыткескень-I, VI, Кайнду, Боротал-I, Тете-IV, Староалейка-II и др. (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 24; 25.-1–3, 6–8, 11; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 68.-6, 9; Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 15.-2). Изделие с «тамгой» (тип бг) не находит полностью идентичных аналогий. Таким образом, с учетом приведенных аналогий тип ба может быть отнесен к концу VI — середине IV в. до н. э., тип бб, видимо, относится к V в. до н. э., в свою очередь, бытование типа бв наиболее продолжительно и укладывается в рамки с середины VI до III в. до н. э. Вероятно, к этому же времени может быть отнесен и экземпляр с тамгой — тип бг, поскольку остальные его признаки схожи с типом б в.

Трегранный наконечник с килевидным абрисом пера и шипами (тип 7а) близок изделиям из памятников Обские Плесьи-II (V — начало IV в. до н. э.) и Староалейка-II (конец V — середина IV в. до н. э.) (Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 18.-7; Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 13.-10; 15.-2). Общая его датировка может укладываться в V — середину IV в. до н. э.

Килевидно-фигурный наконечник с шипами (тип 8а) есть в материалах VI в. до н. э. быстринской культуры (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 69.-50). Схожие изделия происходят также из могильника Староалейка-II, могила №56, датируемая V–IV вв. до н. э. (Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 15.-2). К этому же времени может быть отнесен рассматриваемый тип.

Наконечники с трапециевидным сечением (отдел IV), треугольным абрисом и насечками на черешке (тип 9а) находят аналогии в материалах лесостепи V — середины IV в. до н. э. (Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 5.-13). Вероятно, этим же временем датируется данный тип в целом. Изделие с шипами и тамгой на пере (тип 9б) не находит идентичных аналогий.

Двухлопастное изделие (отдел V) с треугольным абрисом, шипами и насечками на пере (тип 10а) не находит идентичных аналогий.

Изделия с расщепленным насадом (раздел III), ромбическим сечением (отдел I) и треугольным абрисом (тип 11) имеют более восточное происхождение, являясь нетипичными для данного региона. Наиболее близкие аналогии экземпляр из могильника Майма-VII находит в материалах II–I вв. до н. э. улуг-хемской культуры (Килуновская, Леус, 2022, рис. 4.-19).

Прежде чем перейти к характеристике следующей группы, на наш взгляд, стоит остановиться на такой особенности анализируемой серии, как наконечники с тамгами на пере. Всего таких изделий четыре. Знаки на них не повторяются и имеют сле-

дующие вариации: три параллельные косые линии по краю пера (рис. 1.-3), фигура, напоминающая букву X, на грани пера (рис. 1.-4) и одна наклонная черта на одной из граней (рис. 3.-2) в виде плавно изогнутой, перевернутой набок V-видной фигуры (рис. 3.-3).

Традиция делать знаки-тамги на наконечниках стрел встречается у разных культур, населявших пояс Евразийских степей. Так, различного рода знаки фиксируются на савроматских бронзовых наконечниках стрел (Смирнов, 1961, рис. 11.-Б7-8; 16А.-5-19). Но, как отмечают исследователи, в большей степени такая традиция характерна для культур Сибири и Алтая (Саттаров, Красноперов, Камалаяев, 2024, с. 166). Целая серия таких изделий зафиксирована в материалах пазырыкской культуры (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 70). Интересен тот факт, что нет полностью идентичных обозначений. Как у изделий из Маймы-VII, так и среди аналогий изображения индивидуальны. Интерпретация этой традиции различна: метка чего-либо (собственности, группы, мастера, подражания), символ статуса или обстоятельства (дар/трофей) и т. д. (Саттаров, Красноперов, Камалаяев, 2024, с. 164). Пока сложно дать однозначный ответ о назначении этого явления.

Бронзовые наконечники стрел (группа II) на территории лесостепи в рассматриваемом регионе известны с XVIII в. до н. э. (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 106, рис. 36.-3; Лихачева, 2011, с. 177).

Черешковый способ насада (раздел II) появляется на территории Горного Алтая с VII в. до н. э. (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 69.-1-2, 7-8, 21). В лесостепной зоне он известен у бронзовых образцов с конца VIII в. до н. э. (Могильников, 1997, рис. 45).

Трехлопастные изделия (отдел V) применяются племенами Лесостепного Алтая в VI-III вв. до н. э. (Лихачева, 2020, с. 52). В свою очередь, в Горном Алтае они известны в VI-V вв. до н. э. (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 69).

Изделия с треугольным абрисом пера, как с шипами (тип 12а), так и без дополнительных элементов (тип 12б), находят наиболее близкие аналогии среди наконечников староалейской и быстрянской культур VI-V вв. до н. э. (Лихачева, 2020, рис. 11.-5-7, 25; рис. 17).

Трехгранно-трехлопастное сечение пера (отдел VI) встречается у образцов из Лесостепного Алтая VI-III вв. до н. э. и Горного Алтая VI в. до н. э. (Лихачева, 2020, с. 54; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 69).

Наконечник треугольного абриса без шипов (тип 13а) наиболее соотносится с изделиями быстрянской культуры VI-V вв. до н. э. (Лихачева, 2020, рис. 11.-22-23; 17).

Железным образцам (группа III) из-за очень плохой сохранности не могут быть приведены аналогии. П. И. Шульга данные изделия называет «стержнями», назначение которых «неясно», но косвенно связывает их с деталями уздечного набора — удилами. Также он отмечает, что «железные черешковые трехлопастные наконечники на Верхней Оби достоверно существовали в IV в. до н. э., а, вероятно, и в V в. до н. э.» (Шульга, 2015, с. 177).

Проведенный типологический анализ позволяет выделить несколько хронологических групп в рассматриваемой серии.

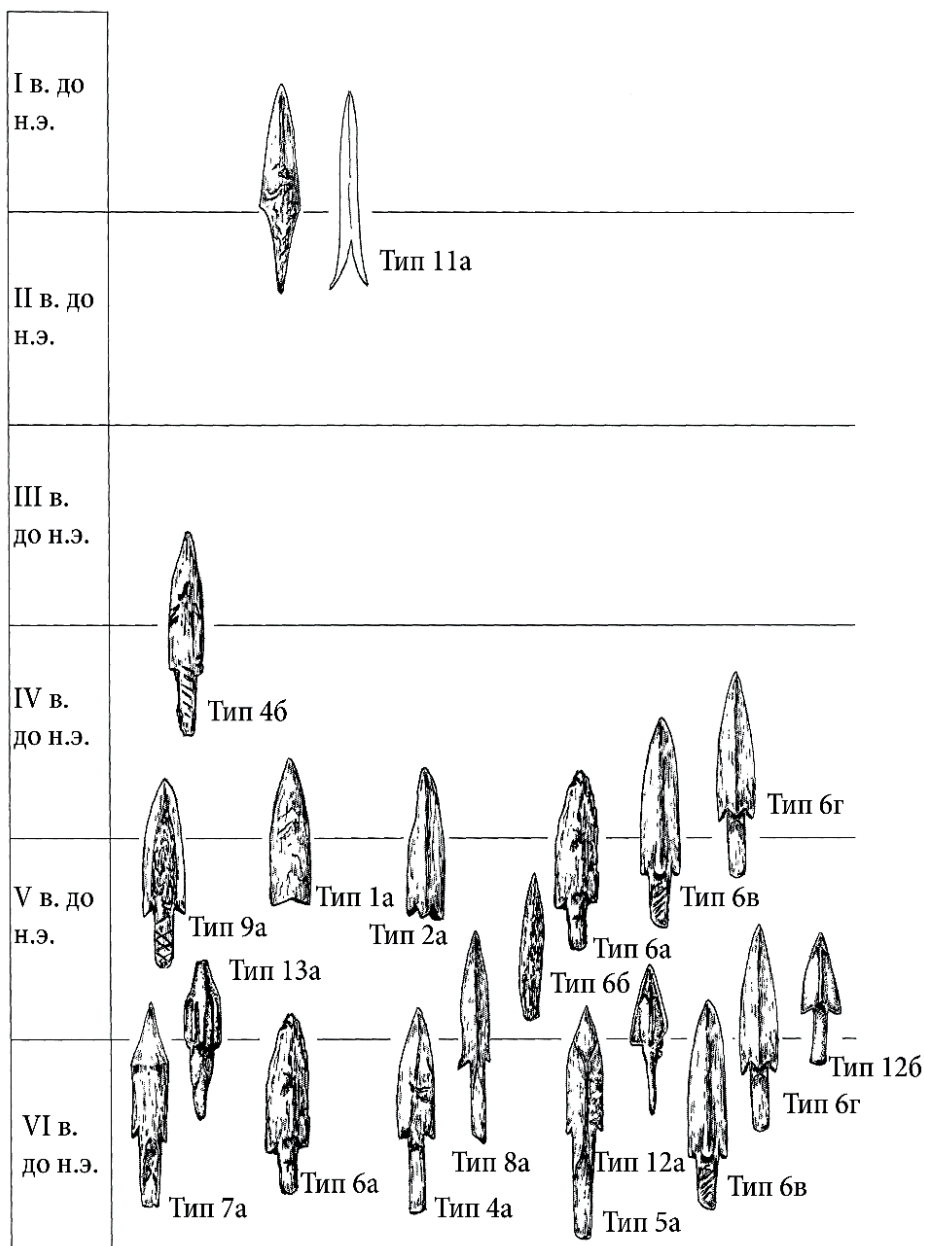

Рис 5. Типология наконечников стрел из памятника Майма-VII
 Fig. 5. Typology of arrowheads from the Mima-VII site

Наиболее ранние изделия VI–V вв. до н. э. (типы 4а, 5а, 8а, 12а — б, 13а). Сюда же можно отнести одно изделие, датируемое V в. до н. э. (тип 6б).

К V–IV вв. до н. э. относится пять типов (типы 1а, 2а, 7а, 9а).

Есть ряд изделий, бытующих более длительный период — VI–IV/III вв. до н. э. (типы ба, в–г).

Один тип (4б) относится к IV–III вв. до н. э.

Самым поздним является тип 11а, который относится ко II–I вв. до н. э.

Внутри комплектов, которые фиксируются по материалам погребений, можно выделить следующую взаимовстречаемость типов.

Курган № 4 содержал два почти полностью идентичных изделия черешкового способа насада, трехгранного сечения, с треугольным абрисом и шипами (тип ба).

Колчаный набор из кургана № 8 является самым значительным по количеству экземпляров и состоит из семи наконечников. Он же является единственным, в составе которого присутствуют бронзовые наконечники стрел. Все изделия, как из кости/рога, так и из металла, — черешкового способа насада. Первые по сечению делятся на ромбические и трехгранные, абрис килевидный, килевидно-фигурный или треугольный. Все наконечники снабжены шипами (типы 5а, ба, 7а, 8а). Бронзовые образцы трехлопастные или трехгранно-трехлопастные, с треугольным абрисом (типы 12а–б, 13а).

Из кургана № 27 происходит два единственных на памятнике железных наконечника. К сожалению, из-за плохой сохранности из морфологических особенностей возможно установить лишь черешковый способ насада. Далее речь будет идти только об изделиях из кости/рога, поэтому не будем дублировать информацию по материалу.

В кургане № 100 зафиксировано два однотипных изделия черешкового способа насада, с трехгранным сечением и шипами, отличающихся лишь по наличию насечек на черешке (тип ба, в).

В погребении 61 зафиксировано два черешковых образца, ромбического и треугольного сечения, с треугольным абрисом и шипами (типы 4а, ба).

Из погребения 81 происходит четыре однотипных наконечника стрел с черешковым способом насада, треугольным сечением и абрисом, а также шипами (тип бв).

Набор из погребения 140 включал два черешковых образца с двухлопастным и трапециевидным сечениями. Образцы с треугольным абрисом и шипами. Стоит отметить, что оба образца имеют знаки на пере (типы 9б, 10а).

Набор из погребения 151 полностью идентичен комплекту погребения 81 (тип бв).

Проведенный анализ позволяет обратить внимание на следующие особенности в формировании сопроводительных наборов наконечников стрел на памятнике Майма-VII. Все они содержат небольшое количество изделий. Так, в наиболее полный входит 7 экз., по одному разу встречено 4 и 3 экз., пять раз по 2 экз. Во всех остальных случаях зафиксировано только по одному наконечнику. В наборы входят либо полностью однотипные образцы, либо очень близкие по морфологии. В одном случае даже знаки-тамги присутствуют на обоих изделиях из одного погребения. Только раз фиксируется использование разных материалов (кость и бронза), а сочетание двух способов насада (черешковый и втульчатый) не присутствует ни в одном комплекте.

Отдельного внимания заслуживает погребение 68. Из него также происходит два костяных наконечника, но один из них являлся сопроводительным инвентарем, вторым — погребенный был убит. Первый по своим конструктивным особенностям не выбивается из круга изделий данного памятника. Второй представляет единственный найденный

на памятнике экземпляр с расщепленным насадом, что указывает на его связь с совершенно иной культурной традицией. Было ли это результатом масштабного военного столкновения или частным случаем, судить сложно. Открытым остается и вопрос о специализации костяных наконечников стрел. Скорее всего, их использование против человека являлось скорее единичной вынужденной мерой и не носило массового характера. В пользу данной точки зрения свидетельствует слишком малое количество прямых свидетельств. Это скорее исключение, а не правило (Горбунов, 1996, с. 162). Кроме того, распространение уже в скифское время на территории Горного Алтая и предгорий таких средств индивидуальной защиты, как панцири, в том числе бронзовые, и щиты, делало костяные наконечники стрел просто неэффективными как специализированный предмет вооружения (Горбунов, 1996, рис. 1.-10–11, 13; Горелик, 2003, табл. LXV.-70–73). Значительный же удельный вес их среди других образцов указывает скорее на высокую роль охоты в системе жизнеобеспечения, что является стандартным для кочевых сообществ (Горбунов, 1996, с. 162).

Заключение

Представленный в публикации материал значительно пополняет сведения о такой категории инвентаря быстринской культуры, как наконечники стрел. Рассмотрена и проанализирована достаточно представительная коллекция для одного однокультурного памятника в количестве 36 экземпляров. Хронологический диапазон изучаемого материала достаточно широк (VI–II вв. до н. э.), что позволяет проследить эволюцию форм, размеров и особенностей типов наконечников стрел из погребений могильника Майма-VII. Большинство из них относится к ранним периодам существования памятника, что еще раз подтверждает мнение В. Д. Кубарева и П. И. Шульги о преимущественном бытовании роговых (костяных) наконечников стрел в ранних памятниках пазырыкской культуры (Кубарев, Шульга, 2007, с. 94). В целом рассмотренные наконечники стрел являются достаточно типичными как для пазырыкской, так и соседних культур Южной Сибири, Синьцзяна, Восточного Казахстана этого периода. Приведенный круг аналогий указывает на то, что колчаные наборы в рассматриваемой контактной зоне формировались под влиянием как северных (лесостепных), так и южных (горных) традиций археологических культур раннего железного века Южной Сибири середины — 2-й половины I тыс. до н. э.

Определенный интерес представляют четыре экземпляра со знаками-тамгами на гранях, гипотетически считающимися родовыми символами или индивидуальными знаками собственности. Это определенно указывает на распространение данного явления за пределы пазырыкской культуры и подтверждает еще одно наблюдение В. Д. Кубарева и П. И. Шульги о том, что «значительная часть наконечников со знаками в Горном Алтае происходит из ранних захоронений, расположенных на периферии ареала распространения пазырыкской культуры и относимых к ней с оговорками» (Кубарев, Шульга, 2007, с. 99). Также отметим хорошо фиксирующийся стратиграфически факт поражения «быстринца» костяным наконечником стрелы с раздвоенным насадом хунуского типа. С учетом его морфологии можно говорить о том, что на комплексе Майма-VII отмечено первое проникновение влияния центральноазиатских племен на территорию северных предгорий Алтая.

В целом представленная в публикации серия наконечников стрел из могильника Майма-VII является серьезным дополнением источниковедческой базы по вооружению, технологии ремесленных производств и культурных контактов населения быстрианской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плеса-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плеса-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). СПб.: Атлант, 2003. 336 с.

Ефремова Н. С. Наконечники стрел в материалах святилища Кучерла-I // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, выпуск 3: Археология и этнография. С. 107–116.

Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Л.: Государственный Эрмитаж, 1961. С. 98–108.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Лук и стрелы эпохи хунну в Туве // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2022. № 2. С. 103–118.

Киреев С. М. Погребения быстрианской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992а. С. 54–58.

Киреев С. М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б. и, 1992б. С. 55–56.

Киреев С. М., Акимова Т. А., Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2008. 144 с.

Киреев С. М., Герасимов Е. В. Сопроводительные захоронения лошадей из курганов Майминского комплекса // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Б. и, 1992. С. 33–35.

Киреев С. М., Чевалков С. Ю. Курган позднего этапа быстрианской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 86–91.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Лихачева О. С. Комплекс вооружения староалейской культуры Барнаульского Приобья (VII–II вв. до н. э.) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та им. В. П. Астафьева, 2011. С. 175–178.

Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.). Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020. 304 с.

Матренин Н. Н., Серегин С. С. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. № 3. С. 104–113.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Б. и, 1997. 195 с.

Радовский С. С. Сопроводительные захоронения лошадей в погребальном обряде населения быстринской культуры Алтая скифо-сакского времени // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2021. № 2. С. 76–83.

Радовский С. С. Погребальный обряд населения быстринской культуры: историографический аспект // Поволжская археология. 2025. № 1. С. 98–101.

Саттаров Р. Р., Красноперов А. А., Камалеев Э. В. Знаки на наконечниках стрел из памятников пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2024. № 1. С. 155–169.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 168 с. (МИА; № 101)

Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н. э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 322 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

REFERENCES

Vedyanin S. D., Kungurov A. L. The Ground Burial Ground of the Old Aley Culture Obskiye Plesye-2. In: Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 88–114. (*In Russ.*)

Gorbunov V. V. Ritual Burials of Animals of the Kulai Culture (Obskiye Plesye-II Ground Burial Ground). In: Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 156–166. (*In Russ.*)

Gorelik M. V. Weapons of the Ancient East (the 4th millennium — 4th century BC). St. Petersburg: Atlant, 2003. 336 p. (*In Russ.*)

Efremova N. S. Arrowheads in the Materials of the Kucherla-Sanctuary. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of the NSU. Series: History, philology*. 2008;7(3): 107–116. (*In Russ.*)

Zavituxina M. P. Burial Ground of the Time of Early Nomads near Biysk. In: Archaeological Collection of the State Hermitage Museum. Vol. 3. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh, 1961. Pp. 98–108. (*In Russ.*)

Kilunovskaya M. E., Leus P. M. Xiongnu Bow and Arrow in Tuva. *Mul'tidisciplinarnye issledovaniya v arheologii = Multidisciplinary Research in Archaeology*. 2022;2:103–118. (*In Russ.*)

Kireev S. M. Burials of the Bystryanskaya Culture. In: Problems of Studying the History and Culture of Altai and Adjacent Territories. Gorno-Altajsk: GANIIYaL, 1992a. Pp. 54–58. (*In Russ.*)

Kireev S. M. Works at the Maiminsky Complex in 1990–1991. In: Problems of Preservation, Use and Study of Archaeological Sites. Gorno-Altajsk: B. i, 1992b. Pp. 55–56. (*In Russ.*)

Kireev S. M., Akimova T. A., Borodovskij A. P., Borodovskaya E. L. Archaeological Sites and the Sites of the Maiminsky District. Gorno-Altajsk: Izd-vo AKIN, 2008. 144 p. (*In Russ.*)

Kireev S. M., Gerasimov E. V. Accompanying Horse Burials from the Mounds of the Maiminsky Complex. In: New in the Archaeology of Siberia and the Far East. Tomsk: B. i., 1992. Pp. 33–35. (*In Russ.*)

Kireev S. M., Chevalkov S. Yu. The Mound of the Late Stage of Bystryan Culture. In: Studying the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of South Siberia. Gorno-Altajsk: AKIN, 2005. Pp. 86–91. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. The Chalcolithic and Early Bronze Age of the South of Western Siberia. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294p. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Grushin S. P., Tishkin A. A. Funeral Rite of the Population of the Early Bronze Age of the Upper Ob Region. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 333 p. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Early Iron Age Burial Ground Staroaleika-2. In: Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 115–134. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F. The Scythian Epoch of the Altai Mountains. Part 3: Burial Complexes of the Scythian Period of the Middle Katun. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 292 p. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. The Scythian Epoch of the Altai Mountains. Part I: The Culture of the Population in the Early Scythian Period. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. The Mounds of Ulandryk. Novosibirsk: Nauka, 1987. 302 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. The Mounds of Yustid. Novosibirsk: Nauka, 1991. 190 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. The Barrows of Sailugem. Novosibirsk: Nauka, 1992. 220 p. (*In Russ.*)

Kubarev G. V. Culture of the Ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary sites). Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D., Shul'ga P. I. The Pazyryk Culture (Chuya and Ursula mounds). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 282 p. (*In Russ.*)

Lixacheva O. S. The Armament Complex of the Old Aley Culture of the Barnaul Ob Region (the 7th–2nd centuries BC). In: *Archaeology, Ethnography, Paleocology of Northern Eurasia: Problems, Search, Discoveries*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta im. V. P. Astaf'eva, 2011. Pp. 175–178. (*In Russ.*)

Lixacheva O. S. Armament and Military Affairs of the Population of the Forest — Steppe Altai in the Early Iron Age (the 8th–1st centuries BC). Barnaul: IP Kolmogorov I. A., 2020. 304 p. (*In Russ.*)

Matrenin N. N., Seregin S. S. Bone (horn) Arrowheads of Altai Nomads at the Turn of the Antiquity and the Middle Ages. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologiya = Proceedings of Altai State University. Historical sciences and archeology*. 2019;3:104–113. (*In Russ.*)

Mogil'nikov V. A. The Population of the Upper Ob Region in the Middle and Second Half of the 1st Millennium BC. Moscow: B. i, 1997. 195 p. (*In Russ.*)

Radovskij S. S. Accompanying Horse Burials in the Funeral Rite of the Population of the Bystryanskaya Culture of Altai of the Scythian-Saka Period. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologiya = Proceedings of Altai State University. Historical sciences and archeology*. 2021;2:76–83. (*In Russ.*)

Radovskij S. S. Funeral Rite of the Bystryanskaya Culture Population: Historiographical Aspect. *Povolzhskaya arheologiya = Volga Region Archaeology*. 2025;1:98–101. (*In Russ.*)

Sattarov R. R., Krasnoperov A. A., Kamalyaev E. V. Signs on Arrowheads from the Sites of the Pianobor Culture. *Povolzhskaya arheologiya = Volga Region Archaeology*. 2024;1:155–169. (*In Russ.*)

Smirnov K. F. Armament of the Sauromats. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961. 168 p. (Materials and Research on Archaeology; No. 101) (*In Russ.*)

Tishkin A. A. Altai in the Mongol Period (based on the materials of archaeological sites). Barnaul: Azbuka, 2009. 308 p. (*In Russ.*)

Frolov Ya. V. Funeral Rite of the Barnaul Ob Region Population in the 6th century BC — 2nd century AD (according to the data of the underground burial grounds). Barnaul: Azbuka, 2008. 479 p. (*In Russ.*)

Shul'ga P. I. The Burial Ground of the Scythian Time is Lokot-4a. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 204 p. (*In Russ.*)

Shul'ga P. I. Horse Riding Equipment in the Altai Mountains and the Upper Ob region. Part II (the 6th–3rd centuries BC). Novosibirsk: RIC NGU, 2015. 322 p. (*In Russ.*)

Shul'ga P. I., Umanskij A. P., Mogil'nikov V. A. Novotroitsk Necropolis. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 329 p. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Киреев С. М.: идея, предоставление материала, введение, история изучения памятника, выводы, редактирование текста.

S. M. Kireev: the idea, the provision of material, the introduction, the history of the study of the monument, conclusions, text editing.

Лихачева О. С.: характеристика материала, рисунки и сводные таблицы, выводы, техническое оформление статьи, редактирование текста.

O. S. Likhacheva: characteristics of the material, figures and summary tables, conclusions, technical design of the article, text editing.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMACION ABOUT THE AUTORS

Киреев Сергей Михайлович, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина; Горно-Алтайск, Россия.

Sergej M. Kireev, Research Associate, National Museum of Altai Republic A. V. Anokhina; Gorno-Altaiisk, Russia.

Лихачева Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; Барнаул, Россия.

Olga S. Likhacheva, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University; Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 11.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.
The article was submitted 11.06.2025;
approved after reviewing 21.06.2025;
accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 902(571.51)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-04)

EDN: VTZJKH

ПРЕДМЕТЫ РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА В МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ ОСТРОВА СЕРГУШКИН (ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС)

Станислав Николаевич Леонтьев

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия;
lemosk1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6231-4043>

Резюме. В статье рассматриваются предметы, прямо или косвенно связанные с древним рыболовным промыслом, которые были найдены в 2009–2012 гг. в культуросодержащих слоях археологических памятников острова Сергушкин, расположенного в северном течении р. Ангара (зона затопления Богучанской ГЭС). Для указанной территории характерна значительная роль рыболовства в стратегии жизнеобеспечения человеческих коллективов на протяжении всей эпохи голоцена. Несмотря на данное обстоятельство, предметы, связанные с рыболовным промыслом, в материалах сергушкинских стоянок количественно незначительны. Они представлены костяными наконечниками гарпунов (3 экз.) и вильчатых острог (8 экз.), костяными рыбками-приманками (2 экз.) и каменными фигурками двуглавых (янусовидных) рыб (4 экз.), выполненными из камня и бронзы рыболовными крючками (3 экз.), железной «блесной» и массивным каменным грузилом. Перечисленные предметы относятся к разным историческим периодам (неолит, эпоха бронзы, средневековье), обнаруживают широкий круг аналогий в археологических материалах Приангарья и сопредельных территорий и указывают на преимущественно индивидуальный характер рыболовного промысла у местного древнего населения.

Ключевые слова: Приангарье, остров Сергушкин, рыболовство, орудия, стратегия жизнеобеспечения

Благодарности: работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири» — FWEZ-2024-0021.

Для цитирования: Леонтьев С.Н. Предметы рыболовного промысла в материалах памятников острова Сергушкин (зона затопления Богучанской ГЭС) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 71–90. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-04)

FISHING OBJECTS IN THE MATERIALS FROM THE ARCHAEOLOGICAL SITES ON THE SERGUSHKIN ISLAND (ZONE OF THE BOGUCHANOVSKAYA HYDRO-ELECTRIC POWER STATION FLOODING)

Stanislav N. Leont`ev

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Kemerovo, Russia;
lemosk1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6231-4043>

Abstract. The article deals with the objects directly or indirectly related to ancient fishing found in 2009–2012 in the archaeological layers on the archaeological sites of the Sergushkin island located in the northern stream of the Angara river (the zone of the Boguchanskaya hydro-electric power station flooding). For this territory, fishing played a significant role in the vital strategies of human groups during the whole Holocene Age. However, fishing related objects in the materials from the Sergushkin settlements are few. They are bone harpoon points (three items) and fishing forks (8 items), bone jig fish (2 items) and stone two-headed (Janus like) fish (4 items), fishing hooks made of stone and bronze (3 items), iron “spinner” (1 item) and a massive stone fishing weight. These listed objects belong to different historical periods (Neolithic, Bronze Age, Middle Age), have a large number of analogies in archaeological materials of the Angara River region and border territories, and indicate the individual way of fishing in the local population.

Keywords: Angara region, Sergushkin island, fishing, tools, vital strategy

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the state assignment of FRC CCC SB RAS “Sociocultural Genesis and Transboundary Interaction of Ancient and Medieval Societies in the Contact Zones of Western and Middle Siberia” — FWEZ-2024-0021.

For citation: Leont`ev S.N. Fishing Objects in the Materials from the Archaeological Sites on the Sergushkin Island (Zone of the Boguchanovskaya Hydro-Electric Power Station Flooding). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2): 71–90. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-04)

Введение

На протяжении всей эпохи голоцена важную роль в жизни населения Приангарья играло сезонное либо круглогодичное рыболовство. Рыба являлась одним из базовых компонентов в системе питания (Вебер и др., 2023, с. 39–47; Мамонтов, Лохов, 2013; Мамонтов, Роговский, 2013; Мамонтов и др., 2013), а специализированные орудия ее добычи — неперменной составляющей материального комплекса всех археологических культур региона. Количественно небольшая, но показательная серия артефактов, связанных с древним рыболовным промыслом, была получена в ходе охранно-спасательных работ, проводившихся в 2009–2012 гг. на трех нижеуказанных археологических памятниках острова Сергушкин, расположенного в 64 км выше по течению р. Ангары от с. Кежда (Кежемский район Красноярского края) (рис. 1).

Сергушкин-1 — многослойная стоянка и локализованный на ее территории разновременный могильник раннего неолита — развитого средневековья. Памятник, открытый в 1974 г. В.И. Привалихиным, дислоцирован в изголовье острова (рис. 1) и приурочен к двум высотным уровням: пятиметровой пойме (пункт «А») и 10–12-метровой аллювиальной надпойменной террасе (пункт «Б») (Привалихин, 2013, с. 73–74). Следует отметить, что пункт «А» этого памятника является единственным на острове Сергушкин местом нахождения останков ихтиофауны (Славинский и др., 2012, с. 489), а сама его территория до недавнего времени активно посещалась рыбаками (Привалихин, 2013, с. 79).

Сергушкин-3 — открытые в 1974 г. В.И. Привалихиным разновременные стоянка и могильник, дислоцированные на 12-метровой аллювиальной надпойменной террасе левого берега острова близ его нижней оконечности (Привалихин, 2009, с. 300–301) (рис. 1). От реки территория памятника отделена крутым обрывистым склоном, препятствующим прямому выходу к воде.

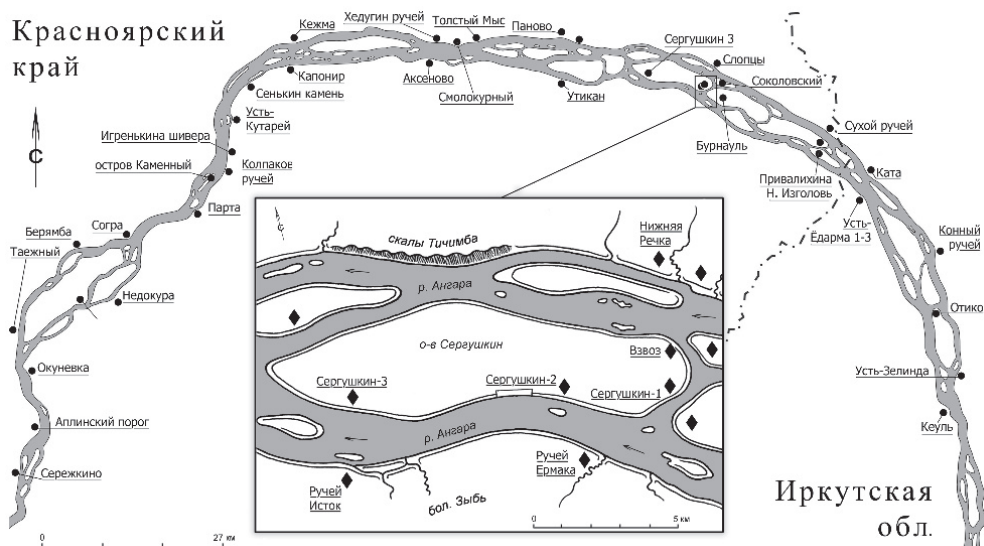

Рис. 1. Археологические памятники острова Сергушкин: план-схема расположения
 Fig. 1. Archaeological sites of the Sergushkin Island: plan-scheme of location

Взвоз — разновременная стоянка, дислоцированная на 4–5-метровой пойме правого берега острова в 1 км от его изголовья (рис. 1). Памятник включает два пункта. Пункт 1, открытый в 1988 г. В.И. Привалихиным, локализовался в юго-восточной части памятника и представлял собой стоянку эпохи неолита — средневековья с разрушенным культурным слоем (Привалихин, 1994, с. 84–87). Пункт 2, открытый в 2010 г. П.В. Германом, занимал северо-западную часть памятника и представлял собой бронзолитейную площадку раннего железного века, перекрывающую стоянку периода финального неолита (Герман, Леонтьев, 2012; Герман, Леонтьев, Савельева, 2015).

Рассматриваемый ниже археологический материал встречен в 2009–2012 гг. на нижних стратиграфических горизонтах культуросодержащих слоев пункта «А» Сергушкина-1 и пункта 2 Взвоза, а также на разных горизонтах культурного слоя стоянки-могильника Сергушкин-3.

Описание материалов

В представленном ниже описании все изделия по исходному материалу разделены на три группы: предметы из кости и рога, металлические (бронза, железо) изделия и предметы из камня.

Изделия из кости и рога включают три категории предметов: наконечники гарпунов, наконечники вильчатых зажимных острог и приманки, выполненные в виде фигурки рыбы.

Наконечники гарпунов — три экземпляра. Два из них (рис. 2.-1-2) представлены фрагментами, найденными вне археологического контекста в нижней части культурного слоя стоянки Сергушкин-1. Третий — полный, распавшийся на три сильно эродированные части предмет (рис. 2.-3), обнаружен в рекогносцировочном раскопе 2009 г.,

заложенном на памятнике Сергушкин-3. Он залегал в скоплении фрагментов неидентифицируемых костяных изделий (рис. 2.-4-8), сопровождавших развал керамического сосуда аталонгского типа (рис. 2.-9).

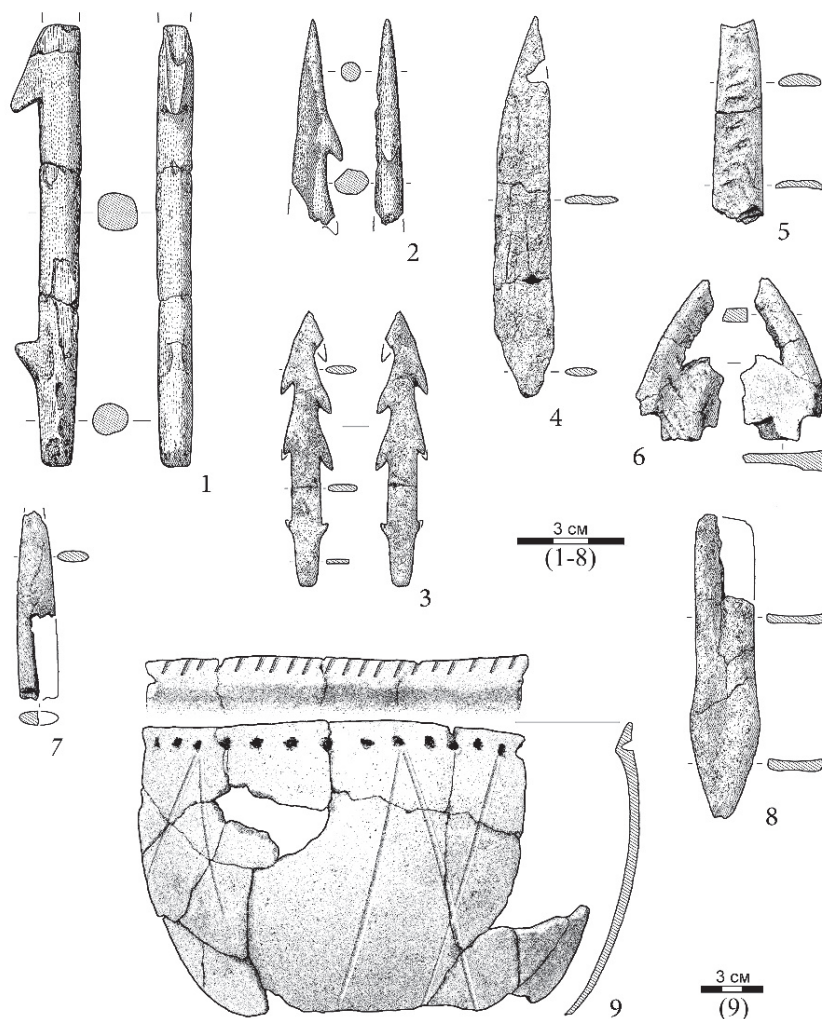

Рис. 2. Предметы рыболовного промысла: 1-2 — Сергушкин-1;
3-9 — Сергушкин-3 (1-8 — кость, 9 — керамика)

Fig. 2. Fishing objects: 1-2 — Sergushkin-1; 3-9 — Sergushkin-3 (1-8 — bone, 9 — ceramics)

Первый из рассматриваемых предметов (рис. 2.-1) является обломком нижней части рогового зубчатого наконечника гарпуна. Сохранилась база с длиной (10,1 см) прямой и округлой в сечении шейкой диаметром 1,2 см, стержневидным насадом с подтреугольным шестимиллиметровым выступом стопор-линия в его верхней части и одним крупным (0,8 см) клювовидным зубцом обломанного пера. Второй (рис. 2.-2) — фрагмент прямого, округлого в сечении заостренного жала и верхней части пера костяного

одностороннего гарпуна с двумя крупными (0,4–0,5 см) клювовидными зубцами. Общий размер предмета 5,9×1,4×0,8 см. Третий (рис. 2.-3) — полностью сохранившийся костяной двухсторонний наконечник с прямым пером и асимметрично расположенными тремя и двумя крупными зубцами с широким шагом. Общие размеры изделия 7,8×1,5×0,5 см при длине пера 4,5 см и ширине зубцов 0,4–0,5 см. Насад уплощенный, округлый, стопор-линь выполнен в виде пары перпендикулярных изделию и обращенных к шипам выступов 0,2–0,3 см с плавно переходящей в насад покатой пяткой.

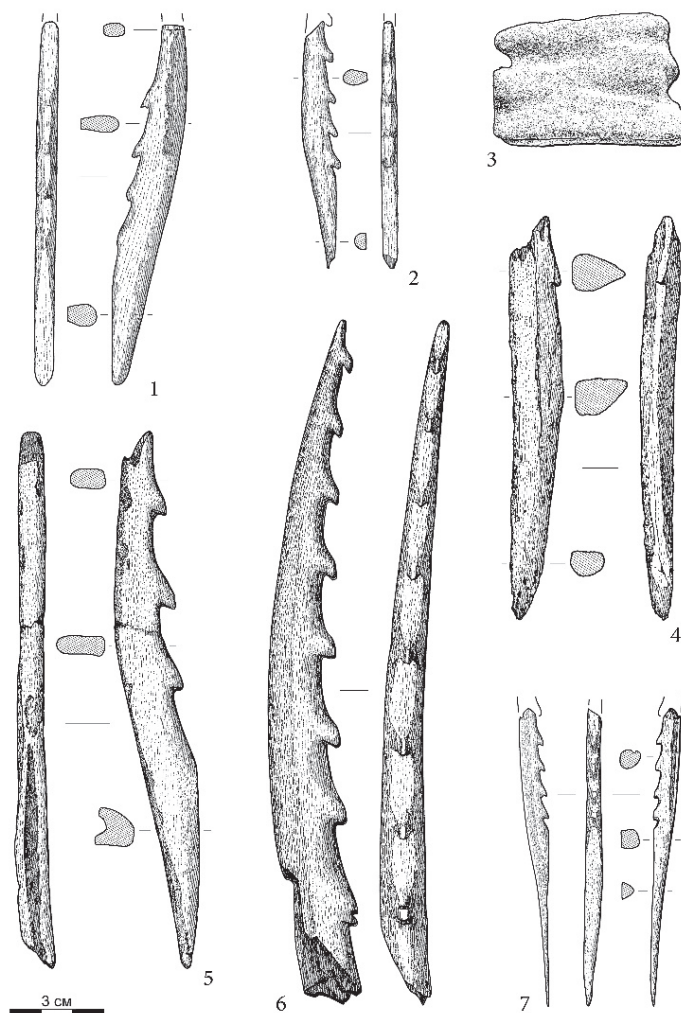

Рис. 3. Предметы рыболовного промысла: 1-7 — Сергушкин-1 (1-2, 4-7 — кость, 3 — камень)
 Fig. 3. Fishing objects: 1-7 — Sergushkin-1 (1-2, 4-7 — bone, 3 — stone)

Наконечники вильчатых зажимных острог — 8 экз., обнаруженные в 2011–2012 гг. на нижних стратиграфических горизонтах культурного слоя пункта «А» Сергушки-

на-1. Шесть из них, сохранившиеся лишь фрагментарно (рис. 3.-1-2, 4-7), односторонние, многозубые, с плавно изогнутым пером, выполненные из кости крупного (копытного?) животного. Спинка их пера округлая, пятка клиновидного насада уплощенная, внешнее его ребро округлое, без насечек, углублений или выступов. Поверхность всех предметов ошлифована, но не отполирована. Жало сохранилось лишь у одного из них (рис. 3.-6). В отличие от наконечников гарпунов, оно короткое, округлое, без выраженной заточки. Примечательно, что у одного из данных изделий (рис. 3.-1) скол жала был преднамеренно выровнен, нижерасположенный зубец убран, а выше него прорезана узкая разметочная канавка. Очевидно, что после поломки этот наконечник был предназначен для починки.

Два из рассматриваемых изделий (рис. 3.-2, 7) — не более 13–15 см длины при ширине пера 1–1,4 см. Зубцы их короткие, выполненные с небольшим шагом. Три других наконечника (рис. 3.-4–6) — крупные: до утраты целостности длина их заведомо превышала 20 см при ширине пера 2,2–2,4 см. Их клювовидные угловатые зубцы выполнены с большим интервалом шага. Еще один предмет (рис. 3.-1) по своим метрическим характеристикам занимает промежуточное положение.

Две половины крупного наконечника вильчатой остроги очень хорошей сохранности (рис. 4.-7–8) были обнаружены в 2012 г. в составе «клада» — депозита. Помимо указанных предметов, в него входили: две заготовки из обработанного шлифовкой продольного скола кости ноги копытного животного (рис. 4.-3–4), продольный фрагмент челюсти крупного травоядного со следами грубой обработки (рис. 4.-5), фрагмент трубчатой кости крупного копытного со следами обработки абразивом (рис. 4.-6), левая половина нижней челюсти косули (рис. 4.-1) и правая половина нижней челюсти молодого оленя (рис. 4.-2) без следов обработки. Обе части наконечника выполнены из одинаковых сильно трансформированных костяных заготовок. Перо их слабо изогнутое, с коротким жалом и двумя параллельными рядами коротких трапециевидных зубцов с широким шагом. Насад подтреугольный, широкий, с плоской пяткой (рис. 4.-9–10). Общий размер изделий 28,5×3,7×1,5 см при длине пера 19,8 см. Поверхность обоих предметов имеет выраженные следы обработки абразивом. В качестве последнего, вероятно, использовался брусок зернистого песчаника, какие в значительном количестве встречены в культурном слое памятника (рис. 3.-3).

Рыбки-приманки — 2 экз. (рис. 5.-3–4), найденные в 2011 и 2012 гг. на нижних горизонтах культурного слоя пункта «А» Сергушкина-1. Первая из них (рис. 5.-3), сохранившаяся полностью, выполнена на ошлифованной костяной пластинке с линзовидным поперечным сечением. Общие размеры 7,5×2,1×0,5 см. Фигурка представляет собой реалистичное силуэтное изображение рыбки, судя по раздвоенному хвосту и выраженному жировому плавнику, принадлежащей к семейству лососевых. Спинной плавник отсутствует, а на его месте встречным сверлением выполнено двухмиллиметровое биконическое отверстие для крепления лесы. Вторая фигурка (рис. 5.-4), выполненная на ошлифованной плоской костяной пластинке, сохранилась фрагментарно: утрачены хвостовая часть и место крепления лесы. Скульптурка представляет собой силуэтное изображение веретенообразного тела с узкой вытянутой головой и опущенным вниз острым рылом. Брюшной, анальный и жировой плавники пере-

даны небольшими треугольными выступами, линия рта обозначена тонким коротким желобком. На месте спинного плавника — частично обломанное сквозное отверстие для крепления лесы диаметром около 1 мм. Общий размер сохранившегося фрагмента 6,1×2,2×0,3 см.

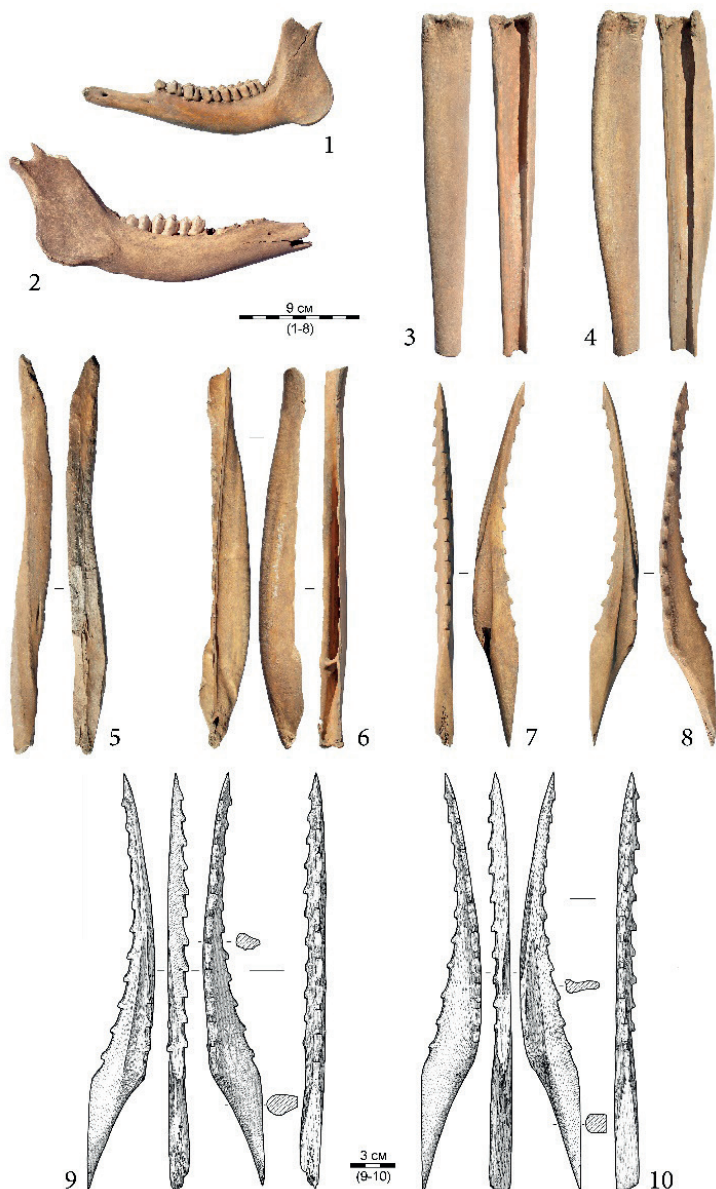

Рис. 4. Предметы рыболовного промысла: 1–10 — Сергушкин-1 (1–10 — кость)
 Fig. 4. Fishing objects: 1–10 — Sergushkin-1 (1–10 — bone)

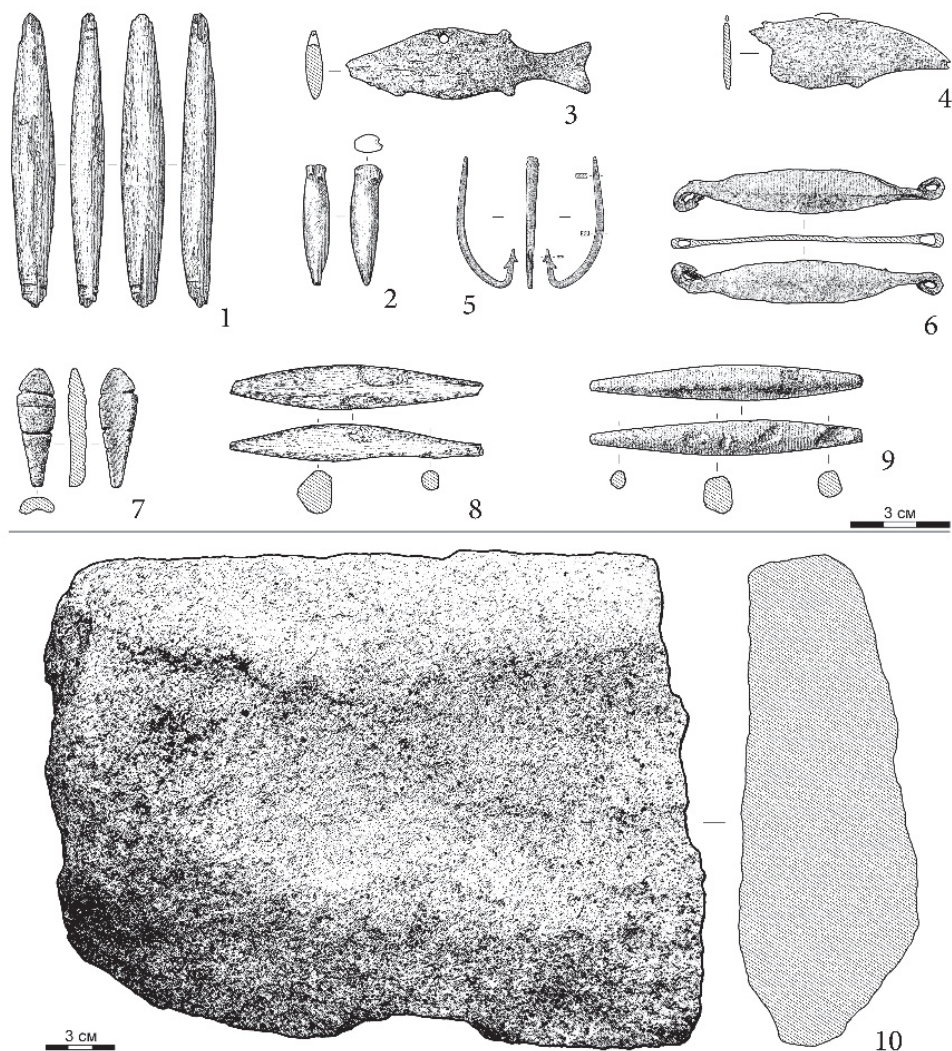

Рис. 5. Предметы рыболовного промысла: 1-4, 7-9 — Сергушкин-1; 5-6 — Сергушкин-3; 10 — Взвоз (1-2, 9-10 — камень, 3-4, 7 — кость, 5 — бронза, 6 — железо)
 Fig. 5. Fishing objects: 1-4, 7-9 — Sergushkin-1; 5-6 — Sergushkin-3; 10 — Vzvoz (1-2, 9-10 — stone, 3-4, 7 — bone, 5 — bronze, 6 — iron)

Изделия из металла представлены двумя предметами: бронзовым рыболовным крючком и железной блесной.

Рыболовный крючок размером 3,8×1,4×0,3 см (рис. 5.-5) изготовлен методом холоднойковки из длинного тонкого (3 мм) бронзового бруска. Общая его форма правильная J-образная. Длинное клиновидное цевье с прямоугольным поперечным сечением слабо выгнуто, головка в виде плавно расширяющейся кверху лопатки без плечиков с двумя горизонтальными желобчатыми пазами на боковых гранях морфологически не обособлена. Поддев с квадратным поперечным сечением, затылок плавный, по-

катый, лоб резко выражен. Жало высокое (12 мм), прямое и плоское, завершающееся двумя асимметрично расположенными противолежащими бородами. Крючок обнаружен в 2010 г. в качестве единственного предмета инвентаря разрушенного погребения № 16 могильника Сергушкин-3. Последнее представляло собой грунтовую яму глубиной около 16 см от уровня горизонта расчистки, имевшую в плане вид удлиненного неправильного овала размером 220×80 см, ориентированного по линии СЗ — ЮВ. Яма была заполнена прокаленной красновато-коричневой супесью с включениями мелких древесных угольков, обгоревшей бересты и разрозненных мелких фрагментов жженных костей взрослого человека. По радиоуглеродному анализу двух образцов горелого дерева для данного погребения получены даты 2790 ± 100 л. н. (SPb-381) и 2750 ± 100 л. н. (SPb-382) с предпочтительным калиброванным календарным интервалом 2σ XI — конец IX в. до н. э.

Блесна изготовлена из тонкой железной пластины, противоположные концы которой свернуты в трубки и согнуты в сомкнутые кольца (рис. 5.-6). Цевье лавровидное, с едва намеченным продольным ребром. Данный предмет общим размером 8,3×1,4×0,15 см встречен в 2010 г. в культурном слое стоянки Сергушкин-3. Функциональное назначение этого изделия носит предположительный характер.

Изделия из камня представлены тремя категориями предметов: стерженьки двусоставных рыболовных крючков, двуглавые (янусовидные) ихтиоморфные скульптуры и груз-камень.

Стержни составных рыболовных крючков — два экземпляра, встреченные в 2011–2012 гг. на нижних стратиграфических горизонтах стоянки Сергушкин-1. Первый (рис. 5.-2), выполненный из ошлифованной веретеновидной темно-сургучного цвета гальки размером 3,7×1,8 см, относится к китайскому типу. Второй (рис. 5.-1) представляет собой сланцевый стерженек зеленовато-серого цвета размером 9×1,4×1 см с усеченно-овальным поперечным сечением, тремя узкими неглубокими кольцевыми прорезными бороздками на каждом из его сужающихся концов и прямым шлифованным желобком для монтажа жала в нижней части.

Двуглавые (янусовидные) ихтиоморфные скульптуры — 4 экз., найденные в культурных слоях стоянок Взвоз и Сергушкин-1. Они подробно описаны нами в соответствующей статье (Леонтьев, Герман, 2021) и в данной работе не рассматриваются.

Груз-камень — 1 экз. Предмет обнаружен вне археологического контекста на нижнем (неолитическом) горизонте пункта 2 стоянки Взвоз. Он выполнен из уплощенного валуна коричневатого-серого туфопесчаника естественной трапециевидной формы (рис. 5.-10). Скошенные боковые фасы камня слегка подработаны грубым пикетажем, в той же технике выполнены две противолежащие неглубокие широкие (2,7–5,9 см) выемки для фиксации веревочной петли. Часть предмета (предположительно около четверти) обломана, размер сохранившегося фрагмента 27,7×23,3×8,9 см, вес 8,85 кг.

Обсуждение

Орудия рыболовного промысла в материалах сергушкинских стоянок количественно незначительны. Из 94982 единиц находок, полученных в ходе археологических исследований памятников Сергушкин-1, Сергушкин-3 и Взвоз в 2009–2012 гг. (Деревянко и др.,

2015, с. 334–337), прямо или косвенно к ним относится лишь 22 предмета. Для сравнения: полученная за тот же период коллекция каменных наконечников стрел (без учета их нахождения в объектах) насчитывает свыше 200 экземпляров.

Обращает на себя внимание полное отсутствие орудий коллективного лова, в первую очередь — предметов, маркирующих использование рыболовных сетей. На острове Сергушкин не обнаружено ни одного грузила, хотя камни с полярными выемками или сквозными отверстиями нередко встречаются в разновременных культурных слоях памятников Прибайкалья и Верхнего Приангарья (Эверстов, 1988, с. 46; Новиков, Горюнова, 2005, с. 128). Найденный в пункте 2 стоянки Взвоз *груз-камень* (рис. 5.-10) для выполнения данной функции излишне массивен. Его наиболее вероятное назначение — якорь-утяжелитель для притапливания и удержания погружной снасти-ловушки типа верши или мержи. Отсутствие рыболовных грузил на сергушкинских стоянках, население которых было знакомо с плетеными сетями уже с эпохи раннего неолита, может объясняться тремя причинами:

1 — преимущественное использование кибасов (Эверстов, 1988, с. 49), широко распространенных, например, в этнографическое время у якутов (Серошевский, 1993, с. 288);

2 — экспонирование сетей непосредственно у кромки речного берега в отсутствие угрозы их кражи и порчи со стороны соседей;

3 — предпочтительный индивидуальный характер рыбной ловли, характерный для древнего населения Прибайкалья (Бобров, 2023, с. 39).

Среди находок на сергушкинских стоянках также отсутствуют челноки и иглы для плетения сетей. Они могли быть изготовлены из несохраняющегося материала (дерева) либо не использовались местным населением вовсе: в этнографическое время якутские рыбаки плели сети руками без применения какого-либо инструмента (Серошевский, 1993, с. 287).

Из орудий индивидуального рыбного промысла в материалах стоянок острова Сергушкин наиболее широко представлены *наконечники гарпунов* (3 экз.) и *острог* (8 экз.), изготовленных из рога, метаподий и нижних челюстей крупных копытных животных (лося, оленя). Первые — многозубые, одно- (рис. 2.-2) или двухсторонние (рис. 2.-3), со стопор-линем в виде одного (рис. 2.-1) или пары (рис. 2.-3) трапециевидных выступов со скошенной пяткой. Они относятся к серовско-глазковскому типу (Новиков, Горюнова, 2005, с. 133) и полностью тождественны наконечникам со стоянок и из закрытых комплексов эпохи бронзы Прибайкалья и Южного Приангарья (Окладников, 1955, рис. 23–24; Горюнова, 2002, рис. 15.-9; 16.-7–8; Новиков, Горюнова, 2005, рис. 7, с. 133; Туркин, Харинский, 2004, с. 134–137, рис. 7.-2–5; Лохов, 2009, с. 111, рис. 1.-1; Дударёк, Лохов, Лейбова, 2015, с. 60–61; Панюхин, 2021, рис. 31.-1). Принадлежность рассматриваемых гарпунов к эпохе бронзы косвенно подтверждается и находением одного из них в сопровождении развала сосуда аталонгского типа (рис. 2.-9) — магистрального для данного периода истории Приангарья (Гурулев, Максимович, 2016; Леонтьев, Герман, 2019).

Шесть из восьми *наконечников вильчатых зажимных острог* однотипны. Они однорядные, многозубчатые, с плавно изогнутым пером и клиновидным насадом с упло-

щенной пяткой без каких-либо выступов или желобков (рис. 3.-1–2, 4–7). Отличают их друг от друга лишь размер и ширина шага между зубцами. На территории Северной Евразии морфологически сходные костяные зубчатые острия бытовали с мезолита до эпохи раннего железа (Савченко, 2017). На юге Центральной Сибири наиболее широкое распространение они получили в глазковско-окуневскую эпоху (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 23, табл. XX.-10–11, XXII.-5, 10; Эверстов, 1988, с. 113; Герман и др., 2021, с. 938, рис. 1.-15; Поляков, 2022, рис. 81.-8, 11–12; Амзараков, 2013, с. 200, рис. 1.-3). Типологически близкие наконечники были обнаружены в закрытом комплексе парного погребения №2 могильника Сергушкин-1 (Привалихин, 2013, с. 79–80, рис. 3.-3; 4.-1–2), также датируемого эпохой финального неолита — ранней бронзы.

Ближих аналогов двум половинам наконечника прижимной остроги из «клада» — депозита со стоянки Сергушкин-1 — односторонним, двурядным, с расширенным основанием базы (рис. 4.-7–10) — нам неизвестно. Двурядный односторонний наконечник остроги найден в погребении №2 Серовского могильника (Окладников, 1950, рис. 62), но морфологически с рассматриваемыми он несопоставим. Незавершенность обработки, отсутствие следов износа и условия нахождения данных предметов заставляют предполагать, что оба они являются не конечными изделиями, а парой заготовок на финальном этапе их исполнения.

Несомненными орудиями рыбного промысла являются три *рыболовных крючка*, выполненных из камня (Сергушкин-1) и бронзы (Сергушкин-3). Один из двух каменных стерженьков (баз) двусоставных рыболовных крючков относится к китойскому типу (рис. 5.-2) и уверенно датируется эпохой раннего неолита. Он полностью тождествен экземпляру, найденному в эпонимном могильнике (Георгиевская, 1989, рис. VIII.-3), датируемом в диапазоне $6344 \pm 74 - 6028 \pm 74$ ¹⁴C л. н. (Крутикова, Бердников, Бердникова, 2020, с. 167). Второй стерженек — удлинённый, с концевыми опоясывающими насечками (рис. 5.-1) — по классификации С. И. Эверстова относится к подтипу II. 8Aa (Эверстов, 1988, с. 48) и морфологически близок образцам глазковского времени (Окладников, 1955, рис. 16.-11; 31.-1; 33.-4; 34; 98.-4; Георгиевская, 1989, с. 98, рис. LXVI). Ранее к этой же категории предметов нами были отнесены морфологически тождественные друг другу каменные веретенообразные стерженьки с округло-трапециевидным поперечным сечением (рис. 5.-8–9) (Славинский и др., 2012, с. 489, рис. 2.-41–42). Эту их интерпретацию следует признать ошибочной: ни один из указанных предметов конструктивно не подходит для выполнения данной функции. При этом базой двусоставного рыболовного крючка, возможно, являлась найденная на стоянке Сергушкин-1 костяная каплевидная пластинка с вогнутым сегментовидным поперечным сечением, чья лицевая сторона покрыта прорезными поперечными желобками (рис. 5.-7) (Славинский и др., 2012, с. 489, рис. 2.-47).

Бронзовый крючок из погребения №16 могильника Сергушкин-3 по размерам и профилю близок современным, применяющимся для ловли относительно крупной хищной рыбы. В Байкальском регионе рыболовные крючки сходного вида, но изготовленные из кости, впервые появляются уже в раннем неолите (Базалийский, 2012, с. 67, рис. 9.-6), а в эпоху бронзы в Прибайкалье и на Верхней Ангаре они являются одними из самых распространенных орудий из металла (Туркин, Харинский, 2004, с. 144). Ча-

сто, как и крючок из погребения № 16, они имеют специфическую форму цевья: четырехгранную, несколько утолщенную в средней части и заметно утончающуюся к головке с поперечными желобками-насечками для фиксации лесы (Горюнова, 2002, с. 18, рис. 12.-22). Встречаются среди них и с двумя бородками (Окладников, 1955, рис. 16.-7–10). В погребениях раннего железного века подобные изделия отсутствуют. Исходя из сказанного, правомерно датировать рассматриваемый предмет эпохой развитой — финальной бронзы, что подтверждается абсолютной датой, полученной для погребения № 16 Сергушкина-3 (XI — конец IX вв. до н. э.).

Приманки в виде фигурок маленьких рыб, изготовленные из ошлифованных каменных и костяных пластинок, являются достаточно распространенной категорией находок для эпохи неолита — бронзы Прибайкалья и Приангарья (Окладников, 1936; 1950, с. 241–250; Студзицкая, 1976 с. 74–89; Эверстов, 1988, с. 49; Лысенко, Матвеев, Важенко, 2011, с. 425, рис. 3–4; Амзараков, 2013, рис. 2.–3, с. 202). Внешне и, очевидно, функционально они тождественны «блеснам» эвенков, эскимосов (Окладников, 1950, с. 254, рис. 79) и в условиях Приангарья могли использоваться для зимнего лова рыбы гарпуном или остройгой (Роговский, Кузнецов, 2013, с. 27). Вместе с тем нельзя исключать и вероятность их иного — декоративного функционального назначения: в закрытых неолитических комплексах Прибайкалья встречены выполненные в той же художественной манере костяные подвески в виде плоских фигурок зверей и птиц (Горюнова, 2002, рис. 9), не связанные с рыболовным промыслом.

Коллекция *каменных изображений двуглавых (янусовидных) рыб* серовского времени с острова Сергушкин включает 6 экз, два из которых были найдены В. И. Привалихиным (Привалихин, 1995, с. 146–147; 2011), а четыре — обнаружены в ходе исследований 2010–2012 гг. По устоявшейся традиции эти предметы также именуются «рыбами-приманками», что является очевидным недоразумением. Каких-либо доказательств возможности использования этих массивных скульптурок, чья длина порой превышает 0,5 м (Кызласов, 1986, рис. 1), в качестве орудий рыбного лова не было приведено ни разу. Напротив, интерпретация их как предметов сакрального или ритуально-прикладного назначения (Окладников, 1950, с. 333; Шерстобитова, Селезнев, 2004, с. 270, 277; Заика, 2014, с. 97; Вртанесян, 2013; Леонтьев, Герман, 2021, с. 507) представляется вполне обоснованной. Вместе с тем само бытование данных фигурок в поздненеолитическое время на территории от Среднего Енисея до Верхней Лены указывает на ту значительную роль, которую играл рыбный промысел в жизни древнего населения этого региона.

Железная пластинчатая *блесна* из культурного слоя Сергушкина-3 (рис. 5.-6) морфологически сближается с современными аналогами, но существенно отличается от средневековых, использовавшихся при ловле на дрожки и имевших широкое распространение у русского населения. У первых цевье с обеих сторон имеет отверстия либо кольца для крепления лесы и пристегнутого крючка, у последних же нижний конец цевья оформлен в виде неподвижного крючка (Тарасов, 2007). Близких аналогов рассматриваемому предмету нам не известно, а предложенная интерпретация его функционального назначения носит предположительный характер. Судя по материалу, технике из-

готовления и условиям залегания в культурном слое данное изделие предварительно может быть отнесено к эпохе средневековья.

Заключение

Орудия рыболовного промысла в материалах сергушкинских стоянок представлены крайне скупо. Данное обстоятельство может быть обусловлено одной из двух причин: либо значительная часть рассматриваемых предметов (сети, гарпуны, остроги, верши и пр.) экспонировалась близ кромки речного берега и редко доставлялась на территорию стоянок, либо рыболовство не являлось значимым промыслом для населения острова. По нашему мнению, ловля рыбы выполняла лишь вспомогательную функцию в стратегии жизнеобеспечения местных коллективов, о чем неоспоримо свидетельствует состав рассмотренных выше находок. Вероятно, на протяжении всей эпохи голоце-на посещения человеком берегов острова Сергушкин носили спорадический характер и были приурочены к сезонной охоте на мигрирующего зверя, в то время как рыбалка лишь обеспечивала пищевое разнообразие как факультативный промысел.

Примечательно, что подавляющее большинство рассматриваемых находок происходит из пункта «А» стоянки Сергушкин-1 — территории на берегу мелководной Бурнаульской протоки, где лов рыбы в межень был возможен простыми запорами без дополнительного инструментария. Последнее обстоятельство, вероятно, обеспечило массовость проживания здесь носителей усть-бельской керамической традиции (Леонтьев, Герман, 2018, с. 72–74). За исключением железной блесны и бронзового крючка все рассматриваемые материалы локализуются в культурно-хронологических рамках развитого неолита — ранней бронзы при явном преимуществе последней. Очевидно, что именно в серовско-глазковское время комплексный характер присваивающего хозяйства обрел особую актуальность для стратегии жизнеобеспечения локальных групп местного населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Амзараков П. Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления Богучанской ГЭС // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 200–205.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. 2012. № 1. С. 43–101.

Бобров В. В. Достижения охотников и рыболовов заключительного периода эпохи камня азиатской части России // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М.: Перо, 2023. С. 33–40.

Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 150 с.

Вебер А. В., Бронк Р. К., Шултинг Р. Д., Базалийский В. И., Горюнова О. И. Неолит и ранний бронзовый век Предбайкалья: хронология и пищевые тренды // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Экология. Антропология. 2023. № 43. С. 7–59.

Вртанесян Г. С. Календарная символика глазковской культуры Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 112–115.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 г.) // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. С. 78–85.

Герман П. В., Леонтьев С. Н., Иващенко С. Н., Калининская А. В., Егорченко С. Е., Вальков И. А., Ковзунова П. В., Горлышкин Н. Е., Тимощенко А. А. Культурно-хронологические комплексы курганного могильника Сагайская Протока-4 (Аскизский район республики Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. С. 936–944.

Герман П. В., Леонтьев С. Н., Савельева А. С. Бронзолитейная площадка раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Вып. VII. Красноярск: Изд-во Сиб. Федерал. ун-та, 2015. С. 68–86.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит — бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 84 с.

Гурулев Д. А., Максимович Л. А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск: Изд-во Сиб. Федерал. ун-та, 2016. Т. 1. С. 185–194.

Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) // Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. 564 с.

Дударёк С. П., Лохов Д. Н., Лейбова Н. А. Новый объект археологического наследия Ромашка в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 14. С. 49–66.

Заика А. Л. Образ мамонта в искусстве древних и традиционных культур Северной Азии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. №2. С. 95–103.

Крутикова К. А., Бердников И. М., Бердникова Н. Е. Особенности раннеолитических могильников в устьях рек Белая и Китой (Южное Приангарье) // Труды VI (XII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 166–167.

Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: МГУ, 1986. 294 с.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Усть-бельская керамическая традиция в материалах острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Вып. IX. Красноярск: Изд-во Сиб. федерал. ун-та, 2018. С. 71–79.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика эпохи бронзы памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 10. Красноярск: Изд-во Сиб. федерал. ун-та, 2019. С. 108–122.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Каменные фигурки двуглавых рыб с острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. С. 503–510.

Лохов Д. Н. Многослойное местонахождение Абакшино в верхнем течении Илима // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 109–115.

Лысенко Д. Н., Матвеев В. Е., Важенко А. В. Предварительные результаты полевых исследований стоянки Толстый Мыс (Северное Приангарье) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 424–426.

Мамонтов А. М., Лохов Д. Н. Динамика видового состава рыб в голоценовых комплексах геоархеологического местонахождения Усть-Едорма II (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. № 2. С. 126–133.

Мамонтов А. М., Новосельцева В. М., Соколова Н. Б. Видовой состав рыб из голоценовых комплексов геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. № 2. С. 134–139.

Мамонтов А. М., Роговский Е. О. Состав рыб в уловах на реке Ангаре в раннем голоцено по материалам местонахождения «остров Лиственничный» (зона затопления Богучанской ГЭС) // Вестник ИрГСХА. 2013. № 57–2. С. 23–29.

Новиков А. Г., Горюнова О. И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита — бронзового века) // Известия лаборатории древних технологий. 2005. № 1. С. 125–134.

Окладников А. П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // СА. 1936. № 1. С. 215–245.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. 1 и 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 412 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 18)

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Часть 3 (Глазковское время). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 43).

Панюхин М. В. Археологические исследования в Среднем Приангарье в 2016–2020 годах // Музеи в культурном пространстве молодых промышленных городов. Братск: Изд-во Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары, 2021. С. 63–69.

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): дис.... канд ист. наук. Кемерово, 1994. 521 с.

Привалихин В. И. Искусство таежных племен Северного Приангарья в неолите // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 146–149.

Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Вып. 4. Красноярск: Изд-во Красноярского краевого краеведческого музея, 2009. С. 300–310.

Привалихин В. И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» (По материалам исследований археолого-этнографической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея в зоне затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре) // Второй век подвижничества. Красноярск: Изд-во Красноярского краевого краеведческого музея, 2011. С. 150–160.

Привалихин В. И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Изд-во Красноярского краевого краеведческого музея, 2013. С. 73–91.

Роговский Е. О., Кузнецов А. М. Рыболовство в раннем голоцене на многослойном местонахождении Остров Лиственничный (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Экология. Антропология. 2013. № 2. С. 15–32.

Савченко С. Н. Наконечники гарпунов и зубчатые острия в каменном веке Урала // Российская археология. 2017. № 2. С. 27–38.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Ассоц. «Рос. Полит. Энцикл.», 1993. XVIII. 713 с.

Славинский В. С., Герман П. В., Леонтьев С. Н., Рыбин Е. П. Материалы неолитического времени стоянки Сергушкин-1 пункт «А» (раскопки 2012 года) // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 486–491.

Студзицкая С. В. Соотношения производственных и культовых сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. С. 74–89.

Тарасов И. И. К типологии средневековых рыболовных блесен // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород), 2007. С. 235–241.

Туркин Г. В., Харинский А. В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита — бронзового века на Южном Байкале // Известия лаборатории древних технологий. 2004. № 1. С. 124–158.

Шерстобитова О. С., Селезнев А. Г. Первопредок на шаманском костюме (к проблеме интерпретации образа мамонта) // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 262–279.

Эверстов С. И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 140 с.

REFERENCES

Amzarakov P. B. Preliminary Results of Archaeological Excavations of the Ust-Kata-1 and Ust-Kata-2 Sites in the Boguchanskaya HPP Flood Zone. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific Review of Sayano-Altai*. 2013;1:200–205. (In Russ.)

Bazalijskij V. I. Burial Complexes of the Late Mesolithic — Neolithic Epoch of Baikal Siberia: Burial Traditions, Absolute Age. *Izvestiya laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2012;1:43–101. (In Russ.)

Bobrov V. V. Achievements of Hunters and Fishermen of the Final Period of the Stone Age of the Asian Part of Russia. In: X International Siberian Historical Forum “Siberia and Russia: History and Culture”. Moscow: Pero, 2023. Pp. 33–40. (In Russ.)

Vadetskaya E. B., Leont'ev N. V., Maksimenkov G. A. The Sites of the Okunevo Culture. Leningrad: Nauka, 1980. 150 p. (In Russ.)

Veber A. V., Bronk R. K., Shulting R. D., Bazaliiskii V. I., Goryunova O. I. Neolithic and Early Bronze Age of the Baikal Region: Chronology and Food Trends. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Ekologiya. Antropologiya = Reports of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ecology. Anthropology*. 2023;43:7–59. (In Russ.)

Vrtanesyan G. S. Calendar Symbols of the Glazkovo Culture of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Proceeding of Tomsk State University. History*. 2013.3 (23):112–115. (In Russ.)

Georgievskaya G. M. The Kitoi Culture of the Baikal Region. Novosibirsk: Nauka, 1989. 152 p. (In Russ.)

German P. V., Leont'ev S. N. Neolithic Sanctuary on Sergushkin Island in the Northern Angara Region (research results in 2010). In: The Phenomenon of the Geoarchaeological Multilayeredness of Baikal Siberia. 100 years of Baikal Scientific Archaeology. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2012. Pp. 78–85. (In Russ.)

German P. V., Leont'ev S. N., Ivashchenko S. N., Kalinskaya A. V., Egorchenko S. E., Val'kov I. A., Kovzunova P. V., Gorlyshkin N. E., Timoshchenko A. A. Cultural and Chronological Complexes of the Sagayskaya Protoka-4 Kurgan Burial Ground (the Askiz District of the Republic of Khakassia). In: Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVII. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. Pp. 936–944. (In Russ.)

German P. V., Leont'ev S. N., Savel'eva A. S. The Bronze Foundry Site of the Early Iron Age at the Vzvoz Site in the Northern Angara Region. In: Antiquities of Yenisei Siberia. Iss. VII. Krasnoyarsk: Izd-vo Sib. federal. un-ta, 2015. Pp. 68–86. (In Russ.)

Goryunova O. I. Ancient Burial Grounds of the Baikal Region (Neolithic — Bronze Age). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2002. 84 p. (In Russ.)

Gurulev D. A., Maksimovich L. A. Ceramics of the Bronze Age of the Northern Angara Region. In: Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Krasnoyarsk: Izd-vo Sib. federal. un-ta, 2016. Vol. 1. Pp. 185–194. (*In Russ.*)

Derevyanko A. P., Tsybankov A. A., Postnov A. V., Slavinskii V. S., Vybornov A. V., Zol'nikov I. D., Deev E. V., Prisekailo A. A., Markovskii G. I., Dudko A. A. Boguchansk Archaeological Expedition: an Outline of Field Research (2007–2012). In: Proceedings of the Boguchansk Archaeological Expedition. Vol. 1. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2015. 564 p. (*In Russ.*)

Dudarek S. P., Lokhov D. N., Leibova N. A. A New Object of the Archaeological Heritage Romashka in the Northern Angara Region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Reports of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology.* 2015;14:49–66. (*In Russ.*)

Zaika A. L. The Mammoth Image in the Art of Ancient and Traditional Cultures of North Asia. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Proceeding of Omsk University. The Series: Historical Sciences.* 2014; 2:95–103. (*In Russ.*)

Krutikova K. A., Berdnikov I. M., Berdnikova N. E. Features of Early Neolithic Burial Grounds at the Mouths of the Belaya and Kitoy Rivers (the Southern Angara Region). In: Works of VI (XII) All-Russian Archaeological Congress in Samara: in 3 vols. Samara: SGSPU, 2020. Vol. III. Pp. 166–167. (*In Russ.*)

Kyzlasov L. R. The Most Ancient Khakassia. Moscow: MGU, 1986. 294 p. (*In Russ.*)

Leont'ev S. N., German P. V. Ust-Bels Ceramic Tradition in the Materials of the Sergushkin Island (the Northern Angara Region). In: Antiquities of Yenisei Siberia. Iss. IX. Krasnoyarsk: Izd-vo Sib. federal. un-ta, 2018. Pp. 71–79. (*In Russ.*)

Leont'ev S. N., German P. V. Ceramics of the Bronze Age Sites of the Sergushkin Island (Northern Angara region). In: Antiquities of Yenisei Siberia. Iss. X. Krasnoyarsk: Izd-vo Sib. federal. un-ta, 2019. Pp. 108–122. (*In Russ.*)

Leont'ev S. N., German P. V. Stone Figures of Two-Headed Fish from the Sergushkin Island (Northern Angara region). In: Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVII. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. Pp. 503–510. (*In Russ.*)

Lokhov D. N. The Multilayered Location of Abakshino in the Upper Reaches of the Ilim. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Proceeding of NGU. Series: History, Philology.* 2009;8 (5):109–115. (*In Russ.*)

Lysenko D. N., Matveev V. E., Vazhenko A. V. Preliminary Results of Field Studies of the Tolstoy Mys Site (the Northern Angara Region) in 2011. In: Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. 17. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. Pp. 424–426. (*In Russ.*)

Mamontov A. M., Lokhov D. N. Dynamics of Fish Species Composition in Holocene Complexes of the Ust-Edorma II Geoarchaeological Location (in the Boguchanskaya HPP flooding zone). *Evrzija v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures.* 2013;2:126–133. (*In Russ.*)

Mamontov A. M., Novosel'tseva V. M., Sokolova N. B. Species Composition of Fish from Holocene Complexes of the Ust-Keul 1 Geoarchaeological Location (in the Boguchanskaya

HPP flooding zone). *Evracija v kajnozoe. Stratigrafija, paleojekologija, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures.* 2013;2:134–139. (*In Russ.*)

Mamontov A. M., Rogovskii E. O. Fish Composition in Catches on the Angara River in the Early Holocene Based on the Larch Island location (Boguchanskaya HPP flooding zone). *Vestnik Irkutskoj gosudarstvennoj agrarnoj akademii = Bulletin of Irkutsk State Agrarian academies.* 2013;57(2):23–29. (*In Russ.*)

Novikov A. G., Goryunova O. I. Ancient Fishing on Lake Baikal (Based on the Materials of Multi-Layered Settlements of the Mesolithic — Bronze Age period). *Izvestiya laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* 2005;1:125–134. (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Stone Fishes (For the Study of Neolithic Art Monuments of Eastern Siberia). *Sovetskaya apheologija = Soviet Archaeology.* 1936;1:215–245. (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region. Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region (Part 1, 2). Historical and Archaeological Research. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950. 412 p. (Materials and Studies on Archaeology of the USSR. No. 18) (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region (Part 3 — Glazkovo Time). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1955. 376 p. (Materials and Studies on Archaeology of the USSR. No. 43) (*In Russ.*)

Panyukhin M. V. Archaeological Research in the Middle Angara Region in 2016–2020. In: Museums in the Cultural Space of Young Industrial Cities. Bratsk: Izd-vo Bratskogo gorodskogo ob'edinennogo muzeya istorii osvoeniya Angary, 2021. Pp. 63–69. (*In Russ.*)

Polyakov A. V. Chronology and Cultural Genesis of Paleometallic Monuments of the Minusinsk Basins. St. Petersburg: IIMK RAN, 2022. 364 p. (*In Russ.*)

Privalikhin V. I. Early Iron Age of the Northern Angara Region (Tsepan culture): Dis.... Cand. Hist. Sciences. Kemerovo, 1994. 521 p. (*In Russ.*)

Privalikhin V. I. The Art of the Taiga Tribes of the Northern Angara Region in the Neolithic. In: Review of the Results of Field and Laboratory Research by archaeologists, Ethnographers and Anthropologists of Siberia and the Far East in 1993. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1995. Pp. 146–149. (*In Russ.*)

Privalikhin V. I. Burials of the Bronze Age Sergushkin-3 Site and Burial Ground on the Lower Angara (the Boguchanskaya Hydroelectric Power Station Flooding Zone). In: Yenisei Province. Iss. 4. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya. 2009. Pp. 300–310. (*In Russ.*)

Privalikhin V. I. A Treasure Trove of Stone Artifacts from the Neolithic Era of the Sergushkin-1 Site and Burial Ground, Point “A” (Based on Research Materials from the Archaeological and Ethnographic Expedition of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore in the Boguchanskaya Hydroelectric Power Station Flooding Zone on the Lower Angara). In: The Second Century of Asceticism. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya, 2011. Pp. 150–160. (*In Russ.*)

Privalikhin V. I. Investigation of the Burials of the Sergushkin-1 Site and Burial Ground, Point “A” in the Northern Angara Region. In: Archaeological Research of the Antiquities of the Lower Angara and Adjacent Territories. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya, 2013. Pp. 73–91. (*In Russ.*)

Rogovskii E. O., Kuznetsov A. M. Fishing in the Early Holocene at the Multilayered Location of the Larch Island (in the Boguchanskaya Hydroelectric Power Station Flooding Zone). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Ekologiya. Antropologiya = Reports of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ecology. Anthropology*. 2013;2:15–32. (In Russ.)

Savchenko S. N. Harpoon Tips and Jagged Points in the Stone Age of the Urals. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2017;2:27–38. (In Russ.)

Seroshevskii V. L. The Yakuts. The Experience of Ethnographic Research. 2nd edition. Moscow: Assoc. “Ros. Polit. Encikl.”, 1993. XVIII. 713 p. (In Russ.)

Slavinskii V. S., German P. V., Leont'ev S. N., Rybin E. P. Materials from the Neolithic Period of the Sergushkin-1 “A” Site (2012 excavations). In: Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XVIII. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2012. Pp. 486–491. (In Russ.)

Studzitskaya S. V. The Relationship between Industrial and Iconic Siberian Neolithic Fish Images. In: From the History of Siberia. Iss. 21. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1976. Pp. 74–89. (In Russ.)

Tarasov I. I. Towards the Typology of Medieval Fishing Lures. In: Novgorod and the Novgorod land. History and Archaeology. Issue 21. Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyj ob'edinennyj muzej-zapovednik (Velikij Novgorod), 2007. Pp. 235–241. (In Russ.)

Turkin G. V., Kharinskii A. V. The Shamanka II Burial Site: on the Issue of Chronology and Cultural Affiliation of Neolithic — Bronze Age Burial Complexes on Southern Baikal. *Izvestiya laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2004;1:124–158. (In Russ.)

Sherstobitova O. S., Seleznev A. G. The First Ancestor in a Shamanic Costume (on the Problem of Interpreting the Image of a Mammoth). *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Herald*. 2004;5:262–279. (In Russ.)

Everstov S. I. Fishing in Siberia. The Stone Age. Novosibirsk: Nauka, 1988. 140 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Леонтьев Станислав Николаевич, старший инженер, Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия.

Stanislav N. Leont'ev, Senior Engineer, Institute of Human Ecology Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 20.05.2025;
принята к публикации 16.06.2025.
The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 20.05.2025;
accepted for publication 16.06.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903'12

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-05)

EDN: AZRDYK

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРОМЫСЛАХ СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Александр Николаевич Меркулов

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия;
aleksandrmerkulov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>

Резюме. В статье анализируются археологические данные об охоте, рыбной ловле и собирательстве у среднедонского населения скифского времени (V — начало III в. до н. э.). Рассматриваемые материалы происходят с 13 поселенческих памятников Донской лесостепи. Среди них остеологические коллекции, орудия рыбного промысла, палеоботанические находки. Результаты проведенного исследования показывают, что охота имела преимущественно мясное направление, однако на некоторых памятниках преобладала добыча пушного зверя. Из копытных наиболее популярными объектами охоты были кабан и лось, а среди пушных видов — лисица, бобр и заяц. В целом же низкая доля костей диких животных в остеологических коллекциях не позволяет отводить охоте важную роль в системе жизнеобеспечения среднедонских племен. В рыболовных трофеях чаще встречались хищные рыбы — сом, щука и судак, известны находки и костей рыб семейства карповых. Их вылов велся при помощи крючных снастей, острог или гарпунов, а также сетей. Данные о собирательстве у рассматриваемого населения пока что единичны. К настоящему моменту на поселенческих памятниках известны находки раковин моллюсков (преимущественно перловицы речной), скорлупы ореха лещины и отпечатков на керамике косточек терна и сливы. Анализируемые в статье промыслы не имели важного значения в хозяйстве жителей среднедонских городищ и поселений, а скорее выступали в качестве дополнительного источника пищи.

Ключевые слова: скифское время, лесостепное Подонье, охота, рыбная ловля, собирательство, промыслы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-78-10087 «Системы жизнеобеспечения оседлых социумов скифо-сарматской эпохи в донской лесостепи».

Для цитирования: Меркулов А.Н. Промыслы среднедонского населения скифского времени // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 91–107. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-05)

TRADES OF THE MIDDLE DON POPULATION OF THE SCYTHIAN TIME

Aleksandr N. Merkulov

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia;
aleksandrmerkulov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>

Abstract. The article analyzes archaeological data on hunting, fishing and gathering among the Middle Don population of the Scythian period (5th — early 3rd centuries BC). The materials under consideration

come from 13 settlement sites of the Don forest-steppe. Among them are osteological collections, fishing tools, paleobotanical finds. The results of the study show that hunting was predominantly meat-oriented, but at some sites fur-bearing animals predominated. Among ungulates, the most popular hunting objects were wild boar and elk, and among fur-bearing species — fox, beaver and hare. In general, the low proportion of wild animal bones in osteological collections does not allow us to assign an important role to hunting in the life support system of the Middle Don tribes. Among fishing trophies, predatory fish were most common — catfish, pike and pike perch, finds of bones of fish of the carp family are also known. They were caught using hooks, spears or harpoons, and nets. Data on gathering among the population in question is still sporadic. At present, mollusk shells (mainly river pearl mussels), hazelnut shells, and prints of blackthorn and plum stones on ceramics are known at settlement sites. The harvesting analyzed in the article were not of great importance in the economy of the inhabitants of the Middle Don settlements and hillforts, but rather served as an additional source of food.

Keywords: Scythian time, Don forest-steppe region, hunting, fishing, gathering, harvesting

Acknowledgements: the study was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00030 “Study of the Ethnic Structure of the Sedentary Population of the Don Forest-Steppe”.

For citation: Merkulov A.N. Trades of the Middle Don Population of the Scythian Time. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2): 91–107. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-05)

Введение

Среднедонская культура скифского времени охватывает обширную часть Донской лесостепи. В зоне ее распространения преобладают плодородные черноземные почвы, территория изобилует богатыми водными ресурсами, из которых главной артерией является р. Дон. Палеопочвенные исследования показывают, что берега этой реки занимали крупные лесные массивы, к которым тяготела большая часть городищ, расположенных на севере рассматриваемого ареала (Разуваев, 2008, с. 14–16).

Считается, что основу хозяйства жителей среднедонских стационарных городищ и поселений, как и в других районах лесостепной Скифии, составляло земледелие и придомное животноводство (Шрамко, 1961, с. 74–75; Либеров, 1971, с. 481, 513; Краснов, 1990, с. 8–9; Медведев, 1999, с. 60–62). Потому изучению именно этих отраслей палеоэкономики среднедонского населения традиционно уделялось наибольшее внимание (Антипина, 2004; Лебедева, 2004; Горбаненко, Меркулов, 2018; Меркулов, 2017; Разуваев, Меркулов, 2023; Яниш, Меркулов, 2016; и др.). Несомненно, именно они составляли здесь основу жизнеобеспечения, но были далеко не единственным источником добычи пропитания. Такие древние промыслы, как охота, рыбная ловля и собирательство, пусть уже и не играли значимой роли в хозяйстве, но все же дополняли привычный рацион. И если информация об охоте, хотя и косвенно, но уже находила отражение в работах, посвященных животноводству (Цалкин, 1966, с. 65; 1969, с. 128; Меркулов, Разуваев, 2021), то вопросы касательно рыбной ловли и собирательства у рассматриваемого населения специалистами ранее не затрагивались вовсе. Между тем к настоящему моменту в результате полевых исследований удалось собрать некоторые материалы, позволяющие положить начало характеристике этих отраслей хозяйства.

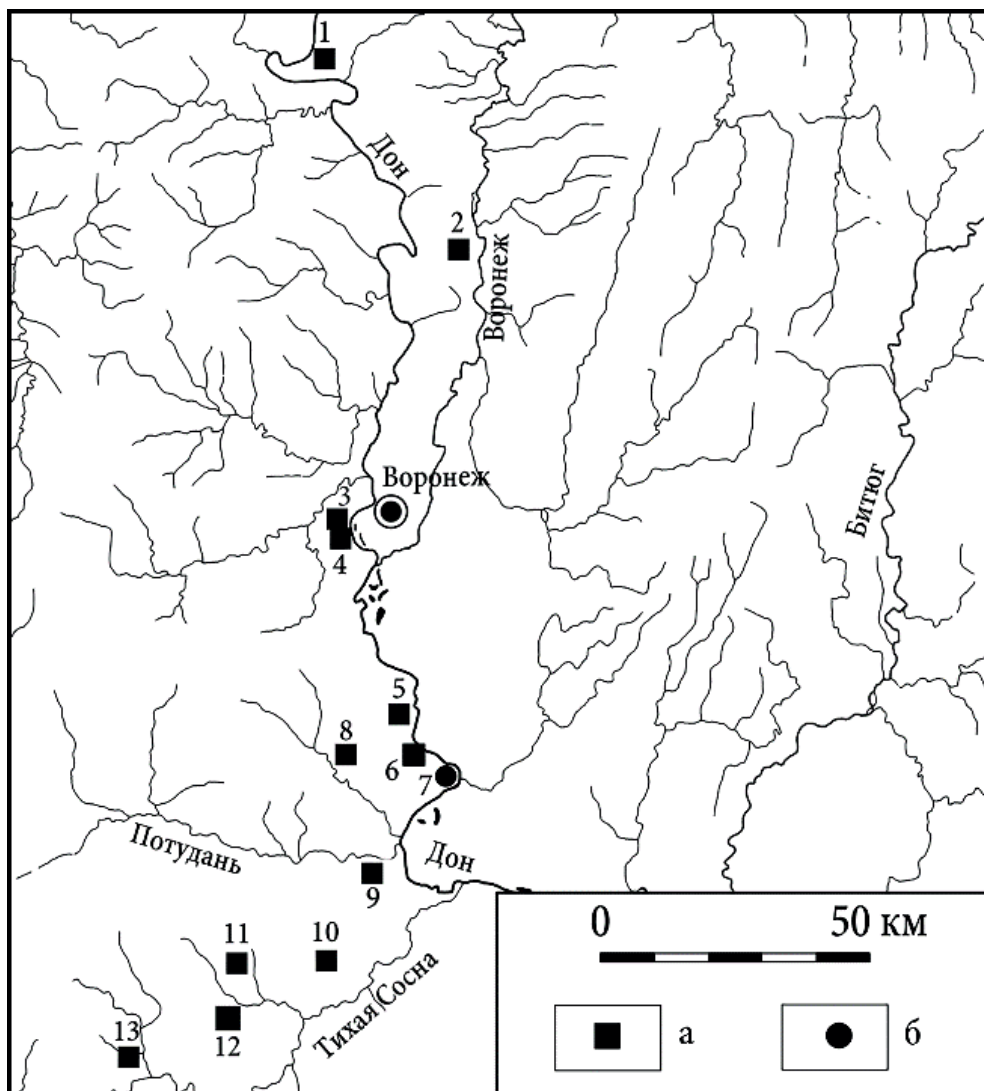

Рис. 1. Карта памятников среднедонской культуры со свидетельствами охоты, рыбной ловли и собирательства (а — городища; б — неукрепленные поселения): 1 — Верхнее Казачье; 2 — Пекшево; 3 — Петино; 4 — Устье; 5 — Архангельское; 6 — Большое Сторожевое; 7 — Титчиха-2; 8 — Россошки; 9 — Мостище; 10 — Волошино-1; 11 — Русская Тростянка; 12 — Кировское; 13 — Стрелецкое

Fig. 1. Map of Middle Don culture sites with evidence of hunting, fishing and gathering (a — hillforts; b — unfortified settlements): 1 — Verkhneye Kazachye; 2 — Pekshevo; 3 — Petino; 4 — Ustye; 5 — Arkhangelskoye; 6 — Bolshoe Storzhevoe; 7 — Titchikha-2; 8 — Rossoshki; 9 — Mostishche; 10 — Voloshino-1; 11 — Russkaya Trostyanka; 12 — Kirovskoye; 13 — Streletskoye

Материалы и методы

Анализируемая выборка включает в себя преимущественно остеологические коллекции, а также орудия труда и палеоботанические находки, происходящие с 12 городищ (Архангельское, Большое Сторожевое, Верхнее Казачье, Волошино-1, Кировское, Мостище, Пекшево, Петино, Россошки, Русская Тростянка, Стрелецкое, Устье) и одного поселения скифского времени (Титчиха-2) (рис. 1). Они охватывают большую часть ареала среднедонской культуры. Почти все эти памятники находятся в донском правобережье — либо на р. Дон, либо на его притоках — реках Потудань, Тихая Сосна. Лишь городище Пекшево расположено в левобережье Дона — на р. Воронеж. В ландшафтном плане эти поселения занимают высокие берега рек либо балок (Волошино-1, Кировское, Россошки). С точки зрения хронологии рассматриваемые памятники однородны. Время бытования большинства из них определяется в рамках V — начала III в. до н. э.

Используемые в работе остеологические коллекции представляют собой типичные кухонные остатки. Помимо домашних животных, кости которых составляли подавляющее большинство этих выборок, они включали в себя и фрагменты скелетов диких животных, птиц и рыб. Определение этих находок проводилось в разное время и различными специалистами. Анализ костей животных с городищ Архангельское, Волошино-1, Большое Сторожевое, Кировское, Стрелецкое, Русская Тростянка выполнял В. И. Цалкин (Либеров, 1971, с. 483). С остеологическими материалами Архангельского городища также работали Е. Е. Антипина (Антипина, 2004) и Ю. Я. Мягкова. Последняя анализировала и кости с городища Большое Сторожевое (Меркулов и др., 2021). Е. Е. Антипина также исследовала коллекции с городищ Россошки (Лебедева, Антипина, 2009) и Мостище (Антипина, 2004). Помимо нее часть костей с последнего памятника обрабатывала Е. Ю. Яниш (Яниш, Меркулов, 2015). Ею же определялись остеологические материалы с городища Петино и часть находок с поселения 2 у хут. Титчиха (Яниш, Меркулов, 2016). Основную коллекцию костей животных с этого поселения исследовала Ю. Я. Мягкова (Меркулов, 2021, с. 50). Она же, а также Г. И. Тимонина и С. В. Семенова проводили анализ костных остатков с городища Верхнее Казачье (Меркулов, Разуваев, 2021).

Орудия рыбной ловли найдены на Архангельском, Верхнем Казачьем, Волошинском-1, Мостищенском, Пекшевском и Устьинском городищах, а также на поселении 2 у хут. Титчиха.

Единичные палеоботанические материалы, свидетельствующие о собирательстве, были получены с городищ Верхнее Казачье (Горбаненко, Меркулов, 2018, с. 400), Мостище (Синюк, Березуцкий, 2001, с. 129) и поселения 2 у хут. Титчиха (Меркулов, 2021, с. 56).

Стоит отметить, что весь анализируемый материал отбирался из слоев и комплексов поселенческих памятников, имеющих надежную культурно-хронологическую атрибуцию. Это позволило в известной степени минимизировать риск использования в исследовании находок, относящихся к другим эпохам.

Таблица 1

Остатки диких животных на поселенческих памятниках среднедонской культуры скифского времени

Tab. 1

Remains of wild animals at the sites of the Middle Don culture of the Scythian time

Вид	Архангельское	Большое Сторожее	Верхнее Казачье	Волошино-1	Кировское	Мостище	Петино	Россошки	Русская Тростянка	Стрелецкое	Титчиha-2	Итого
	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	
Барсук		2		1		2						$\frac{5}{1,4}$
Благородный олень	2	9	19						2		1	$\frac{33}{9,5}$
Бобр		12	2	1	6	13	1				9	$\frac{44}{12,8}$
Волк			2									$\frac{2}{0,6}$
Заяц		8	2	2		2		+			14	$\frac{28}{8,1}$
Кабан		30	1	31	23			+		3	3	$\frac{91}{26,4}$
Косуля		2	19		1							$\frac{22}{6,4}$
Куньи						1						$\frac{1}{0,3}$
Лисица		1	35		1			+			8	$\frac{45}{13}$
Лось	1	24	7	11	7	2						$\frac{52}{15}$
Медведь			3		1							$\frac{4}{1,2}$
Северный олень			2									$\frac{2}{0,6}$
Сурок			1								3	$\frac{4}{1,2}$
Птицы		2	8					+			2	$\frac{12}{3,5}$
Итого	3	90	101	46	39	20	1	9	2	3	40	345
Мясные виды, К-во %	3 100	67 74	55 54,5	42 91,3	31 79,5	2 10			2 100	3 100	6 15	$\frac{211}{61,2}$
Пушные виды, К-во %	-	$\frac{23}{26}$	$\frac{46}{45,5}$	$\frac{4}{8,7}$	$\frac{8}{20,5}$	$\frac{18}{90}$	$\frac{1}{100}$				$\frac{34}{85}$	$\frac{134}{38,8}$

Продолжение табл. №1

Вид	Архангельское	Большое Сторожевое	Верхнее Казачье	Волошино-I	Кировское	Мостище	Петино	Россошки	Русская Тростянка	Стрелецкое	Титчиha-2	Итого
	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во %
Процент костей диких животных	0,4	1,3	6	2,2	2,4	5,3	0,9	3,1	0,5	10	4,6	2,3
Костей животных, определенных до вида, всего	808	6870	1697	2069	1636	381	108	293	479	30	879	15250

Результаты исследований

Охота. Из всех видов промыслов у среднедонского населения скифского времени, известных по археологическим источникам, охота, вероятно, была наиболее значимым. Однако, несмотря на наличие остатков диких животных на 11 из 13 поселенческих памятников, где проводились археозоологические исследования, она вряд ли играла сколько-нибудь существенную роль в хозяйстве местных племен. На поселениях лесостепного Подонья доля костей диких животных в кухонных остатках варьирует от 0,4% до 6%, в среднем составляя порядка 2,3%. Исключением является лишь Стрелецкое городище, где этот показатель достигает 10%, что явно связано с крайне малой проанализированной выборкой (табл. 1).

Охота имела мясное направление. Соотношение видов животных, добываемых ради мяса и пушнины, составило 61,2% к 38,8% соответственно. Но здесь обязательно стоит оговориться, что данные показатели могут отражать истинную цель охоты лишь приблизительно, поскольку такие животные, как заяц, сурок, медведь и бобр, добываются и ради меха, и ради употребления в пищу их мяса. Среди охотничьих трофеев крупные и средние копытные преобладали на городищах Большое Сторожевое, Верхнее Казачье, Волошино-I и Кировское (табл. 1). Там найдены остатки благородного и северного оленя, кабана, косули и лося. Наиболее популярными объектами охоты на городищах, расположенных на юге ареала среднедонской культуры, являлись кабан и лось. Доля костей этих животных составляла в общей массе трофеев 26,4% и 15%. На верхнедонском городище Верхнее Казачье, которое является самым северным форпостом рассматриваемого населения, охота на кабана не была распространена. Кость этого животного обнаружена здесь лишь единожды. Чаще всего на нем добывали благородного и северного оленя, а также косулю. Такая разница в объектах охоты вряд ли связана с географическим положением городища, расположенного фактически на границе с лесной зоной. Эта природная среда вполне типична для обитания кабана. Очевидно, подобные различия демонстрируют определенные нюансы в пищевых предпочтени-

ях жителей разных археологических памятников. Стоит также отметить, что в остеологической коллекции этого укрепленного поселка встречено наибольшее количество костей диких животных. Их доля, по отношению к домашним видам, является самой высокой и составляет 6%.

Пушные звери представлены остатками барсука, бобра, волка, зайца, медведя, лисицы, сурка и не определенного до вида животного семейства куньих. Что касается костей норных животных, таких как лисица и сурок, то к интерпретации этих данных необходимо подходить с осторожностью, поскольку нельзя быть абсолютно уверенным, что их остатки не попали в культурный слой в более позднее время. Результаты анализа общей выборки (табл. 1) демонстрируют, что среди пушных зверей наибольшей популярностью пользовались лисица (13%), бобр (12,8%) и заяц (8,1%).

На городище Мостище и поселении 2 у хут. Титчиха абсолютное большинство добытых диких животных принадлежали к пушным видам. Возможно, такое различие в объекте охоты, по сравнению с другими памятниками среднедонской культуры, связано с особенностями ведения хозяйства у населения этих поселков. В частности, анализ остеологического материала Мостищенского городища позволил сделать интересные наблюдения. В остеологическом спектре данного памятника существенно преобладают кости крупного рогатого скота (47,5%), костей лошадей найдено значительно меньше (20,5%), остатки мелкого рогатого скота (16%) и свиньи (8,1%) встречались еще реже. Доминирование в коллекции памятников костей крупных домашних копытных вполне типично для среднедонской культуры. Однако анализ возрастного состава элиминированных особей (его удалось определить для 51 животного) позволил усомниться в наличии на городище своего собственного стада. Из 29 единиц КРС 26 (90%) было забито в возрасте до 36 месяцев, из семи лошадей в этом же возрасте были отправлены на убой пять (71%), в возрасте с 13 до 34 месяцев были убиты девять особей МРС, а возраст всех шести съеденных свиней не превышал 24 месяцев. Таким образом, доля животных, забитых в возрасте 2–3 лет, на городище Мостище превышает 90%.

Для устойчивого воспроизводства вида при мясном и мясомолочном использовании доля забитого молодняка (до 24 месяцев у средних копытных и до 48 месяцев у крупных копытных) не должна быть выше 40%. При показателе более 60% речь идет об интенсивной эксплуатации вида, что может привести к его нестабильному воспроизводству (Антипина, 2006). Первая модель соответствует местному животноводству, тогда как вторая возможна только при наличии внешних поставок скота и характерна, например, для сезонных поселений (Антипина, 2008, с. 72).

Исходя из этих данных, логично предположить, что население Мостищенского городища не занималось животноводством, а получало либо скот, либо мясо извне. Данная гипотеза согласуется и с результатами раскопок, согласно которым поселение являлось сезонным укреплением, а не постоянным местом проживания и использовалось «для хранения и охраны зерновых и иных запасов» (Синюк, Березуцкий, 2001, с. 68). Однако из-за небольшого объема проанализированной выборки для окончательных выводов необходимы дополнительные исследования.

Если высказанная нами гипотеза верна, то она может объяснить и факт абсолютного преобладания пушных зверей среди охотничьих трофеев на этом памятнике. Вероятно, получаемые извне мясо или скот в значительной степени покрывали необходимость в животной пище, и потребность в дополнительном источнике мясных продуктов была невелика либо отсутствовала вовсе. По этой причине предпочтение отдавалось пушным видам, среди которых наиболее востребованным был бобр, что также не исключает и употребления мяса этого животного в пищу.

Объектами охоты среднедонского населения были также и птицы. Их кости найдены на городищах Большое Сторожевое, Верхнее Казачье, Россошки и поселении 2 у хут. Титчиха (табл. 1). Видовую принадлежность удалось определить лишь для одной особи с городища Россошки — это был рябчик (Лебедева, Антипина, 2009, с. 200).

На городище Архангельское и поселении 2 у хут. Титчиха (Меркулов, 2021, с. 50) встречены по два фрагмента панциря болотной черепахи, еще один найден на городище Россошки-1 (Гуляев, Шевченко, Володин, 2020). Однако единичный характер этих находок не позволяет быть уверенным в том, что это водоплавающее являлось объектом охоты. Его остатки в культурный слой могли попасть и ввиду иных случайных обстоятельств.

Рыбная ловля. Как уже отмечалось, большинство из рассматриваемых памятников расположены на высоких берегах рек. Это крупные водные артерии — такие как р. Дон и средние реки (р. Воронеж, Потудань, Тихая Сосна), а также их притоки. Эти водоемы богаты рыбными ресурсами и по сей день. Однако археологические свидетельства рыбной ловли на поселениях лесостепного Подонья достаточно редки. Но единичные находки остатков рыб в культурных слоях скифского времени могут быть связаны не только, а может, и не столько с низкой популярностью рыболовства, сколько со сложностью фиксации такого рода источника. Без целенаправленного использования методов просеивания, промывки или флотации грунта обнаружить мелкие рыбьи кости или чешую практически невозможно. Потому если и удастся встретить остатки рыб в культурных напластованиях поселенческих памятников, то чаще всего это крупные кости, принадлежащие речным хищникам (табл. 2).

Таблица 2

Остатки пресноводных рыб на поселенческих памятниках среднедонской культуры скифского времени

Tab. 2

Remains of freshwater fish at the sites of the Middle Don culture of the Scythian time

Вид	Большое Сторожевое	Верхнее Казачье	Мостище	Титчиха-2	Пекшево	Итого
	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей
Карповые		12				12
Сом	4		6	1		11
Судак	1	2				3

Вид	Большое Сторожевое	Верхнее Казачье	Мостище	Титчиха-2	Пекшево	Итого
	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей	К-во костей
Щука		2	2			4
Не определено до вида	3		4			3
Рыбья чешуя					+	+
Итого	8	16	12	1		33

На городище Верхнее Казачье найдено 16 рыбных костей. Представителям семейства карповых принадлежали 12 фрагментов. Еще по две — судаку и щуке. По зубной кости судака удалось восстановить его среднюю длину, которая составляла порядка 50 см. Усредненная длина щук, реконструированная также по зубным костям, была около 70 и 100 см. При таких размерах вес судака должен был достигать 2 кг, а трофейной морской щуки — 8-10 кг (Меркулов, Разуваев, 2021, с. 39).

Двенадцать костей рыб обнаружено на Мостищенском городище (Яниш, Меркулов, 2015, с. 110). Шесть из них принадлежали сому, две — щуке, еще по четырем костям определить вид не удалось. Для некоторых особей был реконструирован возраст. У одного сома он достигал 14 лет. Возраст других рыб, видовой состав которых по позвонкам выяснить не получилось, составлял 2 и 9 лет. Таким образом, две из этих трех рыб были половозрелыми. Взрослыми являлись также еще три сома и две щуки, точный возраст которых установить невозможно. Размеры удалось восстановить всего для двух рыб. Средняя длина тела одного из сомов составляла порядка 83 см при весе около 1,5 кг. Средняя длина щуки была в районе 64 см, а ее примерный вес — 0,9 кг.

Позвонки сома, длиной около 75 см и весом порядка 1,5 кг, встречены на поселении 2 у хут. Титчиха. На городище Большое Сторожевое найдено восемь костей рыб, среди которых четыре принадлежали сому, одна — судаку, а еще по трем установить видовую принадлежность рыб не удалось. Скопление рыбьей чешуи обнаружено на дне ямы № 19 Пекшевского городища (Медведев, 1985, с. 25-26).

Что касается способов рыбного лова, то археологические данные свидетельствуют об использовании крючных снастей, возможно, сетей, а также гарпунов или острог.

По одному крючку найдено на Архангельском (рис. 2.-3), Волошинском-I (Либеров, 1974, с. 21) и Пекшевском городищах (рис. 2.-4) (Медведев, 1985, с. 15). Еще два фрагмента (рис. 2.-1-2) обнаружены на поселении 2 у хут. Титчиха (Меркулов, 2021, с. 37). Стоит отметить их крупные размеры. Все они сделаны из железной проволоки диаметром порядка 0,3 см. Длина крючка с поселения 2 у хут. Титчиха (рис. 2.-1) составила 7,1 см, а с городища Пекшево (рис. 2.-4) — 10,7 см. Расстояние между цевьем и жалом у последнего 1,8 см, а у крючка с Архангельского городища — 1,4 см (рис. 2.-3).

По современной российской классификации этих элементов рыболовной оснастки номер крючка определяется по расстоянию от жала до цевья. Чем больше это расстояние, тем выше номер у крючка. Так вот — найденные на среднедонских городищах

крючки являются очень крупными и по действующей отечественной системе сопоставимы с номерами 14 и 18 (или 2/0 и 3/0 по международной системе). Такие снасти используют для ловли крупной хищной рыбы — сома, щуки, судака. Судя по остеологическому материалу, те же виды рыбы ловили ими и в древности.

Крупную рыбу могли также бить острогами или гарпунами. Этот способ рыбной ловли нередко используется для поимки щуки в период нереста. Два таких орудия (рис. 2.-5–6) встречено на городище Верхнее Казачье. Они находились в заполнении коллективного захоронения IV–III вв. до н. э., совершенного в заброшенном колодце, и, по мнению автора исследований, могли выполнять роль апотропеев (Разуваев, 2021, с. 175). Отметим, что функциональное назначение орудий такого типа определяется достаточно широко. Существуют точки зрения, связывающие их как с рыбной ловлей, так и с охотой на водных или копытных животных (Сериков, 2019, с. 54).

Что же касается ловли сетями, то у нас имеются косвенные свидетельства применения такого способа добычи рыбы. На городище Устье найдено рыболовное грузило (рис. 2.-10). Изделие изготовлено из темно-серого кварцитовидного песчаника и выполнено достаточно грубо, что вряд ли позволяет отнести его к грузилам для ткацкого станка, которые традиционно изготавливались в данном регионе из глины. Его вес составляет 65 г (Меркулов, Родионов, 2015, с. 82). Очевидно, еще два грузила для рыболовных сетей, но теперь уже из мела, встречены на поселении 2 у хут. Титчиха (рис. 2.-11) (Меркулов, 2021, с. 40) и на Мостищенском городище (рис. 2.-12) (Синюк, Березуцкий, 2001, с. 145).

Кроме того, в качестве рыболовных грузил могли применяться и предметы, которые традиционно принято называть ткацкими грузиками или пряслицами. На среднедонских поселениях они встречаются в изобилии. К примеру, только на одном Пекшевском городище их найдено более 700 штук (Меркулов, 2018, с. 17). Если грузики применялись для оттягивания нитей основы ткацкого станка, почему они же не могли быть использованы и для огрузки сетей? Размеры, форма, а главное, вес этих изделий совершенно разнообразны. На том же Пекшевском городище (Меркулов, 2018, с. 22) вес грузиков и пряслиц варьировался от 5 до 65 граммов! Такие крупные тяжелые предметы вполне могли выполнять функции грузил для сетей. Наблюдения автора показывают, что грузики и пряслица встречаются также при раскопках краткосрочных сезонных стоянок, расположенных в поймах рек (напр. Синюк, 2014, с. 428; Крючков, 2015, рис. 35). Как правило, культурный слой этих памятников крайне скуден, но и в нем есть изделия, типологически относящиеся к ткацким грузикам. Была ли необходимость использовать ткацкий станок на краткосрочной пойменной стоянке или эти грузики все же применялись для огрузки сетей? Впрочем, это лишь догадки и предположения, которые пока что сложно доказать на фактическом материале.

Возможно, еще одним косвенным свидетельством использования рыболовных сетей являются находки орудий типа кочедыков (рис. 2.-7–9). На Пекшевском городище в слоях VI–V и IV–III вв. до н. э. с помощью трасологического анализа было выделено семь таких изделий (Меркулов, 2015, с. 70). Они выполнены из метакарпальных костей копытных и обычно имеют яркую двустороннюю заполировку по всей поверхности, а не только по краю острия, что отличает предметы этой функциональной группы

от проколов. Интерпретируют их как орудия для плетения сетей (Медведев, 1999, с. 38). Правда, здесь стоит оговориться, что такие инструменты могли применяться не только в этих целях, но и в качестве утка при изготовлении тканей.

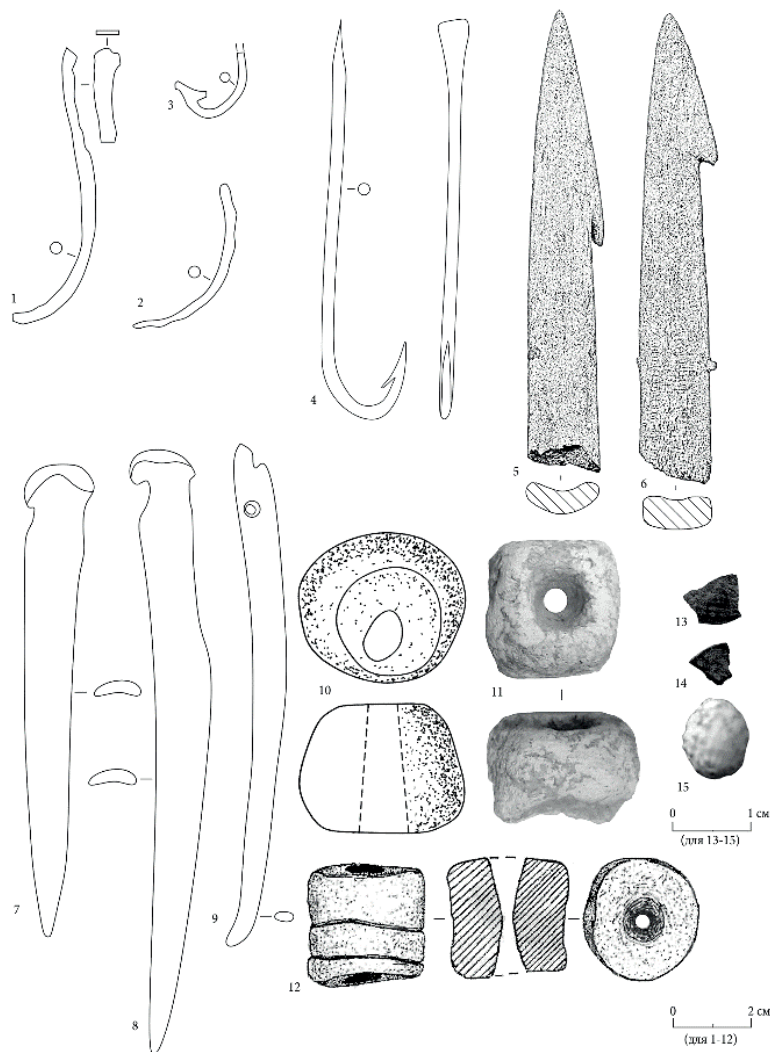

Рис. 2. Орудия рыбной ловли и свидетельства собирательства среднедонского населения: 1, 2, 11, 15 — Титчиха-2; 3 — Архангельское; 4, 7-9 — Пекшево; 5, 6, 13, 14 — Верхнее Казачье; 10 — Устье; 12 — Мостище

Fig. 2. Fishing tools and evidence of gathering of the Middle Don population 1, 2, 11, 15 — Titchikha-2; 3 — Arkhangelskoye; 4, 7-9 — Pekshevo; 5, 6, 13, 14 — Verkhneye Kazachye; 10 — Ustye; 12 — Mostische

Собирательство. Оценить значение собирательства на основе археологических данных крайне сложно. На данный момент имеются лишь несколько находок, отражающих этот вид деятельности у среднедонских племен. На городищах Мостище и Верхнее

Казачье найдено по одной раковине перловицы обыкновенной. На поселении 2 у хут. Титчиха обнаружено 20 раковин моллюсков. Они принадлежали трем самым обычным, широко распространенным видам: перловица обыкновенная (18 ед.), перловица толстая (1 ед.), лужанка речная (1 ед.). Никаких следов искусственного воздействия на раковинах не обнаружено, ввиду чего невозможно точно определить, употреблялись ли эти моллюски в пищу или же на поселение были принесены только их раковины для каких-то иных целей.

Палеоботанические материалы, свидетельствующие о собирательстве (фрагменты скорлупы ореха лещины), были получены с городища Верхнее Казачье (рис. 2.-13-14) в результате флотации заполнения постройки IV–III вв. до н. э., примыкающей к валу городища (Горбаненко, Меркулов, 2018, с. 400). На керамике с городища Мостище (Синюк, Березуцкий, 2001, с. 129) и поселения 2 у хут. Титчиха (Меркулов, 2021, с. 56) зафиксированы отпечатки терна (рис. 2.-15) и сливы.

Заключение

Подводя итог характеристике данных отраслей хозяйства, прежде всего отметим их вспомогательную роль в системе жизнеобеспечения среднедонских племен. Из всех рассмотренных видов промыслов археологические свидетельства занятия охотой встречаются чаще всего. Но даже этот факт не позволяет считать, что она имела сколько-нибудь важное значение в палеоэкономике рассматриваемого населения. Соотношение костей диких и домашних животных безошибочно указывает на то, что животноводство полностью покрывало потребность местного населения в мясной пище. Эти выводы были сделаны еще В. И. Цалкиным (Цалкин, 1969, с. 128), а последующие исследования их только подтвердили. Особенно наглядно это демонстрирует сравнение среднедонских коллекций с материалами синхронных лесных памятников, где охоте традиционно отводится значимая роль в ведении хозяйства. Средняя доля костей диких животных на верхнеокских городищах достигала порядка 30%, на юхновских — 17,9%, и лишь на дьяковских была 6,9% (Цалкин, 1962, с. 59–60). Напомним, что этот показатель на среднедонских памятниках составляет скромные 2,3%. Примерно такая же ситуация, как и в лесостепном Подонье, наблюдается на лесостепных скифоидных памятниках правого и левого бережья Днепра (Цалкин, 1966, с. 66). Эти факты позволяют с уверенностью говорить, что охота играла вспомогательную роль в хозяйстве среднедонских племен. Она являлась источником добычи пушнины и вносила разнообразие в мясной рацион.

Археологические данные по рыбной ловле и собирательству еще более ограничены. Считаем, что связано это прежде всего со сложностью фиксации подобного рода источников. Но даже с учетом этого фактора вряд ли будет ошибкой определить подсобную роль этих промыслов в хозяйстве жителей среднедонских городищ и поселений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Антипина Е. Е. Остеологические материалы из скифских памятников на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг.). М.: ИА РАН, 2004. С. 107–118.

Антипина Е. Е. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 339–342.

Антипина Е. Е. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Параллели, 2008. С. 67–85.

Горбаненко С. А., Меркулов А. Н. Зерновое хозяйство среднедонского населения скифского времени // Археологія і давня історія України. 2018. Вып. 2. С. 397–409.

Гуляев В. И., Шевченко А. А., Володин С. А. Раскопки курганного могильника у с. Болдыревка и городища Россошки I // Археологические открытия. 2018. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 211–213.

Краснов Ю. А. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 197. 1990. С. 3–12.

Крючков М. А. Отчет о проведении археологических раскопок стоянки Монастырка-3 в Аннинском районе Воронежской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. 72 л.

Лебедева Е. Ю. Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001–2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг.). М.: ИА РАН, 2004. С. 119–126.

Лебедева Е. Ю., Антипина Е. Е. Городище Россошки I — «постоянный адрес или временная прописка?» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. М.: ИА РАН, 2009. С. 198–220.

Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья: дис. ... д-ра ист. наук. Ч. II. М., 1971. 1085 с.

Либеров П. Д. Отчет об работе Воронежской лесостепной скифской экспедиции в 1974 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 5257.

Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета за 1985 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 10735.

Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Меркулов А. Н. Функциональное назначение каменных и костяных орудий труда с городища скифского времени у с. Пекшево // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2015. № 4. С. 64–72.

Меркулов А. Н. Земледельческие орудия скифского времени на Среднем Дону // Российская археология. 2017. № 3. С. 19–27.

Меркулов А. Н. Глиняные грузики и пряслица с городища скифского времени у с. Пекшево на р. Воронеж // История: факты и символы. 2018. № 1. С. 16–22.

Меркулов А. Н. Поселение скифского времени у хутора Титчиха на Среднем Дону. Воронеж: ВГПУ, 2021. 108 с.

Меркулов А. Н., Мягкова Ю. Я., Белая Н. Н., Ковалев Д. А. Результаты анализа остеологических материалов скифского времени с городища Большое Сторожевое: новейшие исследования // История: факты и символы. 2021. № 4. С. 36–42.

Меркулов А. Н., Разуваев Ю. Д. Результаты анализа остеологических материалов раннескифского времени с городища Верхнее Казачье // История: факты и символы. 2021. № 2. С. 37–45.

Меркулов А. Н., Родионов А. М. Городище скифского времени у с. Устье на Верхнем Дону (исследования 2014 г.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 3. С. 80–83.

Разуваев Ю. Д. О ландшафтной приуроченности скифоидных городищ Верхнего Дона // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 14–17.

Разуваев Ю. Д. Заброшенный колодец с захоронениями на городище скифской эпохи близ г. Задонска // Российская археология. 2021. № 1. С. 169–178.

Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н. Земледелие скифского времени в донской лесостепи: к вопросу о культурно-региональных особенностях // Поволжская Археология. 2023. № 1. С. 169–181.

Сериков Ю. Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1. С. 54–63.

Синюк А. Т. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // А. Т. Синюк. Избранные труды. Воронеж: ВГПУ, 2014. С. 419–434.

Синюк А. Т., Березуцкий В. Д. Мостищенский комплекс древних памятников. Воронеж: ВГПУ, 2001. 192 с.

Цалкин В. И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М.: Изд-во АН СССР, 1962. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 107). 139 с.

Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.: Наука, 1966. 159 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 135)

Цалкин В. И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука, 1969. С. 128–136. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 151)

Шрамко Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // Советская археология. 1961. № 1. С. 73–90.

Яниш Е. Ю., Меркулов А. Н. Остеологическая коллекция скифского времени с городища у хутора Мостище // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 106–111.

Яниш Е. Ю., Меркулов А. Н. Новые остеологические материалы с поселений скифского времени на Верхнем и Среднем Дону // История: факты и символы. 2016. № 4. С. 85–92.

REFERENCES

Antipina E. E. Osteological Materials from Scythian Sites on the Middle Don. In: Archaeology of the Middle Don in the Scythian era (Proceedings of the Don (Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2001–2003). Moscow: IA RAN, 2004. Pp. 107–118. (*In Russ.*)

Antipina E. E. Possibilities of Reconstructing the Composition of a Herd of Domestic Animals in Archaeology. In: Modern Problems of archaeology in Russia. Iss. II. Novosibirsk: Izdvo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Pp. 339–342. (*In Russ.*)

Antipina E. E. Composition of an Ancient Herd of Domestic Animals: Logical approximations. In: OPUS: Interdisciplinary research in Archaeology. Iss. 6. Moscow: Paralleli, 2008. Pp. 67–85. (*In Russ.*)

Orbanenko S. A., Merkulov A. N. Grain Farming of the Middle Don population of the Scythian Period. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini = Archeology and Ancient History of Ukraine*. 2018;2:397–409. (*In Russ.*)

Gulyaev V. I., Shevchenko A. A., Volodin S. A. Excavations of the Burial Mound near the Village of Boldyrevka and the Settlement of Rossoshki I. In: Archaeological Discoveries. 2018. Moscow: IA RAN, 2020. Pp. 211–213. (*In Russ.*)

Krasnov Yu. A. Economic and Cultural Types of Eastern Europe in the Early Iron Age. Brief Communications of the Institute of Archaeology. Iss. 197. Moscow, 1990. Pp. 3–12. (*In Russ.*)

Kryuchkov M. A. Report on the Archaeological Excavations of the Monastyrka-3 Site in the Anninsky District of the Voronezh Region in 2015. In: Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. 72 p. (*In Russ.*)

Lebedeva E. Yu. Results of Archaeobotanical Research in the Middle and Lower Don in 2001–2003. In: Archaeology of the Middle Don in the Scythian era (Proceedings of the Don (Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2001–2003). Moscow: IA RAN, 2004. Pp. 119–126. (*In Russ.*)

Lebedeva E. Yu., Antipina E. E. The Settlement of Rossoshki I — “a Permanent Address or a Temporary Registration?” In: Archaeology of the Middle Don in the Scythian era: Works of the Don Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2004–2008. Moscow: IA RAN, 2009. Pp. 198–220. (*In Russ.*)

Liberov P. D. Ancient History of the Population of the Don Region: Diss.... Dr. Hist. Sciences. Part II. Moscow, 1971. 1085 p. (*In Russ.*)

Liberov P. D. Report on the Work of the Voronezh Forest-Steppe Scythian Expedition in 1974. In: Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F. 1. R. 1, No. 5257. (*In Russ., unreserved*)

Medvedev A. P. Report of the Scythian-Sarmatian Detachment of the Archaeological Expedition of the Voronezh University for 1985. In: Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F. 1. R. 1. No. 10735. (*In Russ., unreserved*)

Medvedev A. P. Early Iron Age of the forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethno-cultural History of the 1st Millennium BC. Moscow: Nauka, 1999. 160 p. (*In Russ.*)

Merkulov A. N. Functional Purpose of Stone and Bone Tools from the Scythian Settlement near the Village of Pekshevo. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya, sociologiya = Bulletin of Voronezh State University. Series: History, Political Science, Sociology*. 2015;4:64–72. (*In Russ.*)

Merkulov A. N. Agricultural implements of the Scythian Time on the Middle Don. *Rossiyskaya arheologiya = Russian Archeology*. 2017;3:19–27. (*In Russ.*)

Merkulov A. N. Clay Weights and Spindle Whorls from a Scythian Settlement near the Village of Pekshevo on the Voronezh River. *Istoriya: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols*. 2018;1:16–22. (In Russ.)

Merkulov A. N. Scythian Settlement near the Titchikha Farm on the Middle Don. Voronezh: VGPU, 2021. 108 p. (In Russ.)

Merkulov A. N., Myagkova Yu. Ya., Belaya N. N., Kovalev D. A. Results of the Analysis of Osteological Materials of the Scythian Time from the Bolshoe Storozhevoe Hillfort: the Latest Research. *Istoriya: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols*. 2021;4:36–42. (In Russ.)

Merkulov A. N., Razuvaev Yu. D. Results of the Analysis of Osteological Materials of the Early Scythian Period from the Settlement of Verkhneye Kazachye. *Istoriya: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols*. 2021;2:37–45. (In Russ.)

Merkulov A. N., Rodionov A. M. Scythian Fortified-Settlement Observation near the Ustye Village on the Upper Don (in 2014). *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*. 2015;3:80–83. (In Russ.)

Razuvaev Yu. D. On the Landscape Confinement of the Scythian Settlements of the Upper Don. In: Upper Don: Archaeology. History. Iss. 3. Tula: Gos. muzej-zapovednik “Kulikovo pole”, 2008. Pp. 14–17. (In Russ.)

Razuvaev Yu. D. The Abandoned Well with Burials in the Fortified Settlement of the Scythian Period near Zadonsk. *Rossiyskaya arheologiya = Russian Archeology*. 2021;1:169–178. (In Russ.)

Razuvaev Yu. D., Merkulov A. N. Agriculture during the Scythian Time in the Don Forest-Steppe Region: to the Question of Cultural and Regional Features. *Povolzhskaya Arheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2023;1:169–181. (In Russ.)

Serikov Yu. B. On the Functional Purpose of the So-Called Harpoons. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2019;1:54–63. (In Russ.)

Sinyuk A. T. The Nizhnestorozhevskaya Site and Some Issues of Studying the Voronezh Culture. In: A. T. Sinyuk. *Izbrannye trudy*. Voronezh: VGPU, 2014. Pp. 419–434. (In Russ.)

Sinyuk A. T., Berezuckij V. D. The Mostishchensky Complex of Ancient Sites. Voronezh: VGPU, 2001. 192 p. (In Russ.)

Tsalkin V. I. On the History of Animal Husbandry and Hunting in Eastern Europe. In: Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Iss. 107. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962. 107 p. (In Russ.)

Tsalkin V. I. Ancient Animal Husbandry of the Tribes of Eastern Europe and Central Asia. Moscow: Nauka, 1962. 159 p. (Materials and research on the archeology of the USSR. No. 135) (In Russ.)

Tsalkin V. I. Fauna from Excavations of Scythian Settlements on the Middle Don. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 128–136. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. No. 151) (In Russ.)

Shramko B. A. On the Issue of Agricultural Technology among the Tribes of the Scythian Period in Eastern Europe. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1961;1:73–90. (In Russ.)

Yanish E. Yu., Merkulov A. N. The Scythian Time Osteological Collection from the Mostishche Ancient Settlement. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*. 2015;2:106–111. (In Russ.)

Yanish E. Yu., Merkulov A. N. New Osteological Materials from the Settlements of the Scythian Period on the Upper and Middle Don. *Istoriya: fakty i simvoly = History: Facts and Symbols*. 2016;4:85–92. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Меркулов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия.

Aleksandr N. Merkulov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 18.05.2025;
принята к публикации 16.06.2025.
The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 18.05.2025;
accepted for publication 16.06.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(571.151)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-06)

EDN: QDBJKG

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛОЖЕНИЯ УМЕРШИХ В НЕКРОПОЛЯХ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА КАРБАН-I)

Николай Николаевич Серегин^{1*}, Михаил Александрович Демин²,
Святослав Сергеевич Радовский³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;
[mademin52@mail.ru](mailto:mademir52@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
radovskiy1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Статья посвящена анализу и интерпретации особенностей положения умерших в погребальной камере по материалам раскопок объектов раннескифского времени памятника Карбан-I. Данный комплекс, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, исследовался в 1989–1990 гг. экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет). Установлено, что обряд населения, оставившего рассматриваемый некрополь, отличала неустойчивость традиций положения захороненных людей, в то время как для синхронных объектов на Алтае стандартной является поза умерших «скорченно» на левом боку. Данная черта погребальной практики могла быть обусловлена социальными, хронологическими и этнокультурными факторами, связанными с «переходностью» комплекса Карбан-I. Одним из доводов в пользу данного предположения является то, что некоторые курганы рассматриваемого памятника (№ 3, 5, 8, 20, 21, 26) демонстрируют ряд черт, ставших позже характерными для могильников пазырыкской культуры. Таким образом, материалы раскопок памятника Карбан-I актуализируют изучение проблемы преемственности традиций кочевников горной части Алтая в IX–VI и VI–III вв. до н. э.

Ключевые слова: раннескифское время, Алтай, положение умерших, погребение, некрополь, хронология

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Общие и особенные характеристики положения умерших в некрополях Северного Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 108–124. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-06)

GENERAL AND SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE POSE OF THE DECEASED IN THE NECROPOLISES OF NORTHERN ALTAI OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD (BASED ON MATERIALS FROM THE KARBAN-I COMPLEX)

Nikolai N. Seregin^{1*}, Mikhail A. Demin², Svyatoslav S. Radovskiy³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;

mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³Altai State University, Barnaul, Russia;

radovskiy1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents the analysis and interpretation of the features of the pose of the deceased in the burial chamber based on the excavation materials of the Early Scythian period objects of the Karban-I site. This complex, located in the Chermal District of the Altai Republic, was studied in 1989–1990 by the expedition of Barnaul State Pedagogical Institute (now the Altai State Pedagogical University). It was established that the rite of the population that had left the necropolis in question was distinguished by the instability of the traditions of the pose of the buried people, while for synchronous objects in Altai the pose of the deceased is characteristically “curled up” on the left side. This feature of the burial practice could be due to social, chronological and ethnocultural factors associated with the “transitional” nature of the Karban-I complex. One of the arguments in favor of this assumption is that some of the burial mounds of the site under consideration (No. 3, 5, 8, 20, 21, 26) demonstrate a number of features that later became characteristic of the burial grounds of the Pazyryk culture. Thus, the materials of the excavations of the Karban-I necropolis actualize the problem of the continuity of the nomads of the mountainous part of Altai of the Early Scythian and Scythian-Saka periods.

Keywords: Early Scythian period, Altai, the pose of the deceased, burial, necropolis, chronology

Acknowledgments: the reported study was funded by state assignment of the Ministry of science and Higher Education of the Russian Federation (project FZMW-2023-0009 “Interdisciplinary study of ancient societies of Altai”).

For citation: Seregin N.N., Demin M.A., Radovskiy S.S. General and Specific Characteristics of the Pose of the Deceased in the Necropolises of Northern Altai of the Early Scythian period (based on materials from the Karban-I complex). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):108–124. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-06)

Введение
Основным источником для изучения различных аспектов истории населения Алтая скифской эпохи остаются погребальные комплексы, что обусловлено фрагментарностью материалов из других видов памятников. Именно результаты раскопок некрополей позволяют рассматривать специфику традиций разных групп кочевников и реконструировать процессы этнокультурного взаимодействия. Важной характеристикой обряда кочевников выступают особенности положения умерших в погребальной камере. Для населения Алтая раннескифского времени этот показатель является довольно унифицированным — при исследовании абсолютного большинства комплексов этого периода зафиксирована «скорченная» поза захороненных, уложенных на ле-

вом боку. Вместе с тем известны единичные памятники, на которых отмечены отклонения от обозначенной традиции. Серию примеров подобной ситуации демонстрируют материалы раскопок некрополя Карбан-1 в Северном Алтае.

Характеристика источников

Археологический комплекс Карбан-1 расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюз, в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1). Раскопки объектов данного памятника осуществлены экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина в 1989–1990 гг. Основная группа курганов раннескифского периода, исследованных в составе разновременного комплекса Карбан-1, расположена в западной и северо-западной части некрополя, у подножья горы, ограничивающей долину. Кроме того, единичные объекты выявлены в центре некрополя.

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Карбан-1
Fig. 1. Location of the burial and memorial Karban-1 complex

Одним из факторов, традиционно осложняющих изучение погребальной практики населения Алтая раннескифского времени, является плохая сохранность или даже полное отсутствие останков умерших людей, что отмечено при исследовании значительной части комплексов (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 118). В этом плане материалы раскопок некрополя Карбан-1 демонстрируют гораздо более полную картину — большинство скелетов практически не нарушено. Положение умерших достоверно установлено для восьми захоронений рассматриваемого периода. Анализ имеющихся материалов позволяет выделить две группы могил, отличающихся по отмеченному показателю обрядовой практики.

Первая группа объектов, в ходе раскопок которых установлено положение погребенных людей на левом боку с подогнутыми ногами, включает курганы № 2, 5 и 22. Несколько отличная поза умершей зафиксирована в объекте № 20, но его также можно условно отнести к данной группе. При этом в ходе исследования обозначенных захоронений отмечен ряд нюансов. В кургане № 2, под насыпью которого находилось погребение двух человек в смежных ящиках, сохранность костей была заметно хуже, чем в других объектах. В юго-западном ящике умерший был уложен скорченно, однако кости таза лежали в положении «на спине», а руки, по-видимому, были вытянуты вдоль туловища (рис. 2.-1) (Серегин, Демин, Радовский, 2024, с. 82–83). Не исключено, что подобная поза была придана и второму погребенному. При исследовании кургана № 5 обнаружено захоронение женщины, лежавшей на левом боку, с вытянутыми вдоль туловища руками и сильно подогнутыми к тазу пятками (Демин, Гельмель, 1992, рис. 2). При этом позвоночник умершей практически не был согнут. В погребении кургана № 22 зафиксирован сильно скорченный костяк мужчины, помещенного также на левый бок, но с одной рукой, расположенной у лица, и второй, уложенной на ребра; колени умершего находились на уровне груди (рис. 2.-5; 3.-1) (Серегин, Демин, Радовский, 2022а, с. 170). Кроме того, на спине, с подогнутыми ногами, с завалом на левый бок и с расположенной на груди рукой была похоронена женщина в кургане № 20 (рис. 2.-4; 3.-2) (Серегин, Демин, Радовский, 2022в, с. 78).

Вторую группу объектов раннескифского времени некрополя Карбан-I составляют курганы № 3, 8, 21 и 26, в которых выявлено положение умерших на правом боку. Материалы раскопок этих комплексов также демонстрируют некоторую вариабельность в размещении костяков. В захоронении кургана № 3, несмотря на «скорченность» позвоночника, ноги умершего согнуты не слишком сильно, а руки вытянуты вдоль туловища (рис. 2.-2; 3.-3) (Серегин, Демин, Радовский, 2023б, с. 65). В могилах объектов № 8 и 26, характеризующихся заметными разрушениями костяков, руки погребенных, судя по имеющимся сведениям, также были вытянуты вдоль туловища, ноги не сильно поджаты, а позвоночник расположен прямо (рис. 2.-3) (Серегин, Демин, Радовский, 2022б, с. 343–344). В ходе раскопок кургана № 21 зафиксирована сильно скорченная поза умершего, также с размещением одной руки у головы, а колен — на уровне груди.

Судя по размерам каменного ящика объекта № 24, умерший человек мог быть также уложен в него только в сильно скорченном положении. Однако полное отсутствие костяка в погребальной камере оставляет возможность интерпретации данного комплекса как кенотафа или ритуального сооружения (Серегин, Демин, Радовский, 2023а, с. 213–215).

Охарактеризованные традиции расположения умерших людей в могилах раннескифского времени определенным образом коррелируют и с другими показателями обряда, выявленными при исследовании курганов комплекса Карбан-I. Так, поза погребенных на левом боку, а также на спине с завалом на левый бок характерна для костяков, ориентированных на запад и северо-запад. Положение умерших на правом боку в большинстве случаев совпадает с направлением в восточный и юго-восточный сектор горизонта, и только в одном случае — на запад (курган № 21). Судя по имеющимся материалам, различные варианты устройства погребальной камеры (в могиле с подбоем; в каменном ящике, углубленном в землю или установленном на уровне древнего горизонта, и др.) практически не определяли особенности размещения костяка захороненных людей. В совокупности с другими

элементами обряда это определяет ключевую особенность погребальных традиций населения, оставившего некрополь раннескифского времени в урочище Карбан — высокий уровень вариабельности характеристик, фиксируемых в ходе археологических исследований.

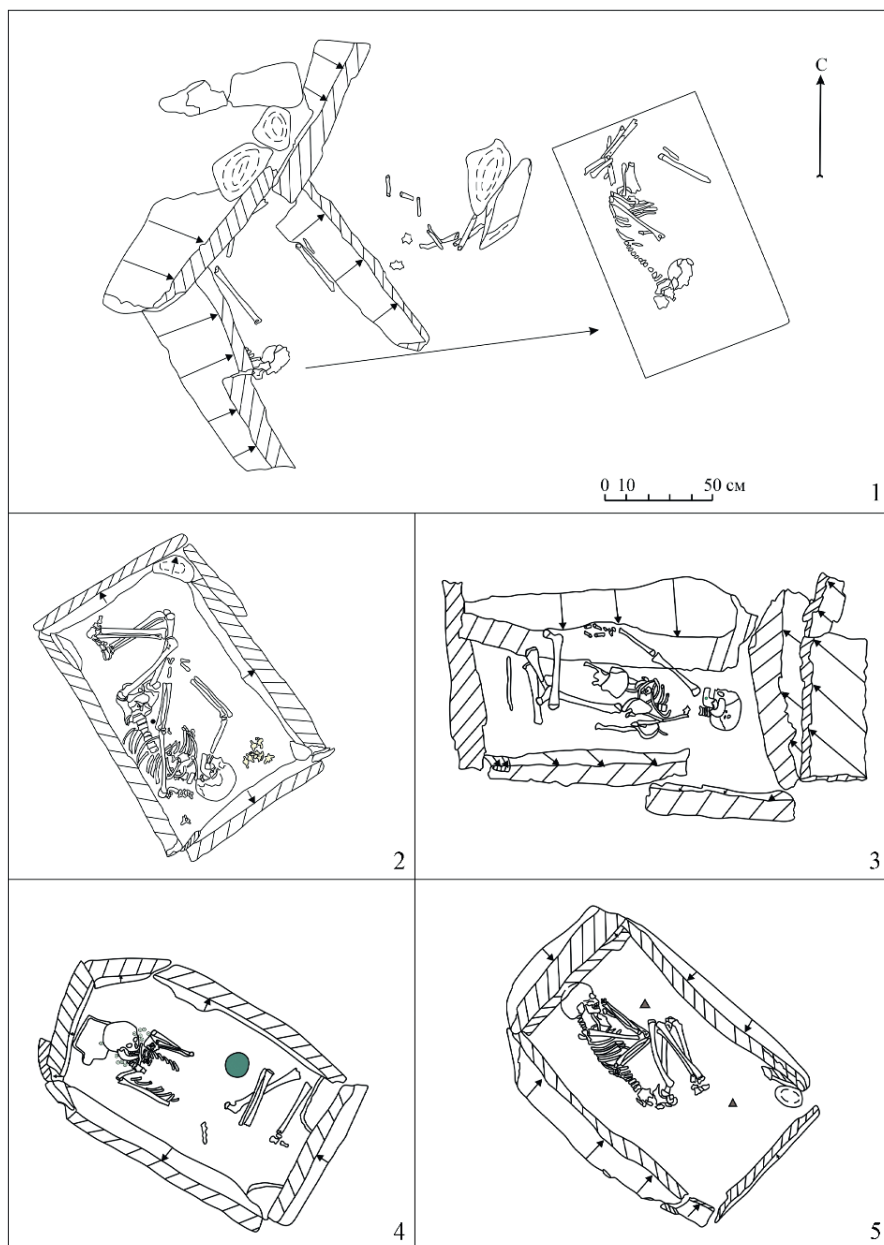

Рис. 2. Положение погребенных на некрополе Карбан-I: 1 — курган № 2; 2 — курган № 3; 3 — курган № 8; 4 — курган № 20; 5 — курган № 22

Fig. 2. The pose of the persons buried at the Karban-I necropolis: 1 — mound No. 2; 2 — mound No. 3; 3 — mound No. 8; 4 — mound No. 20; 5 — mound No. 22

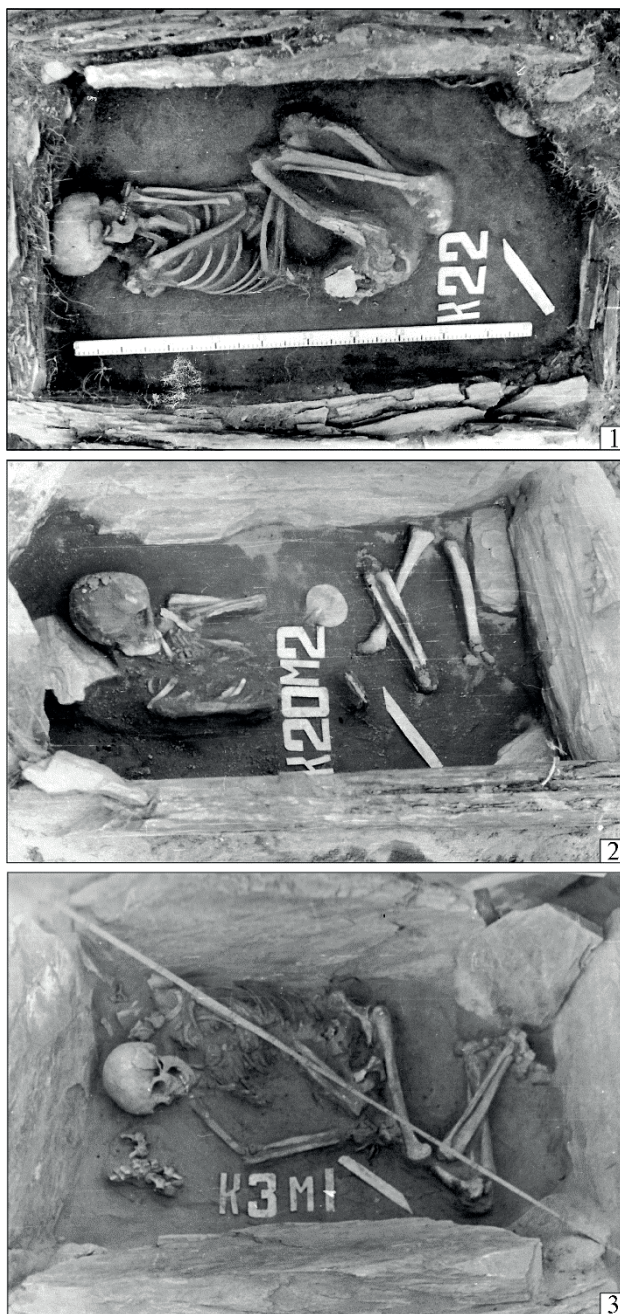

Рис. 3. Захоронения раннескифского времени некрополя Карбан-I: 1 — курган № 22;
2 — курган № 20; 3 — курган № 3

Fig. 3. The Burials of the Early Scythian period of the Karban-I necropolis: 1 — mound No. 22;
2 — mound No. 20; 3 — mound No. 3

Анализ и интерпретация материалов

Изучение выделенных традиций расположения умерших людей в могилах, исследованных на памятнике Карбан-I, требует обращения к материалам раскопок комплексов скифской эпохи в разных регионах. Для населения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени наиболее характерна «скорченная» поза погребенных на левом боку, с подогнутыми ногами и кистями рук перед лицом (т. н. поза адорации) (Марсадолов, 2001, с. 25–26; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 117–118; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 45–46; Шульга, 2008, с. 12). Такая ситуация зафиксирована на большинстве объектов наиболее полно исследованных комплексов Бийке и Кызык-Телань-I (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 117–118; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 45–46), хотя плохая сохранность костяков далеко не всегда позволяет полностью проследить расположение конечностей умерших. Согласно составленной сводке Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина (1997, с. 52), из 44 учтенных не потревоженных захоронений в 33 случаях погребенные были уложены скорченно на левом боку, в четырех — на правом, и трижды — вытянуто на спине (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 52). Степень согнутости позвоночника и конкретное расположение конечностей при этом не учитывались.

По степени распространения «скорченной» позы погребенных, уложенных на правом боку, в сочетании с ориентировкой в восточный сектор горизонта наиболее близкими аналогиями захоронениям Карбана-I являются материалы комплекса Элекмонар-II (Степанова, 1996, с. 56–65). На правом боку размещены умершие люди в двух курганах комплекса Бойтыгем-II, относящегося к завершающему этапу бийкенской культуры (Абдулганеев, 1994, с. 37–38; Тишкин, 2011, с. 283). Анализ особенностей сохранности черепов из одиночного объекта Ак-Алаха-II позволил заключить, что погребенные находились на правом боку (Полосьмак, 1993, с. 21–22; Шпакова, 1999, с. 243; Молодин, и др., 2004, с. 68–69). В материалах ряда комплексов раннескифского времени, исследованных в горной части Алтая, отмечена поза умерших на боку в виде «скачущего всадника» — с подогнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища, несколько перед собой, руками (Суразаков, 1990, с. 60, рис. 14; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 118; Мамадаков, Кунгуров, Тишкин, 2016, с. 9, рис. 3).

Положение погребенных людей на левом (реже на правом) боку, с подогнутыми ногами характерно для памятников алды-бельской культуры Тувы раннескифского времени (Грач, 1980, с. 25; Савинов, 2002, с. 84–85). Зафиксированы позы умерших как с вытянутыми вдоль тела, немного вперед, руками и слабо согнутыми ногами, так и с расположенными у лица кистями и коленями на уровне груди, или с пятками, поджатыми к тазу (Тетерин, Митько, 2014, рис. 5; Монгуш, Донгак, 2018, рис. 2.–1, 3; 3.–1). На боку были также уложены люди, захороненные в комплексах монгун-тайгинского типа (культуры) Монголии и Тывы периода поздней бронзы и раннескифского (предскифского) времени (Манай-Оол, 1970, с. 14–18; Кызласов, 1979, с. 36–39; Волков, 1990, с. 8; Савинов, 2002, с. 14–16).

Погребения людей «скорченно» на боку фиксируются в обрядовой практике одной из групп населения майэмирской культуры, хотя в целом для данной общности более характерно вытянутое на спине положение костяков (Ситников, Шульга, 1997, с. 70–76; Шульга, 2000, с. 149–150). Вытянутая поза умерших на спине получила распростра-

нение и у носителей тасмолинской культуры Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 311; Хабдулина, 1994, с. 23), но в редких случаях фиксируются также «скорченные» костяки (Хабдулина, 1994, с. 23; Бейсенов, 2018, с. 139–145).

Для населения большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку характерно «скорченное» положение умерших на правом (гораздо реже на левом) боку, часто с сильно подогнутыми ногами и расположенными у лица кистями рук (Грязнов, 1956, с. 68, табл. XVII; Шамшин, Фролов, Медникова, 1996, с. 71). Захоронения с подобными позами погребенных получили распространение и в синхронных комплексах северных предгорий Алтая (Полторацкая, 1961, с. 75–83; Скопинцева, 1998, с. 120; Папин и др., 2021, с. 592; Папин и др., 2022, с. 681; Папин и др., 2023, с. 786–788). В ходе раскопок памятников в обоих отмеченных регионах фиксируются также костяки, уложенные в позу «скачущего всадника» (руки вытянуты вдоль туловища или несколько вперед, ноги, как правило, не слишком согнуты).

Следует отметить, что «скорченное» положение умерших людей, уложенных чаще всего на левом боку, в целом характерно для многих групп населения степного пояса и лесостепной зоны Евразии в предскифское и раннескифское время (Бернштам, 1952, с. 27–33, рис. 11; Смирнов, 1964, с. 27; Мошкова, 1966, с. 45; Марсадолов, 2001, с. 26; Шульга П. И., Шульга Д. П., 2020, с. 29; и др.). При этом в более поздний период — VI–III (II) вв. до н. э. преобладающей стала вытянутая на спине поза погребенных. Исключения составляют комплексы уюкско-саглынской (саглынской) и пазырыкской культур Тувы и Алтая.

Для обрядовой практики кочевников пазырыкской культуры, сменившей бийкенскую на территории Алтая, наиболее характерным является положение умерших людей на правом боку со слабо согнутыми в коленях ногами, в виде «скачущего всадника» (Суразаков, 1989, с. 122; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 142–144; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 15–16; Кубарев, Шульга, 2007, с. 9–13). Однако фиксируются и другие традиции (на спине, левом боку), вероятно, обусловленные контактами с другими группами населения или иными причинами (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 16, 128; Кубарев, Шульга, 2007, с. 12). Степень «скорченности» костяков может быть различной, но в основном наблюдаются ситуации, весьма близкие к материалам раскопок курганов № 3, 5 и 26 некрополя Карбан-I (рис. 2.-2; 3.-3). Большее распространение традиции погребения умерших на правом боку также сближает материалы рассматриваемого некрополя с комплексами пазырыкской культуры. Отметим, что при исследовании раннескифских объектов памятника Карбан-I зафиксированы и другие характеристики, имеющие аналогии в погребениях Горного Алтая VI–III вв. до н. э. (Демин, Гельмель, 1992, с. 33; Серегин, Демин, Радовский, 2022б, с. 344–346; 2023б, с. 65–68).

Население Тувы VI–III (II) вв. до н. э., как правило, укладывало умерших людей на левый бок с подогнутыми ногами (Грач, 1980, с. 30; Савинов, 2002, с. 105–106). Нередко положение «на боку» фиксируется и в материалах памятников быстрианской культуры северных предгорий Алтая VI–III (II) вв. до н. э. В основном такая поза характерна для комплексов южной части ареала данной общности, граничащей с объектами пазырыкской культуры (Киреев, 1992, с. 57; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 155), но встречается и в других районах. При этом в целом для «быстрианцев» наиболее ти-

пичным является положение умерших вытянуто на спине (Киреев, 1992, с. 57; Абдулганеев, 2001, с. 286). В единичных случаях «скорченная» поза погребенных зафиксирована в комплексах каменной и староалейской культур Верхнего Приобья скифо-сакского времени (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 28; Фролов, Шамшин, 1997, с. 121–125).

В целом большинство раннескифских захоронений некрополя Карбан-I представляется возможным отнести к бийкенской культуре. При этом высокая степень вариативности погребального обряда, получившая проявление и в традициях положения умерших людей в могиле, свидетельствует о некоторой неустойчивости традиций рассматриваемой группы кочевников. Обозначенная ситуация может иметь различные объяснения. Фактор внешнего влияния маловероятен, так как для соседних и даже отдаленных территорий в основном было характерно положение умерших людей на спине или «скорченно» на левом боку. Исключением является большереченская культура Верхнего Приобья, однако оседлое население данной общности вряд ли могло оказывать существенное влияние на кочевников горной части Алтая, хотя и эту версию нельзя окончательно отметить.

Другим фактором, объясняющим различные «нестандартные» позы умерших людей в могиле, могли являться особенности их прижизненного статуса (представители рабов или низших социальных слоев) либо связь с традициями предшествующих хронологических периодов (Грач, 1980, с. 48; Кубарев, 1987, с. 29–30; Фролов, Шамшин, 1997, с. 121–125; Шульга, 1998, с. 59–67; и др.). Среди возможных причин отметим также трансформацию погребального обряда. Так, постепенное увеличение количества умерших, уложенных на правый бок, по сравнению с более ранними захоронениями с костяками на левом боку отмечено в материалах могильника Мохучахань в предгорьях Тянь-Шаня (Шульга П. И., Шульга Д. П., 2020, с. 29–30). При этом выявлена закономерность гендерного характера: изначально так погребались некоторые женщины и дети, реже — мужчины, а со временем рассматриваемая черта ритуала изменилась для всех умерших. Отметим, что на некрополе Карбан-I «нестандартные» ориентировки и позы также характерны для женщин. Это же относится и к положению умерших на правом боку (курганы № 3, 8, 21 и 26). В свою очередь, единственное типичное погребение бийкенской культуры принадлежало мужчине (курган № 22).

Заключение

Таким образом, неустойчивость традиций положения и ориентировки умерших может быть обусловлена социальными, хронологическими и этнокультурными факторами, связанными с переходным характером комплексов (Марсаолов, 2001, с. 27). Вполне вероятно, что материалы раскопок некрополя Карбан-I отражают своего рода трансформацию традиций кочевников бийкенской культуры, с возможным участием в этих процессах «майэмирцев». Не случайно, что многие курганы рассматриваемого памятника (№ 3, 5, 8, 20, 21, 26) демонстрируют ряд черт, ставших позже характерными для могильников пазырыкской культуры. Данная ситуация в очередной раз позволяет поднять вопрос о степени участия местного населения раннескифского времени в формировании пазырыкской культуры в VI в. до н. э. Для решения указанной проблемы необходимо продолжение исследований, направленных на уточнение времени

сооружения объектов некрополя Карбан-I, а также других синхронных памятников Алтая, с обязательным привлечением серийных результатов радиоуглеродного датирования, принимая во внимание немногочисленность или полное отсутствие предметов сопроводительного инвентаря в большинстве комплексов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдулганеев М. Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.

Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.

Абдулганеев М. Т. О компонентах сложения быстрянской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 285–287.

Бейсенов А. З. Тасмолинские погребения могильника Кызыл // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 139–149.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 26)

Волков В. В. Центральная Азия и скифо-сибирская проблема: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 26 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: ГРВЛ, 1980. 256 с.

Грязнов М. П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 256 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 48)

Демин М. А., Гельмель Ю. И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 28–34.

Киреев С. М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1992. С. 54–58.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ, 1979. 208 с.

Мамадаков Ю. Т., Кунгуров А. Л., Тишкин А. А. Раскопанный курган бийкенской культуры на памятнике Айры-Таш-1 в устьевой зоне Урсула (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1 (13). С. 7–18.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алмата: Наука, 1966. 435 с.

Марсадолов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб.: ГЭ, 2001. 184 с. (Материалы СААЭ ГЭ. Вып. 4).

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 256 с. (Материалы по археологии Сибири; Вып. 3).

Монгуш К. М., Донгак А. А. Погребальный комплекс раннескифского времени долины реки Хут в Северной Туве // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 23–35.

Мошкова М. Г. Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 107. М.: Наука, 1966. С. 44–46.

Папин Д. В., Демин М. А., Савко И. А., Федорук А. С. Особенности погребальной практики населения предгорного Алтая раннего железного века по материалам могильника Усть-Иша-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2022. С. 677–682.

Папин Д. В., Демин М. А., Федорук А. С., Фролов Я. В., Савко И. А. Исследование курганов могильника Усть-Иша-5 в 2023 году (предгорный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. С. 784–789.

Папин Д. В., Савко И. А., Анойкин А. А., Демин М. А. Исследование кургана раннескифского времени на могильнике Усть-Иша-5 в предгорьях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. С. 588–593.

Полосьмак Н. В. Скифские памятники, исследованные на Укоке // *Altaica*. 1993. № 3. С. 20–30.

Полторацкая В. Н. Могильник Березовка I // АСГЭ. Л.: Изд-во ГЭ, 1961. Вып. № 3. С. 74–88.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Погребение бийкенской культуры из Северного Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул: АлтГПУ, 2022а. Вып. 17. С. 168–175.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Погребение раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022б. С. 341–347.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Раннескифское погребение с металлическим зеркалом из Северного Алтая // Народы и религии Евразии. 2022 в. № 4 (27). С. 74–85.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Восточная группа объектов раннескифского времени комплекса Карбан-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIX. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023а. С. 212–217.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. К вопросу о «нестандартной» ориентировке в традициях погребальной обрядности населения Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2023б. № 1 (28). С. 59–73.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Погребения раннескифского времени в смежных ящиках на некрополе Карбан-I (Северный Алтай) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2024. № 2. С. 78–87.

Ситников С. М., Шульга П. И. Погребения раннескифского времени на поселении эпохи бронзы Советский Путь-I // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. Вып. 3. С. 69–77.

Скопинцева Г. В. Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 120–124.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Степанова Н. Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 54–69.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1989. 216 с.

Суразаков А. С. Раскопки памятников Курота-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 56–96.

Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.

Тетерин Ю. В., Митько О. А. Курганы раннескифского времени могильника Ак-Даг I в Тыве // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 135–144.

Тишкин А. А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // Terra Scythica. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Погребения людей в скорченном положении из могильников раннего железного века Барнаульского Приобья // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 123–125.

Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Шамшин А. Б., Фролов Я. В., Медникова Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

Шпакова Е. Г. Характеристика одонтологического материала из кургана Ак-Алаха-II // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 243–245.

Шульга П. И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-I // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 58–69.

Шульга П. И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 148–150.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П. И., Шульга Д. П. Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2020. 260 с.

REFERENCE

Abdulganeev M. T. The Majehmirsk Mounds of Bojtygema. In: Archaeology of the Altai Mountains. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 37–43. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T., Kungurov A. L. Kurgans of the Bystryanskaya Culture in the Area between the Biya and Chumysh Rivers. In: Funeral Rites of the Ancient Tribes of Altai. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 143–155. (*In Russ.*)

Abdulganeev M. T. On the Components of the Bystryanskaya Culture. In: Cultural Space in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. Pp. 285–287. (*In Russ.*)

Bejsenov A. Z. Tasmolinsky Burials of the Kyzyl Burial Ground. In: Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Issue 2. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Pp. 139–149. (*In Russ.*)

Bernshtam A. N. Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and Pamir-Alai. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 346 p. (Materials and Studies on Archaeology of the USSR. No. 26) (*In Russ.*)

Volkov V. V. Central Asia and the Scythian and Siberian problem: abstract dis.... doctor of Historical Sciences. Moscow, 1990. 26 p. (*In Russ.*)

Grach A. D. Ancient Nomads in Central Asia. Moscow: GRVL, 1980. 256 p. (*In Russ.*)

Gryaznov M. P. History of the Ancient Tribes of the Upper Ob according to the Excavations near the Village of Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 256 p. (Materials and Studies on Archaeology of the USSR. No. 48)

Demin M. A., Gel'mel' Yu. I. Early Scythian Burial Mound from the Altai Mountains. In: Questions of the Archaeology of Altai and Western Siberia in the Metal Age. Barnaul: BGPI, 1992. Pp. 28–34. (*In Russ.*)

Kireev S. M. Burials of the Bystryanskaya Culture. In: Problems of Studying the History and Culture of Altai and Adjacent Territories. Gorno-Altajsk: GANIIYaL, 1992. Pp. 54–58. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F. Scythian Epoch of the Altai Mountains. Part III: Burial Complexes of the Scythian Period of the Middle Katun. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 292 p. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. Scythian Era of the Altai Mountains. Part I: Culture of the Population in the Early Scythian Period. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D. Mounds of Ulandryk. Novosibirsk: Nauka, 1987. 304 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D., Shul'ga P. I. The Pazyryk Culture (the Khuy and Ursula mounds). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 282 p. (*In Russ.*)

Kyzlasov L. R. Ancient Tuva (from the Paleolithic to the IX century). Moscow: MGU, 1979. 208 p. (*In Russ.*)

Mamadakov Yu. T., Kungurov A. L., Tishkin A. A. Excavated Mound of the Biyken Culture at the Airy-Tash-1 Site in the Ursula Estuary Zone (Altai). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016;1(13): 7–18. (*In Russ.*)

Mannaj-ool M. Kh. Tuva in the Scythian Times (Uyuk culture). Moscow: Nauka, 1970. 117 p. (*In Russ.*)

Margulan A. Kh., Akishev K. A., Kadyrbaev M. K., Orazbaev A. M. Ancient Culture of Central Kazakhstan. Almaty: Nauka, 1966. 435 p. (*In Russ.*)

Marsadolov L. S. The Complex of the Sites in Semisart in Altai. St. Petersburg: GE, 2001. 184 p. (Materialy SAAEH GEH. Issue 4). (*In Russ.*)

Molodin V. I., Polos'mak N. V., Novikov A. V., Bogdanov E. S., Slyusarenko I. Yu., Chermisin D. V. Archaeological Sites of the Ukok Plateau (Altai Mountains). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i ehtnografii SO RAN, 2004. 256 p. (Materials on the Archaeology of Siberia; Issue 3). (*In Russ.*)

Mongush K. M., Dongak A. A. Burial Complex of the Early Scythian Period of the Knut River Valley in Northern Tuva. In: *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanica" = Scientific Notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve*. 2018;8:23–35. (*In Russ.*)

Moshkova M. G. Works of the Kazakhstan Detachment of the South Ural expedition in 1964. In: Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 10. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 44–46. (*In Russ.*)

Papin D. V., Demin M. A., Savko I. A., Fedoruk A. S. Peculiarities of Burial Practices of the Settlement of the Altai Foothills of the Early Iron Age Based on the Materials from the Ust-Isha-5 Mine. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and the Central Territories. Vol. 28. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2022. Pp. 677–682. (*In Russ.*)

Papin D. V., Demin M. A., Fedoruk A. S., Frolov Ya. V., Savko I. A. Study of the Kurganov Mine Ust-Isha-5 in 2023 (pre-Mountain Altaj). In: Problems of Archaeology, Ethnography,

Anthropology of Siberia and the Central Territories. Vol. 29. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. Pp. 784–789. (*In Russ.*)

Papin D. V., Savko I. A., Anojkin A. A., Demin M. A. Study of the Burial Mound of the Early Scythian Period at the Ust-Ysha-5 Burial Ground in the Foothills of Altai. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and the Central Territories. Vol. 27. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. Pp. 588–593. (*In Russ.*)

Polos'mak N. V. The Scythian Sites Investigated on Ukok. *Altaica*. 1993;3:20–30. (*In Russ.*)

Poltorackaya V.N. The Berezovka Burial Ground I. In: Archaeological Collection of the State Hermitage Museum. Leningrad: Izd-vo GЭ, 1961. Issue 3. Pp. 74–88. (*In Russ.*)

Savinov D. G. Early Nomads of the Upper Yenisei. Archaeological Cultures and Cultural Genesis. St. Petersburg: SPbGU. 2002. 204 p. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. Burial of the Bikentian Culture from Northern Altai. In: Field Research in Verkhne Priob, Priirtysh and Altai (Archaeology, Ecology, Oral History and Museum Studies). Barnaul: AltGPU, 2022a. Issue 17. Pp. 168–175. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. Burial of the Early Scythian Period from the Karban Tract (Northern Altai). In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Region. Issue XXVIII. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2022b. Pp. 341–347. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. Early Scythian Burial with a Metal Mirror from Northern Altai. *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. 2022v;4(27): 74–85. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. Eastern Group of Objects of the Early Scythian Period of the Karban-I Complex. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Region. Issue XXIX. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2023a. Pp. 212–217. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. On the Issue of “Non-standard” Orientation in the Traditions of Burial Rituals of the Altai Population of the Early Scythian Period (based on materials from the Karban-I complex). *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. 2023b;1(28): 59–73. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. Early Scythian Burials in Adjacent Boxes at the Karban-I Necropolis (Northern Altai). *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arheologiya = News of ASU. Historical Sciences and Archaeology*. 2024;2:78–87. (*In Russ.*)

Sitnikov S. M., Shul'ga P. I. Burials of the Early Scythian Period in the Bronze Age Settlements of the Soviet Put-I. In: Antiquities of Altai. News of the Archaeology Laboratory. Gorno-Altajsk: GAGU. 1998. Vol. 3. Pp. 69–77. (*In Russ.*)

Skopinцева G. V. New Burial Ground of the Early Scythian Period in the Foothills of Altai. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Region. Issue IX. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 120–124. (*In Russ.*)

Smirnov K. F. Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians. Moscow: Nauka, 1964. 380 p. (*In Russ.*)

Stepanova N. F. Burials in Stone Boxes and Their Dating. In: Funeral Rites of Ancient Tribes of Altai. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 54–69. (*In Russ.*)

Surazakov A. S. Mountain Altai and Its Northern Foothills in the Early Iron Age. Problems of Chronology and Cultural Demarcation. Gorno-Altajsk: Alt. kn. izd-vo, 1989. 216 p. (*In Russ.*)

Surazakov A. S. Excavations of the Kurota-II and Kor-Koby-I Sites. In: Problems of Studying the Ancient and Medieval History of the Altai Mountains. Gorno-Altajsk: GANIIIYaL, 1990. Pp. 56–96. (*In Russ.*)

Surazakov A. S., Tishkin A. A. The Kyzyk-Telany-I Archaeological Complex in the Altai Mountains and the Results of Its Study. Barnaul: Azbuka, 2007. 232 p. (*In Russ.*)

Teterin Yu. V., Mit'ko O. A. Early Scythian Burial Mounds of the Ak-Dag I Burial Ground in Tuva. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology.* 2014;13(5):135–144. (*In Russ.*)

Tishkin A. A. The Biyken Culture of Altai of the Arzhan-Mayemir Period: Content and Experience of Periodization. In: Terra Scythica. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. Pp. 272–290. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Complex of Archaeological Sites in the Biyke River Valley (Mountain Altai). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Dashkovskij P. K. Social Structure and System of Worldviews of the Altai Population of the Scythian Era. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 430 p.

Troickaya T. N., Borodovskij A. P. Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Ob Region. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (*In Russ.*)

Frolov Ya. V., Shamshin A. B. Burials of People in a Crouched Position from the Early Iron Age Burial Grounds of the Barnaul Ob Region. In: Social and Economic Structure of Ancient Societies of Western Siberia. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997. Pp. 123–125. (*In Russ.*)

Khabdulina M. K. The Steppe Ishim Region in the Early Iron Age. Almaty: Rakurs, 1994. 170 p. (*In Russ.*)

Shamshin A. B., Frolov Ya. V., Mednikova E. M. The Bobrovsky Burial Ground. In: Funeral Rites of Ancient Tribes of Altai. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 69–88. (*In Russ.*)

Shpakova E. G. Characteristics of the Dental Material from the Ak-Allaha-I Burial Mound. In: Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 243–245. (*In Russ.*)

Shul'ga P. I. Early Scythian Burial on the River of Charysh from the Chesnokovo-I Burial Ground. In: Antiquities of Altai. Gorno-Altajsk: GAGU, 1998. No. 3. Pp. 58–69.

Shul'ga P. I. On the Content of the Concept “Maemir culture” and the Ethnocultural Situation in the Northwestern Foothills of Altai in the Early Scythian Period. In: The 5th Historical Readings in Memory of Michail Petrovich Gryaznov. Omsk: OmGU, 2000. Pp. 148–150. (*In Russ.*)

Shul'ga P. I. Riding Horse Equipment and Military Belts in Altai. Part I. Barnaul: Azbuka, 2008. 276 p. (*In Russ.*)

Shul'ga P. I., Shul'ga D. P. The Moknukhahan Burial Ground of the Chaohu Culture in the Foothills of the Tien Shan (Xinjiang, China). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2020. 260 p. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Серегин Н. Н.: обработка источников, анализ материалов, подготовка иллюстраций, обсуждение результатов.

N. N. Seregin: processing of sources, analysis of materials, preparation of illustrations, discussion of results.

Демин М. А.: идея публикации, описание материалов, подготовка иллюстраций, обсуждение результатов.

M. A. Demin: idea of publication, description of materials, preparation of illustrations, discussion of results.

Радовский С. С.: обработка источников, анализ материалов, подготовка иллюстраций, обсуждение результатов.

S. S. Radovskiy: processing of sources, analysis of materials, preparation of illustrations, discussion of results.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Nikolai N. Seregin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul, Russia.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия.

Mikhail A. Demin, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Russian History, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Радовский Святослав Сергеевич, младший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии, Барнаул, Россия.

Svyatoslav S. Radovsky, Junior Researcher, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;

одобрена после рецензирования 18.05.2025;

принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 01.02.2025;

approved after reviewing 18.05.2025;

accepted for publication 16.06.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 902.01(235.226)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-07)

EDN: OPMCJG

УСТЬ-КЯХТА-16: ЛЕВАЛЛУАЗСКАЯ ТЕХНИКА РАСЩЕПЛЕНИЯ НА ЮГЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Василий Иванович Ташак

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия; Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН, Россия;
tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>*

Резюме. Археологическое местонахождение Усть-Кяхта-16 было обнаружено в 1990 г. на юге Западного Забайкалья, в 4 км севернее села Усть-Кяхта, в окрестностях которого в конце XIX и в начале XX в. осуществлялись многочисленные археологические исследования. Усть-Кяхта-16 расположена в 45–75 м выше уровня реки Селенга, что значительно выше изучавшихся ранее в этих местах местонахождений каменного века, расположенных до 15 м над рекой. Исследования Усть-Кяхты-16 проводились в 1990-е гг. Каменные артефакты, обнаруженные здесь, были отнесены к различным этапам верхнего палеолита. В числе находок нуклеусы, на плоских фронтальных поверхностях которых отмечена система скалывания заготовок, отличающаяся от скалывания с призматических и подпризматических нуклеусов, также найденных здесь и на соседних местонахождениях.

Новый подход к исследованиям археологических материалов Усть-Кяхты-16 стал возможным после открытия и изучения каменной индустрии слоя 7г Барун-Алана-1, где массово представлен классический вариант леваллуазской техники расщепления — снятие отщепов с нуклеусов с черепаховидным фронтом. Здесь представлен также вариант получения леваллуазских остроконечников, который был обозначен как дистальный дивергентный. Сравнительный анализ материалов слоя 7г Барун-Алана-1 и Усть-Кяхты-16 показал, что нуклеусы двух археологических памятников, направленных на получение остроконечников, морфологически и типологически идентичны. В связи с этим Усть-Кяхту-16 с леваллуазскими материалами можно рассматривать как занимающую промежуточное положение между Барун-Аланом-1 и монгольскими памятниками орхонской группы, где присутствуют похожие археологические материалы.

Ключевые слова: средний палеолит, ранний верхний палеолит, леваллуазская техника, леваллуазские остроконечники, Барун-Алан-1, Западное Забайкалье, Монголия

Благодарности: исследования проводились при поддержке проекта РНФ №24-18-01099 «Критические трансформации в развитии культуры верхнего палеолита на территории Северной и Центральной Азии».

Для цитирования: Ташак В.И. Усть-Кяхта-16: леваллуазская техника расщепления на юге Западного Забайкалья // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 125–139. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-07)

UST'-KYANTA-16: LEVALLOIS KNAPPING TECHNIQUE IN THE SOUTH OF WESTERN TRANSBAIKALIA

Vasily I. Tashak

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia; Institute of Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude,
Russia; tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>*

Abstract. The Ust-Kyakhta-16 archaeological site was discovered in 1990 in the south of Western Transbaikalia, 4 km north of the village of Ust-Kyakhta, in the vicinity of which numerous archaeological studies were carried out in the late 19th and early 20th centuries. Ust-Kyakhta-16 is located 45–75 m above the Selenga River, which is significantly higher than the Stone Age sites previously studied in these areas, located up to 15 m above the river. Research at Ust-Kyakhta-16 was conducted in the 1990s. The stone artifacts discovered here were attributed to various stages of the Upper Paleolithic. Among the finds are cores, on the flat frontal surfaces of which a system of knapping blanks is noted, different from the knapping prismatic and subprismatic cores, also found here and in the neighboring locations.

A new approach to the study of archaeological materials from Ust-Kyakhta-16 became possible after the discovery and study of the stone industry of layer 7g of Barun-Alan-1, where the classic version of the Levallois knapping technique is widely represented — removal of flakes from cores with a tortoise-shaped front. A variant of obtaining Levallois points, which was designated as distal divergent, is also presented here. A comparative analysis of the materials from layer 7g of Barun-Alan-1 and Ust-Kyakhta-16 showed that the cores of the two archaeological sites aimed at obtaining points are morphologically and typologically identical. In this regard, Ust-Kyakhta-16 with Levallois materials can be considered as occupying an intermediate position between Barun-Alan-1 and the Mongolian sites of the Orkhon group, where similar archaeological materials are present.

Keywords: Middle Palaeolithic, Early Upper Palaeolithic, Levallois technique, Levallois points, Barun-Alan-1, Western Transbaikalia, Mongolia

Acknowledgements: this study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-01099 “Critical Transformations in the Evolution of Upper Paleolithic Culture of North and Central Asia”

For citation: Tashak V.I. Ust'-Kyahta-16: Levallois Knapping Technique in the South of Western Transbaikalia. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):125–139. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-07)

Введение

Современное село Усть-Кяхта и его окрестности еще в конце XIX в. становятся одним из центров археологических исследований на территории Западного Забайкалья, или Селенгинской Даурии — название этих мест, широко применявшееся в то время. Именно здесь осуществлял первые раскопки могильников бронзового и железного веков Ю. Д. Талько-Грынцевич (1928), здесь же совершал первые сборы археологических материалов каменного века А. П. Мостиц (1894, 1896). В одной из поездок по берегам р. Селенги возле Усть-Кяхты А. П. Мостиц сопровождал В. В. Птицына, исследовавшего природу и быт Забайкалья, в том числе производившего сборы археологических материалов, которые затем были опубликованы (Птицын, 1896).

Выделение палеолита Забайкалья также осуществлялось на основе материалов, в первую очередь собранных в окрестностях Усть-Кяхты (Сосновский, 1928, с. 164; 1933). В середине XX в. здесь осуществлялись сборы археологических материалов эпохи палеолита, которые наряду с собранными ранее артефактами послужили созданию обобщающей детальной характеристики палеолита Забайкалья и определению его хронологических позиций в общей схеме палеолита Сибири и Центральной Азии (Окладников, 1959). После этого интерес к данной территории применительно к палеолитоведению значительно сокращается. Во 2-й половине 1970-х гг. на север-

ной окраине Усть-Кяхты осуществлялись раскопки стоянки эпохи финального палеолита Усть-Кяхты-3. Все исследования каменного века в районе Усть-Кяхты до 1970-х гг. были связаны с береговой зоной Селенги, иногда на удалении от берега, и до 40 м над уровнем реки. В это время производились подъемные сборы на разветвленных песчаных поверхностях, в котловинах выдувания (Сосновский, 1933, с. 35), связанных с песчаными и супесчаными отложениями Кривоярской свиты (Базаров, 1968, с. 63–66; Ташак, 2005, с. 17). Массовые подъемные сборы производились и на разветвленных песчаных поверхностях по берегам мелкого притока Селенги — речки Савы. Каменные археологические материалы, полученные здесь, датировались финальным палеолитом и неолитом.

Следующий этап исследований каменного века на этой территории начался в конце 1980-х гг. и активно продолжался в течение 1990-х гг. В это время к исследованию привлекаются участки, расположенные на высоте до 150 м над уровнем Селенги и на удалении от правого берега реки до 4 км: в глубине горных распадков, на подгорных шлейфах и присклоновых площадках (Ташак, 2005). Одним из результатов расширения зоны исследований стало выявление археологических материалов ранней и средней поры верхнего палеолита. Наряду с типично верхнепалеолитическими материалами, среди которых преобладали призматические, подпризматические и торцовые клиновидные нуклеусы, пластины и микропластины, были собраны и артефакты, не вписывающиеся в этот набор. В частности на местонахождении Усть-Кяхта-16 обнаружены нуклеусы с плоско-выпуклыми фронтальными поверхностями (Ташак, 2005, с. 77). В этих артефактах прослеживались явные элементы леваллуазской техники расщепления, но они были единичными и не имели аналогов среди известных материалов Западного Забайкалья. В данной статье предлагается детальный анализ некоторых артефактов Усть-Кяхты-16, связанных с леваллуазской техникой расщепления, а также определение их места в общей схеме палеолита Западного Забайкалья и востока Центральной Азии.

Леваллуазские материалы Усть-Кяхты-16

Археологическое местонахождение Усть-Кяхта-16, открытое в 1990 г. В. И. Ташаком, расположено в 4 км прямо на север от северной окраины с. Усть-Кяхта и в 600 м на север от правого берега Селенги, в отрогах горного массива хребта Хангидай, обращенных на юг (рис. 1). Обширная площадь местонахождения вытянута вдоль южного склона в привершинной части скалистой горы и отделена склоновым желобом от основной части протяженного склона. Южнее склонового желоба, вдоль него, по линии СВ — ЮЗ тянется небольшая скалистая гряда, исчезающая на востоке в верхней части склона. Южнее этой гряды подгорный шлейф протяженностью 400 м опускается к правобережью Селенги. Террасовидная полоса склона горы со слегка выровненной поверхностью максимальной шириной 30–40 м протянулась сверху вниз по линии ЮЗ — СВ между склоновым желобом и крутой частью склона. На разных участках всей этой полосы, протяженностью около 600 м, встречаются каменные артефакты. Эта террасовидная поверхность является площадью археологического памятника Усть-Кяхта-16. В силу большой протяженности памятника его территория была

разделена на три участка, получившие номера (рис. 2). Первый участок находится на востоке и занимает самую высокую позицию. Второй участок (средняя часть памятника) расположен ниже и западнее, у юго-западных крутых склонов горы со скалистой вершиной. Наиболее низкую позицию занимает третий участок, связанный с протяженным и круто наклоненным подгорным шлейфом, составляющим левый борт распадка Сухой Ключ.

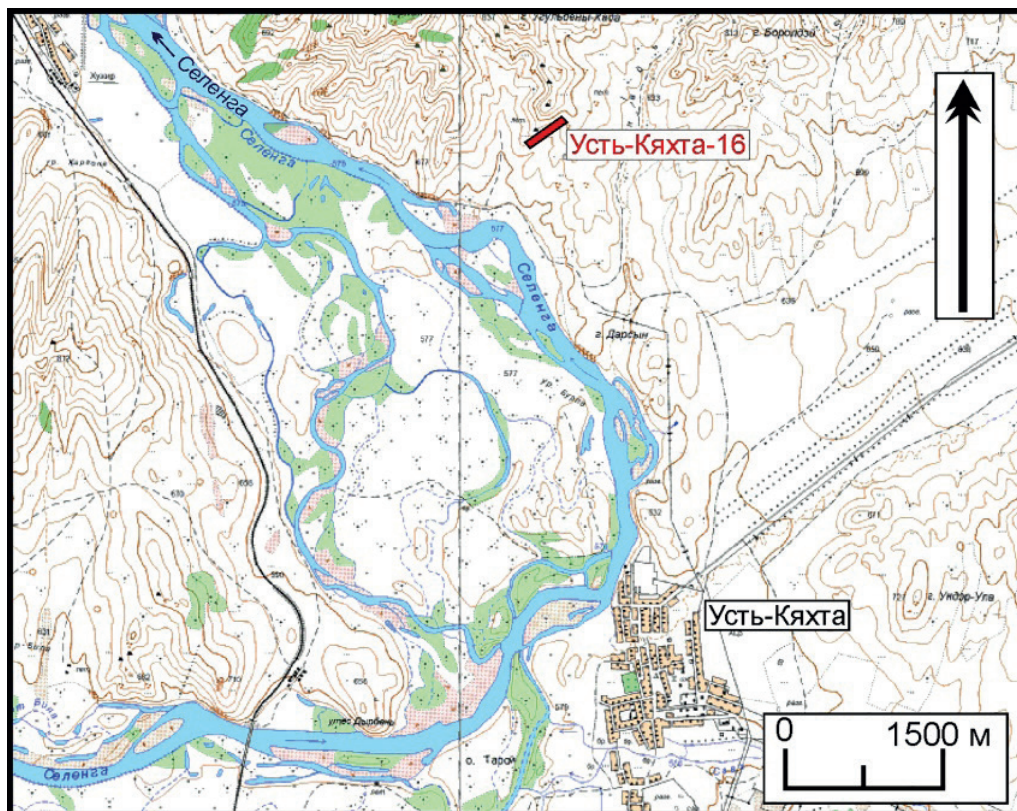

Рис. 1. Схема расположения Усть-Кяхты-16 в окрестностях с. Усть-Кяхта
Fig. 1. Scheme of the Ust'-Kyahta-16 location in Ust'-Kyahta village adjacent territories

На поверхности террасовидных площадок участков 1 и 2 находок нет. Артефакты из подъемных сборов на этих участках найдены на склонах правого (северного) борта склонового желоба, которые оказались там в результате постепенного осыпания слоев с археологическими материалами по борту желоба.

На Усть-Кяхте-16 осуществлялись подъемные сборы археологического материала, а также производились шурфовочные работы. Нуклеусы с чертами леваллуазской техники расщепления обнаружены в верхней части местонахождения, на стыке первого и второго участков, в 45 м выше дна распадка, к которому спускается склоновый желоб, и в 75 м выше уровня Селенги.

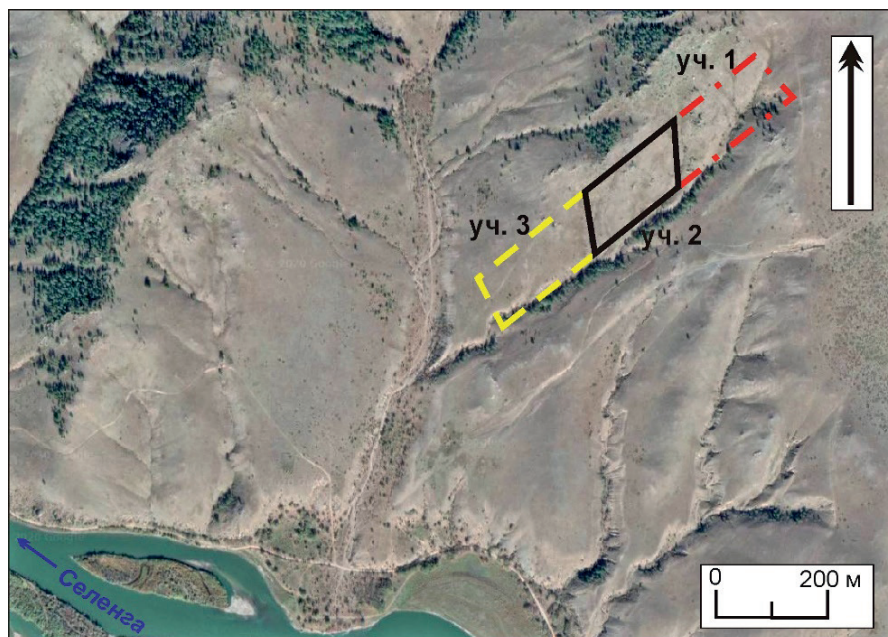

Рис. 2. Схема археологического местонахождения Усть-Кяхта-16 на местности
 Fig. 2. Scheme of the Ust'-Kyahta-16 site situation in the surrounding landscape

Всего на рассматриваемом памятнике обнаружено 14 нуклеусов различных типов, семь пренуклеусов и четыре оббитых гальки. Среди нуклеусов представлено четыре плоскофронтальных экземпляра, которые ранее были определены как предназначенные для получения широких удлиненных пластинчатых отщепов (Ташак, 2005, с. 77). Это подтверждалось наличием таких отщепов в составе находок (рис. 3.-1, 2), а также наличием негатива подобного скола на одном из нуклеусов (рис. 3.-3). Новый детальный анализ фронтальных поверхностей нуклеусов показал, что процесс их расщепления был направлен на получение леваллуазских остроконечников. На двух экземплярах процесс подготовки фронтальной поверхности к скалыванию остроконечников прослеживается четко. Также на этих нуклеусах прослеживаются негативы результирующего остроконечного скола. Один из нуклеусов демонстрирует классический вариант скалывания леваллуазского остроконечника, он оставлен с негативом от снятого скола (рис. 4.-2). Кроме негатива от остроконечника на нем четко выражены негативы двух дивергентно расходящихся пластинчатых сколов, направленных от дистальной части к основной ударной площадке нуклеуса. Между дивергентными сколами в дистальной части образовалось резко выступающее ребро, вдоль которого и осуществлялось скалывание остроконечников, направленное со стороны ударной площадки. Второй экземпляр подобного нуклеуса был оформлен на слегка уплощенной и удлиненной гальке овальной формы. Этот нуклеус обрабатывался как классический леваллуазский — с подготовкой фронтальной поверхности центростремительными сколами, а также с частичной обработкой центростремительными сколами тыльной поверхности (рис. 4.-1). На одной из латералей нуклеуса сохранились негативы оформления, направленные от края к центру фронтальной поверхности.

та скальвания. На второй латерали сохранился негатив от пластинчатого скола, направленного в сторону основной ударной площадки. Второй негатив подобного скола, от которого осталась лишь проксимальная часть, проходил диагонально через центр фронта скальвания. Ребро, образованное между этими сколами, стало направляющим для снятия леваллуазских остроконечников. Негатив от такого остроконечника сохранился частично — дистальный конец и левый край (ударная площадка вверху). Вдоль правого края этого негатива был снят еще один остроконечник, негатив от которого сохранился полностью. Алгоритм подготовки скальвания для второго остроконечника остался таким же — в дистальной части нуклеуса был сделан скол, формирующий резко выступающее ребро, что и обеспечивало остроконечное окончание намеченного скола.

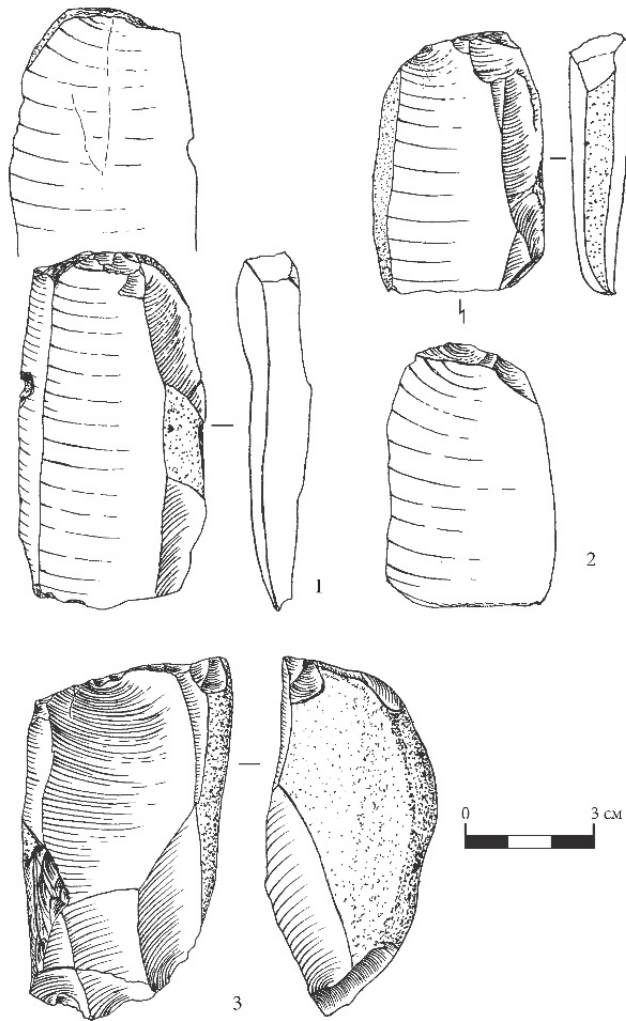

Рис. 3. Усть-Кяхта-16. Археологические материалы
Fig. 3. Ust'-Kyahta-16. Archaeological materials

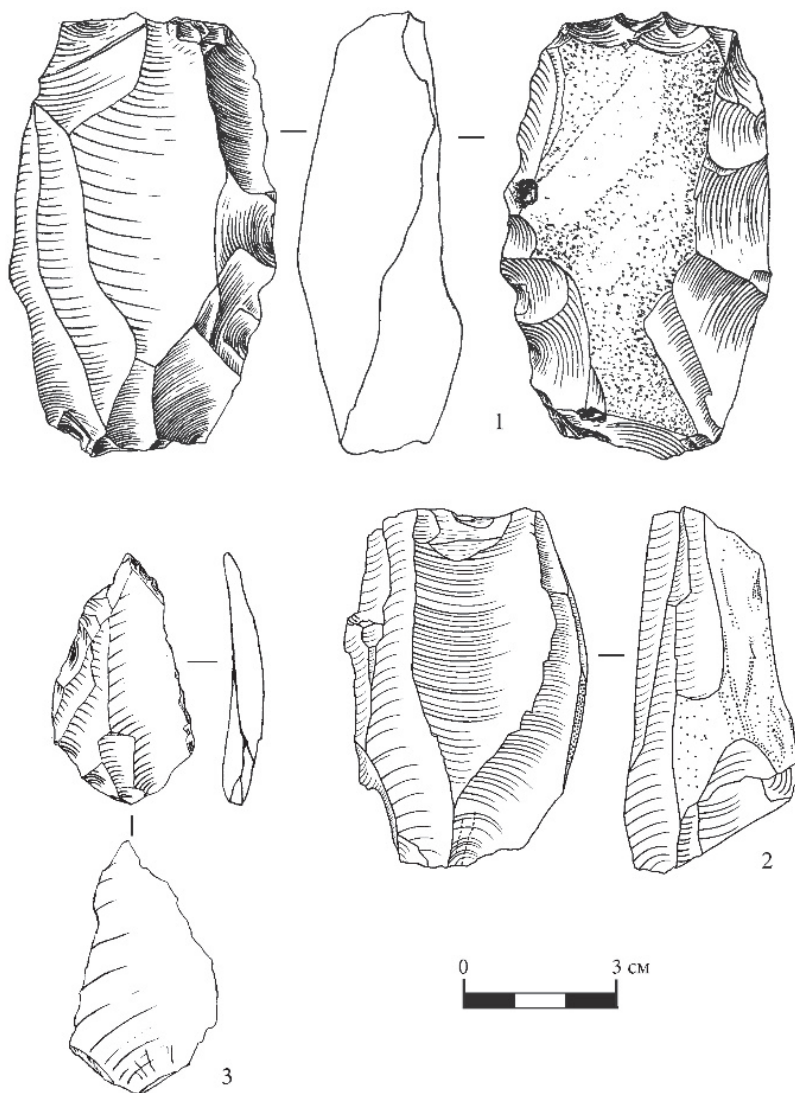

Рис. 4. Усть-Кяхта-16. Археологические материалы
 Fig. 4. Ust'-Kyahta-16. Archaeological materials

На двух примерах дано детальное описание стандартных процессов подготовки и расщепления ядрищ, предназначенных для скалывания леваллуазских остроконечников в рамках индустрии Усть-Кяхты-16. Анализ фронтальной поверхности еще двух нуклеусов показывает, что они подготавливались в той же последовательности и были предназначены для производства остроконечников, но в результате конечного скалывания получились сколы без остроконечного окончания (см. рис. 3.-3).

Кроме нуклеусов из подъемных сборов в материалах Усть-Кяхты-16 отмечен остроконечный отщеп, относящийся к сколам, предвещающим получение основного скола-заготовки с леваллуазских нуклеусов (рис. 4.-3). Один край этого отщепа покрыт не-

гативами центростремительных сколов оформления фронтальной поверхности. Данный отщеп был найден в шурфе, во втором уровне, содержащем археологические материалы (Ташак, 2005, с. 76, 77).

Обсуждение

Единичные находки леваллуазской индустрии Усть-Кяхты-16, направленной на производство остроконечников, отсутствие аналогий среди материалов других палеолитических местонахождений Забайкалья и приостановка исследований на памятнике привели к тому, что рассматриваемые материалы на пару десятилетий оказались вне зоны изучения леваллуазской техники расщепления в Забайкалье. Ситуация начала изменяться после 2011 г., когда был получен наиболее массовый археологический материал из слоя 7г Барун-Алана-1, связанный с леваллуазской техникой расщепления (Ташак, 2012, 2015, 2018). В ходе изучения леваллуазской составляющей индустрии слоев 7г и 8 Барун-Алана-1 вопрос о выделении такого направления, как производство леваллуазских остроконечников, в индустрии слоя 7г не рассматривался предметно, делались предположения на основе некоторых материалов. Только в 2022 г. было предпринято целенаправленное осуществление такой работы. Результатом стало выделение группы нуклеусов, предназначенных для скалывания леваллуазских остроконечников, а также остроконечных сколов, полученных с этих нуклеусов (Ташак, 2023). Наряду с выделением группы леваллуазских нуклеусов была дана детальная характеристика их подготовки и процесса скалывания остроконечников.

На основе полученных данных при изучении индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 проведено новое исследование материалов Усть-Кяхты-16, которое показало полную идентичность как в морфологии ряда артефактов двух памятников, так и в характере расщепления нуклеусов с целью получения леваллуазских остроконечников. Основными чертами такого расщепления является наличие дивергентных пластинчатых сколов, реже укороченных, направленных от дистальной части нуклеуса или от вспомогательной ударной площадки к основной. Кроме того, что сколы были направлены дивергентно, они осуществлялись под наклоном друг к другу. Негативы, оставшиеся от таких сколов, скошены, часто круто, в сторону ближайшей латерали. Таким способом посредством дивергентных сколов на фронтальной поверхности нуклеуса создавалось резко выступающее ребро, которое обеспечивало остроконечное дистальное окончание запланированному сколу. Второе скалывание в этом же направлении обеспечивало получение типичного леваллуазского остроконечника.

Большое значение при сопоставлении леваллуазских материалов двух местонахождений имеет определение их возраста. Возраст слоя 7г Барун-Алана-1 определяется относительно возраста нижнего уровня слоя 7 (уровень 7в), который датирован детально (Ташак, 2009, 2019). Радиоуглеродные даты, полученные для уровня 7в слоя 7, укладываются в диапазон 24–27 тыс. л. н., калиброванные — соответственно находятся в диапазоне 27–33 тыс. л. н. На основе этого предполагается, что возраст слоя 7г будет древнее 33 тыс. лет (Ташак, 2019, с. 14, 15). Как минимум, возраст слоя 7г Барун-Алана-1 соотносится с ранним этапом верхнего палеолита.

Как было указано, все рассматриваемые нуклеусы Усть-Кяхты-16 представлены как подъемные материалы, что затрудняет их датирование. Сравнительный анализ нуклеусов двух местонахождений указывает на общность процессов их подготовки и расщепления, в связи с чем можно предполагать и близость их появления во времени. Кроме этого, в одном из шурфов был найден остроконечный отщеп с остатками центростремительных сколов по одному краю. Такой отщеп может рассматриваться как один из сколов первого порядка в ходе подготовки нуклеуса к скалыванию классического леваллуазского остроконечника. Отщеп из шурфа 5 зафиксирован в слое, залегающем ниже уровня взятия образцов кости на датирование из шурфа 4 (Ташак, 2005, с. 77). По образцам кости получена радиоуглеродная дата — 27380 ± 850 л. н. (СОАН — 4121) или 34278–30456 л. н. после калибровки в OxCal 4.4 (Bronk Ramsey, 2021; Reimer et al., 2020). Выше уровня взятия образцов кости на датирование археологические материалы не зафиксированы. Сравнение леваллуазских материалов двух памятников показало их общность; сравнение дат, связанных со слоями, перекрывающими уровни залегания рассматриваемых материалов, указывает на синхронность их развития. Учитывая, что леваллуазская индустрия Барун-Алана-1 не ограничивается производством леваллуазских остроконечников, а представляет развитое производство отщепов, получаемых расщеплением черепаховидных нуклеусов, можно предполагать наличие такого расщепления на юге Западного Забайкалья. Установленная общность леваллуазской техники расщепления в индустриях Барун-Алана-1 и Усть-Кяхты-16 расширяет ареал распространения этой техники. Ранее этот ареал ограничивался Барун-Аланом-1 (слои 7г и 8) и некоторыми археологическими объектами, расположенными рядом с ним, где были найдены леваллуазские нуклеусы (Ташак, 2024; Ташак, Антонова, 2024). Усть-Кяхта-16, расположенная в 315 км на юго-запад от Барун-Алана-1, не только позволяет расширить ареал леваллуазской индустрии в Западном Забайкалье, но и становится связующим звеном между Барун-Аланом-1 и монгольскими палеолитическими местонахождениями с зафиксированной леваллуазской техникой расщепления.

На территории Монголии леваллуазская техника расщепления представлена в 4-м горизонте Мойлтын ама, в горизонте 3 раскопов 1, 2 Орхона-1, которые датируются от финала среднего палеолита до переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту (Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010). Элементы леваллуазской индустрии отмечаются и в слоях этих памятников, относящихся к раннему этапу верхнего палеолита. Кроме этого, леваллуазский компонент представлен на таких палеолитических памятниках Монголии, как Орок-Нор-1, Орок-Нор-2, Нарийн-Гол-17а (Деревянко и др., 2000).

Опубликованные характеристики и иллюстрации леваллуазских нуклеусов для отщепов указанных монгольских местонахождений говорят о том, что они по основным параметрам совпадают с аналогичными леваллуазскими нуклеусами Барун-Алана-1. Такая общность не была очевидной согласно предложенной схеме последовательности утилизации нуклеусов для остроконечников из монгольских местонахождений, которая обозначалась как конвергентная однонаправленная (Рыбин и др., 2015). Схема, предложенная для нуклеусов Барун-Алан-1 (Ташак, 2023) и Усть-Кяхты-16, описывает другую последовательность — дивергентную с встречным скалыванием основного скола-заготовки.

Новейшие исследования палеолита Монголии показывают, что леваллуазская техника расщепления зафиксирована на археологических местонахождениях в долине Толбора, правого притока Селенги в Северной Монголии. Основные типы леваллуазских нуклеусов, представленных в материалах слоя 7г Барун-Алана-1, имеют общие черты с леваллуазскими нуклеусами 4-го археологического горизонта стоянки Толбор-21, в том числе с негативами скалывания остроконечников (Рыбин и др., 2022). Горизонт 4 Толбора-21, из которого происходит большинство леваллуазских нуклеусов, отнесен авторами к начальному верхнему палеолиту: 40–42 тыс. кал. л. н. На этом монгольском местонахождении представлены леваллуазские нуклеусы для остроконечников, ряд которых демонстрируют общность процесса расщепления таких нуклеусов с процессом расщепления, доминирующим в слое 7г Барун-Алана-1. Такой метод расщепления леваллуазских нуклеусов для остроконечников авторами исследований монгольских палеолитических местонахождений назван бипродольным конвергентным (Рыбин и др., 2022, с. 294), или методом 4 (Rybin, Khatsenovich, 2020).

Несколько ранее, при описании специфических леваллуазских нуклеусов типа Арц-Богдо, зафиксированных в Монголии, уже была предложена схема расщепления (Деревянко, Петрин, Кривошапкин, 1998), которая совпадает со схемой получения остроконечников в Барун-Алане-1 и Усть-Кяхте-16 и аналогичной бипродольной конвергентной схемой, предложенной по материалам местонахождений толборской группы. Нуклеусы типа Арц-Богдо и остроконечники, полученные при их расщеплении, присутствуют в материалах Барун-Алана-1 (Ташак, 2023).

Заключение

Проведенное исследование показало, что зафиксированные в индустрии Усть-Кяхты-16 леваллуазские нуклеусы, предназначенные для скалывания леваллуазских остроконечников, полностью соответствуют подобным нуклеусам, представленным в индустрии слоя 7г Барун-Алана-1. В этой связи леваллуазская техника расщепления Барун-Алана-1 больше не рассматривается как уникальная для Западного Забайкалья. Если до этого исследования аналогии леваллуазским материалам прослеживались только в материалах индустрий монгольских палеолитических местонахождений, расположенных на большом удалении от Барун-Алана-1, около 760 км до орхонских местонахождений и около 610 км до толборской группы памятников, то в настоящее время Усть-Кяхта-16 занимает промежуточное положение между Барун-Аланом-1 и монгольскими местонахождениями (рис. 5). Наличие леваллуазской техники расщепления в Усть-Кяхте на юге Западного Забайкалья маркирует пространственные связи индустрий удаленных друг от друга регионов и возможные пути перемещения леваллуазской технологии. Эти выводы позволяют выделять обширный ареал распространения такой технологии: как минимум от Центральной Монголии до бассейна реки Уды в Западном Забайкалье. При этом следует заметить, что Барун-Алан-1 демонстрирует массовый и разнообразный археологический материал, связанный с техникой леваллуа, присутствующий в различных литологических слоях. В связи с этим предполагается, что каменная индустрия слоя 7г и верхней части слоя 8 Барун-Алана-1, содержащая выразительный леваллуазский компонент, развивалась самостоятельно на основе

более ранней индустрии, проникшей в Забайкалье в эпоху среднего палеолита. Эта же индустрия послужила основой для развития похожей индустрии с леваллуазским компонентом в ряде палеолитических памятников Монголии.

Рис. 5. Схема расположения Усть-Кяхты-16 и ближайших к нему археологических памятников с леваллуазской техникой расщепления каменного сырья. Цифрами обозначены: 1 — Барун-Алан-1; 2 — Усть-Кяхта-16; 3 — Орхон-1; 4 — Толбор-21

Fig. 5. Scheme of the location of the Ust'-Kyahta-16 site and the nearest archaeological sites with the Levallois technique of stone raw material knapping. Numbers indicate: 1 — Barun-Alan-1; 2 — Ust'-Kyahta-16; 3 — Orkhon-1; 4 — Tolbor-21

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Базаров Д. Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1968. 166 с.

Деревянко А. П., Кандыба А. В., Петрин В. Т. Палеолит Орхона. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. 384 с.

Деревянко А. П., Петрин В. Т., Кривошапкин А. И. Вариант леваллуазского рекуррентного метода для получения треугольных сколов в палеолитических комплексах северо-восточного фаса Арц-Богдо (Южная Монголия) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 256–264.

Деревянко А. П., Петрин В. Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е. В., Ларичев В. Е., Васильевский Р. С., Зенин А. Н., Гладышев С. А. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озёр. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 440 с.

Мостиц А. П. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты // Протоколы общего собрания ТКОПОИРГО. 1894. № 3. С. 10–18.

Мостиц А. П. Следы каменного века в долине р. Селенги // Протоколы обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО. 1896. № 1–2. С. 5–17.

Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. Улан-Удэ: БурГИЗ, 1959. Вып. 1. С. 2–26.

Птицын В. В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. СПб.: Экономическая типо-литография, 1896. 306 с.

Рыбин Е. П., Кандыба А. В., Хаценович А. М., Славинский В. С. Вариабельность и хроностратиграфия леваллуазской технологии в среднем и раннем верхнем палеолите Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. С. 37–48.

Рыбин Е. П., Марченко Д. В., Болорбат Ц., Хаценович А. М., Кравцова П. С., Маргад-Эрдэнэ Г., Харевич В. М., Клементьев А. М., Гунчинсурэн Б. Археологическое изучение стоянки Толбор-21 (Монголия) в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2022. С. 291–297.

Сосновский Г. П. Краткий отчет о летней работе Археологического отряда Б. М. экспедиции Академии наук СССР // Бурятияведение. 1928. №IV (8). С. 162–166.

Сосновский Г. П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М.: АН СССР, 1933. Т. III, вып. 1. С. 23–40.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Бурятияведение. 1928. № 1–3 (5–7). С. 91–103.

Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2005. 130 с.

Ташак В. И. Стратиграфия и хронология палеолитических памятников горы Хэнгэрэктэ (Западное Забайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 53–62.

Ташак В. И. Исследования проблемы леваллуа в Забайкалье и Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 8. Востоковедение. С. 225–229.

Ташак В. И. Леваллуазская индустрия Барун-Алана-1 // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 4. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 229–339.

Ташак В. И. Техника леваллуа в палеолите Забайкалья // *Stratum plus*. 2018. № 1. С. 327–338.

Ташак В. И. Новые исследования по хронологии Барун-Алана-1 (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 1. С. 9–19. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-9-19

Ташак В. И. Леваллуазские остроконечники в индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 (Западное Забайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. С. 334–338.

Ташак В. И. Каменная индустрия слоя 8 Барун-Алана-1: вариант начального этапа верхнего палеолита Западного Забайкалья // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 2. С. 140–158.

Ташак В. И., Антонова Ю. Е. Каменная индустрия слоя 7г Барун-Алана-1: проблема вариабельности начального верхнего палеолита Западного Забайкалья // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2024. № 1. С. 231–255. DOI: 10.55086/sp241231255

Bronk Ramsey C. OxCal 4.4.4. 2021. URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/> (дата обращения: 04.01.2024).

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., ... Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // *Radio-carbon*. 2020. Vol. 62 (4). P. 725–757.

Rybin E. P., Khatsenovich A. M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia // *Quaternary International*. 2020. T. 535. P. 117–138.

REFERENCES

Bazarov D. B. Quaternary Deposits and Main Stages of the Selenga Middle Mountains Relief. Ulan-Ude: Buryatskoe kn. izd-vo, 1968. 166 p. (*In Russ.*)

Derevyanko A. P., Kandyba A. G., Petrin V. T. Paleolithic of Orkhon. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2010. 384 p. (*In Russ.*)

Derevyanko A. P., Petrin V. T., Krivoshapkin A. I. Variant of the Levallois Recurrent Technique for Getting Triangular Flakes in Palaeolithic Complexes of Northern-East Scarp of Arts-Bogdo (Southern Mongolia). In: *Pleistocene Paleoecology and Cultures of the Stone Age in the Northern Asia and Neighboring Territories*. Vol. 2. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. Pp. 256–264. (*In Russ.*)

Derevyanko A. P., Petrin V. T., Tseveendorj D., Devyatkin E. V., Larichev V. E., Vasil'evskiy R. S., Zenin A. N., Gladyshev S. A. Stone Age of Mongolia: Paleolithic and Neolithic of the Northern Face of the Valley of Lakes. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2000. 440 p. (*In Russ.*)

Mostits A. P. Archaeological Finds in the Ust'-Kyahta Village Adjacencies. *Protokoly obshchego sobraniya TKOPOIRGO = Records of the General Meeting of the TKOPOIRGO*. 1894;3:10–18. (*In Russ.*)

Mostits A. P. Trails of the Stone Age in the Selenga River valley. *Protokoly obshchego obyknovennogo sobraniya TKOPOIRGO = Records of the General Meeting of the TKOPOIRGO*. 1896;1–2:5–17. (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Palaeolithic of the Transbaikalia. General Study. In: *Archaeological Book*. Ulan-Ude: BurGIZ, 1959. Vol. 1. Pp. 2–26. (*In Russ.*)

Ptitsyn V. V. Selenginskaya Dauriya. Studies of the Transbaikal Region. St. Petersburg: Ekonomicheskaya tipo-litografiya, 1986. 306 p. (*In Russ.*)

Rybin E. P., Kandyba A. V., Khatsenovich A. M., Slavinskij V. S. Variability and Chronostratigraphy of Levallois Technology in Middle and Initial Upper Paleolithic of Mongolia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Novosibirsk State University Bulletin. Series: history, philology*. 2015;14(3):37–48. (*In Russ.*)

Rybin E. P., Marchenko D. V., Bolorbat T., Khatsenovich A. M., Kravtsova P. S., Margad-Erdene G., Kharevich V. M., Klementyev A. M., Gunchinsuren B. 2022 Archaeological Investigation of Tolbor-21 Paleolithic Site (Mongolia). In: *Problems of Archaeology*,

Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XXVIII. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2022. Pp. 291–297. (*In Russ.*)

Sosnovskiy G. P. Short Report about Summer Field Works of the Archaeological Band of Buryat-Mongolian Expedition of the USSR Academy of Science. *Buryatievedenie = Buryat Area Studies*. 1928;4(8):162–166. (*In Russ.*)

Sosnovskiy G. P. Trails of the Palaeolithic Human Presence in Transbaikalia. In: Proceedings of the Commission for Study of the Quaternary. Moscow: AN SSSR, 1933. Vol. 3, Iss. 1. Pp. 23–40. (*In Russ.*)

Talko-Hryniewicz U. D. The Population of the Ancient Burials and Burial Grounds of Transbaikalia. *Buryatievedenie = Buryat Area Studies*. 1928;1–3(5–7):91–103. (*In Russ.*)

Tashak V. I. Paleolithic and Mesolithic Sites of Ust-Kyakhta. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN, 2005. 130 p. (*In Russ.*)

Tashak V. I. Stratigraphy and Chronology of Khengerekte Mountain's Paleolithic Sites (Western Transbaikalia). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = The Bulletin of Novosibirsk State University. Series History and Philology*. 2009;8(3): 53–62. (*In Russ.*)

Tashak V. I. Investigations of the Levallois Problem in Transbaikal and Central Asia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Buryat State University Bulletin*. 2012;8:225–229. (*In Russ.*)

Tashak V. I. Levallois Industry of the Barun-Alan-1 Site. In: Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures. Iss. 4. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. Pp. 229–339. (*In Russ.*)

Tashak V. I. Levallois Technique in the Paleolithic of Transbaikalia. *Stratum plus*. 2018;1: 327–338. (*In Russ.*)

Tashak V. I. New Research on Chronology of Barun-Alan-1 site (the Republic of Buryatia). *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2019;15(1):9–19. (*In Russ.*) DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-9-19>.

Tashak V. I. Levallois Points in Barun-Alan-17g Layer Industry (Western Transbaikal). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XXIX. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. Pp. 334–338. (*In Russ.*)

Tashak V. I. Stone Industry of the Barun-Alan-1, 8th Layer: Variant of the Initial Upper Palaeolithic Forming in Western Transbaikalia. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):140–158. (*In Russ.*) [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-08)

Tashak V. I., Antonova Yu. E. Stone Industry from Layer 7g of Barun-Alan-1 and the Variability of the Initial Upper Palaeolithic of Western Transbaikalia. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2024;1: 231–255. (*In Russ.*) <https://doi.org/10.55086/sp241231255>

Bronk Ramsey C. OxCal 4.4.4. 2021. Available at: [https://c14.arch.ox.ac. uk/](https://c14.arch.ox.ac.uk/) (date of access: 04.01.2024).

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., ... Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*. 2020;62(4):725–757.

Rybin E. P., Khatsenovich A. M. Middle and Upper Paleolithic Levallois Technology in Eastern Central Asia. *Quaternary International*. 2020;535:117–138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ташак Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Vasily I. Tashak, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2025;
одобрена после рецензирования 09.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.
The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 09.06.2025;
accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.2

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-08)

EDN: OWINQI

УЗЛЫ НА РЕМЕШКАХ, ШНУРКАХ, ВЕРЕВКАХ ИЗ РАСКОПОК: ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Сергей Семенович Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
semchi957@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

Резюме. В статье рассмотрены узлы, завязанные на веревках в древности и средневековье, найденные археологами Западной Сибири и Казахстана при раскопках памятников разного типа. К сожалению, несмотря на то что такие находки время от времени встречаются в ходе археологических исследований, узлы до сих пор не стали предметом заинтересованного внимания специалистов. Вероятно, с этим связано и мизерное количество публикаций, касающихся анализа узлов. Не способствует изучению узлов их плохая сохранность, а также неумение некоторых ученых анализировать узлы. Автор считает, что узлы на шнурах и веревках при соответствующем изучении могут быть полноценными археологическими источниками. При изучении узлов автором была получена информация о том, что узлы на веревках могут указывать на некоторые особенности в культурах обществ прошлого: на способы связывания пленных или привязывания животных, на существование каких-либо инструментов и т. д. Факт наличия узлов на длительном отрезке истории человечества позволяет анализировать их на широкой территории с использованием различных видов источников.

Ключевые слова: археологический источник, узлы на веревках, возможности исследования, древность, средневековье

Благодарности: работа выполнена по Госзаданию «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков» (FWZG-2025-0013).

Для цитирования: Тихонов С.С. Узлы на ремешках, шнурах, веревках из раскопок: информативные возможности // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 140–152. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-08)

KNOTS ON STRAPS, LACES, ROPES FROM EXCAVATIONS: INFORMATIVE OPPORTUNITIES

Sergey S. Tikhonov

Omsk Laboratory of the IAET SB RAS Omsk, Russia;
semchi957@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

Abstract. The article examines the knots tied on ropes in ancient and medieval times, found by archaeologists in Western Siberia and Kazakhstan during the excavations of sites of various types. Unfortunately, despite the fact that such finds are occasionally encountered during archaeological research, the knots have not yet become the subject of interested attention of specialists. Probably, this is also due to the scanty number of publications on the analysis of knots. The poor state of preservation of knots, as well as the inability of some scientists to analyze knots, do not contribute to the study of knots.

The author believes that knots on cords and ropes, if properly studied, can be full-fledged archaeological sources. While studying the knots, the author received information that knots on ropes can indicate certain features in the cultures of past societies: methods of tying up prisoners or tying up animals, the existence of certain tools, etc. The fact that nodes exist over a long period of human history allows us to analyze them over a wide area using various types of sources.

Keywords: archaeological source, knots on ropes, research opportunities, antiquity, middle age

Acknowledgments: the work was completed according to the State Assignment “Formation of Original Features of Russian Civilization and Establishment of an Empire Based on Research Materials of Siberian Sites of the 16th–20th Centuries” (FWZG-2025-0013).

For citation: Tikhonov S.S. Knots on Straps, Laces, Ropes from Excavations: Informative Opportunities. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):140–152. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-08)

Введение

В материалах раскопок археологических памятников, относящихся к разным эпохам, время от времени встречаются остатки веревок, ремешков, шнуров, тесемок и т. д., изготовленных из растительных волокон или кожи, на которых сохранились узлы. Самые ранние из известных мне находок, полученные при раскопках пещеры Бордер Кейв на границе Свазиленда и ЮАР, относятся к началу верхнего палеолита (Villa etc, 2012, p. 13208–13213; D’Errico etc, 2012, p. 13214–13219). Самые поздние — XVII–XVIII вв. — найдены при изучении Тарской крепости в Среднем Прииртышье (Тихонов, 2013а, с. 134–139). Как правило, ученые специально не изучают найденные образцы, и информация о них в печать попадает очень редко. Причины этому я вижу две: отсутствие больших серий такой категорией находок и неумение части исследователей работать с ними.

Однако изучение литературы и материалов археологических коллекций позволяет сделать выводы о том, что, во-первых, такие находки не так уж редки, а во-вторых, содержат информацию, не отраженную в других категориях археологических находок. Введение этих сведений в научный оборот позволяет углубить изучение некоторых аспектов культуры населения в ходе комплексных этнографо-археологических (Тихонов, 2013б, с. 529–532; 2014, с. 299–303; 2015, с. 307–310) и историко-художественных (Валенцова, 2011, с. 53–59; Печурина, 2017, с. 72–87; 2023) исследований.

Проблема

Большинство современных людей не затрудняет себя изучением способов завязывания узлов, довольствуясь полученными от родителей или знакомых знаниями о завязывании узлов на галстуке, обуви, женщины — еще на поясах и платочках. При этом они завязывают узлы так, как их научили, поэтому рисунок и способ завязывания узла может сохраняться долгое время, что позволяет делать выводы об особенностях узлов, применяющихся в семье, коллективе, профессиональном сообществе. Полагаю, что в этом смысле узел можно назвать «традиционным», так как их используют в схожих ситуациях и способ завязывания узла передается от человека к человеку. Не исключено, что у людей прошлого ситуация с обучением вязать узлы была похожей.

Но если «липучки», «резинки», пряжки, скотч позволяют отказаться от использования узлов, то это не значит, что исчезают сами узлы. Напротив, они сохраняются в профессиональных сообществах (такелажники, моряки, альпинисты, парашютисты, почтовые работники и т. п.) или в этнографических коллекциях в музеях, на древних и средневековых мозаиках и фресках, на статуях, картинах и т. д. и содержат информацию, дополняющую сведения других источников или вообще в них отсутствующую. Потенциально это касается прежде всего идентификации (культурной, этнической, профессиональной, социальной) человека, завязывавшего узлы. Впоследствии (при накоплении данных) можно также определить ареалы распространения узлов, что в совокупности с другими материалами позволит более корректно работать с культурными, культурно-историческими, культурно-хронологическими и прочими ареалами.

Естественно, исследования означенной проблемы только начинаются, и, надеюсь, научное сообщество примет посильное участие в ее решении, хотя бы в форме публикации изображений узлов, найденных при раскопках, что со временем позволит создать базу по археологическим узлам.

Цель данной работы — рассмотреть некоторые публикации и археологические коллекции, свидетельствующие о наличии узлов у древнего и средневекового, преимущественно западносибирского, населения, и показать возможности их интерпретации.

Материалы и методы

Часть материалов, использованных автором при изучении древних и средневековых узлов, происходит из раскопок, в которых автор участвовал или вел которые самостоятельно. Отмечу, что большая серия узлов (около 30) на веревках и шнурах из органических материалов была найдена при раскопках Тарской крепости (раскопки С. Ф. Тагаурова и автора). Используются и статьи ученых, приведших в своих работах рисунки, на которых изображены узлы. Способ изучения узлов, применяемый мной, следующий: визуальный осмотр артефакта, анализ схемы завязывания узла, повторение способа его завязывания на шерстяных или кожаных шнурах (если возможно, рассматриваются и разные варианты завязывания узла при последующей неизменности его рисунка), сопоставление результата с данными в современной литературе, посвященной узлам (Тихонов, 2013а, с. 134–139; 2013б, с. 529–532; 2014, с. 299–303; 2015, с. 307–310; 2016, с. 164–178; 2020, с. 64–70). Каждый этап работы фиксируется рисунками и фотоснимками.

Обсуждение

Рассмотрим некоторые материалы, позволяющие судить о возможностях «узловедения».

Могильник Фирсово-ХІ (Первомайский район, Алтайский край). Памятник расположен на правом берегу Оби напротив г. Барнаула, исследован А. Б. Шамшиным в 1992–1996 гг. Среди могил раннего железного века обнаружены восемь погребений периода неолита-энеолита. Труположение обычно для этого времени — вытянуто на спине. Однако в могиле 18 был расчищен скелет в сидячем положении, причем кости кистей его рук располагались под согнутыми в коленях ногами. Погребение было обильно посыпано охрой. Исследователи считают, что руки умершего были связаны в запя-

стях (Лейднер, 2008, с. 99). Если их предположения верны, то это очень древнее свидетельство существования узлов в Сибири.

Конечно, есть масса способов связать руки, хотя, если веревки не было зафиксировано, то об узле можно только гадать. Но два сюжета могут быть важны. Первый, к сожалению, не отражен в публикациях — это возможное взаимное расположение кистей: с наложением запястий одно на другое, с совмещением ладоней (большие пальцы при этом всегда направлены вверх), с совмещением тыльных сторон кисти (большие пальцы всегда направлены вниз). Эти разные способы фиксации рук при связывании могут быть этническим маркером. Вспомним, что пленные, изображенные на Бехистунской скале в Древней Персии, связаны иначе, чем ливийцы на рисунках в пирамиде Нармера в Древнем Египте. Известно, что у кланов ниндзя были разные способы связывания пленнх. Удивительны по разнообразию узлы, которыми связывали преступников в Китае (Тихонов, 2015, с. 307–310; Cleaver; Nayanawa Каррон..., 1898; Nawa Yumio, 1964, 1985). Но я не буду развивать в данной работе сюжет о связывании пленнх, поскольку это тема отдельной большой работы.

Второй сюжет — расположение рук под согнутыми ногами — довольно редкий способ связывания. Его описание я встретил только в воспоминаниях Хорхе Монтеса, члена ЦК Компартии Чили времен переворота Пиночета. Так связали его дочь, которая находилась в числе арестованных на стадионе «Чили» в Сантьяго. Связанных таким образом людей поднимали на таях для пыток (Монтес, 1982, с. 22).

Таким образом, на памятнике Фирсово-ХI зафиксирован редкий, если не уникальный, способ фиксирования рук под согнутыми ногами.

Рудник Владимировка (Чарышский район, Республика Алтай). Самой древней подобной находкой в Сибири, известной автору (не свидетельство существования узла, например, в виде отверстий для подвязывания, а именно узел), является кожаный ремешок, найденный в материалах рудника Владимировка (рис. 1). Место было осмотрено в 1955 г. геологом А. И. Баженовым, тогда аспирантом Томского политехнического института, а материалы были переданы Музей материальной культуры Томского государственного университета (ныне — МАЭС ТГУ). В 1997 г. памятник осмотрел В. Б. Бородаев, нашедший там инструменты из камня и рога, а также обрывки веревки из крученой шерсти и палку, по которой была получена дата 2715 ± 75 до н. э. Находки А. И. Баженова какое-то время считались утраченными (Малолетко, 2010, с. 124–127). Но в 2001 г. они были найдены и впоследствии изучены Ю. Ф. Кирюшиным, А. Л. Кунгуровым и А. А. Тишкиным (2002, с. 21–38). Основное внимание ученые уделили предметам из камня, кости, дерева, но не обошли вниманием и ремешок с узлом: «Обрывок сыромятного кожаного ремня шириной 1,3 см, толщиной 0,4 см, с узлом, имеющим современное название «проводник». Подобные узлы с петлей предназначены для спуска груза по натянутой веревке (канату). Косвенным подтверждением подобного использования ремня является изношенность петли, частично оборванной в древности» (Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002, с. 34).

Отрадно, что исследователи привели рисунок узла, его название и определили область его применения (Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002, рис. 9, с. 34). Если они правы, то тогда следует предполагать и наличие тросовой горки, по которой спускали груз,

и соответственно наличие узлов для крепления троса к опорам. При этом на опоре тросовой горки узлы должны быть такие, чтобы ходовой конец веревки можно было обвести вокруг опоры при ее натяжении. Должны быть также узлы для крепления груза к означенному «проводнику».

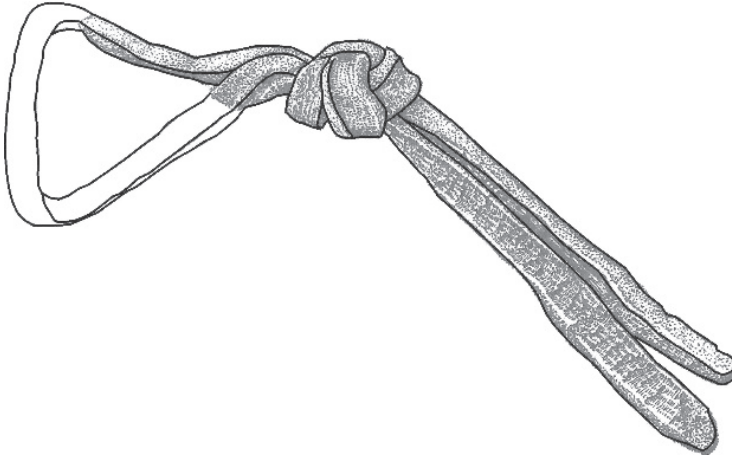

Рис. 1. Узел из рудника Владимировка (по: Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002, рис. 9, с. 34)
Fig. 1. Knot from the Vladimirovka mine (By: Kiryushin, Kungurov, Tishkin, 2002, fig. 9, p. 34)

Конечно, не исключены и другие варианты. Например, таким узлом просто связали порванный ремешок. Или это был своего рода стопор при перепускании ремешков в руках. Это могла быть и незатягивающаяся петля, которую набрасывали на вбитый колышек, или, если ее размеры достаточно большие — на голову животного и т. д. К сожалению, неполная сохранность находки не позволяет ее интерпретировать однозначно, но позволяет определить несколько вариантов применения ремешка с узлом.

Могильник Еловка-II (Кожевниковский район Томской области). Этот памятник эпохи поздней бронзы (XIV–X вв. до н. э.) раскапывал В. И. Матющенко с перерывами с 1961 по 1981 г. В андроновских могилах 6, 25, 46, 61, 212, 232, 233, 262 и еловских погребениях 28, 117, 151, 314 (Матющенко, 2004, с. 318) были найдены бронзовые бусы, состоящие из сомкнутой пластины, нанизанные на кожаный ремешок или шнурок из растительных волокон. Эти бусы нашивали на верх короткого (не выше уровня щиколотки) голенища обуви, тем самым украшая его. Вероятно, штаны заправляли в обувь, иначе бусы бы не было видно. Мне довелось участвовать в раскопках могильника в 1979–1981 гг., и я сам видел узлы на нитях бус. Однако ни я, ни мои товарищи, ни сам В. И. Матющенко в свое время не озаботились осмотром и анализом узлов, а сейчас органика находится в плохом состоянии.

Но число современных узлов, которыми обычно связывают нити с бусами, невелико. Чаще всего используют «прямой», «бабий» или «простой» узлы. В данном случае речь идет об узлах на самодельных бусах и «фенечках» из твердых мелких плодов (боярышник, рябина), семян яблок, бисера, а не о специальных узлах профессиональных ювели-

ров, собирающих низки бус из янтаря, драгоценных камней или стразов. Однако на этом основании можно предполагать, что подобные узлы существуют с эпохи поздней бронзы.

Могильники Пятимары, Мечетсай, Третья Аландская группа, Новый Кумак, Бесоба, Сапибулак (Южный Урал, Западный Казахстан). Названные сакские и савроматские могильники 2-й половины VI — середины V в. до н. э. во 2-й половине XX — 1-м десятилетии XXI в. раскапывали многие русские и казахские ученые. А. М. Мамедов же, анализируя материалы могильников (Мамедов, 2016, с. 122–124), обратил внимание на типологию подпружных пряжек, их взаимное расположение и особенности затягивания подпруги. Сравнивая эти данные с современными способами затягивания подпруги (Мамедов, 2016, рис. 3–4, с. 124), он приходит к выводам о двух способах ее затягивания и приводит свою реконструкцию (Мамедов, 2016, рис. 5, с. 126). Следовательно, наличие подпружных пряжек свидетельствует о существовании узлов, а расположение пряжек может указывать на их особенности.

Могильник Исаковка-III (Горьковский район Омской области) относится к саргатской культуре (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) и раскопан В. И. Матющенко в 1985 г. В центральной могиле кургана № 1 были найдены черешковые трехлопастные наконечники стрел, на черешках которых сохранились ожелезненные двойные нити (не менее 5–6 оборотов на каждом), т. е. древко со вставленным в него черешком было обмотано нитями (Матющенко, 1985, с. 24). Вариант крепления черешка в древке не только сам по себе интересен, но свидетельствует о наличии узлов. Редкое расположение витков нитей позволяет предполагать, что узел состоял из двух полуузлов, завязанных один над другим.

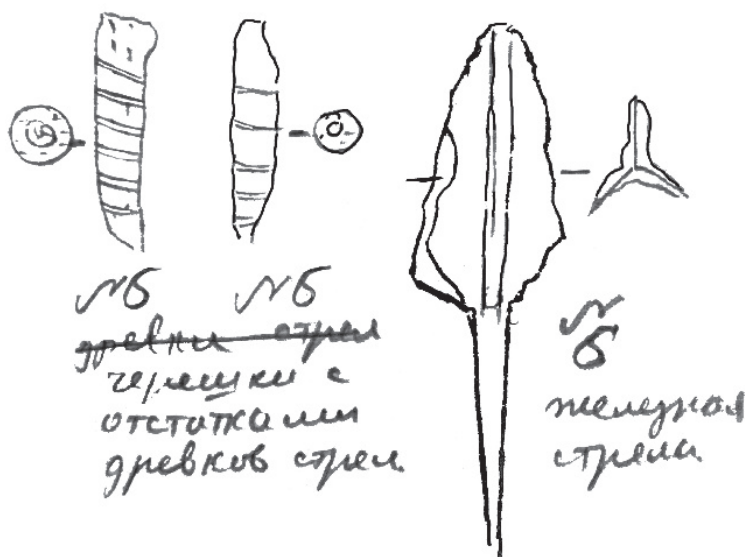

Рис. 2. Нить на черешках наконечников стрел (Исаковка-III) (по: Архив МАЭ ОмГУ, ф. II, д. 45–5, полевая документация, ч. 1, тетрадь № 2)

Fig. 2. Thread on the petioles of arrowheads (Isakovka-III) (From: Archive of MAE Omsk State University, f. II, d. 45–5, field documentation, part 1, notebook No. 2)

Очевидно, что мастера по изготовлению стрел укрепляли расположение наконечников стрел в древке нитями и, вероятно, в дополнение к другим способам закрепления (например, приклеивание).

Пазырык-1 (урочище Пазырык, Улаганский район, Республика Алтай). Курган Пазырыкской культуры раннего железного века был раскопан М. П. Грязновым в 1929 г. (Грязнов, 1937, с. 4). Узлы на сбруе коней были тщательно отрисованы исследователем и сохранились в его архиве, хранящемся в Музее археологии и этнографии ОмГУ (Ф. III. Д. 30). Многочисленными были изучены рисунки узлов, выполненных М. П. Грязновым, находившихся на удилах, чумбуре, подбороднике, щечном ремне и на подпруге (рис. 3).

Узлы на головах лошадей были прорисованы как при взгляде на них слева. Тела лошадей были нарисованы как при взгляде справа. Не могу судить, является ли это какой-то особенностью седлания лошади, когда ремни затягивают стоя с левой стороны от лошади, а ремни на седле затягивают стоя от лошади справа. Возможно также, что узлы на правой и левой стороне сбруи были одинаковы. Не исключено и то, что М. П. Грязнов изобразил сбрую с узлами так, как ему было удобнее, не обращая внимания на особенности узлов, хотя их и нарисовал очень точно и узнаваемо. Узлы были 13 видов. Набор узлов на сбруе каждой лошади был оригинальным и ни разу не повторялся. Предположу, что каждую лошадь седлал один человек, завязывающий удобные и привычные для него узлы. Следовательно, приношение коней умершему было совершено от лица десяти человек или коллективов (Тихонов, 2020, с. 64–70).

Тарская крепость (г. Тара, Омская область). Была основана князем Андреем Елецким в 1594 г. С 2007 г. памятник изучает экспедиция Омской лаборатории ИАЭТ под общим руководством С. Ф. Татаурова. Найдено около трех десятков обрывков кожаных ремешков и веревок, на которых сохранились узлы. Часть из них определена: гайтан (шнурок для ношения нательного креста), глухая петля из растительных волокон, обвязанная вокруг шеста или жерди диаметром 3–4 см (реконструирована последовательность движений при ее завязывании; рис. 4), хомут для скрепления тонких элементов (наподобие прутьев), тогда можно предположить наличие метлы, мерная лента с фиксированным расстоянием между узлами. Одной из особенностей узлов, найденных в Таре, является массовое прорезание коренного конца ремня и продевания в это отверстие ходового конца, а также частое использования кольшки — элемента узла с перекрещенными концами. В результате образуется петля — подвижная или неподвижная, что зависит от последующих действий. Это зафиксировано несколько раз на узлах как археологических, так и 1-й половины XX в. В этом случае можно предполагать устойчивый локальный способ завязывания узлов на ремешках.

Рис. 4. Неподвижная петля и способ ее завязывания. Материалы раскопок С. Ф. Татаурова в Тарской крепости в 2016 г.

Fig. 4. Fixed loop and the method of tying it. Materials of excavations of S. F. Tataurov in the Tara Fortress in 2016

Заключение

Отечественные археологи при раскопках памятников на разных территориях и разного времени находят веревки и шнуры, которые соединены узлами. К сожалению, они не всегда становятся предметом исследований. С течением времени они разрушаются и могут стать непригодными для изучения. Однако это не значит, что они не могут быть исследованы. Наоборот, изучая узлы, можно получить новую информацию, а узлы на веревках и шнурах могут стать полноценным археологическим источником.

Поскольку некоторые виды узлов не только встречены на археологических памятниках, но и известны в наши дни, напрашивается вывод о том, что они имеют большую древность. Ее можно сопоставить с датой раскопанного комплекса, но не исключено, что узлы существовали и ранее.

Приведенные выше материалы об узлах свидетельствуют о многообразии сфер их применения: для связывания рук людей (Фирсово-ХI), для устройства приспособлений в транспортировке руды (Владимировка), для изготовления украшений (Еловка), при изготовлении оружия (Исаковка-III), для ношения крестов, привязывания животных и т. д. Потенциально узлы могут быть использованы в costume (завязывание обуви, поясов, рукавов и т. п.). Так, серия узлов на завязках обуви была найдена при раскопках Тарской крепости. Считаю специфичными узлы Тарской крепости, где часто используется «колышка», т. е. перекрещивание коренного конца узла при завязывании, и образовании своего рода петли. Это делает узел узнаваемым и отличным от других, подобных ему.

Возможно, в перспективе следует начать работу по классификации узлов по их использованию в обществах с разным хозяйственным укладом, поскольку группы узлов, используемые охотниками, рыбаками, скотоводами, моряками, различны по составу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Валенцова М. М. Узел в традиционной культуре славян // *Славяноведение*. 2011. № 6. С. 53–59.

Грязнов М. П. Пазырыкский курган. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 44 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Тишкин А. А. Коллекция древних орудий горнорудного дела на Алтае // *Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 21–38.

Лейднер А. Г. Особенности погребального обряда населения эпохи неолита-энеолита на территории лесостепного и предгорного Алтая // *Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 98–99.

Малолетко А. М. История одной археологической коллекции (Роль случайности в археологии) // *Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии*. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 124–127 (*Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета*. Т. 3, вып. 1).

Мамедов А. М. Железные подпружные пряжки и блоки ранних кочевников Южного Урала // *Саки и савроматы казахских степей: контакт культур*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 121–128.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Матющенко В. И. Отчет об археологических исследованиях курганов у с. Исаковка Горьковского района Омской области, проведенных летом 1985 года // *Архив МАЭ ОмГУ*. Ф. II. Д. 45–1.

Монтес Хорхе. Свет в тучах. М.: Политиздат, 1982. 156 с.

Печурина О. А. Семантика узлов и сети // *Дизайн. Материалы. Технология*. 2017. № 47, т. 3. С. 72–87.

Печурина О. А. Семиозис знака в традиционных культурах. На материале значений нити, веревки, пояса и других ткацких артефактов. СПб.: Лань: Планета музыки, 2023. 288 с.

Тихонов С. С. Узел XVII века из Тарской крепости // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Т. 2. Иркутск; Омск: Изд-во ИрГТУ, 2013а. С. 134–139.

Тихонов С. С. Узлы на шнурах и веревках как объект археолого-этнографических исследований // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013б. С. 529–532.

Тихонов С. С. Узлы на шнурах и веревках и вопросы их этнографо-археологического изучения // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 299–303.

Тихонов С. С. О некоторых направлениях этнографо-археологического изучения узлов на веревках, шнурах и ремешках // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 307–310.

Тихонов С. С. Узлы на веревках как один из источников в этнографо-археологических исследованиях // *Universum Humanitarium*. 2016. № 1 (2). С. 164–178.

Тихонов С. С. О возможности диагностирования семейных/этнических признаков по узлам на сбруе лошадей кочевников раннего железного века // *Археолого-этнографические древности степной Евразии в мировом историческом пространстве*. Нур-Султан: Типография ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2020. С. 64–70.

Cleaver R. Hojojutsue // *Japanese Rope Art*: сайт. URL: http://japaneseropeart.com/Rope-Art/Hojojutsu/hojo_cleaver.html (дата обращения: 25.01.2015)

D'Errico F., Backell L., Villa P., Degano I., Soriano S., Lucejko J., Bamfort V. M. K., Higham Th. F. G., Colombini M. P., Beaumont H. B. Early Evidence of Sun Material Culture Represented by Organic Artifacts 69 from Border Cave, South Africa // *Proceeding of the National Academy of Science of the United States of America*. 2012. Vol. 21, № 109. Pp. 13214–13219.

Hayanawa Kappon Kenpo Kyohan Zukai, Zen. Complete Illustrated Book of the Teaching Method of Tying, Resuscitation, and (the Jujutsu Method of) Kenpo. Tokyo: Kinseido, 1898. 108 p. // *Hawaii Karate Museum*: URL: <http://museum.hikari.us/books/kenpo/index.html> (дата обращения: 25.01.2015)

Nawa Yumio. *Studies in Jitte and Torinawa*. Tokyo: Yuzankaku Shuppan, 1964. 64 p.

Nawa Yumio. *An Illustrated Encyclopedia for Historical Studies: Constables' Tools*. Tokyo: Shinjinbutsu Oraisha, 1985. 122 p.

Villa P. M., Soriano S., Tsanova T., Degano I., Higham Th. F. G., d'Errico F., Backell L., Lucejko J., Colombini M. P., Beaumont H. B. Border Cave and the Beginning of the Later Stone Age in South Africa // *Proceeding of the National Academy of Science of the United States of America*. 2012. Vol. 21, № 109. Pp. 13208–13213.

REFERENCES

- Valencova M. M. Knot in the Traditional Culture of the Slavs. *Slavyanovedenie = Slavic Studies*. 2011;6:53–59. (*In Russ.*)
- Gryaznov M. P. Pazyryk Kurgan. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937. 44 p. (*In Russ.*)
- Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L., Tishkin A. A. Collection of Ancient Mining Tools in Altai. In: Transactions of the V.M. Florinsky Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia Tomsk State University. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. Vol. 1. Pp. 21–38. (*In Russ.*)
- Leidner A. G. Features of the Burial Rite of the Population of the Neolithic-Eneolithic Era in the Territory of the Forest-Steppe and Foothill Altai. In: Ethnocultural History of Eurasia: Modern Research and Reconstruction Experience. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Pp. 98–99. (*In Russ.*)
- Maloletko A. M. History of One Archaeological Collection (The role of Chance in Archaeology). In: Materials and Studies of Ancient, Medieval and Modern History of Northern and Central Asia. Tomsk: Izd-vo TGU, 2010. Pp. 124–127 (Transactions of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University. Vol. 3. Iss. 1). (*In Russ.*)
- Mamedov A. M. Iron Girth Buckles and Blocks of the Early Nomads of the Southern Urals. In: Sakas and Savromats of the Kazakh Steppes: Contact of Cultures. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, 2016. Pp. 121–128. (*In Russ.*)
- Matyushchenko V. I. Elovsky Archaeological Complex. Part two: Elovsky II Burial Ground. Pre-Irmen Complexes. Omsk: Izd-vo OmGU, 2004. 468 p. (*In Russ.*)
- Matyushchenko V. I. Report on Archaeological Research of Burial Mounds near the Village of Isakovka, the Gorkovsky District, the Omsk Region, Conducted in the summer of 1985. In: Archive of the MAE Omsk State University. F. II. D. 45–1. (*In Russ.*)
- Montes Jorge. Light in the Clouds. Moscow: Politizdat, 1982. 156 p. (*In Russ.*)
- Pechurina O. A. Semantics of Nodes and Networks. *Dizajn. Materialy. Tehnologiya = Design. Materials. Technology*. 2017;47(3):72–87. (*In Russ.*)
- Pechurina O. A. Semiosis of the Sign in Traditional Cultures. Based on the Meanings of Thread, Rope, Belt and Other Weaving Artifacts. St. Petersburg: Lan': Planeta muzyki, 2023. 288 p. (*In Russ.*)
- Tikhonov S. S. A 17th-century Knot from the Tara Fortress. In: Integration of Archaeological and Ethnographic Research. Vol. 2. Irkutsk; Omsk: Izd-vo IrGTU, 2013a. Pp. 134–139. (*In Russ.*)
- Tikhonov S. S. Knots on Cords and Ropes as an Object of Archaeological and Ethnographic Research. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XIX. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013b. Pp. 529–532. (*In Russ.*)
- Tikhonov S. S. Knots on Cords and Ropes and Issues of Their Ethnographic and Archaeological Study. In: The Culture of Russians in Archaeological Research. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: Magellan, 2014. Vol. I. Pp. 299–303. (*In Russ.*)
- Tikhonov S. S. On Some Directions of Ethnographic and Archaeological Study of Knots on Ropes, Cords, and Straps. In: Integration of Archaeological and Ethnographic Research. Barnaul; Omsk: Nauka, 2015. Pp. 307–310. (*In Russ.*)

Tikhonov S. S. Knots on Ropes as One of the Sources in Ethnographic and Archaeological Research. *Universum Humanitarium*. 2016;1(2):164–178. (In Russ.)

Tikhonov S. S. On the Possibility of Diagnosing Family/Ethnic Characteristics by Knots on the Harness of Horses of Early Iron Age Nomads. In: Archaeological and Ethnographic Antiquities of the Steppe Eurasia in the World Historical Space. Nur-Sutan: Tipografiya ENU im. L. N. Gumileva, 2020. Pp. 64–70. (In Russ.)

Cleaver R. Hojojutsue. In: Japanese Rope Art: website. URL: http://japaneseropeart.com/Rope-Art/Hojojutsu/hojo_cleaver.html (дата обращения: 25.01.2015)

D'Errico F., Backell L., Villa P., Degano I., Soriano S., Lucejko J., Bamfort V. M. K., Higham Th. F. G., Colombini M. P., Beaumont H. B. Early Evidence of Sun Material Culture Represented by Organic artifacts 69 from Border Cave, South Africa. *Proceeding of the National Academy of Science of the United States of America*. 2012;21(109):13214–13219.

Hayanawa Kappon Kenpo Kyohan Zukai, Zen. Complete Illustrated Book of the Teaching Method of Tying, Resuscitation, and (the Jujutsu Method of) Kenpo. Tokyu: Kinseido, 1898. 108 p. In: Hawaii Karate Museum: URL: <http://museum.hikari.us/books/kenpo/index.html> (дата обращения: 25.01.2015)

Nawa Yumio. Studies in Jitte and Torinawa. Tokyo: Yuzankaku Shuppan, 1964. 64 p.

Nawa Yumio. An Illustrated Encyclopedia for Historical Studies: Constables' Tools. Tokyo: Shinjinbutsu Oraisha, 1985. 122 p.

Villa P. M., Soriano S., Tsanova T., Degano I., Higham Th. F. G., d'Errico F., Backell L., Lucejko J., Colombini M. P., Beaumont H. B. Border Cave and the Beginning of the Later Stone Age in South Africa. *Proceeding of the National Academy of Science of the United States of America*. 2012;21(109):13208–13213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихонов Сергей Семенович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия.

Sergey S. Tikhonov, candidate of historical sciences, associate professor, senior researcher Omsk Laboratory of Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Omsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025;

одобрена после рецензирования 02.06.2025;

принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 26.04.2025;

approved after reviewing 02.06.2025;

accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 903.2

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-09)

EDN: NSOHPM

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОСТЯНЫХ «КОНЬКОВ» САРАЙЧИКА

Булбул Ароновна Сиражева

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Берел», Катон-Карагайский район, Восточно-Казахстанская область, Казахстан; Стамбульский университет, Турция; bsirazheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7013-415X>

Резюме. Статья посвящена интерпретации костяных «коньков», найденных в археологических раскопках средневекового городища Сарайчик, расположенного в Атырауской области Казахстана. Автор анализирует костяные изделия, предположительно используемые в качестве полозьев для транспортных средств, а также исследует их морфологические и трасологические особенности.

В работе рассмотрены материалы, собранные в 2023 г., с помощью методов трасологии. Результаты показывают, что некоторые из предметов имеют выраженный износ только с одной стороны, что указывает на их использование в качестве полозьев. Другие изделия демонстрируют следы пропитки рыбьим жиром, что может свидетельствовать об их использовании в рыболовстве.

В статье также обсуждаются различные гипотезы о функциональном назначении данных артефактов, в том числе их сходство с костяными грузилами, использовавшимися венгерскими рыбаками. Исследование делает значительный вклад в изучение материальной культуры и технологии средневекового города Сарайчик.

Ключевые слова: Сарайчик, средневековье, косторезное дело, костяные «коньки», костяные полозья, трасология

Благодарности: автор выражает благодарность своим научным наставникам доктору исторических наук А. П. Бородовскому и кандидату исторических наук Е. Ю. Гире за консультации в процессе написания данной статьи.

Для цитирования: Сиражева Б.А. К вопросу об интерпретации костяных «коньков» Сарайчика // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 153–168. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-09)

THE INTERPRETATION OF THE BONE "SKATES" FROM THE SARAICHIK SETTLEMENT

Bulbul A. Sirazheva

*State Historical and Cultural Museum-Reserve "Berel", the Zhambyl village, the Katon-Karagay district, East Kazakhstan region, Kazakhstan; Istanbul University, Turkey;
bsirazheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7013-415X>*

Abstract. This article explores the interpretation of bone "skates" discovered during archaeological excavations in the medieval city of Saraichik, located in the Atyrau region of Kazakhstan. The author examines bone artifacts, believed to have been used as runners for vehicles, and analyzes their morphological and traceological characteristics. The study is based on materials collected in 2023 and employs traceological methods. The results reveal that some objects exhibit significant wear on one side, suggesting they were used as runners, while others show traces of fish oil absorption, possibly indicating their use in fishing. The article also explores various hypotheses regarding the functional purpose of these artifacts, including their similarity to bone sinkers used by Hungarian fishermen. This research makes an important contribution to understanding the material culture and technology of the medieval city of Saraichik.

Keywords: Saraichik, Middle Ages, bone carving, bone "skates", bone runners, traceology

Acknowledgements: the author expresses gratitude to their academic mentors, Doctor of Historical Sciences A.P. Borodovsky and Candidate of Historical Sciences E.Yu. Girya, for their consultations during the writing of this article.

For citation: Sirazheva B.A. The Interpretation of the Bone "Skates" from the Saraichik Settlement. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):153–168. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-09)

Введение

Городище Сарайчик, расположенное в селе Сарайшык Атырауской области, является одним из крупнейших средневековых городов на западе Казахстана (рис. 1). Памятник датируется XIII–XVI вв. и занимает площадь около 100 гектаров. Исследования Сарайчика начались в конце XVIII в. и продолжались различными археологическими экспедициями, включая работы Н. К. Арзютова, С. П. Толстова и А. Х. Маргулана. Масштабные раскопки начались в 1996 г. под руководством З. Самашева и продолжаются с участием научных организаций Казахстана (Лошакова, Сиражева, 2017, с. 203).

Одной из наиболее распространенных категорий находок в раскопках Сарайчика являются костяные изделия, классифицируемые как «коньки». Эти предметы известны археологам с эпохи позднего неолита/энеолита в Карпато-Дунайско-Днестровском регионе (Choyke, Bartosiewicz, 2005, р. 320; Панковский, 2013, с. 458), однако как отдельная категория они начинают выделяться в эпоху бронзы. Такие артефакты встречаются на обширной территории, охватывающей Западную и Восточную Европу и простирающейся до северо-западного Китая, включая Казахстан.

Систематические раскопки на территории Сарайчика позволили выявить определенные закономерности в распространении костяных изделий, интерпретируемых как «коньки» или «полозья». Современные методы анализа, включая трасологический

подход, существенно углубили исследование этих артефактов. На сегодняшний день существует значительное количество научных работ, что позволяет более точно идентифицировать данный тип изделий и их функциональное назначение.

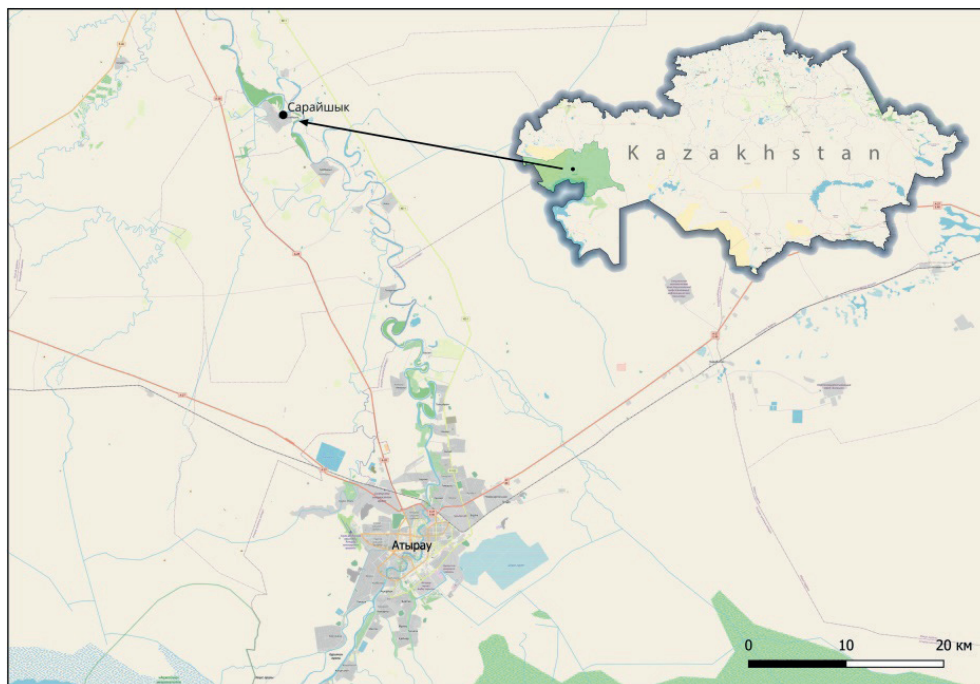

Рис. 1. Сарайчик на карте Казахстана. Составитель: М. Ю. Половец
 Fig. 1. Saraichik on the map of Kazakhstan. Compiled by: M. Yu. Polovtsev

В доступных отчетах и публикациях изделия, найденные в ходе раскопок Сарайчика, обозначаются различными терминами, что отражает предположения о их назначении. Например, Н. К. Арзютов в своей работе (1949, с. 126–131) использует термин «косяные полозья от саней», в то время как в отчетах за 1999, 2006 и 2007 гг. эти предметы обозначены как «коньки».

В связи с этим целью настоящей статьи является привлечение внимания к перспективам интерпретации косяных «коньков» в будущих исследованиях.

Историография косяных коньков широко представлена в научной литературе, особенно в контексте археологических находок, этнографии и истории материальной культуры. Работы последних десятилетий, особенно А. Чойк, В. Б. Панковского, О. М. Олейникова, З. П. Кадзаевой и В. Ю. Малашева и А. П. Косинцевой, содержат обзор исследований ученых из стран СНГ и дальнего зарубежья, освещающая историю изучения, трасологию и реконструкцию.

Эти исследования подтверждают широкое распространение косяных коньков в Северной Европе, России, Китае и Центральной Азии, начиная с позднего неолита и бронзового века. Они датируются периодом с II тыс. до н. э. по XX в. Помимо передвижения по льду, косяные коньки использовались в охоте, военных действиях и хозяйствен-

ной деятельности. Основным материалом для их изготовления служили кости лошадей, крупного рогатого скота и оленей.

Несмотря на высокий уровень изученности данной темы, вопросы атрибуции костяных коньков и их фактического использования по прямому назначению остаются дискуссионными и вызывают определенные сомнения (Кадзаева, Малашев, 2024, с. 63).

Дискуссии, развернувшиеся после применения экспериментально-трасологического метода, предложенного С. А. Семеновым (1959, с. 353–361), привели к значимым результатам, отраженным в трудах Г. Х. Кюхельмана и П. Зидарова, З. П. Кадзаевой и В. Ю. Малашева, В. Б. Панковского, О. М. Олейникова, А. П. Косинцевой и других исследователей.

В результате были выделены «основные признаки» костяных коньков (Кадзаева, Малашев, 2024, с. 70).

Г. Х. Кюхельман и П. Зидаров указали не менее 10 методов обработки, характерных для археологических костяных коньков: удаление выступающих элементов эпифизов, целенаправленное выравнивание скользящей стороны, оформление концов, поперечное отверстие, аксиальное отверстие, наличие железной петли, неровная опорная поверхность, вертикальное отверстие и другие модификации, оставляющие пространство для индивидуальных решений (Küchelmann, Zidarov, 2005, p. 427–428).

В. Б. Панковский выделил четыре типа костяных коньков: тип I включает изделия из костей крупных копытных с большими круглыми отверстиями на медиальной и латеральной сторонах дистального эпифиза; тип II — изделия из костей парнокопытных с усложненным креплением на проксимальных и дистальных эпифизах, производный от типа I; тип III — изделия из костей лошади с малыми отверстиями на дистальных и проксимальных концах, производные от типа I и коньков-метаподиев; тип IV — изделия из костей быка с малыми отверстиями на дистальных концах, также возможное производное от типа I и коньков-метаподиев (Панковский, 2013, с. 460).

О. М. Олейников классифицировал коньки по наличию или отсутствию приспособлений для крепления на два типа: тип I — коньки с крепежными отверстиями; тип II — коньки без креплений. В каждом типе выделены два подтипа в зависимости от степени обработки верхней поверхности конька: подтип А — верхняя поверхность срезана до середины (дорсальная сторона кости срезана до костномозговой полости); подтип Б — верхняя поверхность слегка выровнена. Среди коньков типа I, в зависимости от расположения и направления крепежных отверстий, выделено 10 видов (Олейников, 2021, с. 107–109).

В то же время И. А. Вальков и А. С. Федорук полагают, что подобные костяные изделия преимущественно использовались в кожевенном производстве (Вальков, Федорук, 2017, с. 63).

На основании вышеизложенного в типологическом отношении к конькам относятся изделия, изготовленные главным образом из метаподиевых костей, а также, в некоторых случаях, из лучевых костей животных, преимущественно лошадей и крупного рогатого скота, которые характеризуются удаленными эпифизами и обработанной, зачастую шлифованной, нижней стороной (Косинцева, 2016, с. 194).

Костяные «коньки» из Сарайчика отличаются от аналогичных изделий «особым видом обработки» (рис. 2), характерным для костяных полозьев, о котором упоминает В. Б. Панковский в своей работе (Панковский, 2013, с. 462).

Рис. 2. Изделие с «особым видом обработки» (фото и графическая обработка: Е. Ж. Рахманкулов)
 Fig. 2. Object with "typical wear" (Photo and graphic design by Ye. Zh. Rakhmankulov)

Некоторые из этих изделий с односторонним износом могут быть элементами «ручных санок-волокуш на костяных полозьях», как предположил В. Б. Панковский с ссылкой на М. Глушко (Панковский, 2013, с. 472), что также соответствует описанию Н. К. Арзютова. Модели саней, представленные М. Глушко (2007, с. 66, рис. 1; с. 68, рис. 5), аналогичны саням венгерских рыбаков, приведенным О. Германом (Herman, 1887, p. 383, fig. 264).

Аналогичный предмет, напоминающий наши «коньки», находится в коллекции Российского этнографического музея (рис. 3), где он представлен как «тормоз из кости для саней». Этот экспонат был собран в деревне Рыбная Слобода Астраханской губернии и датируется началом XX в. (Российский этнографический музей, электронный ресурс). Поскольку автору не известны другие публикации, посвященные тормозам, изготовленным из кости для саней, она не может сделать однозначных выводов по этому вопросу.

При анализе костяных изделий, отличных от полозьев, особое внимание привлекает их сходство с костяными грузилами (рис. 4), которые использовались венгерскими рыбаками в этнографическое время (Herman, 1887, p. 171, fig. 50.-3; p. 174, fig. 52; p. 175, fig. 53, 54; Revesz et al., 1996, p. 74; Kunkovács, 2001, p. 34, fig. 49). В. Б. Панковский также отметил это сходство, рассматривая их как «грузила-стабилизаторы донной сети». Он выделил следующие характерные особенности: такие грузила, как правило, изготовлены из метаподий крупного рогатого скота и лошади, на их поверхности заметны царапины и следы окатанности, а отверстия, как правило, расположены на обоих концах в дорсопальмарном (волярном) направлении (Панковский, 2013, с. 459).

Рис. 3. Тормоз из кости к саням. Российский этнографический музей, инвентарный номер: 4236–2 (фотография взята с официального сайта Российского этнографического музея)
Fig. 3. Bone brake for a sledge. Russian Ethnographic Museum, inventory number: 4236–2 (Photograph taken from the official website of the Russian Ethnographic Museum)

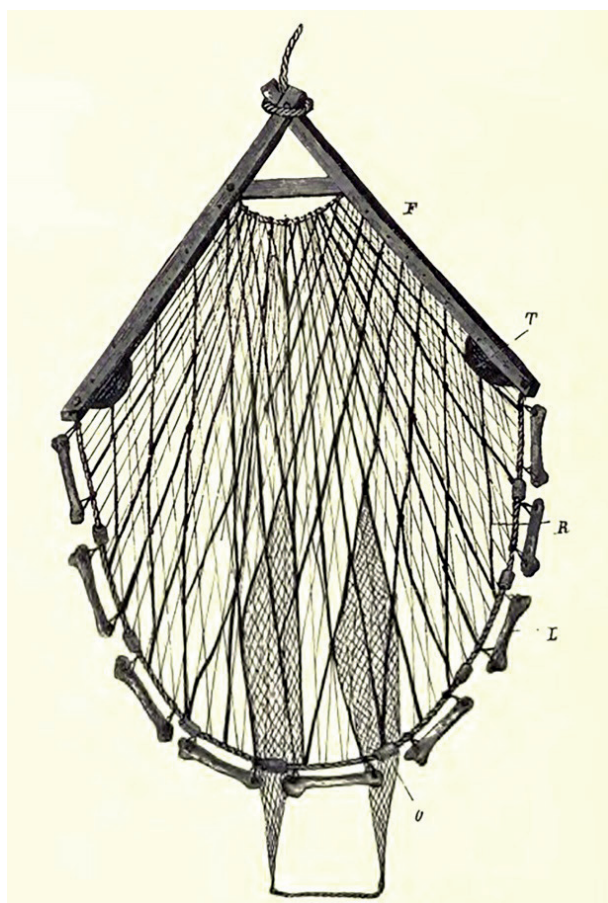

Рис. 4. Костяные грузила для рыболовной сети (по: Герман, 1887, р. 174, fig. 52)
Fig. 4. Bone weights used for fishing nets (source: Герман, 1887, р. 174, fig. 52)

В результате морфологического, трасологического и технологического анализа костяные коньки из Сарайчика остаются в категории артефактов, требующих дальнейших исследований для более точной интерпретации.

Материалы и методы

Исследование костяных коньков осуществлялось на основе комплексного анализа с применением методологических подходов, выработанных как российскими, так и зарубежными исследователями (Küchelmann, Zidarov, 2005; Панковский, 2013; Косинцева, 2016; Кадзаева, Малашев, 2024). Особое внимание уделялось технологической системе косторезного производства, разработанной А. П. Бородовским, в рамках которой при создании изделий использовалась природная морфология трубчатых костей животных, что обеспечивало максимальное использование их естественной формы (Бородовский, 1997, с. 44–51).

В рамках исследования были проанализированы 33 костяных изделия из коллекции Государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшык», интерпретируемые в научной литературе как «коньки» либо «полозья». В выборку вошли 11 артефактов, поступивших в результате раскопок прошлых лет, а также 22 объекта, обнаруженных в ходе археологических работ 2023 г. Комплексный анализ осуществлялся с применением типологического, технологического и трасологического подходов.

Экспонаты были исследованы на наличие механических повреждений, износа поверхности, трасологических следов (включая следы трения и отпечатки от механических воздействий), а также следов смазки и покрытия. В результате были выявлены два типа изделий, отличающиеся характером следов использования, что, возможно, указывает на их различное функциональное назначение.

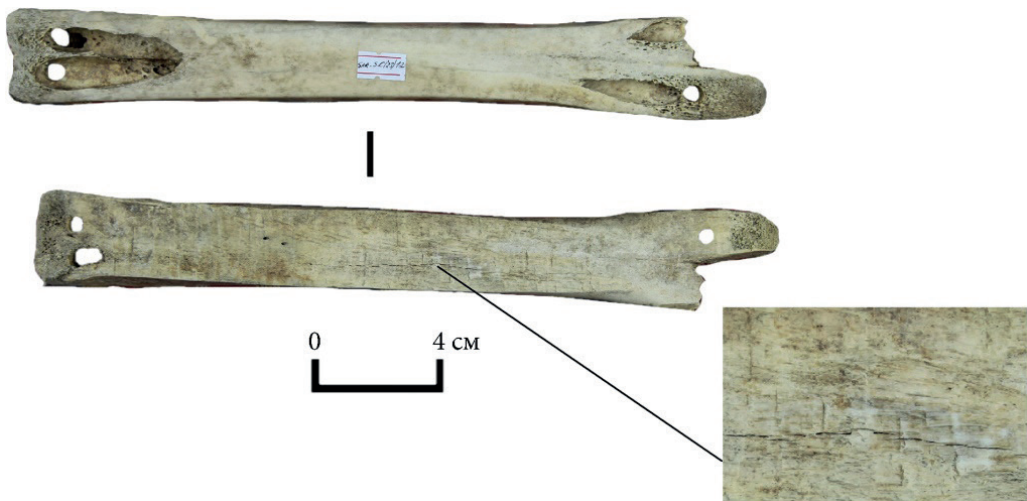
Морфологические описания предметов

Изделия имеют удлинённую, преимущественно прямую или слегка изогнутую форму с относительно плоской подошвенной (вентральной) стороной и более выпуклой дорсальной. Длина варьирует от 170 до 340 мм, что может свидетельствовать о различии размеров заготовок и, возможно, индивидуализации в использовании. Ширина и толщина изменяются в зависимости от особенностей анатомического материала и степени вторичной обработки. Характерной чертой данных объектов являются сквозные отверстия, расположенные ближе к концам изделий. Отверстия выполнены в направлении условной дорсо-пальмарной оси и имеют округлую или овально-продолговатую форму диаметром от 8,6 до 12,5 мм. Конфигурация отверстий варьируется: большинство образцов имеет по одному отверстию на каждом конце, отдельные экземпляры — два отверстия с одной стороны и одно с другой; зафиксированы также единичные случаи наличия двух отверстий на обоих концах. Поверхность изделий преимущественно гладкая, без орнамента. В ряде случаев на подошвенной стороне наблюдаются следы полировки, возможно, как результат использования или дополнительной обработки. Следы износа, зафиксированные на отдельных экземплярах, преимущественно локализируются в области отверстий и по краям продольных сторон.

Технологический анализ

В качестве сырья использована трубчатая кость крупного млекопитающего, предположительно лошади или крупного рогатого скота, что соответствовало распространенной практике использования отходов мясной переработки в средневековых ремесленных мастерских.

Первичная обработка заготовки включала грубую рубку и отсечение эпифизов с использованием ударного орудия (топора, тесла), о чем свидетельствуют характерные сколы на концах. После удаления надкостницы была проведена обтеска и продольное строгание поверхности, оставившее параллельные бороздки, характерные для работы металлическим ножом или скребком (рис. 5). Формирование тела изделия сопровождалось частичным скруглением ребер и снятием фасок.

*Рис. 5. Изделие со следами обработки (фото и графическая обработка: Е. Ж. Рахманкулов)
Fig. 5. Object with traces of working (photo and graphic design by Ye. Zh. Rakhmankulov)*

На одной из сторон изделий зафиксированы два сквозных отверстия, выполненные посредством сверления. Их форма и наличие заусенцев с внутренней стороны позволяют предположить использование металлического бурава без обратного механизма. Расположение отверстий указывает на возможность их применения для крепления подвесного элемента, шнура или ремешка.

Финишная обработка включала шлифовку, в результате которой поверхность приобрела относительную гладкость. В средней части изделия фиксируются следы эксплуатации — потертость и изменение окраски поверхности.

Таким образом, выявленные технологические приемы — рубка, обтеска, строгание, сверление и шлифовка — позволяют отнести эти изделия к числу утилитарных предметов, изготавливавшихся вручную в условиях городской ремесленной среды Золотой Орды. Совокупность приемов обработки указывает на наличие устойчивой косторезной традиции в материальной культуре Сарайчика.

Трасологический анализ

Трасологические наблюдения проводились с использованием цифрового USB-микроскопа KS-is DigiScore II при максимальном цифровом увеличении до 230× с применением калибровочной шкалы длиной 2,5 мм. Анализ позволил выявить характерные следы эксплуатации и механических воздействий на костные изделия, указывающие на их функциональное назначение.

На всех изученных экземплярах отчетливо прослеживается заглаженность нижней рабочей поверхности, сопровождаемая слабым блеском, особенно в центральной части. Подобный эффект типичен для длительного контакта с плотной и относительно однородной поверхностью, вероятно, льдом. Это один из ключевых признаков эксплуатационной активности предметов. Дополнительно на нижней стороне выявлены слабо выраженные, но устойчивые продольные бороздки в виде тонких параллельных линий, ориентированных вдоль продольной оси изделий. Их образование, по-видимому, обусловлено регулярным трением о ледяную поверхность, содержащую мелкие твердые включения, такие как песчинки или пыль. Эти следы подтверждают рабочий характер поверхности и длительность использования предметов в условиях абразивного воздействия.

Заметное закругление и стертость боковых краев нижней поверхности свидетельствуют о продолжительном и интенсивном использовании изделий. В отличие от острых кромок, режущих или рубящих инструментов, здесь наблюдается равномерная сточенность, характерная для элементов, взаимодействующих с опорной поверхностью без проникновения в нее. Подобный тип износа (Choyke, Bartosiewicz, 2005, p. 319, fig. 5) позволяет предположить, что предметы могли использоваться в качестве полозьев, скользящих опор или вспомогательных элементов при передвижении по льду.

Дополнительные повреждения зафиксированы на левом (широком) конце трех предметов — сколы и трещины вдоль кромки. Эти следы могут быть результатом как активной эксплуатации, связанной с ударными нагрузками или деформацией при движении, так и последствий, включая механические воздействия в древности либо процессы разрушения в условиях археологического залегания.

Все изделия имеют сквозные отверстия, вокруг которых, особенно в случае крупных отверстий, наблюдаются зоны потертостей и потемнений. Эти признаки, вероятно, связаны с длительным воздействием крепежных элементов, таких как ремни, веревки или сухожилия. Указанные следы указывают на способ крепления изделий к другим деталям конструкции, возможно, к санным полозьям или иным транспортным устройствам.

Были зафиксированы также участки с поверхностной патиной, потемнениями и налетами, характерными для длительного пребывания в почвенной среде. При этом нижняя рабочая поверхность визуально светлее и чище, что свидетельствует о регулярном трении и полировке в процессе эксплуатации, в отличие от менее активных сторон.

Результаты анализа показали, что часть костных изделий по своей форме и характеру износа, скорее всего, использовалась в качестве полозьев, а не коньков. Это подтверждается выраженным односторонним износом: у ряда объектов сильное трение наблюдается только с одной стороны, в то время как противоположная сторона сохраняет следы первичной обработки, в том числе отметины от топора, свидетельствующие

о первоначальной стадии изготовления. Сочетание этих признаков указывает на специфическое использование предметов в составе транспортных конструкций, где основная нагрузка и трение приходились на одну сторону.

В то же время некоторые изделия не демонстрируют выраженного механического износа и сохраняют структуру, сформированную на этапе изготовления. Однако на их поверхности наблюдается легкая лощеность, которая может быть результатом использования в водной среде. Характер следов на этих объектах указывает на иное функциональное назначение по сравнению с предметами, использовавшимися в качестве полозьев, и свидетельствует о разнообразии применения костяных изделий в повседневной жизни древнего населения.

Результаты полевых исследований

Во время раскопок 2023 г. (рис. 6), в которых автор принимал непосредственное участие, было выявлено два локальных скопления этих предметов.

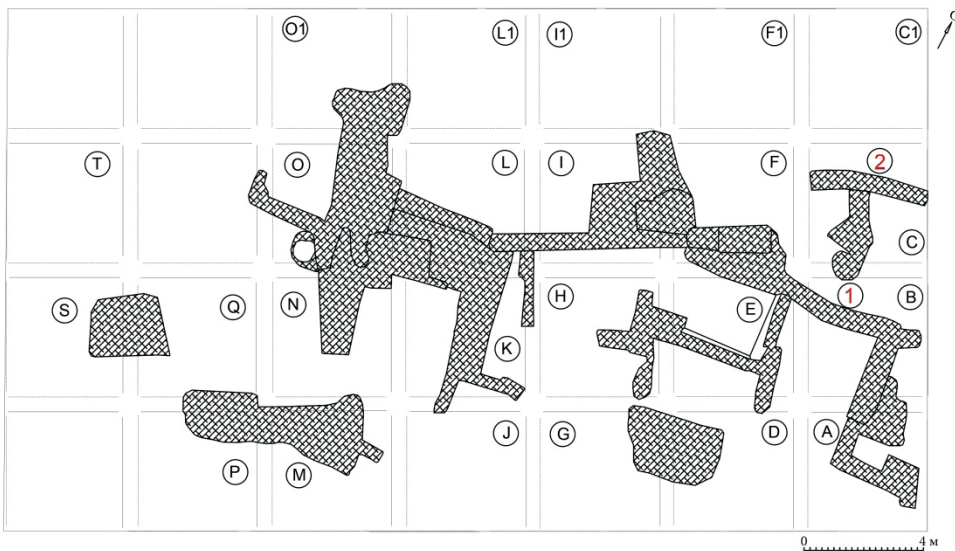

Рис. 6. План раскопа 2023 г. Составитель: М. Ю. Половецев
Fig. 6. Excavation plan of 2023. Compiled by: M. Yu. Polovtsev

Первое, 9 экз., находилось у входа в помещение сектора В, конструктивно схожее с рыбозасолочными цистернами, известными из раскопок Пантикапея (Зинько, 2023, с. 115). Объекты находились рядом с очагом, содержащим котел и остатки неразделанной рыбы, а также с двумя сосудами с приготовленной рыбой. Один сосуд был перевернутым, второй — разбитым. Смещение стены вследствие попадания в нее средневековых бомб (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 67–68) позволило датировать слой концом XIV в. Компактное расположение костяных изделий, напоминающее структуру собранной рыболовной сети с закрепленными грузилами и уловом, позволяет пред-

положить их использование в качестве грузил, аналогичных тем, что зафиксированы на территории современной Венгрии.

Второе скопление (13 экз.) было обнаружено в секторе С, на поверхности дымоходного канала (кана) (рис. 7). Изделия были аккуратно уложены друг на друга, что может свидетельствовать об их сушке после использования.

Рис. 7. Момент обнаружения второго скопления костяных «коньков»
Fig. 7. Discovery of the second concentration of bone "skates" during excavation

Это подтверждается следами жирового покрытия, идентифицированного как рыбный жир (рис. 8). Этот процесс напоминает уход за шумеками (т. е. сумаками — мочеотводными трубками) (Карутц, 1903, с. 79; Левина, 1996, с. 116; Michalczewski, Borodovski, Oleszczak, 2023, р. 98–114), которые после каждого использования тщательно промывались, сушились и смазывались рыбьим жиром, что является характерной практи-

кой для рассматриваемого региона¹. Подобный уход предотвращал растрескивание материала и продлевал срок службы изделий. Со временем такие предметы приобретали оттенок, схожий с цветом слегка поджаренной корки хлеба, что совпадает с цветом некоторых «коньков».

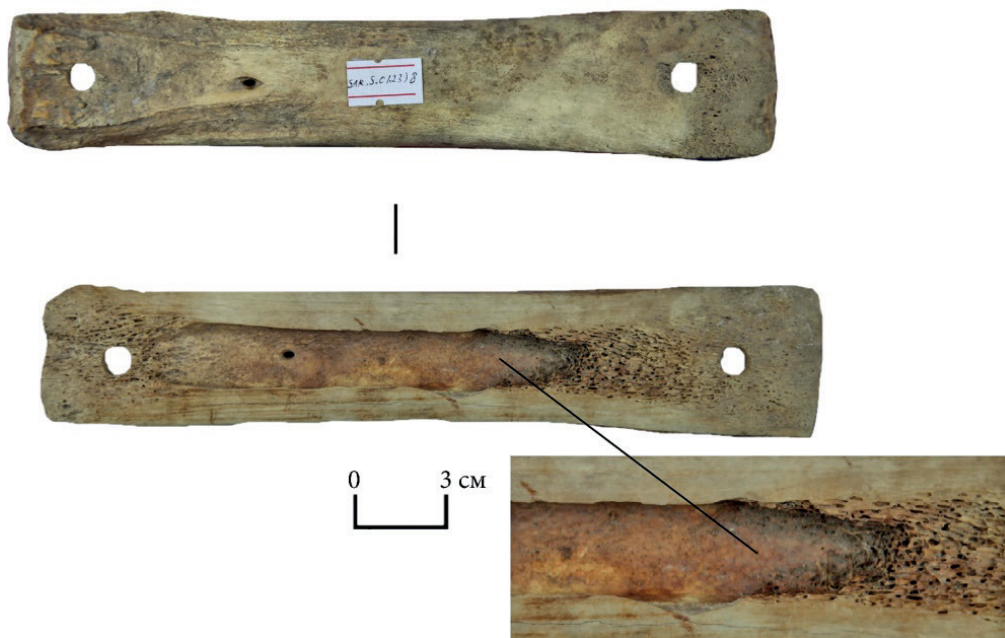

Рис. 8. Изделие со следами рыбьего жира (фото и графическая обработка: Е. Ж. Рахманкулов)
Fig. 8. Product with traces of fish oil (Photo and graphic design by Ye. Zh. Rakhmankulov)

Аналогичные находки — так называемые «коньки-гладилки» были обнаружены в районе комплекса печей на Селитренном городище, синхронном Сарайчику по культурно-хронологическому горизонту (Валиев и др., 2019, с. 83, 88–90, 201). Это дополнительно подтверждает их возможное использование в условиях, связанных с водной средой.

Устные свидетельства также подтверждают данную интерпретацию. В ходе экспедиции была опрошена жительница города Атырау Набия Сундетова (р. 1947), которая сообщила, что в ее детстве рыбаки использовали предметы из кости. Хотя она не смогла с полной уверенностью идентифицировать их как грузила, Сундетова отметила, что в данном регионе трудно найти камни, пригодные для утяжеления рыболовных сетей, тогда как древесина по причине низкой плотности была непригодна для этой цели.

Заключение

Исследование костяных изделий из городища Сарайчик, интерпретируемых как «коньки» или «полозья», позволило сделать ряд выводов, имеющих значение как для археологии материальной культуры Золотой Орды, так и для реконструкции

¹ Авторские наблюдения.

хозяйственно-бытовых практик ее населения. Применение комплексного анализа — типологического, технологического и трасологического подтвердило, что рассматриваемые артефакты представляют собой специализированные предметы с характерными следами вторичной обработки и эксплуатации. Морфологические особенности изделий, в частности их удлиненная форма, наличие сквозных отверстий, следов шлифовки и износа, а также следов, указывающих на контакт с твердой поверхностью, позволяют отнести большинство из них к типу костяных полозьев. Тем не менее различия в размерах, конфигурации отверстий и характере следов эксплуатации указывают на наличие разных функциональных типов изделий, часть из которых могла использоваться в других сферах: например, как элементы саней, тормоза или даже грузила. Сопоставление с аналогичными находками из Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии, а также этнографическими материалами подчеркивает необходимость критического подхода к их атрибуции. Важно учитывать не только формальные признаки, но и контекст обнаружения, технологические особенности и трасологические данные. В случае Сарайчика прослеживается локальная специфика, возможно, связанная с городской ремесленной традицией, в рамках которой существовала адаптация и переосмысление широко распространенных типов костяных изделий. Таким образом, костяные «коньки» из Сарайчика следует рассматривать не только как транспортные приспособления, но и как многофункциональные изделия, часть которых могла использоваться в иных целях. Полученные данные подчеркивают значимость дальнейших междисциплинарных исследований, включающих экспериментальную археологию, трасологию, этнографию и зоологический анализ, для более точной реконструкции назначения и производственных практик в средневековом Сарайчике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Арзютов Н. К. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика // Изв. АН КазССР. 1949 (на обл.: 1950). № 67. Сер.: Археология. Вып. 2. С. 126–131.

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Валиев Р. Р., Зеленева Ю. А., Пигарёв Е. М., Ситдинов А. Г. Селитренное городище: материалы исследований 2006, 2007, 2009 годов (берег р. Ахтубы). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. 424 с. (Материалы и исследования по археологии Поволжья; Вып. 12).

Вальков И. А., Федорук А. С. К вопросу о функциональном назначении костяных коньков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 60–64.

Глушко М. Гужовий полозний транспорт населення України доби енеоліту: реконструкція ходової частини і кузова // Вісн. Ін-ту археології. 2007. Вип. 2. С. 55–73.

Зинько А. В. Рыбный промысел на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2023. № 46. С. 92–115.

Кадзаева З. П., Малашев В. Ю. Костяные коньки из погребения раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа // *Нижеволжский археологический вестник*. 2024. Т. 23, № 2. С. 59–93.

Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1903. 188 с.

Косинцева А. П. Костяные коньки раннего Средневековья (опыт реконструкции) // *Седьмые Берсовские чтения*. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 194–200.

Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Лошакова Т. Н., Сиражева Б. А. Сарайчик (Сарайшык, Сарайджук) // *Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. С. 203.

Олейников О. М. Костяные коньки в средневековом Новгороде (по материалам археологических исследований ИА РАН 2008–2019 гг.) // *Российская археология*. 2021. № 4. С. 102–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S086960630013891-9>

Панковский В. Б. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Котова Н. С. *Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа*. К.; Харьков: Майдан, 2013. С. 449–483.

Российский этнографический музей. Собиратели. Золотарев Давид Алексеевич. URL: <https://www.ethnomuseum.ru/collections/collectors/zolotarev-david-alekseevich/> (дата обращения: 04.04.2025)

Семенов С. А. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела — Белой Вежи // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 353–361. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 75)

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. Алматы: ОФ «Берел», 2001. 320 с.

Choyke Alice M. & Bartosiewicz Laszlo. Skating with Horses: continuity and parallelism in prehistoric Hungary // *Revue de Paleobiologie*. 2005. Vol. 25 (10). Pp. 317–326.

Herman O. A magyar halászat könyve. I. köt. Bp, 1887 K. M. Természettudományi Társulat, XV + 552 p. +12 t. URL: <https://mek.oszk.hu/03100/03104/html/>

Küchelmann Hans Christian & Zidarov Petar. Let's Skate Together! Skating on Bones in the Past and Today // Luik Heidi, Choyke Alice M., Batey Colleen, Lougas Lembi (eds.). *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth — Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn: Muinasaja teadus, 2005. Pp. 425–445.

Kunkovác L. Kece, milling, marázsa (Dagnets, fishtraps and sinkers). Budapest: Balassi Kiadó, 2001. Fűzött kemény papírkötés. 100 oldal.

Michalczewski K., Borodovskiy A. P., Oleszczak Ł. The Bone Sumak for Infant Care, an Invention from Southern Siberian Nomadism or Contact with the Hunnic Tribes? // *Contact, Circulation, Exchange*. Trnava: University of Trnava, 2023. P. 98–114.

Revesz L., Siklódi C., Hidan C., Benko M. Between East and West: Everyday Life in the Hungarian Conquest Period / Über die Grenze zwischen Ost und West: Ungarn im 9.–11. Jahrhundert. Budapest: Promptus, 1996. 100 p.

REFERENCES

- Arzyutov N. K. Excavation Report from 1937 at the Site of the Ruins of the Golden Horde City of Saraichik. *Izv. Akad. nauk KazSSR. Ser.: arheologiya = Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser.: Archaeology*. 1949 (cover: 1950);67(2):126–131. (In Russ.)
- Borodovskii A. P. Ancient Bone Carving of the Southern Part of Western Siberia. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 224 p. (In Russ.)
- Valiev R. R., Zeleneev Yu. A., Pigarev E. M., Sitdikov A. G. The Selitrennoe Settlement: Research Materials from 2006, 2007, and 2009 (Bank of the Akhtuba River). Yoshkar-Ola: Mari State University, 2019. 424 p. (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region; Issue 12). (In Russ.)
- Valkov I. A., Fedoruk A. S. On the Functional Purpose of Bone Skates. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXIII. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 60–64. (In Russ.)
- Glushko M. Draft Sled Transport of the Population of Ukraine in the Eneolithic Period: Reconstruction of the Running Gear and the Body. *Visn. In-tu Arheologii = Bulletin of the Institute of Archaeology*. 2007;2:55–73. (In Ukr.)
- Zinko A. V. Fishing Industry in the Cimmerian Bosphorus. *Bosporskie issledovaniya = Bosphorus Studies*. 2023;46:92–115. (In Russ.)
- Kadzaeva Z. P., Malashev V. Yu. Bone Skates from a Burial of the Early Stage of the Alanic Culture in the North Caucasus. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik = Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2024;23(2):59–93. (In Russ.)
- Karutz R. Among the Kirghiz and Turkmens on Mangyshlak. St. Petersburg: Izdanie A. F. Devriena, 1903. 188 p. (In Russ.)
- Kosintseva A. P. Bone Skates of the Early Middle Ages (Reconstruction Attempt). In: Seventh Berson Readings. Yekaterinburg: Kvadrat, 2016. Pp. 194–200. (In Russ.)
- Levina L. M. Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region. 1st Millennium BC — 1st Millennium AD. Moscow: Vostochnaja literatura, 1996. 396 p. (In Russ.)
- Loshakova T. N., Sirazheva B. A. Saraychik (Sarayshyk, Sarayzhuk). In: Sacred Geography of Kazakhstan: Register of Objects of Nature, Archaeology, Ethnography, and Cult Architecture. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, 2017. Issue 1. P. 203. (In Russ.)
- Oleynikov O. M. Bone Skates in Medieval Novgorod (Based on the Archaeological Research of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 2008–2019). *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2021;4:102–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S086960630013891-9> (In Russ.)
- Pankovsky V. B. The Skeleton Material Industry of the Lower Layer of Mikhailovka. In: Dereivskaya Culture and the Monuments of the Lower Mikhaylovsky Type/Edited by N. S. Kotova. Kyiv; Kharkiv: Maidan, 2013. Pp. 449–483. (In Russ.)
- Russian Ethnographic Museum. Collectors. Zolotarev David Alekseevich. Available from: <https://www.ethnomuseum.ru/collections/collectors/zolotarev-david-alekseevich/> (accessed: 04.04.2025). (In Russ.)
- Semenov S. A. On the Purpose of “Skates” and Bones with Incisions from Sarkel — Belaya Vezha. In: Trudy Volgo-Don Archaeological Expedition. Vol. II. Moscow; Leningrad: Izd-vo

AN SSSR, 1959. Pp. 353–361 (Materials and Studies on Archaeology of the USSR; No. 75). (In Russ.)

Tasmagambetov I., Samashev Z. Saraichik. Almaty: Of “Berel”, 2001. 320 p. (In Russ.)

Choyke A. M., Bartosiewicz L. Skating with Horses: Continuity and Parallelism in Prehistoric Hungary. *Rev Paleobiol.* 2005;25(10):317–326.

Herman O. A magyar halászat könyve. I. köt. Bp, 1887 K. M. Természettudományi Társulat, XV + 552 p. +12 t. URL: <https://mek.oszk.hu/03100/03104/html/>

Küchelmann H. C., Zidarov P. Let's Skate together! Skating on Bones in the Past and Today. In: Luik H., Choyke A. M., Batey C., Lougas L., editors. From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth — Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. Tallinn: Muinasaja teadus; 2005. P. 425–445.

Kunkovács L. Dragnets, Fishtraps and Sinkers. Budapest: Balassi Kiadó; 2001. 100 p. (In Hung.)

Michalczewski K., Borodovskiy A. P., Oleszczak Ł. The Bone Sumak for Infant Care, an Invention from Southern Siberian Nomadism or Contact with the Hunnic Tribes? In: Contact, Circulation, Exchange. Trnava: University of Trnava. 2023. P. 98–114.

Revesz L., Siklódi C., Hidan C., Benko M. Between East and West: Everyday Life in the Hungarian Conquest Period/Über die Grenze zwischen Ost und West: Ungarn im 9.–11. Jahrhundert. Budapest: Promptus; 1996. 100 p. (In Eng. and Ger.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сиражева Булбул Ароновна, научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника «Берел», Катон-Карагайский район, Восточно-Казахстанская область, Казахстан.

Bulbul A. Sirazheva, Research Associate, State Historical and Cultural Museum-Reserve “Berel”, the Zhambyl village, the Katon-Karagay District, East Kazakhstan region, Kazakhstan.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025;
принята к публикации 16.06.2025.
The article was submitted 03.05.2025;
approved after reviewing 02.06.2025;
accepted for publication 16.06.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 902(574.3)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-10)

EDN: GBQJMX

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛАНДШАФТА ОЙРАТО-КАЗАХСКОГО ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В МЕЖДУРЕЧЬЕ БУЛАНТЫ-БЕЛЕУИТТЫ В 2024 ГОДУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

**Эмма Радиковна Усманова¹, Евгений Анатольевич Дмитриев^{2*},
Рымбек Муратович Жумашев³, Жанерке Наурызбаевна Шайгозова⁴,
Владимир Анатольевич Лопатин⁵**

¹Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова. г. Караганда, Казахстан; Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан; Институт археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия; emmadervish2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1625-5086>

²Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова. г. Караганда, Казахстан; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; yevgenii1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-7675>

³Карагандинский исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан; zhumashev_rymbek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9806-3997>

⁴Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан; zanna_73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-7598>

⁵Краевед-картограф, г. Житикара, Казахстан; vl.19.83@yandex.kz, <https://orcid.org/0009-0000-5719-0480>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В серии казахско-ойратских военных конфликтов особое значение имеет Булантинская битва. Комплексное исследование в 2007–2010 гг. в долине р. Калмаккырган и урочище Карасуыр выявило ряд исторических объектов, предварительно отнесенных ко времени военных столкновений между казахами и ойратами. Однако проведенные в 2011 и 2023 гг. археологические раскопки могильника Карасуыр не подтвердили выдвинутого предположения о локации битвы в урочище Карасуыр. В 2024 г. были осуществлены поисково-разведочные работы в долинах рек Калмаккырган и Курайлы. В статье публикуются результаты повторного обследования сопки Калмактепе. Подтверждено наличие руинированного сооружения в виде остатков камала малого отъезжего караула ойратов. На берегу реки Курайлы обнаружен некрополь с надмогильными камнями-сынтасами с изображениями родовых тамг казахов Старшего и Среднего жузов. Возможно, памятник представляет собой братское воинское захоронение XVIII в.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Улытау, Буланты-Белеуитты, ойраты, военный конфликт, ландшафт, тамги, Булантинская битва

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МНВО РК, проект BR24992951 «Археологическое наследие Сарыарки (от эпохи камня до средневековья)».

Для цитирования: Усманова Э.Р., Дмитриев Е.А., Жумашев Р.М., Шайгозова Ж.Н., Лопатин В.А. Археологические исследования ландшафта ойрато-казахского военного конфликта в междуречье Буланты-Белеуитты в 2024 году (предварительные результаты) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 169–182. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-10)

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE LANDSCAPE OF THE OYRAT-KAZAKH MILITARY CONFLICT IN THE BULANTY-BELEUITTY INTERFLUVE IN 2024 (PRELIMINARY RESULTS)

Emma R. Usmanova¹, Evgeniy A. Dmitriev^{2*}, Rymbek M. Zhumashev³, Zhanerke N. Shaigozova⁴, Vladimir A. Lopatin⁵

¹Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University. Karaganda, Kazakhstan; Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation;

emmadervish2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1625-5086>

²Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University. Karaganda, Kazakhstan; Altai State University, Barnaul, Russian Federation; yevgenii1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-7675>

³Karaganda Research University named after Academician E. A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan; zhumashev_rymbek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9806-3997>

⁴Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Kazakhstan; zanna_73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-7598>

⁵local historian-cartographer, Zhitikara, Kazakhstan; vl.19.83@yandex.kz, <https://orcid.org/0009-0000-5719-0480>

*Corresponding author

Abstract. The Battle of Bulanty is of particular importance in a series of Kazakh-Oirat military conflicts. A comprehensive study in 2007–2010 in the Kalmakkyrgan River valley and the Karasuy tract revealed a number of historical sites tentatively attributed to the time of military clashes between the Kazakhs and Oirats. However, archaeological excavations of the Karasuy burial ground conducted in 2011 and 2023 did not confirm the assumption put forward about the location of the battle in the Karasuy tract. In 2024, exploratory work was carried out in the valleys of the Kalmakkyrgan and Kurailly rivers. The results of a repeated survey of the Kalmaktepe hill are published in this article. The presence of a ruined structure in the form of the remains of a small Oirat outpost guardhouse has been confirmed. A necropolis with tombstones-syntas with the images of the Kazakhs' ancestral tamgas of the Senior and Middle Zhuzes was discovered on the bank of the Kuraila River. The monument may be a fraternal military burial of the 18th century.

Keywords: Central Kazakhstan, Ulytau, Bulanty-Beleuitty, Oirats, military conflict, landscape, tamgas, Battle of Bulanty

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of a program-targeted funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2024–2026, Project IRN BR24992951 “The Archaeological Heritage of Saryarka (from the Stone Age to the Middle Ages)”.

For citation: Usmanova E.R., Dmitriev E.A., Zhumashev R.M., Shaigozova Zh.N., Lopatin V.A. Archaeological Research of the Landscape of the Oyrat-Kazakh Military Conflict in the Bulanty-Beleuitty Interfluve in 2024 (preliminary results). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):169–182. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-10)

*Богаты вы, степи казахские,
Батырами славных времен,
Когда с черной силой джунгарскою
В сраженьях был подвиг рожден!
Константин Лунин*

Введение

Изучение памятников, связанных с казахско-ойратским противостоянием, происходившим в XVII — середине XVIII в., определяет зоны ландшафтов военного конфликта противоборствующих сторон. Комплексное исследование топографии, геоморфологии, археологии, военно-исторической топонимики, картографии и этнографии центральной части Чу-Илийского региона выявило территорию Аныракайского сражения, которое явилось кульминацией казахско-ойратской войны 1723–1730 гг. (Ерофеева, 2014а, с. 52). Однако следует указать на сложность в идентификации, локализации полей сражений на местности из-за отсутствия контекста материальных остатков.

Одним из ключевых событий казахско-ойратского противостояния является Булантинская битва, которая состоялась в 1727 г. в междуречье Буланты-Белеуитты, северо-западная часть Бетпакдалы (обл. Улытау, Казахстан). Согласно народному преданию, зафиксированному А. А. Диваевым, в данной местности казахским ополчением было нанесено первое крупное поражение военным отрядам ойратов: «Наконец калмыки бежали на Блауты-Буланты, понеся полный погром, причем самый блистательный бой одержан киргизами (казахами. — *Прим. авт.*) на местности Кара-Сиир. Местность эта и по сие время называется Калмак-Крылган (совр. Калмаккырган (Ерофеева, 2014б, с. 86)), т. е. гибель калмыков» (Диваев, 1905).

Материалы исследований и обсуждение

В 2007–2010 гг. территория юго-западных отрогов гор Улытау стала объектом ландшафтно-географических, геоморфологических, археологических и историко-этнографических изысканий, проведенных группой сотрудников Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов (директор И. В. Ерофеева, специалисты Б. Ж. Аубекеров, С. В. Перевозов, Э. Р. Усманова, А. С. Сулов, Е. Ж. Оразбек, Р. Сала, Ж.-М. Деом) (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 70). Была открыта группа памятников, расположенных в долине реки Калмаккырган (ранее Белеуитты) и в урочище Карасуыр (данная локация — Кара-Сиир — предполагалась как одно из вероятных мест Булантинской битвы). В ходе исследований осуществлено геоморфологическое описание местности, собран информационно-этнографический ресурс по топонимам и сказаниям о Булантинской битве, обнаружены некрополи на сопках Калмактепе и Карасуыр (Булантинская битва..., 2015).

В 2011 г. экспедицией Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов совместно с Национальным историко-культурным и природным заповедником-музеем «Улытау» были осуществлены раскопки могильника Карасуыр, направленные на изучение социально-политических событий в казахской степи XVIII в. Однако исследованные захоронения имели характерные признаки

ритуалов и погребального инвентаря, свойственных монгольской погребальной обрядности. По результатам радиоуглеродного датирования они относятся к золотоордынскому времени (конец XIII — начало XIV в.) (Усманова и др., 2018). Таким образом, вопрос о локализации места сражения Булантинской битвы в урочище Карасуыр остается на сегодняшний день открытым.

В 2024 г. экспедицией Карагандинского исследовательского университета имени академика Е. А. Букетова и Сарыаркинского археологического института (Э. Р. Усманова, Р. М. Жумашев, Е. А. Дмитриев) с участием казахстанских краеведов (Т. А. Тлеубергенов, К. Д. Турсунов, Е. С. Сарыбаев) были осуществлены поисково-разведочные работы в районе рек Калмаккырган и Курайлы, целью которых было выявление новых памятников позднего средневековья, возможно, связанных со временем казахско-ойратских военных конфликтов.

Некрополь на сопке Калмактепе. Главным пунктом обследования стала сопка Калмактепе, на вершине которой, по мнению Б. Ж. Аубекерова и И. В. Ерофеевой, ойратами был размещен стационарный пункт для наблюдения за местностью (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73). Примечательно, что гряда высоких сопек (вместе с Калмактепе) создает оптическую иллюзию в виде горного монолита куполообразной формы, напоминающего булаву (рис. 1.-3). Сопка ранее носила название Калмак-Чингара, которое, вероятно, было зафиксировано первыми российскими топографами XIX в. По поводу интерпретации названия *Чингара* можно выдвинуть две версии. *Чон* — (калм. волк) — *волчья гора*. *Очир* (калм. булава) — *гора-булава*, что точно передает форму сопки². В любом случае первоначальное наличие топонима калмыцкого (ойратского) происхождения представляет интерес и требует специального лингвистического изучения, выходящего за рамки данной статьи.

В геоморфологическом строении района Калмактепе выделяются следующие типы рельефа: эрозионно-тектонический грядово-увалистый мелкосопочник и эрозионный приречный мелкосопочник; русло, пойма и первая надпойменная терраса долины р. Калмаккырган (Усманова, Оразбек., Перевозов, 2010). Эрозионно-тектонический грядово-увалистый мелкосопочник с абсолютными отметками высот до 35 м распространен на большей территории района и занимает практически всю северную его часть, окаймляя самый широкий участок долины реки. Он представлен сопкой Калмактепе и расположенными к северу от нее несколькими более низкими сопками (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73–74). В самой долине р. Калмаккырган выделяется русло с сохранившимися плесами, неширокая пойма и первая надпойменная терраса высотой до 5 м, сложенная супесчано-глинистым материалом. Ширина террасы в месте расположения сопки Калмактепе является довольно большой и достигает около 200 м. Русло реки здесь образует большие глубокие плесы, густо заросшие камышом и богатые рыбой (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 75).

Сопка Калмактепе имеет асимметричные склоны: южный склон ее является довольно крутым, а северный и восточный — более пологими (рис. 1.-5). Сопка Калмактепе — высота над уровнем моря: ГТОРО30–254 м. На разных высотах двух последних склонов расположен могильник, датирующийся предположительно поздним средневеко-

² Консультация проф. Т. Г. Басанговой, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.

вьем — началом нового времени. Он состоит из сооружений в виде небольших насыпей из камней темного серо-зеленого цвета, покрытых мхом рыжего цвета (рис. 1.-4).

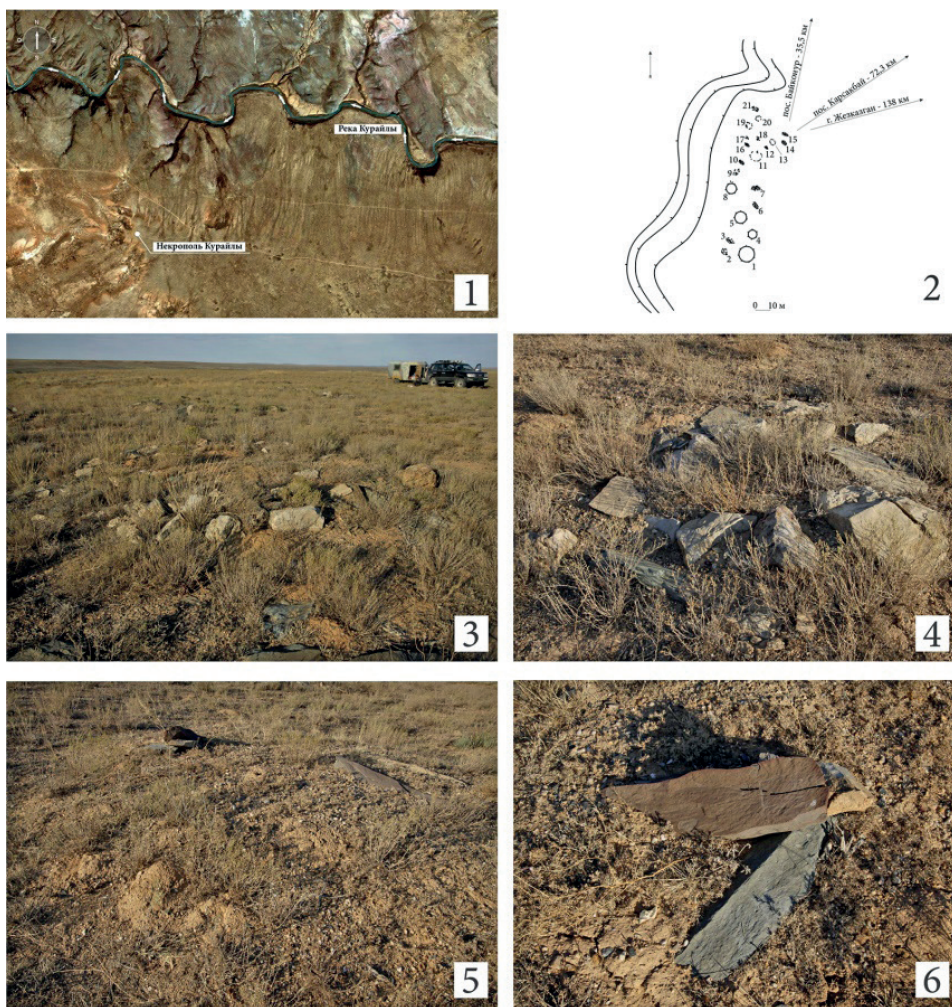

Рис. 1. Сопка Калмыктепе: 1 — Google-карта. Общий вид сопки Калмыктепе и могильника. Рисунок В. А. Лопатина; 2 — Сопка Калмыктепе. Ситуационный план могильника; 3 — Сопка Калмыктепе. Общий вид. Фото Э. Р. Усмановой; 4 — Сопка Калмыктепе. Вид погребальных сооружений. Фото Э. Р. Усмановой; 5 — Сопка Калмыктепе. Вид с южной стороны. Фото Е. А. Дмитриева; 6 — Сопка Калмыктепе. Вид могильника сверху. Фото Е. А. Дмитриева

Fig. 1. Kalmyk-Tepe Hill: 1 — Google map. General view of Kalmyk-Tepe Hill and the burial ground. Figure V. A. Lopatin; 2 — Kalmyk-Tepe Hill. Situational plan of the burial ground; 3 — Kalmyk-Tepe Hill. General view. Photo by E. R. Usmanova; 4 — Kalmyk-Tepe Hill. View of the burial structures. Photo by E. R. Usmanova; 5 — Kalmyk-Tepe Hill. View from the southern side. Photo by E. A. Dmitriev; 6 — Kalmyk-Tepe Hill. View of the burial ground from above. Photo by E. A. Dmitriev

Памятник находится в 136 км к юго-западу от г. Жезказган, в 98,4 км к юго-западу–западу от пос. Карсакбай (рис. 1.-1). На вершине сопки в широтном направлении находилась

погребальная площадка, на которой зафиксированы 39 сооружений (рис. 1.-2). Основная часть погребальных сооружений сосредоточена в восточной части. По внешним характеристикам погребальные сооружения неоднородны и представлены как крупными курганами с каменными насыпями до 12–15 м в диаметре, так и небольшими выкладками из камней размерами 3–4×5–6×8 м (рис. 1.-2, 4, б). Четыре погребальных комплекса имеют вертикально установленные надмогильные стелы, преимущественно из базальта темно-зеленого, почти черного цвета. Один из них имеет антропоморфную форму высотой до 1 м.

Визуальный осмотр некрополя позволяет сделать несколько предварительных выводов (рис. 1.-6). Во-первых, четыре кургана, расположенные в его западной части, по своим морфологическим характеристикам (каменная насыпь в виде сплошного панциря), вероятно, относятся к раннему железному веку.

Во-вторых, в центре площадки некрополя имеется сооружение в виде сырцово-кирпичной конструкции четырехугольной в плане формы размером 6×8 м, высотой до 0,2–0,3 м, по сторонам которой отмечено несколько камней (сооружение 37). Вероятно, это и есть руинные остатки отъезжего караула типа камала, зафиксированного Б. Ж. Аубекеровым и И. В. Ерофеевой (2015, с. 73).

Восточная часть некрополя характеризуется в основном однотипными сооружениями: выкладки из камней овальной или округлой формы размерами 3–4×5–6×8 м. В нескольких случаях отмечались вертикально установленные плиты.

Предварительно сооружения некрополя могут быть атрибутированы как средневековые. Но вряд ли они относятся к погребениям казахов: нами не были зафиксированы родовые тамги на стелах, маркирующие в данной местности (междуречье рек Буланта-Белеуитты) казахские захоронения. Другим аргументом «неказахского» происхождения погребений может служить расположение поминальных надмогильных камней с северо-восточной, юго-восточной сторон погребального сооружения. Например, казахские кулпытасы устанавливались в изголовье, как правило, с западной стороны погребения, с некоторыми отклонениями (Ажигали, 2023, с. 22).

Этнографические данные 2-й половины XVIII в. сообщают о погребальном обряде калмыков, которые «<...> покойников своих оставляют они или для истлевания на вольном воздухе, или погружают их в воду, или зарывают в землю, или сжигают. <...> Над некоторыми покойниками складывают они груды камней» (Георги, 2007, с. 407–408).

Достоверно установить культурно-хронологическую принадлежность этих захоронений можно только на основании археологических раскопок. Они могут относиться к погребениям ойратов. Упоминается, что на одном из каменных брусков, зафиксированном у подножья сопки, была выгравирована лаконичная надпись, составленная ойратским письмом (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73–74). Данный артефакт нами не был обнаружен. Не исключено, что погребальные конструкции могут датироваться и более ранним временем. Подобные надмогильные сооружения по своему внешнему виду сопоставимы с исследованными монгольскими комплексами в урочище Карасуыр (Усманова и др., 2018).

Некрополь на реке Курайлы. Расположен на левом берегу р. Курайлы, в 138 км к западу–юго-западу от г. Жезказгана, в 72,3 км к юго-западу от пос. Карсакбай, в 35,5 км к юго-востоку–востоку от пос. Байконур (рис. 2.-1). Некрополь занимает относительно ровную, возвышенную площадку, на которой визуально зафиксировано 21 по-

гребальное сооружение (рис. 2.-2). Высота площадки — высота над уровнем моря: ГТОРО30–312 м. Типологически они подразделяются на две группы: выкладки геометрической формы из камней размерами до 5 м; набросы из камней (рис. 2.-3–5), обложенные по краям сырцовыми блоками или комьями супеси светло-коричневого цвета.

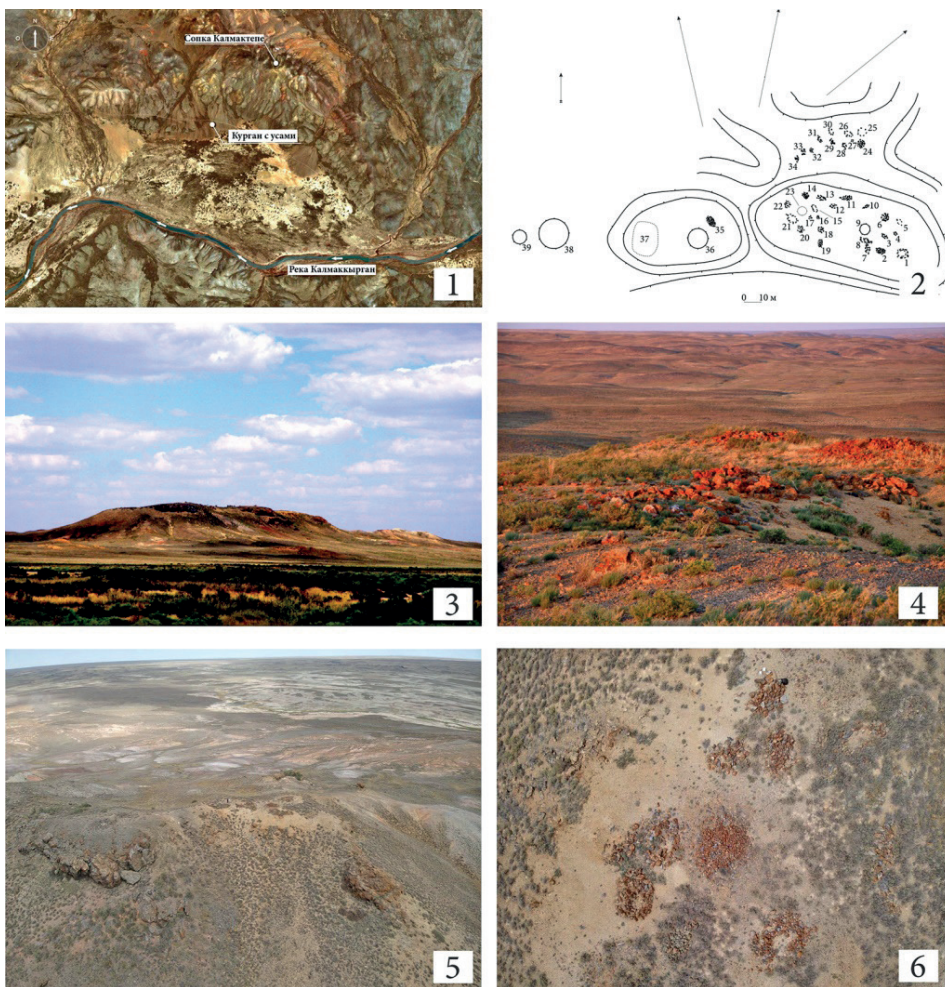

Рис. 2. Могильник на реке Курайлы: 1 — Google-карта. Общий вид некрополя в ландшафте левого берега р. Курайлы. Рисунок В. А. Лопатина; 2 — некрополь Курайлы. Ситуационный план; 3 — общий вид некрополя Курайлы. Фото Э. Р. Усмановой; 4 — некрополь Курайлы. Вид погребального сооружения. Фото Э. Р. Усмановой; 5 — некрополь Курайлы. Вид погребального сооружения. Фото Э. Р. Усмановой; 6 — некрополь Курайлы. Вид двух сынтасов с изображением разных тамг. Фото Э. Р. Усмановой

Fig. 2. Burial ground on the Kuraila River: 1 — Google map. General view of the necropolis in the landscape of the left bank of the Kuraila River. Figure by V. A. Lopatin; 2 — Kuraila Necropolis. Situational plan; 3 — General view of the Kuraila Necropolis. Photo by E. R. Usmanova; 4 — Kuraila Necropolis. View of the burial structure. Photo by E. R. Usmanova; 5 — Kuraila Necropolis. View of the burial structure. Photo by E. R. Usmanova; 6 — Kuraila Necropolis. View of two syntases with images of different tamgas. Photo by E. R. Usmanova

К сожалению, ограниченность во времени не позволила нам детально изучить этот некрополь. По устному сообщению краеведа К. Д. Турсунова (жителя города Жезказгана) могильник был найден им после пожара, когда обнажились надмогильные камни-сынтасы (Қазақ мәдениеті..., 2005, б. 564) с изображениями нескольких тамг. Именно этот ритуальный объект дал возможность идентифицировать данный могильник с захоронениями представителей казахских родов.

Надмогильные камни-сынтасы по внешнему облику однотипны и изготовлены из местного базальта, имеют вытянутую геометрическую форму длиной до 1 м, в их верхней части прочерчены тамги. Предварительно зафиксировано шесть стел с распознанными тамгами:

- треугольник (рис. 3.–5, б);
- уголок с прорезанной вниз одной линией (рис. 3.–3, 4);
- две параллельные линии, пересеченные с одной стороны дополнительной чертой (рис. 3.–1, 2).

По устному сообщению археолога А. Е. Рогожинского две параллельные линии, пересеченные с одной стороны третьей чертой, можно связать с тамгой рода уак Среднего жуза (рис. 3.–1, 2). Треугольник предположительно относится к казахским племенам ошакты или шапырашты Старшего жуза (рис. 3.–5, б). Уголок с протянутой вниз одной линией можно сопоставить с тамгой одного рода племени найман-баганалы (рис. 3.–3, 4). Один знак в виде скобы с начерченным над ней трехзубчатым зигзагом пока не подлжет определению как родовая тамга (рис. 3.–5, б).

Роды баганалы и уак проживали в этом регионе в XVIII в. Вопрос остается открытым по поводу рода ошакты, основная масса его представителей жила на Сырдарье. Однако батыры из любых казахских племен и родов могли оказываться в самых разных районах степи в случае военной угрозы.

Относительно технического исполнения знаков А. Е. Рогожинский отмечает единообразии техники нанесения знаков на камни: практически все знаки наскоро прорезаны острым металлическим инструментом типа ножа. Возможно, что знаки тамг были нанесены одним человеком или двумя людьми. Для долговременных и разноплеменных могильников характерно разнообразие приемов резьбы по камню и более тщательная обработка самого камня, что не наблюдается на данном некрополе. Очевидно, что поминальные камни использовались без обработки.

На одних сооружениях установлены удлиненные камни, на других — погребальные камни имеют округлую форму. Камни подбирались с учетом возможности нанесения знаков: относительно больших размеров и с плоской поверхностью. Скорее всего, приносились из скального складчатого выхода берегового каньона реки, что подтверждает гипотезу о сооружении погребального комплекса в полевых условиях.

Таким образом, некрополь представляет собой тот редкий случай, когда на одной площади захоронены представители разных казахских родов и жузов. Возможно, формирование погребального поля объясняется братским воинским захоронением после сражения, которое не помешало после боя последовать древней казахской традиции «басына тас қою», что означает ставить камень на погребении.

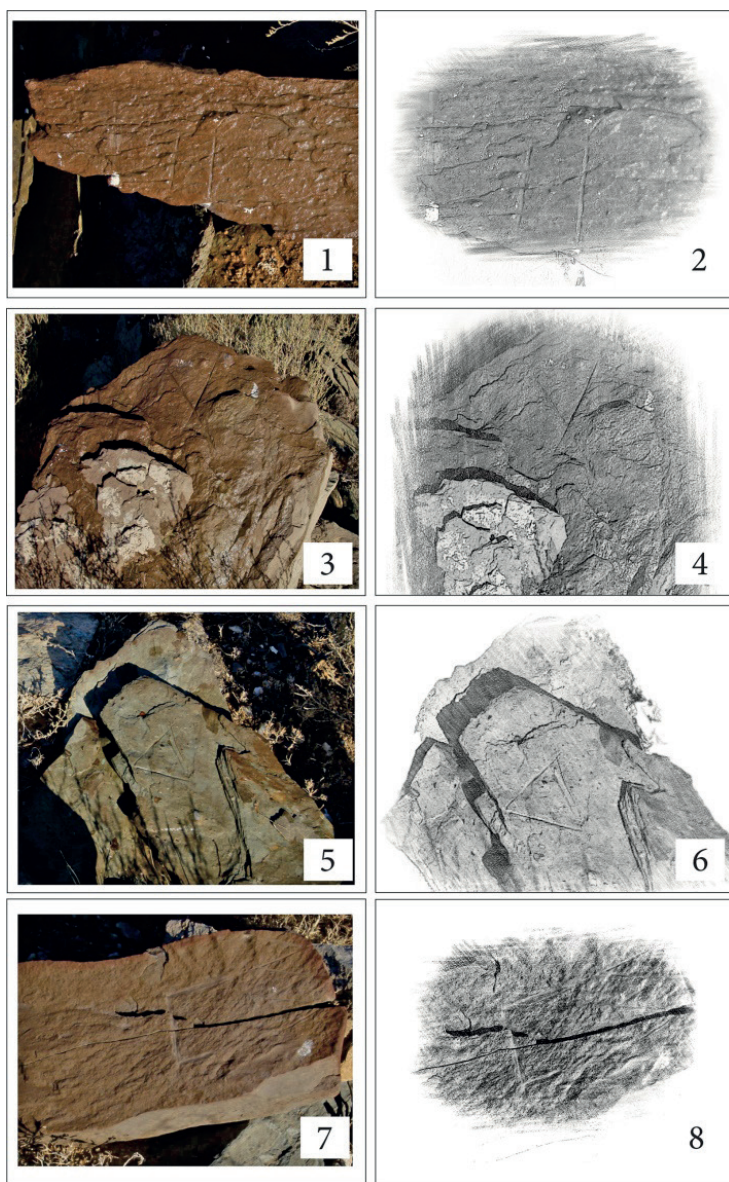

Рис. 3. Некрополь на реке Курайлы. Виды тамг. Фото Э.Р. Усмановой. Художественная обработка Ж. Н. Шайгозовой: 1–2 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением тамги рода уак; 3–4 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением тамги рода найман-баганалы; 5–6 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением тамги рода ошакты или шапырашты; 7–8 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением неопознанного знака

Fig. 3. Necropolis on the Kuraily River. Types of tamgas. Photo by E. R. Usmanova. Artistic processing by Zh. N. Shaigozova: 1–2 — Kuraily Necropolis. Syntas with the image of the tamga of the Uak clan; 3–4 — Kuraily Necropolis. Syntas with the image of the tamga of the Naiman-Baganaly clan; 5–6 — Kuraily Necropolis. Syntas with the image of the tamga of the Oshakty or Shapyrashty clan; 7–8 — Kuraily Necropolis. Syntas with the image of an unidentified sign

Заключение

При повторном обследовании некрополя на сопке Калмактепе было составлено детальное описание объектов и подтверждено наличие руинированной сырцово-глиняной конструкции, вероятно, сторожевого поста-кавала. Возможно, это остатки малого отъезжего ойратского караула. Они обычно выставлялись вперед на несколько десятков километров от стационарных больших караулов в момент повышенной опасности для кочевых ставок ойратской знати и высылали в разных направлениях для осмотра окружающей территории небольшие группы так называемых «подзорщиков» (Потанин, 1876, с. 22–24, 35–36; Гуляев, 1851, с. 68).

Его стратегическое местонахождение на вершине сопки давало возможность эффективно контролировать ближайшие подступы к долине реки Белеуитты. С сопкой Калмактепе связаны различные исторические предания и легенды о борьбе казахов с ойратами, которые сохранились у местного населения до нашего времени (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73).

В 1-й половине XVIII в. северные рубежи ойратских кочевий прикрывали от массового проникновения военных отрядов казахов во внутренние регионы Джунгарского ханства четыре крупных караульных поста джунгар, расположенных на территории Бетпақдалы. Самым передовым из всех этих караулов был стационарный пункт, размещавшийся возле невысокой горы в месте слияния речки Карагайлы (Дусен) с р. Калмаккырган (Белеуитты), которая называлась Калмак-Чингара, а с конца прошлого века была переименована в Калмактепе (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73).

Некрополь на берегу р. Курайлы представляет интерес в контексте военного ландшафта, так как на нем отмечается ритуальная ситуация с присутствием погребений различных казахских родов на одной погребальной площадке, а также в одном в погребальном сооружении, судя по изображениям тамг на камнях (рис. 2.-6). Возможно, такая социально-ритуальная ситуация формирования погребального комплекса объясняется братским воинским захоронением.

Кулпытасы и сынтасы (удлиненные камни) с родовыми тамгами встречаются в Казахстане повсеместно и, по мнению А. Т. Толеубаева, являются результатом развития традиции установки каменных изваяний-балбалов, характерных для VI–IX вв., т. е. для тюркского времени (Толеубаев, 1991, с. 104); возможно, они характеризуют реликты доисламских верований казахов, связанные с представлениями о сакральном (культ предков, мировой столп). В целом реликты доисламских верований казахов до сих пор отчетливо проявляются в обрядах жизненного цикла, особенно в погребально-поминальных, что подчеркивается в трудах современных исследователей. По этому поводу И. В. Стасевич пишет: противоречие между официальной религиозной традицией (концептуальной теорией) и авторитетом предписаний, основанных на уважении обычая предков (практикой), разрешается в пользу последнего (Стасевич, 2011, с. 152). Эта обрядовая особенность выражена в поминально-культовой материальной действительности некрополя на р. Курайлы.

На данный момент ландшафт военного конфликта в междуречье Буланты-Белеуитты представлен преимущественно погребально-поминальными комплексами, рассредоточенными на местности, что указывает на масштаб социально-военных отношений

между ойратами и казахами в XVIII в. Очевидна необходимость историко-археологического изучения района, которое позволит предметно подойти к реконструкции этого исторического события.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ажигали С. Е. Казахские кулпытасы — аналоги якутских сэргэ: ареал, типология, генезис // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 4. С. 20–36.

Аубекеров Б. Ж., Ерофеева И. В. Ландшафтно-геоморфологические факторы формирования наступательной стратегии и тактики казахов-кочевников в войне с джунгарами 1723–1730 гг. // Булантинская битва: История исследований: научно-информационный альбом. Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. С. 68–83.

Булантинская битва: История исследований. Научно-информационный альбом. Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. 210 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с.

Гуляевъ С. И. Замѣтки объ Иртышѣ и странахъ, имъ орошаемыхъ // Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго общества на 1851 годъ. Ч. 3. СПб.: Типографія военно-учебныхъ заведеній, 1851. С. 41–88.

Диваев А. А. Мавзолей Кок-Кесене: историко-археологическая заметка // Протоколы Туркестанского кружка археологии. 1905. Т. X. С. 40–42.

Ерофеева И. В. Аныракай // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы: WorkLine, 2014а. С. 49–52.

Ерофеева И. В. Белеуитты // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы: WorkLin», 2014б. С. 86–87.

Потанинъ Г. Н. Наши сношенія съ Джунгарскими владѣльцами // Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Т. 2. Вып. 1. СПб.: Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова), 1876. С. 1–64.

Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.

Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 200 с.

Усманова Э. Р., Дремов И. И., Панюшкина И. П., Колбина А. В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр, Улытау // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 2. С. 106–113.

Усманова Э. Р., Оразбек Е. Ж., Перевозов С. В. Научный отчет о полевых исследованиях в Улытауском районе Карагандинской области в 2010 г. по теме «Исследование исторической местности междуречья Буланта-Белеуитты в контексте казахско-джунгарских отношений в XVIII веке» // Научный архив КазНИИ ПКНН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 127–128.

Қазақ мәдениеті. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: «Аруна Ltd.» ЖШС, 2005. 656 б.

REFERENCES

Azhigali S. E. Kazakh kulpytas — Analogues of the Yakut Serge: Area, Typology, Genesis. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik = North-Eastern Humanitarian Herald*. 2023;4:20–36. (In Russ.)

Aubekerov B. Zh., Erofeeva I. V. Landscape and Geomorphological Factors in the Formation of the Offensive Strategy and Tactics of the Kazakh Nomads in the War with the Dzungars in 1723–1730. In: *Battle of Bulanty: History of Research. Scientific and Information Album*. Ulytau: Nacional'nyj istoriko-kul'turnyj i prirodnyj zapovednik-muzej “Ulytau”, 2015. Pp. 68–83. (In Russ.)

Battle of Bulanty: History of Research. Scientific and Information Album. Ulytau: Nacional'nyj istoriko-kul'turnyj i prirodnyj zapovednik-muzej “Ulytau”, 2015. 210 p. (In Russ.)

Georgi I. G. Description of All the Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rites, Customs, Clothing, Dwellings, Exercises, Amusements, Religions and Other Memorable Things. Saint Petersburg: Russkaya simfoniya, 2007. 808 p. (In Russ.)

Gulyaev S. I. Notes on the Irtysh and the Countries Irrigated by It. In: *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society for 1851*. Ch. 3. Saint Petersburg: Tipografiya voenno-uchebnyh zavedenij, 1851. Pp. 41–88. (In Russ.)

Divaev A. A. Kok-Kesene Mausoleum. Historical and Archaeological Note. *Protokoly Turkestanskogo kruzhka arheologii = Protocols of the Turkestan Archaeology Circle*. 1905: X:40–42. (In Russ.)

Erofeeva I. V. Anyrakaj In: *Brief Encyclopedic Dictionary of Historical Toponyms of Kazakhstan*. Almaty: WorkLine, 2014a. Pp. 49–52. (In Russ.)

Erofeeva I. V. Belewitty. In: *Brief Encyclopedic Dictionary of Historical Toponyms of Kazakhstan*. Almaty: WorkLine, 2014b. Pp. 86–87. (In Russ.)

Potanin G. N. Our Relations with the Dzungarian Rulers. In: *Collection of Historical and Statistical Information about Siberia and Neighboring Countries*. Vol. 2. Issue. 1. Saint Petersburg: Russkaya Skoropechatnya (P. S. Naximova), 1876. Pp. 1–64. (In Russ.)

Toleubaev A. T. Relics of Pre-Islamic Beliefs in the Family Rituals of the Kazakhs. Alma-Ata: Gylym, 1991. 214 p. (In Russ.)

Stasevich I. V. Social Status of Women among Kazakhs: Traditions and Modernity. Saint Petersburg: Nauka, 2011. 200 p. (In Russ.)

Usmanova E. R., Dremov I. I., Panyushkina I. P., Kolbina A. V. Mongol Warriors of the Ulus of Jochi Based on Materials from the Burial Ground of Karasuyr, Ulytau. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2018;46(2):106–113. (In Russ.)

Usmanova E. R., Orazbek E. Zh., Perevozov S. V. Scientific Report on Field Research in the Ulytau District of the Karaganda Region in 2010 on the topic “Study of the Historical Area of the Bulanty-Belewitty Interfluvium in the Context of Kazakh-Dzungar Relations in the 18th Century”. In: *Scientific Archive of the Kazakh Research Institute PKNN*. F. 3. Op. 1. D. 53. L. 127–128. (In Russ.)

Қазақ мәдениеті. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: “Аруна Ltd.” ЖШС, 2005. 656 б. (In Kazakh.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Усманова Э. Р.: руководство археологической экспедицией, в ходе которой осуществлялся сбор материала, обработка материала, написание статьи.

E. R. Usmanova: leadership of an archaeological expedition, during which the collection of material, processing of material, and writing of an article were carried out.

Дмитриев Е. А.: обработка материала, написание и редакция статьи.

E. A. Dmitriev: processing of material, writing and editing of the article.

Жумашев Р. М.: организация археологической экспедиции, в ходе которой осуществлялся сбор материала, сбор данных по этнографии.

R. M. Zhumashev: organization of an archaeological expedition, during which material was collected, data on ethnography was collected.

Шайгозова Ж. Н.: художественная обработка изображений тамг, этнографический ресурс интерпретации.

Zh. N. Shaigozova: artistic processing of tamga images, ethnographic resource of interpretation.

Лопатин В. А.: подготовка Google-карт местонахождений памятников.

V. A. Lopatin: preparation of Google maps of the sites locations.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Усманова Эмма Радиковна, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан; научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан; научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Emma R. Usmanova, Researcher, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University, Karaganda, Kazakhstan; Researcher at the Institute of Archaeology Named after A. Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan; Researcher at the Institute of Archaeology Named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Дмитриев Евгений Анатольевич, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан; аспирант Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Evgeniy A. Dmitriev, Researcher, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University, Karaganda, Kazakhstan; Postgraduate Student, Altai State University, Barnaul, Russia.

Жумашев Рымбек Муратович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории Карагандинского исследовательского университета им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан.

Rymbek M. Zhumashev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology and National History, Buketov Karaganda Research University, Karaganda, Kazakhstan.

Шайгозова Жанерке Наурызбаевна, кандидат педагогических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая, Алматы, Казахстан.

Zhanerke N. Shaigozova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Kazakh National Pedagogical University Named after Abai, Almaty, Kazakhstan.

Лопатин Владимир Анатольевич, краевед-картограф, Житикара, Казахстан.

Vladimir A. Lopatin, Local Historian and Cartographer, Zhitikara, Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;

одобрена после рецензирования 26.05.2025;

принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 01.02.2025;

approved after reviewing 26.05.2025;

accepted for publication 16.06.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 903.8(4/5)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-11)

EDN: GCVXJI

ПРИЧИНЫ ЗАХОРОНЕНИЯ КЛАДОВ БРОНЗОВЫХ ВЕЩЕЙ НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

Чжан Вэньшань¹, Му Цзиньшань^{2*}

¹Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай;
987348367@qq.com, <https://orcid.org/0009-0006-0310-6312>

²Северо-Западный университет (Центр исследований археологического сотрудничества),
Сиань, Китай;

mujinshan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7463-9638>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Похожие бронзовые артефакты в кладах были найдены в горах Яньшань и в предгорьях Тянь-Шаня в Северной части Китая, и бронзовые изделия в этих кладах в основном являются орудиями труда и оружием. В XIII–IX вв. до н. э. андроновская культурно-историческая общность гор Тянь-Шань переживала период упадка, отношения между группами людей стали очень напряженными, частыми были войны, а крупные народные массы неизбежно были вынуждены мигрировать. В то же время в горах Яньшань местные культуры претерпели много серьезных изменений, а нестабильное социальное положение приводило к частым войнам. Поэтому бронзовые артефакты в кладах обоих регионов могли быть зарыты в спешке во время бегства от войны, что является не случайным явлением, а материальным воплощением социального кризиса того времени.

Ключевые слова: Восточная евразийская степь, бронзовые артефакты, клады, орудия труда, оружие

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук Китая (проект No24CKG021) и Крупного тендерного проекта Китайской академии истории (No 23VLS007).

Для цитирования: Чжан В., Му Ц. Причины захоронения кладов бронзовых вещей на востоке Евразийской степи // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 183–193. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-11)

REASONS FOR THE BURIAL OF BRONZE ARTIFACT HOARDS IN THE EASTERN EURASIAN STEPPE

Zhang Wenshan¹, Mu Jinshan²

¹Hebei Normal University, Shijiazhuang, China;
987348367@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-7463-9638>

²Northwest University (Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Road),
Xi'an, China; mujinshan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7463-9638>

*Corresponding Author

Abstract. Similar bronze hoards have been found in the Yanshan Mountain and the piedmont of Tianshan Mountain in the Northern Zone of China, and the bronze wares in these hoards are mainly tools and weapons. In the 13–9th centuries BC, the Andronovo Cultural Community of the Tianshan Mountain

was in a period of decline, and the relations between groups of people became very tense, wars were frequent, and people were inevitably forced to migrate and flee. At the same time, the Yanshan Mountain regions also experienced many major changes, and the unstable social state also led to frequent wars, so the bronze hoards of the both regions may have been buried in a hurry during the war escape, which is not an accidental phenomenon, but a material embodiment of the social background at that time.

Keywords: Eastern Eurasian steppe, bronze hoards, tools, weapons

Acknowledgments: the research is supported by the Chinese National Social Science Foundation (24CKG021) and Chinese Academy of History Major Bidding Projects (23VLS007).

For citation: Zhang W., Mu J. Reasons for the Burial of Bronze Artifact Hoards in the Eastern Eurasian Steppe. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):183–193. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-11)

Введение
Представители древних культур нередко закапывали в землю или прятали в определенных местах бронзовые предметы, создавая особые клады. Такое явление было довольно распространено в древности: следует отметить, что восточная Евразийская степь стала известна благодаря множественным найденным кладам с бронзовым оружием и орудиями труда. Эти клады существенно отличаются от погребений, причем наибольшее количество таких комплексов обнаружено в двух регионах: на территории гор Яньшань (燕山) к северу от Пекина и в Западном Тянь-Шане (西天山), расположенном на западе Синьцзян-Уйгурского автономного района (рис. 1). В данной статье анализируются возможные причины захоронения этих комплексов.

Рис. 1. Схема расположения регионов Яньшань и Западный Тянь-Шань:

А — Западный Тянь-Шань; В — Яньшань

Fig. 1. Location map of the Yanshan and Western Tianshan regions: A — Western Tianshan; B — Yanshan

Материалы и их анализ

1. Бронзовые артефакты в кладях в регионе Яньшань

Регион Яньшань — это восточная часть Северного Китая, где было найдено большое количество бронзовых артефактов в кладях. В основном они расположены в уез-

дах Яньцин (延庆), Синлун (兴隆), Цинлун (青龙) к северу от Великой Китайской Стены, а также в уездах Суйчжун (绥中), Синчэн (兴城), Цзиньчжоу (锦州) на западном побережье Ляодунского залива. Главной особенностью кладов является наличие бронзового оружия и орудий труда, в то время как бронзовые сосуды в стиле Центральных равнин Китая не встречаются (Ян Цзяньхуа, 2002, с. 157–174).

В качестве примера можно привести клад Вангантай (王岗台) в уезде Суйчжун (绥中) провинции Ляонин (辽宁) (Чэн Цзиндянь, Сунь Цзяньцзюнь, Мэн Линь, 2016, с. 67–75). Этот клад расположен на возделываемой территории примерно в 1 км к северо-западу от деревни Дунвангантай (东王岗台). Клад находится на глубине 0,3–0,4 м под поверхностью земли, бронзовые артефакты расположены хаотично, площадь размещения составляет около 1 м в диаметре, качество почвы не сильно отличается от окружающей возделываемой территории. Всего были собраны 22 предмета бронзового оружия и орудий труда, в том числе кинжал (рис. 2.-1), пять ножей (рис. 2.-2–6), четыре чекана (рис. 2.-7–10), три топора (рис. 2.-11–13), семь кельтов (рис. 2.-14–20), ножны (рис. 2.-22) и бронзовое украшение (рис. 2.-21). В подавляющем большинстве это орудия труда и оружие.

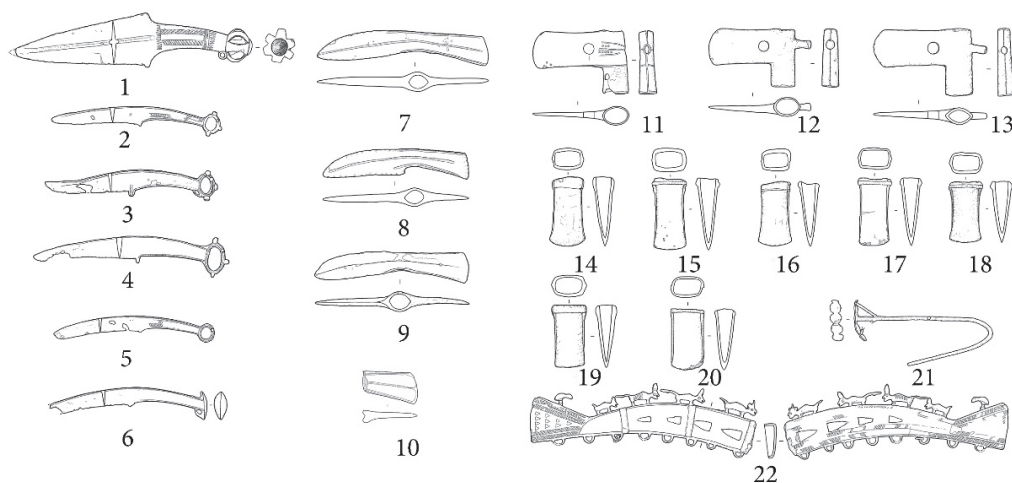

Рис. 2. Бронзовые артефакты в кладе, обнаруженном в Дунвангантае, Суйчжун: 1 — кинжал; 2–6 — ножи; 7–10 — чеканы; 11–13 — топоры; 14–20 — кельты; 21 — украшения; 22 — ножны
 Fig. 2. Bronze artifacts from the hoard discovered in Dongwangantai, Suizhong: 1 — dagger; 2–6 — knives; 7–10 — pick-axes; 11–13 — axes; 14–20 — celts; 21 — ornaments; 22 — scabbards

В кладе Фэнцзя (冯家) в уезде Суйчжун (绥中), расположенном в 3 км от клада Дунвангантай, бронзовые артефакты захоронены в прямоугольной вертикальной яме длиной 1 м, шириной 0,6 м и глубиной 0,65 м. Типы бронзовых артефактов схожи с теми, что найдены в кладе Дунвангантай, но количество бронзового оружия и орудий труда больше. В общей сложности найдено 48 бронзовых предметов, таких как кельты (рис. 3.-1–8), ножи (рис. 3.-9–17), чеканы (рис. 3.-18–26), топоры (рис. 3.-27, 29), трехзубые артефакты (рис. 3.-28, 30) (Ван Юнган, Ван Гожун, Ли Фэйлун, 1996, с. 51–55).

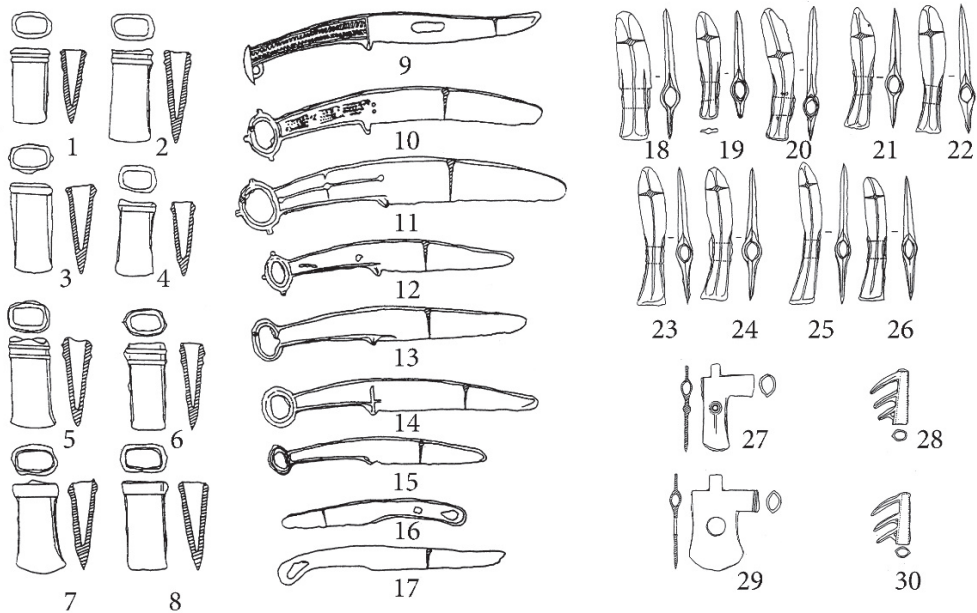

Рис. 3. Бронзовые артефакты в кладе, обнаруженном в Фэнцзя, Суйчжун

Fig. 3. Bronze artifacts from the hoard discovered in Fengjia, Suizhong

Подобные клады также найдены на памятниках Дахунци в уезде Синьминь (新民大红旗) (рис. 4.-А), Чаодаогоу в уезде Цинлун (青龙抄道沟) (Синлун сянь..., 1990, с. 57-58) (рис. 4.-В), Янхэ в уезде Синчэн (兴城杨河) (Цзиньчжоу ши боугуань, 1978, с. 387) и Сяохэнань в уезде Синлун (兴隆小河南) (Хэбэй шэн..., 1962, с. 644-645) (табл.). Эти клады принадлежат памятникам местных северных народов. За исключением клада Сяохэнань, который может быть определен X-IX вв. до н. э., остальные клады датируются примерно XIII-XI вв. до н. э.

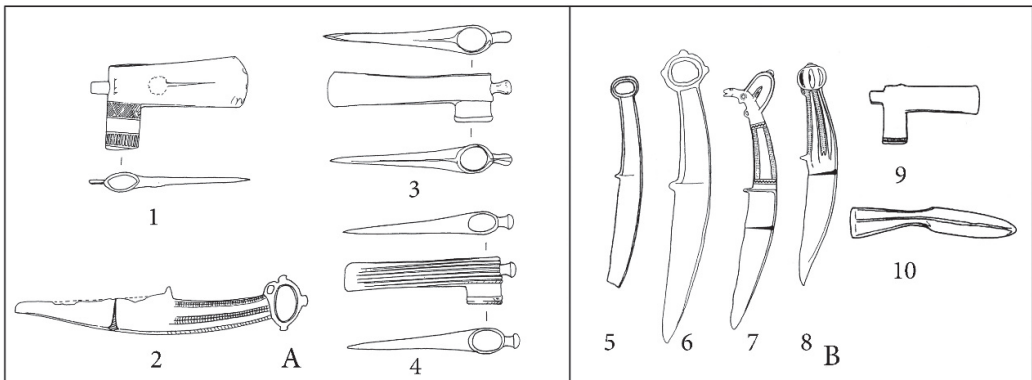

Рис. 4. Бронзовые артефакты кладов, обнаруженных в Дахунци и в Чаодаогоу: 1-3, 8 — топоры;

4-7 — ножи; 9 — чеканы (А — Дахунци, В — Чаодаогоу)

Fig. 4. Bronze artifacts from hoards discovered in Dahongqi and Chaodaogou: 1-3, 8 — axes;

9 — pick-axes (A — Dahongqi, B — Chaodaogou)

**Статистическая сводка кладов бронзовых орудий и оружия эпох Шан-Чжоу
в районе гор Яньшань (Северный Китай)**

**Statistical Summary of Bronze Tools and Weapons from the Shang-Zhou Periods
in the Yanshan Mountains Region (Northern China)**

Название кладов	Найденные артефакты
Чаодаогоу, у. Цинлун (провинция Хэбэй)	4 ножа, 2 кинжала, топор, чекан
Сяохэнань у. Синлун (провинция Хэбэй)	Кинжал, 2 ножа, топор, 3 клевица, наконечник копья, крышка сосуда
Янхэ у. Синчэн (провинция Ляонин)	Топор, 3 ножа, чекан, крюк
Фэнцзя у. Суйчжун (провинция Ляонин)	15 топоров, 19 ножей, 13 чеканов, 2 трехзубых артефакта
Дахунци у. Синьминь (провинция Ляонин)	3 топора
Дунвангантай у. Суйчжун (провинция Ляонин)	Кинжал, 5 ножей, 4 чекана, 10 топоров, ножны, украшение

2. Бронзовые артефакты в кладях в регионе Западного Тянь-Шаня

Регионом сосредоточения кладов является Западный Тянь-Шань, который можно разделить на регион Или в Синьцзяне (新疆伊犁地区) и регион Семиречье.

Клад Агарсон в уезде Гунлю (巩留), Или-Казахский автономный округ (伊犁哈萨克自治州) Синьцзяна, является одним из самых представительных. Клад Агарсон расположен в треугольнике на юго-западном берегу слияния рек Текес (特克斯) и Кунгес (巩乃斯). В общей сложности в кладе было обнаружено 13 бронзовых артефактов³. Среди них три топора, три серпа, пять долот, топор и один фрагментарный предмет (рис. 5.-С) (Ли Сяо, Дан Тун, 1995, с. 40–49; Ван Бо, Чэн Чжэньго, 1989, с. 95–96). Согласно опубликованным материалам, фрагментарный бронзовый предмет имеет форму ивового листа, с двусторонними лезвиями длиной 7 см и шириной 2,5 см. Это может быть короткий кинжал, для которого требуется дополнительная рукоять. Бронзовые артефакты в кладях в основном представляют собой орудия труда и оружие.

Аналогичные артефакты также найдены в кладях Шамши и Сукулук в регионе Семиречье. Бронзовые артефакты, найденные в кладе Шамши, включают в себя бронзовый кинжал, два бронзовых топора типа С, три бронзовых серпа, три бронзовых долота, три бронзовых зеркала и другие орудия труда и украшения (рис. 5.-А) (Кузьмина, 2020, рис. 43.-А). Три бронзовых топора типа С, три бронзовых серпа и бронзовое украшение обнаружены в кладе Сукулук (рис. 5.-Б) (Кузьмина, 2020, рис. 74–75). В этих трех кладях преобладают орудия труда и оружие. К оружию относятся бронзовый то-

³ Большинство из этих 13 предметов изготовлены из оловянной бронзы и небольшое количество — из оловянно-свинцовой бронзы (Ли Сяо, Дан Тун, 1995, с. 40–49).

пор и короткий кинжал, требовавший дополнительной рукояти, а также такие орудия труда, как бронзовое долото, бронзовый серп и бронзовый топор. Все они относятся к позднему периоду андроновской культурно-исторической общности и датируются XIII–IX вв. до н. э. (Кузьмина, 2020, с. 285). В могилах андроновской культурно-исторической общности, как правило, захоронены небольшие украшения, а не оружие и орудия труда, а количество бронзового оружия и орудий труда, найденных в поселениях, очень ограниченное. Таким образом, эти клады являются важным источником информации о сочетании оружия и орудий труда «андроновцев».

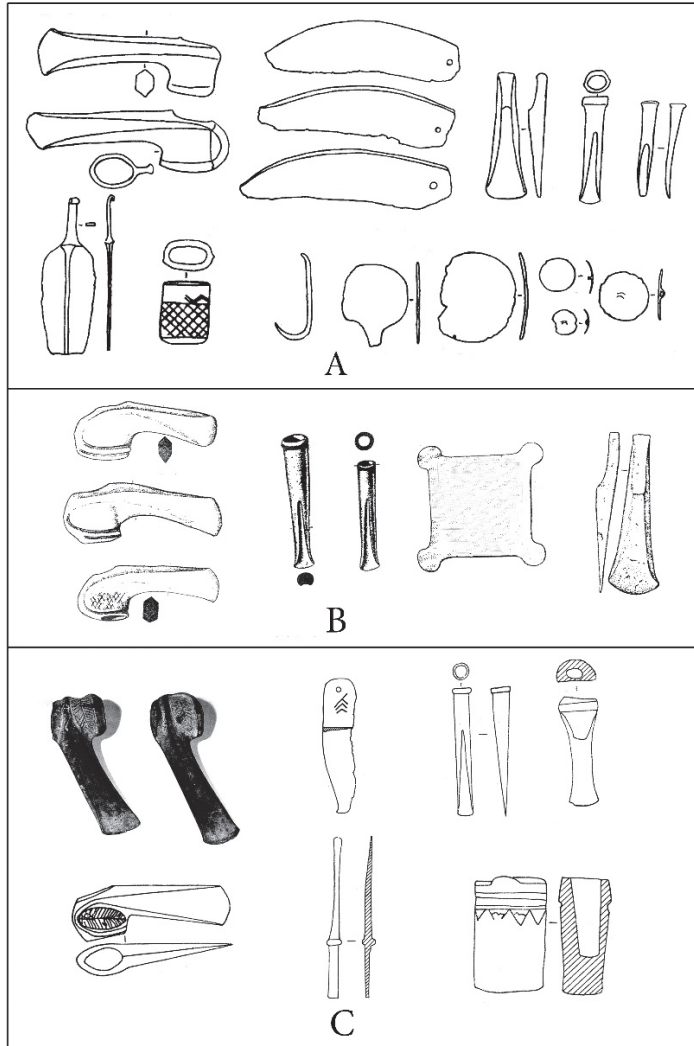

Рис. 5. Образцы бронзовых артефактов, найденных в кладах в регионе Западного Тянь-Шаня: А — клад Шамши, Кыргызстан; В — клад Сукулук, регион Семиречье; С — клад Агарсон, Синьцзян
 Fig. 5. Bronze artifact specimens from hoards in the Western Tianshan region: A — Shamshi hoard, Kyrgyzstan; B — Sukuluk hoard, Semirechye region; C — Agarson hoard, Xinjiang

В северном и южном регионах Тянь-Шаня преобладают бронзовые топоры типа С IV, а в северном и южном регионах Яньшаня преобладают бронзовые чеканы и бронзовые топоры; большинство кладов в этих двух регионах датируются XIII–IX вв. до н. э. Если сравнить бронзовые артефакты в кладах северной части Китая с кладами в северных и южных частях Тянь-Шаня, то видно, что, хотя эти два региона расположены далеко друг от друга, между обнаруженными там бронзовыми артефактами имеются некоторые общие черты. Во-первых, бронзовые артефакты в кладах обоих регионов не являются случайными, в этих районах можно найти несколько подобных кладов; во-вторых, бронзовые артефакты в кладах представлены в основном оружием и орудиями труда, с небольшим количеством украшений и преобладающим количеством бронзовых топоров. В северном и южном регионах Тяньшаня в основном бронзовые топоры типа С IV, а в северном и южном регионах Яньшаня — бронзовые чеканы и бронзовые топоры типа А. Наконец, большинство бронзовых артефактов в кладах этих двух районов датируются XIII–IX вв. до н. э. Являются ли эти общие черты простым совпадением или же существуют другие причины? Каковы были причины захоронения этих кладов?

Обсуждение

Бронзовые артефакты в кладах всегда были одними из видов памятников, которые очень интересовали ученых. С одной стороны, это связано с тем, что в кладах всегда обнаруживается большое количество бронзовых артефактов, с другой стороны, ученые очень заинтересованы в культурных атрибутах и причинах захоронения бронзовых артефактов в кладах. Несколько ученых уже специально обсуждали причины захоронения бронзовых артефактов в кладах (Бочкарев, 2010, с. 159–163; Бочкарев, Климушина 2022, с. 19–38). Эти причины в основном включают три вида: обычный клад, жертвенное захоронение и временное захоронение в случае изменений. Обычный клад также подразделяется на клад, оставленный металлургами, торговцами или обычными людьми. Типы и причины захоронения бронзовых артефактов в разных кладах в разных местах не совпадают: например, в кладе Кацзо у. Байдун пров. Ляонин (辽宁喀左北洞) (Кацзо сянъ вэньхуагуань дэн, 1974, с. 364–372) были захоронены бронзовые сосуды с Центральной равнины, и кажется, что типы бронзовых сосудов и среда захоронения были тщательно выбраны, возможно, в результате каких-то ритуалов (Ян Цзяньхуа, 2002, с. 157–174). Но, конечно, есть мнение, что местные аборигены могли зарывать неудобные для переноски экзотические предметы при переезде (Сюй Цзянь, 2010, с. 26–31). Упомянутые выше клады, например Агарсон и Дунвангантай, очевидно, не относятся к этой ситуации и, возможно, они были захоронены временно из-за каких-либо изменений. Конкретные причины в основном заключаются в следующем.

Во-первых, все бронзовые артефакты в кладах являются утилитарными предметами, в основном орудиями труда и оружием для повседневного использования, что не является приметой ритуальных захоронений.

Во-вторых, местонахождение не было тщательно выбрано и не находилось в поселении, что исключает возможность того, что это был склад в пределах поселения.

В-третьих, все бронзовые артефакты представляют собой мелкие предметы, которые легко переносить при обычной миграции, и поэтому они не должны были быть оставлены в случае переселения племени.

Заключение

Для коренного населения эти бронзовые изделия являлись очень ценными вещами, и причина их поспешного захоронения, скорее всего, заключается в том, что за короткий промежуток времени произошли серьезные изменения, вынудившие людей бежать. В степных регионах с середины II тысячелетия до н. э. началось масштабное похолодание, а в X–VIII вв. до н. э. наступил период резкой аридизации и похолодания. Ухудшение климата усугубило процессы социальной стратификации, а конкуренция за ресурсы между кочевыми группами стала еще более ожесточенной. В XIII–IX вв. до н. э. в Евразийской степи происходил переход от скотоводства к кочевому обществу, а андроновская культурно-историческая общность в северных и южных регионах Тянь-Шаня находилась в состоянии упадка. Напряженность между группами населения стала очень высокой, частыми были войны. В «Истории» Геродота есть множество соответствующих записей, таких как войны между исседонами, аримаспами (одноглазыми людьми), скифами и массагетами. Группы кочевников на лошадях постоянно вторгались в поселения оседлых или полуседлых групп, занимающихся скотоводством в степи, вынуждая их покидать свои поселения и переходить к кочевому образу жизни, при котором племена становились все более вооруженными и мобильными (Шао Хуэйцю, У Ятун, 2020, с. 28–37). Аналогичным образом, северный и южный регионы Яньшаня в XIII–IX вв. до н. э. также претерпели множество серьезных изменений. Структура общества была нестабильной, местная археологическая культура была слабо развита, а внешние культуры оказывали сильное влияние, создавая сложную культурную картину. Каждая археологическая культура имела небольшие временные и пространственные рамки распространения. Влияние династий Инь и Чжоу с Центральных равнин, а также Лицзянская и Вэйинцзыская культуры с запада и севера оказали значительное воздействие на этот регион. В этот период войн между Западной Чжоу и династией Шан зарождался новый этап истории (Ян Цзяньхуа, 2002, с. 157–174). Такое же нестабильное социальное положение приводило к частым войнам как между населением Центральной равнины и северными племенами, так и между самими северными аборигенами. Поэтому артефакты северных и южных регионов Яньшаня, как и западного Синьцзяна и региона Семиречье, возможно, были поспешно захоронены во время бегства от войны. Таким образом, это не случайное явление, а материальное проявление социального контекста того времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бочкарев В. С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. С. 159–163.

Бочкарев В. С., Климушина А. И. О термине и понятии «Клад» в современной археологической литературе (по европейским материалам эпохи бронзы) // Археология

восточно-европейской степи. Вып. 18. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2022. С. 19–38.

Ван Бо, Чэн Чжэньго [王博、成振国]. Синьцзян Гунлюсянь чуту дэ ипи тунци [Группа бронзовых изделий, найденная в уезде Гунлю в Синьцзяне = 新疆巩留县出土一批铜器] // Вэньу [Культурные реликвии = 文物]. 1989. № 8. С. 95–96.

Ван Юнган, Ван Гожун и Ли Фэйлун [王云刚、王国荣、李飞龙]. Суйчжун Фэнцзя фасянь шандай цзяоцан тунци [Клад шанских бронзовых изделий найден в Фэнцзя уезде Суйчжун = 绥中冯家发现商代窖藏铜器] // Ляохай вэньу сюэкань [Журнал культурных реликвий Ляохая = 辽海文物学刊]. 1996. № 1. С. 51–55.

Кузьмина Е. (пер. Шао Хуэйцю) [爱莱娜·库兹米娜, 邵会秋]. Иньду-илан жэнь дэ циюань [Происхождение индо-иранцев = 印度 — 伊朗人的起源]. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2020. 285 с.

Кацзо сянь вэньхуагуань дэн [Культурный центр уезда Кацзо и др = 喀左县文化馆等]. Ляонин Кацзо сянь Бэйдунцунь чутудэ Инь-Чжоу цинтунци [Бронзовые изделия эпохи Инь и Чжоу, найденные в деревне Бэйдун уезда Кацзо провинции Ляонин = 辽宁喀左县北洞村出土的殷周青铜器] // Каогу [Археология = 考古]. 1974. № 6. С. 364–372.

Ли Сяо, Дан Тун [李肖、党彤]. Чжуньгээр пэньди чжоуюань дицюй чуту тунци чутань [Предварительное исследование бронзовых артефактов, обнаруженных в периферийной зоне Джунгарской котловины = 准噶尔盆地周缘地区出土铜器初探] // Синьцзян вэньу [Культурные реликвии Синьцзяна = 新疆文物]. 1995. № 2. С. 40–49.

Синлун сянь вэньу гуаньлисо [Институт управления культурными реликвиями уезда Синлун = 兴隆县文物管理所]. Хэбэй Синлунсянь фасянь Шан-Чжоу цинтунци цзяоцан [Клад бронзовых вещей эпохи Шан и Чжоу найден в уезде Синлун провинции Хэбэй = 河北兴隆县发现商周青铜器窖藏] // Вэньу [Культурные реликвии = 文物], 1990, № 11, С. 57–58.

Чэн Цзиндянь, Сунь Цзяньцзюнь и Мэн Линь [成璟瑯、孙建军、孟玲]. Ляонин Суйчжун Дунвангантай фасянь Шан-Чжоу цзяоцан тунци [Клад бронзовых вещей эпохи Шан и Чжоу найден в Дунвангантай уезде Суйчжун провинции Ляонин = 辽宁绥中大王岗台发现商周窖藏铜器] // Вэньу [Культурные реликвии = 文物]. 2016. № 3. С. 67–75.

Хэбэй шэн вэньхуацзюй вэньу гунцзодуй [Целевая группа по культурным реликвиям, Бюро культуры, провинция Хэбэй = 河北省文化局文物工作队]. Хэбэй Цинлун сянь Чаодаогоу фасянь ипи цинтунци [Группа бронзовых вещей найдена в Чаодаогоу уезде Цинлун провинции Хэбэй = 河北青龙县抄道沟发现一批青铜器] // Каогу [Археология = 考古], 1962. № 12. С. 644–645.

Цзиньчжоу ши боугуань [Музей города Цзиньчжоу = 锦州市博物馆]. Ляонин Синчэн сянь Янхэ фасянь цинтунци [В Янхэ уезде Синчэн провинции Ляонин найдены бронзовые изделия = 辽宁兴城县杨河发现青铜器] // Каогу [Археология = 考古], 1978, № 6, С. 387.

Шао Хуэйцю, У Ятун [邵会秋、吴雅彤]. Цзаоци юму вэньхуа циюань вэньти таньси [Исследование проблемы происхождения культур ранних кочевников = 早期游牧文化起源问题探析] // Бэйфан вэньу [Северные культурные реликвии = 北方文物]. 2020. № 1. С. 28–37.

Ян Цзяньхуа [杨建华]. Яньшань наньбэй Шан-Чжоу чжицзи цинтунци ицунь дэ фэньцунь яньцзю [Исследование группировки памятников с бронзовыми изделиями эпохи Шан и Чжоу к северу и югу от [гор] Яньшань = 燕山南北商周之际青铜器遗存的分群研究] // Каогу сюэбао [Вестник археологии = 考古学报]. 2002. № 2. С. 157–174.

REFERENCES

Bochkarev V. S. The Problem of Interpreting European Bronze Age Metalwork Hoards. In: Cultural Genesis and Ancient Metal Production in Eastern Europe. St. Petersburg: Info Ol, 2010. Pp. 159–163. (*In Russ.*)

Bochkarev V. S., Klimushina A. I. On the Term and the Concept of “Hoard” in the Current Archaeological Literature (Based on the European materials on the Bronze Age). In: Archaeology of the East European Steppe. Issue 18. Saratov: Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N. G. Chernyshevskogo, 2022. Pp. 19–38. (*In Russ.*)

Wang Bo, Cheng Zhenguo. A Batch of Bronzes Were Unearthed in Gongliu, Xinjiang. *Cultural Relics*. 1989;8:95–96. (*In Chinese.*)

Wang Yungang, Wang Guorong, Li Feilong. Shang Dynasty Cellar Bronzes Was Discovered in Fegjia, Suizhong. *Journal of Liaohai Cultural Relics*. 1996;1:51–55. (*In Chinese.*)

Kuz'mina E. The Origin of the Indo-Iranians. Translated by Shao Huiqiu. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 2020. 285 p. (*In Chinese.*)

Kazuo County Cultural Center. Bronze Wares of the Yin-Zhou Dynasty were unearthed in Beidong, Kazuo, Liaoning. *Archaeology*. 1974;6:364–372. (*In Chinese.*)

Li Xiao, Dang Tong. On the Wares Unearthed from the Surroundings of the Junggat Basin. *Xinjiang Cultural Relics*. 1995;2:40–49. (*In Chinese.*)

Xu Jian. Re-analysis of the Kazuo Bronze Hoards. *Archaeology and Cultural Relics*. 2021;4:26–31. (*In Chinese.*)

Xinglong County Cultural Center. A Shang-Zhou Dynasty Bronze Hoard Discovered in Xinglong County Hebei. *Cultural Relics*. 1990;11:57–58. (*In Chinese.*)

Cheng Jingtang, Sun Jianjun, Meng Ling. Shang-Zhou Cellar Bronze Wares Were Discovered in Dongwanggangtai, Suizhong, Liaoning. *Cultural Relics*. 2016;3: 67–75. (*In Chinese.*)

Zheng Shaozong. A Batch of Bronzes Were Found in Chaodaogou, Qinglong County, Hebei. *Archaeology*, 1962;12: 644–645. (*In Chinese.*)

Jinzhou Museum. Bronzes were Found in Yanghe, Xingcheng, Liaoning. *Archaeology*, 1978;6:387. (*In Chinese.*)

Shao Huiqiu, Wu Yatong. The Research on the Origin of Early Nomad. *Northern Cultural Relics*. 2020;1:28–37. (*In Chinese.*)

Yang Jianhua. Research into the Grouping of the Shang-Zhou Bronzes in the Northern and Southern Yanshan Mountains. *Acta Archaeologica Sinica*. 2002;2:157–174. (*In Chinese.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Чжан В.: идея публикации, подготовка и оформление статьи, обсуждение результатов, редактирование рукописи.

W. Zhang: idea of publication, preparation and design of the article, discussion of results, editing the manuscript.

Му Ц.: перевод и редактирование на русский язык, обсуждение результатов.
J. Mu: translation and editing into Russian, discussion of results.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чжан Вэньшань, степень доктора (Ph. D.) КНР, старший преподаватель Хэбэйского педагогического университета, Шицзячжуан, Китай.

Wenshan Zhang, Ph. D. degree (People's Republic of China), Senior Lecturer of Hebei Normal University, Shijiazhuang, China.

Му Цзиньшань, кандидат исторических наук, старший преподаватель Центра исследований археологического сотрудничества (Северо-Западный университет), Сиань, Китай.

Jinshan Mu, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads (North-west university), Xi'an, China.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.
The article was submitted 25.01.2025;
approved after reviewing 16.06.2025;
accepted for publication 30.06.2025.*

Research Article / Научная статья

УДК 903.27(575.2)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-12)

EDN: HDZJWS

THREE NEW TIBETAN INSCRIPTIONS AND OIRAT-JUNGARIAN ROCK ART IN ALA-BEL AND THEIR REGIONAL CONTEXT, KYRGYZSTAN

**Luc Hermann^{1*}, Gamal Soronkulov², Laurence Delwiche²,
Azamat Asein Uulu³**

¹Independent researcher, Stavelot, Belgium;

lhermann²@hotmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-2082-6318>

²Eco-AYAN Environmental Public Foundation, KG-Talas, Kyrgyzstan; dalmalone@hotmail.fr

³Manas Ordo National Complex; Tash-Aryk, Kyrgyzstan; azamatasein@gmail.com

*Corresponding author

Abstract. At a newly prospected site on the south-western shore of the Issyk-Kul Lake in the Ala-Bel mountainous region, three Tibetan inscriptions done as graffiti of small dimensions were discovered. Furthermore, these inscriptions were associated with petroglyphs from the same period. In this paper, we present the first results of the prospection of Ala-Bel, the three new Buddhist inscriptions and the petroglyphs associated with them. These inscriptions are the ritual prayer formula “om mani padme hum” in a Tibetan alphabet and can be dated to the Oirat-Jungarian period. Furthermore, we interpret these inscriptions in the regional context of Oirat-Jungarian inscriptions in Kyrgyzstan.

Keywords: Rock Art, Tibetan inscriptions, Oirat-Jungar, Buddhism history, Issyk-Kul, Kyrgyzstan

Acknowledgment: the authors are very grateful to Napil Bazylkhan for the translation and interpretation of the inscriptions and thank Boris Zheleznyakov and Alexei Rogozhinskiy for their help for this paper.

For citation: Hermann L., Soronkulov G., Delwiche L., Asein Uulu A. Three New Tibetan Inscriptions and Oirat-Jungarian Rock Art in Ala-Bel and Their Regional Context, Kyrgyzstan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):194–206. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-12)

ТРИ НОВЫХ ТИБЕТСКИХ НАДПИСИ И ОЙРАТО-ДЖУНГАРСКОЕ НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В АЛА-БЕЛЕ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ, КЫРГЫЗСТАН

**Люк Германн^{1*}, Гамал Соронкулов², Лоренс Дельвич²,
Азамат Асеин Уулу³**

¹Независимый исследователь, Ставло, Бельгия;

lhermann²@hotmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-2082-6318>

²Экологический общественный фонд «ЭКО-АЯН», КГ-Талас, Кыргызстан;

dalmalone@hotmail.fr

³Кыргызский Национальный комплекс «Манас-Ордо», Таш-Арык, Кыргызстан;

azamatasein@gmail.com

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. На недавно обследованном памятнике, расположенном на юго-западном берегу озера Иссык-Куль в горном районе Ала-Бель, были обнаружены три тибетские надписи, выполненные в технике граффити, небольших размеров. Кроме того, эти надписи были связаны с петроглифами того же периода. В этой статье мы представляем первые результаты проведенных исследований памятника Ала-Бель, три новые буддийские надписи и связанные с ними петроглифы. Эти надписи представляют собой ритуальную молитвенную формулу «om mani padme hum», выполненную в тибетском алфавите, и могут быть датированы ойратско-джунгарским периодом. Кроме того, мы интерпретируем эти надписи в региональном контексте ойрат-джунгарских надписей в Кыргызстане.

Ключевые слова: наскальное искусство, тибетские надписи, ойраты-джунгары, история буддизма, Иссык-Куль, Кыргызстан

Благодарности: авторы выражают огромную благодарность Напилю Базылхану за перевод и интерпретацию надписей, а также благодарят Бориса Железнякова и Алексея Рогожинского за помощь в подготовке данной статьи.

Для цитирования: Германн Л., Соронкулов Г., Дельвич Л., Уулу А.А. Три новых тибетских надписи и ойрато-джунгарское наскальное искусство в Ала-Беле и их региональный контекст, Кыргызстан // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 194–206. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-12)

Introduction: Location and Research History of Ala-Bel

I Ala-Bel is a mountainous massif in the Issyk-Kul oblast of Kyrgyzstan (fig. 1.-1). This region is located 7500 m south-west of the Issyk-Kul Lake and 18 km south of the town of Balyktchy. The rock art region of Kara-Too in the Kochkor oblast is located only 18 km south-west of Ala-Bel (Hermann, 2019).

Ala-Bel has a surface of ca 42 km² and the highest point culminates at 2051 m. This region is parted in numerous valleys which are dry in summer (fig. 1.-2).

The central part of Ala-Bel was partially prospected by K. Sh. Tabaldiev who discovered two runic inscriptions (Tabaldiev, Belek, 2008, p. 93; Tabaldiev, 2011, p. 92–93). He called the valley with these inscriptions Chiyim-Tash, even if the inscriptions are inventoried under the name of Ak-Olon, a small village located six kilometres north of Ala-Bel (Alimov, 2013, p. 155–159). It should be noted that another site called Chiyim-Tash is located in the Talas oblast (Hermann, 2018).

In August 2022 we systematically prospected the two first valleys in the western part of this region. Although there are many patinated rocks with large surfaces of very good quality, there are almost no petroglyphs engraved on them. The slopes are very steep and the access to the top is difficult, what probably explain that most of the rocks were not engraved.

The few petroglyphs we found were located between 1690 and 1830 m a. s. l. at the entrance of the valleys and sometimes on the crests between secondary valleys. The main concentrations of rock art are on small hills at the foot of the cliffs at a height of ca 1740 m. We found no petroglyph inside the valleys.

Methodology

The study of a rock art site employs a comprehensive approach in which the whole site is prospected in order to document all engravings, to fix them in their landscape through GPS points or a general map done by tachymeter, to fix their orientation and dimensions through pictures with a scale, but also by documenting other archaeological monuments of the site,

such as settlements or graves in order to analyze the images in their contextual reality and in their relations with each other.

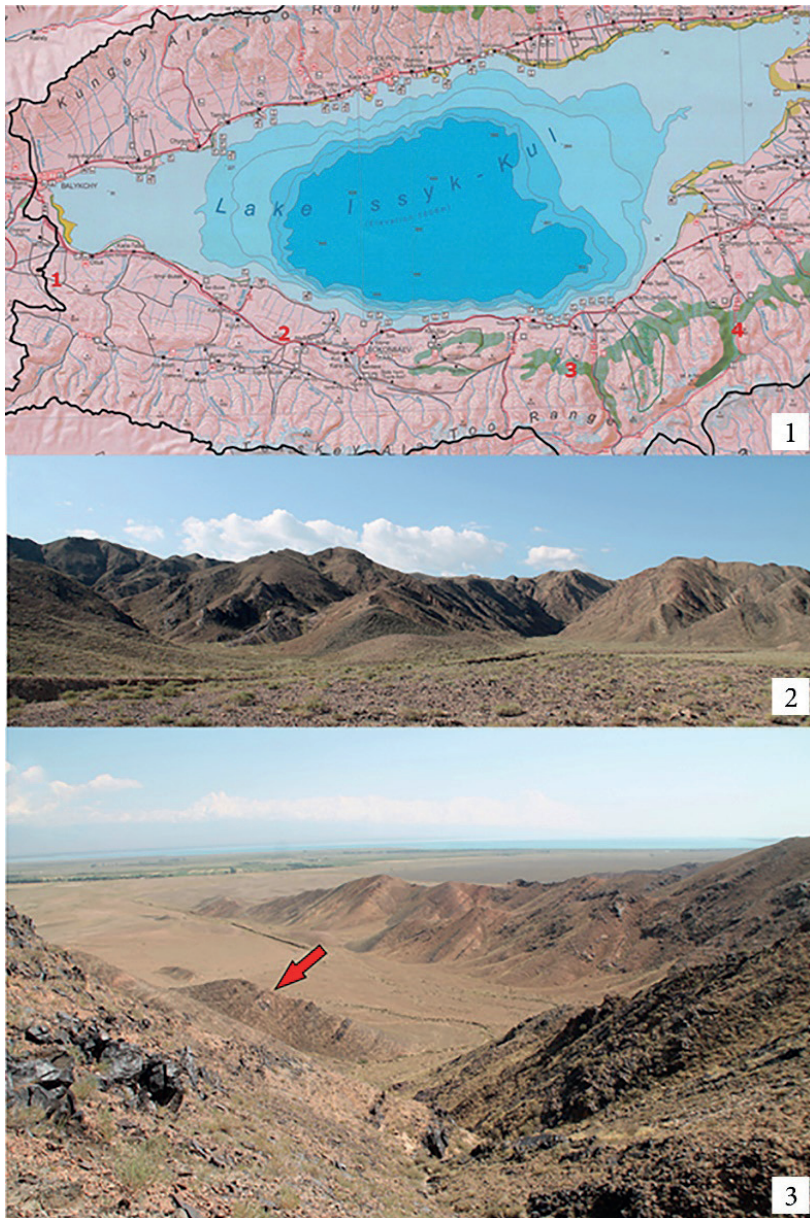

Fig. 1. 1 — Location map of the Tibetan inscriptions in the Issyk-Kul oblast, Kyrgyzstan (1 — Ala-Bel; 2 — Kesken-Bel; 3 — Tamga; 4 — Dzhuuku); 2 — View of the prospected valleys in Ala-Bel; 3 — Location of the hill with the Tibetan inscriptions in Ala-Bel

Рис. 1. 1 — Карта расположения тибетских надписей в Иссык-Кульской области, Кыргызстан (1 — Ала-Бел; 2 — Кескен-Бел; 3 — Тамга; 4 — Джууку); 2 — Вид на разведанные долины в Ала-Бел; 3 — Местоположение холма с тибетскими надписями в Ала-Бел

Furthermore, rock art should be analyzed through its stylistic features in order to see the development of the rock art site, but also to understand to which period each engraving belongs. The chronological attribution of petroglyphs is based on a stylistic chronology of the rock art of Central Asia as established by many Russian and Kazakh archaeologists (Baipakov et al., 2005; Beisenov, Maryashev, 2014; Kasanov, Kan, Rogozhinskii, 2017; Rogozhinsky, 2011; Samashev, 2012; Shvets, 2012; among others).

Results

Rock Art in Ala-Bel

In the documented valleys, we only found 54 engraved rocks with 272 petroglyphs. 13 of them could be attributed to the Bronze Age; 34 to the Iron Age and 151 to the Turkic times. Furthermore, there are 40 drawings from the 19th–20th centuries, whereas 16 engravings could not be attributed to a chronological epoch.

18 petroglyphs near each other on a small hill at a height between 1730 and 1740 m present the same patina and are done in the same technic, viz. are superficially engraved, and composed with few lines (fig. 1.-3). They have small dimensions (ca 4–5 cm) and are difficult to see. Among them, there are three Tibetan inscriptions (figs. 2; 3; 4). For this reason, these 18 engravings are attributed to the Oirat-Jungarian period: nine are depictions of animals, among them seven caprids and two undetermined (fig. 5.-1), whereas four are undetermined signs. Two of these signs are very peculiar: one seems to be a stylised mask or human face (fig. 5.-2), and the second looks like a flag (fig. 5.-4). Furthermore, there are two schematic anthropomorphs of small dimensions (ca 10×10 cm) (fig. 5.-3).

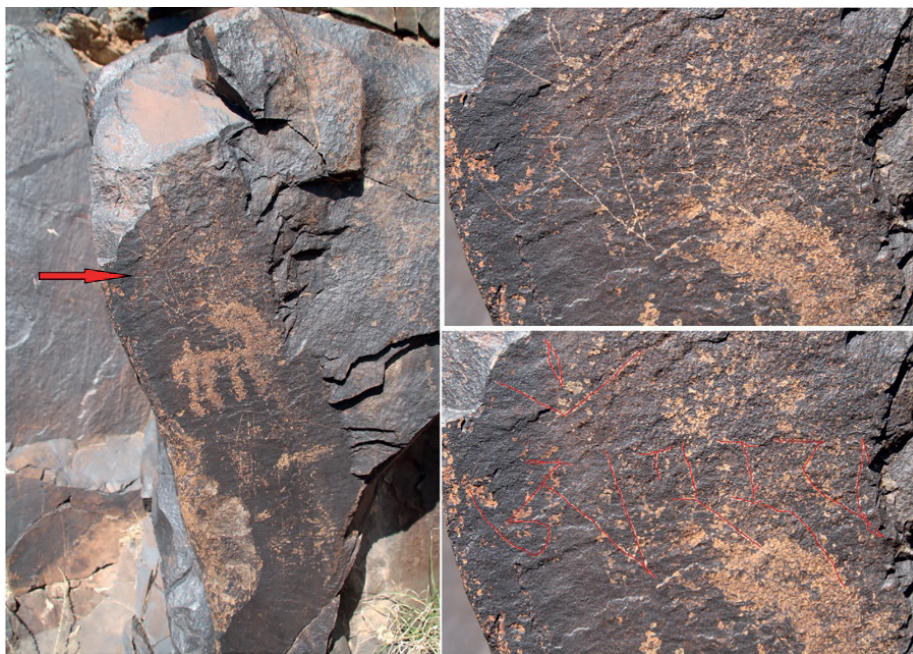

Fig. 2. Tibetan inscription No. 1 in Ala-Bel
Рис. 2. Тибетская надпись № 1 в Ала-Бел

Fig. 3. Tibetan inscription No. 2 in Ala-Bel
Рис. 3. Тибетская надпись № 2 в Ала-Бел

Fig. 4. Tibetan inscription No. 3 in Ala-Bel
Рис. 4. Тибетская надпись № 3 в Ала-Бел

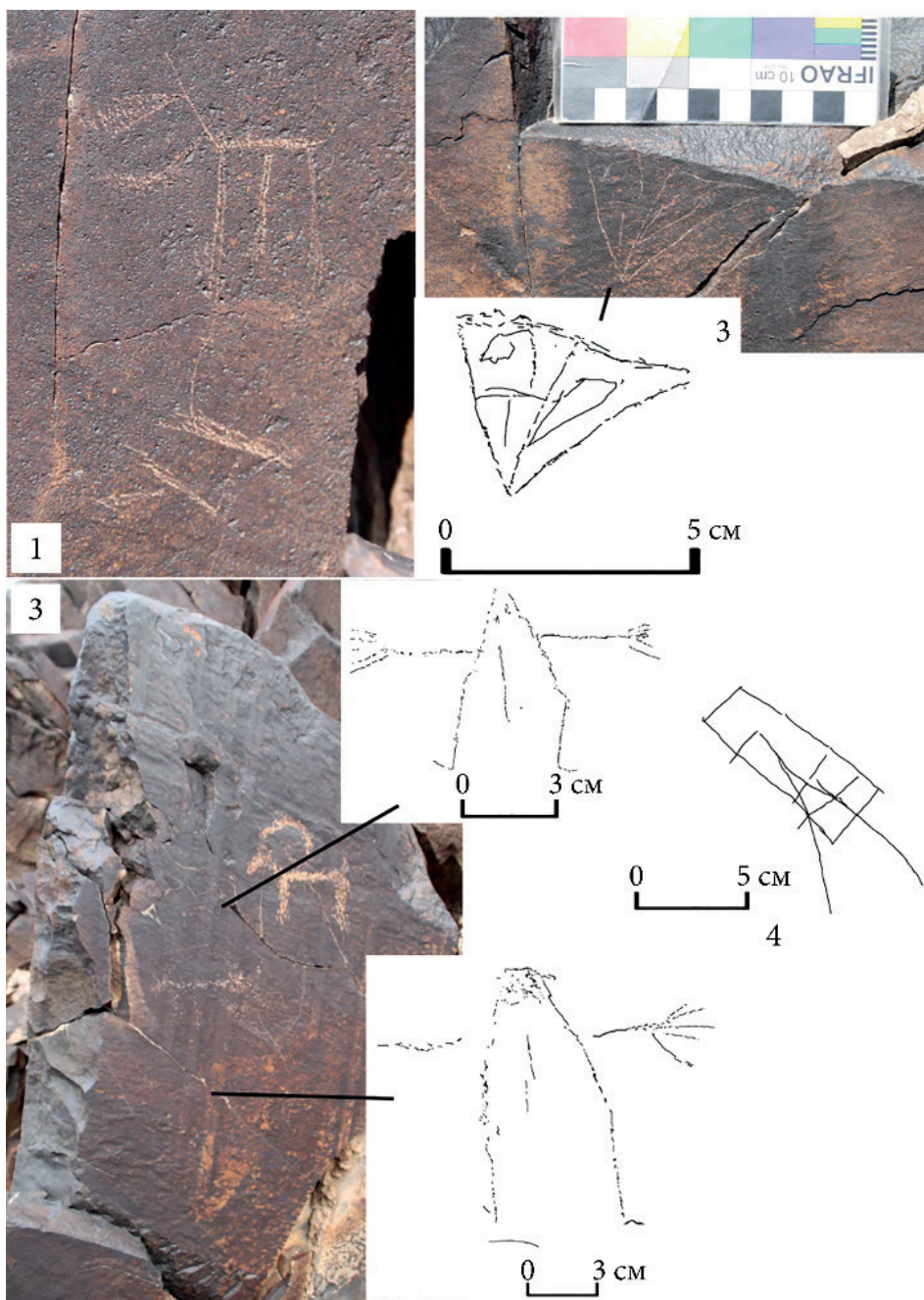

Fig. 5. Oirat-Jungar petroglyphs in Ala-Bel
 Рис. 5. Ойрат-джунгарские петроглифы в Ала-Бел

Such engravings are until now not known at other places with Tibetan inscriptions in Kyrgyzstan.

Tibetan Inscriptions of Ala-Bel

The three Tibetan inscriptions were found on two different rocks and are written in the Tibetan alphabet:

Inscription No. 1 (fig. 2): it is on a rock with many depictions of goats, probably from the Turkic times. The Tibetan inscription is engraved in the upper part of the panel. This inscription is very small and only measures 8×11,5 cm. This panel is south oriented. The ritual formula “Om mani padme hum” is engraved but limited to the letters for “om mani”.

Inscription No. 2 (fig. 3): it is on the second rock in its upper part and oriented to the east. It measures 9×10 cm. The ritual formula “om mani padme hum” is completely engraved.

Inscription No. 3 (fig. 4): it is on the lower part of the second rock. This inscription is very difficult to see because its dimensions are only of 2×3 cm. It is also oriented to the east. It is the same prayer formula but limited to “om hum”.

Discussion: Tibetan Inscriptions of Ala-Bel and Their Regional Context

Tibetan inscriptions are already known on the southern shore of the Issyk-Kul Lake. Usually, they show similar features, as observed in the valleys of Dzhuuku and Tamga, and at the foot of the Kyzyl-Too mountains by the Kesken-Bel pass near Ak-Say (fig. 1.-1):

1. At Dzhuuku, three rocks of very large dimensions and a fourth smaller rock (circa 20×50 cm) with inscriptions were discovered. On one of the rocks the four horizontal lines of inscriptions are very difficult to see, also due to the fact that some modern graffiti cover them. Each letter has a length of circa 10 cm. The whole inscriptions have a length of 1.5 m and are 90 cm high (Uhlemann, 2003, p. 45; Tabaldiev, Belek, 2008, p. 120). This site is sometimes called Darkhan. The small rock is nowadays in the museum of Dzhety-Oguz. The ritual formula “om mani padme hum” was engraved, as well as other Tibetan inscriptions, not translated until now.

2. At Tamga-Tash, six kilometres south of the village of Tamga, there are five rocks with the formula “om mani padme hum”. On one rock, only “om” was engraved. These five inscriptions are engraved as a relief and are clearly visible (Uhlemann, 2003, p. 45–46). This site is still frequented by Buddhists.

3. By the Kesken-Bel pass in the Tong district of Issyk-Kul, the formula “Om mani padme hum” was engraved at least eight times with a length of 25–30 cm, but there are also four other inscriptions, not translated until now (Uhlemann, 2003, p. 57; Tabaldiev, Belek, 2008, p. 123–124) (fig. 6.-1–2).

4. At Ala-Bash in the Tong district of Issyk-Kul, there are two rocks, each with two inscriptions (“Om mani padme hum”). Each letter has a length of circa 10 cm (Tabaldiev, Belek, 2008, p. 121–122).

5. Near the village of Ak-Olen (or Ak-Olon), six different stones with the formula “Om mani padme hum” were found and are nowadays in the Hermitage in St. Petersburg (Tabaldiev, Belek, 2008, p. 119). It is not clear exactly where these stones were found in Ak-Olen, but they could come from Ala-Bel, because the village of Ak-Olen is located six kilometres north of Ala-Bel. Both runic inscriptions of Ala-Bel are also inventoried under the name “Ak-Olon”.

Fig. 6. Tibetan inscriptions: 1–2 — Kesken-Bel; 4 — Issyk-Ata; 3 — depiction of Buddha in Issyk-Ata
 Рис. 6. Тибетские надписи: 1–2 — Кескен-Бел; 4 — Иссык-Ата; 3 — изображение Будды в Иссык-Ате

Furthermore, there are three Tibetan inscriptions associated with a depiction of a Buddha at Issyk-Ata, 45 km south-east of Bishkek (Plumtree, 2018, p. 344). One of these inscriptions and the Buddha are partially covered with a modern gold colour, as if this rock is still worshipped (fig. 6.-3–4).

Altogether, at least 33 Tibetan inscriptions are known in the Issyk-Kul oblast, all on the southern shore of the lake. Among them, 29 are the ritual formula “Om mani padme hum”. Three other inscriptions are known in Kyrgyzstan south-east of Bishkek in Issyk-Ata. As common features of the 33 previously recorded inscriptions before the discovery of Ala-Bel, they have big dimensions (more than 20 cm) and were deeply pecked in the rock, giving a kind of relief or becoming a relief in Tamga-Tash.

The Tibetan inscriptions of Ala-Bel are 55 km west of Kesken-Bel, 100 km south-east of Issyk-Ata, 114 km north-west of Tamga and 130 km north-west of Dzhuuku. Contrarily to the other inscriptions of the Issyk-Kul area, the inscriptions in Ala-Bel are made as a kind of graffiti, superficially engraved and of very small dimensions. Other engravings of anthropomorphs and caprids were made in the same style and technic, but there is no depiction of Buddha.

We observe some differences between the inscriptions from Ala-Bel and from the other sites:

1. In Ala-Bel, the inscriptions are almost not visible, whereas at the other sites the inscriptions are well visible from far away. This is the result of the differences in their technic and di-

mensions. Very small inscriptions engraved by very thin lines in Ala-Bel and inscriptions fully pecked and of big dimensions at the other sites.

2. In Ala-Bel, other engravings were done in the same technique and with approximately the same dimensions. They have the same patina and are more probably contemporary of the inscriptions. At the other sites, such engravings were not found, but further prospections could perhaps reveal some.

3. In Ala-Bel, the inscriptions were executed at the foot of the hill. In Kesken-Bel, they are located on the top of the hill, what increased their visibility. At the other sites, they were mostly done on big rocks, well visible in the landscape, sometimes at the top of a slope.

4. In Issyk-Ata, the inscriptions are associated with a depiction of Buddha, what is also known in Kazakhstan in Tamgaly-Tas (Rogozhinsky, 2010). Other depictions of Buddhas are not known in Kyrgyzstan.

Conclusion

The region of Ala-Bel is important for the comprehension of the Oirat-Jungar (or Kalmuk) rock art, not only because three new Tibetan inscriptions were found there, but also because they are associated with some petroglyphs such as animals, anthropomorphs and signs. Furthermore, the inscriptions are very different than the other ones already known in Kyrgyzstan: they were done as very small graffiti and not engraved as relief clearly visible. Contrarily to Tamga, Dzhuuku, Kesken-Bel or Issyk-Ata, Ala-Bel seems not to have been a cultic place. The inscriptions have little visibility: does it mean that these inscriptions were done later and that the Buddhist who did them should hide his religion? This interpretation is very weak, firstly because the Oirat tribes leave the region when the Kyrgyz tribes occupied it since 1758–1759, meaning that all inscriptions were made between 1680 and 1758. Secondly, why would it be necessary to hide Tibetan inscriptions, when at the same time the other inscriptions which are well visible on the southern shore of Issyk-Kul were not destroyed by the Kyrgyz, and are still a cultic place like Tamga-Tash and in Issyk-Ata with the depiction of Buddha covered with gold? Another explanation would be that a shepherd learned to write the prayer formula and transformed that place as his own altar or cultic place when he was away with his flock. However, the discovery of six other stones with inscriptions near the village of Ak-Olen in the past raises other questions: were these rocks found together or in different places near Ak-Olen? Were these rocks found in the same place (or near it) that the newly discovered ritual formulas of Ala-Bel? Without any further information about the previously discovered Tibetan inscriptions, it is difficult to establish a relation with the newly found inscriptions. Only new research in the massif of Ala-Bel could bring some enlightenment about it.

REFERENCES

- Baipakov K. M., Maryashev A. N., Potapov S. A., Goryatshev A. A. Petroglyphs in the Es-khiolmes Mountains. Almaty: OST — XXI vek KB, 2005. 226 p. (*In Russ., Kazakh, English*)
- Beisenov A. Z., Maryashev A. N. Petroglyphs of the Early Iron Age of Zhetysu. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, 2014. 156 p. (*In Russ.*)
- Kasanov Z. I., Kan G. V., Rogozhinskii A. E. Symbols of the Turkic Epoch. Almaty: Service Press, 2017. 304 p. (*In Russ.*)

Rogozhinsky A. E. Petroglyphs within the Archaeological Landscape of Tamgaly. Almaty: Signet Print, 2011. 342 p. (*In Russian, English*)

Samashev Z. Petroglyphs of Zhetysu. Bayan Zhurek. Astana: Izdatel'skaya gruppa filiala Instituta arheologii im. A. H. Margulana v g. Astana, 2012. 240 p. (*In Russian, Kazakh, English*)

Tabaldiev K. Sh. Ancient Sites in Tien Shan. Bishkek: V. R. S. Company, 2011. 320 p. (*In Russ.*)

Tabaldiev K. Sh., Belek K. Written Monuments on Stone in Kyrgyzstan. Bishkek: Uchkun, 2008. 336 p. (*In Russ.*)

Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Turk Runik Yazıtları Uzerine Bir İnceleme. Konya: Komen Yayınları, 2013. 262 p. (*In Turkish*)

Hermann L. Le site de Chiim-Tash dans la région de l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan. *International Newsletter on Rock Art*. 2018;82:11–16. (*In French and English*)

Hermann L. L'art rupestre de la vallée de Kara-Too (oblast de Naryn) au Kirghizstan. *International Newsletter on Rock Art*. 2019;83:14–24. (*In French and English*)

Plumtree J. Buddha, Lenin, and the Prophet Muhammad. Approaching the Landscape and Cultural Heritage of Issyk-Ata. In: Mérai D. (ed.), *Genius Loci*. Budapest, 2018. Pp. 343–348.

Rogozhinsky A. E. History of Studying and New Research of the Tamgalytas Cult Complex on the Ili River (ili Kapshagai). In: *The Role of Nomads in the Formation of the Cultural Heritage of Kazakhstan. Scientific Readings in Memory of N. E. Masanov*. Almaty, 2010. Pp. 474–489.

Shvets I. N. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Darmstadt: Philipp von Zabern Verlag, 2012. 267 s. (*In German*)

Uhlemann K. Biosphärenreservat Issyk-Kul. Inventar der kulturhistorischen Stätten. Bishkek: GTZ, 2003. 88 s. (*In German*)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., Потапов С. А., Горячев А. А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. Алматы: OST — XXI век КБ, 2005. 226 с.

Бейсенов А. З., Марьяшев А. Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 156 с.

Касанов З. И., Кан Г. В., Рогожинский А. Е. Символы Тюркской Эпохи. Алматы: Service Press, 2017. 304 с.

Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011. 342 с. (*In Russ. and English*)

Самашев З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2012. 240 с.

Табалдиев К. Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек: V. R. S. Company, 2011. 320 с.

Табалдиев К. Ш., Белек К. Памятники письменности на камне Кыргызстана. Бишкек: Учкун, 2008. 336 с.

Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Turk Runik Yazıtları Uzerine Bir İnceleme. Konya: Komen Yayınları, 2013. 262 с.

Hermann L. Le site de Chiim-Tash dans la région de l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan // International Newsletter on Rock Art. 2018. № 82. С. 11–16.

Hermann L. L'art rupestre de la vallée de Kara-Too (oblast de Naryn) au Kirghizstan // International Newsletter on Rock Art. 2019. № 83. С. 14–24.

Plumtree J. Buddha, Lenin, and the Prophet Muhammad. Approaching the Landscape and Cultural Heritage of Issyk-Ata // Mérai D. (ed.). Genius Loci. Budapest, 2018. P. 343–348.

Rogozhinsky A. E. History of Studying and New Research of the Tamgalytas Cult Complex on the Ili River (ili Kapshagai) // The Role of Nomads in the Formation of the Cultural Heritage of Kazakhstan. Scientific Readings in Memory of N. E. Masanov. Almaty, 2010. P. 474–489.

Shvets I. N. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Darmstadt: Philipp von Zabern Verlag, 2012. 267 s.

Uhlemann K. Biosphärenreservat Issyk-Kul. Inventar der kulturhistorischen Stätten. Bishkek: GTZ, 2003. 88 s.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS / ВКЛАД АВТОРОВ

L. Hermann: Prospections in Ala-Bel, writing the main text, pictures and drawings of Ala-Bel and Issyk-Ata, preparing the illustrations, editing the manuscript.

Германн Л.: поиски в Ала-Беле, написание основного текста, фотографии и рисунки Ала-Беля и Иссык-Аты, подготовка иллюстраций, редактирование рукописи.

G. Soronkulov: Organisation of the prospections, exploration of Kesken-Bel and new sites in the Issyk-Kul oblast.

Соронкулов Г.: организация поисков, разведки Кескен-Беля и новых участков в Иссык-Кульской области.

L. Delwiche: Organisation of the prospections, exploration of Kesken-Bel and new sites in the Issyk-Kul oblast, pictures of Kesken-Bel.

Дельвич Л.: организация поисков, поиски Кескен-Беля и новых объектов в Иссык-Кульской области, фотографии Кескен-Беля.

Asein Uulu A.: Organisation of the prospections, exploration of new sites in the Issyk-Kul oblast.

А. Асеин Уулу: организация поисков, поиски новых объектов в Иссык-Кульской области.

There is no conflict of interest/Конфликт интересов отсутствует

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Luc Hermann, Independent researcher, Doctor of Philosophy (PhD), Stavelot, Belgium.

Германн Люк, независимый исследователь, доктор философии (PhD), Ставло, Бельгия.

Gamal Soronkulov, Eco-AYAN Environmental Public Foundation, KG-Talas, Kyrgyzstan.

Соронкулов Гамал, Экологический общественный фонд «ЭКО-АЯН», КГ-Талас, Кыргызстан.

Laurence Delwiche, Eco-AYAN Environmental Public Foundation, KG-Talas, Kyrgyzstan.

Дельвич Лоренс, Экологический общественный фонд «ЭКО-АЯН», КГ-Талас, Кыргызстан.

Asein Uulu Azamat, Director of the Manas Ordo National Complex Museum; Talas Region, Tash-Aryk, Kyrgyzstan.

Азамат Асеин Уулу, директор Кыргызского Национального комплекса «Манас-Ордо», Таласская обл., с. Таш-Арык, Кыргызстан.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;

одобрена после рецензирования 23.05.2025;

принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 01.02.2025;

approved after reviewing 23.05.2025;

accepted for publication 16.06.2025.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

Обзорная статья / Review Article

УДК 902.2(497.5)”634”

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-13)

EDN: HWDVXT

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АДРИАТИКИ

Шиме Жгела¹, Андрей Владимирович Табарев^{2*}

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия; simezgela2@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1760-0451>

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия; olmes@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлен обзор истории изучения памятников неолита на территории Адриатического побережья, которая сегодня административно принадлежит Республике Хорватия, с привлечением данных по археологии соседних стран Восточной Адриатики на основе научных публикаций на английском и хорватском языках. Её подразделение на четыре периода в значительной степени связано с хронологией политических событий на Балканах в целом — до Первой мировой войны, в промежутке между двумя войнами, послевоенный период, соответствующий существованию Социалистической Федеративной Республики Югославии, и современный период, в рамках которого археологические изыскания производятся научными учреждениями Республики Хорватия. В рамках первого и второго периодов проявляется и конкретизируется исследовательский интерес к памятникам каменного века в целом и к эпохе неолита в частности, происходит первоначальное накопление археологических материалов и выделяется первая местная неолитическая культура (культура импрессо). В последующие периоды неолитическая тематика приобретает статус самостоятельного направления, формируются принципы междисциплинарного подхода и раскопочных работ большими площадями, постоянно обновляющаяся база радиоуглеродных определений и большой объем археологического материала позволили расширить круг оригинальных культур неолита и аргументированно представить схему из трех последовательных этапов: ранний неолит (культура импрессо, 6–5,5 кал. тыс. л. до н. э.), средний неолит (данильская культура, 5,3–4,8 кал. тыс. л. до н. э.) и поздний неолит (хварская культура, 4,8–4 кал. тыс. л. до н. э.).

Ключевые слова: история исследований, неолит, Восточная Адриатика, периодизация, хронология, идентификация культур

Для цитирования: Жгела Ш., Табарев А.В. История исследований памятников эпохи неолита на восточном побережье Адриатики // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 207–223. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-13)

THE HISTORY OF RESEARCHING THE NEOLITHIC SITES ON THE EASTERN COAST OF THE ADRIATIC SEA

Šime Žgela¹, Andrey V. Tabarev^{2*}

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia;
simezgela²@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1760-0451>

²Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia; olmec@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents an overview of researching the Neolithic monuments in the Adriatic coast area, which today administratively belongs to the Republic of Croatia, with the use of data on the archaeology of neighboring countries of the Eastern Adriatic, based on scientific publications in English and Croatian. Its division into four periods is largely related to the chronology of political events in the Balkans as a whole — before the First World War, in the period between the two wars, the post-war period corresponding to the existence of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia and the modern period, within which archaeological research is carried out by scientific institutions of the Republic of Croatia. Within the first and second periods, research interest in Stone Age sites in general and the Neolithic era in particular is manifested and specified, the initial accumulation of archaeological materials occurs and the first local Neolithic culture (Impresso culture) is distinguished. In subsequent periods, the Neolithic theme acquired the status of an independent direction, the principles of an interdisciplinary approach and excavation work over large areas were formed, the constantly updated base of radiocarbon determinations and a large volume of archaeological material made it possible to expand the range of original Neolithic cultures and to reasonably present a scheme of three successive stages: the early Neolithic (Impresso culture, 6–5.5 cal. thousand years BC), the middle Neolithic (Danilo culture, 5.3–4.8 cal. thousand years BC) and the late Neolithic (Khvar culture, 4.8–4 cal. thousand years BC).

Keywords: history of research, Neolithic, Eastern Adriatic, periodization, chronology, cultures' identification

For citation: Žgela Š., Tabarev A.V. The History of Researching the Neolithic Sites on the Eastern Coast of the Adriatic Sea. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):207–223. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-13)

Введение

Цель настоящей работы — краткий обзор истории открытия и изучения памятников неолита на территории Адриатического побережья, которая сегодня административно принадлежит Республике Хорватия, с привлечением данных по археологии соседних стран Восточной Адриатики на основе научных публикаций на английском и хорватском языках.

На процесс и особенности неолитизации на восточном побережье Адриатики (в Восточной Адриатике) повлияли различные факторы — геоморфология, средизем-

номорский климат, специфика береговой линии, которые создавали условия для определенных форм хозяйства и культурной динамики. Характер неолита на территории, включающей Сочу и Випаву (Триестский карст на северо-западе), первый горный массив во внутренних районах (Истрия и Кварнер), всю Далмацию, Герцеговину, побережье Черногории и вплоть до южной албанско-греческой границы⁴, определили как местные мезолитические традиции, так и мощные культурные импульсы извне (Batović, 1979, p. 473–474; Boschian, Montagnari-Kokelj, 2000).

Историю поиска и исследований неолитических памятников на восточном побережье Адриатики можно разделить на несколько периодов, которые хронологически привязаны к судьбоносным политическим событиям на Балканах: первый — до Первой мировой войны; второй — время между двумя мировыми войнами; третий — от окончания Второй мировой войны до начала распада СФРЮ (Социалистической Федеративной Республики Югославии) и последовавшего за ним военного конфликта на территории Хорватии в 1991–1995 гг.; и наконец, четвертый — современный этап, в рамках которого изучение неолита производится на всей территории Хорватии, включая и Адриатическое побережье, и который характеризуется обнаружением большого количества новых стоянок и поселений.

На протяжении обозначенных периодов исследования неолита в Восточной Адриатике проводились различными учреждениями, среди которых: Археологический музей Истрии в г. Пула (Archaeological Museum of Istria), Археологический музей в гг. Задар и Сплит (Archaeological Museum in Zadar and Archaeological Museum in Split), Археологический музей в г. Загреб (Archaeological Museum in Zagreb), Югославская академия наук и искусств (ныне Хорватия/HAZU) (Yugoslav Academy of Sciences and Arts, today's Croatian Academy of Sciences and Arts), философский факультет в г. Загреб (Faculty of Humanity and Social Sciences in Zagreb), Национальный музей в г. Сараево (National Museum in Sarajevo), научные организации в г. Триест (scientific organization in Trieste), Музей г. Дубровник (Museum of the city of Dubrovnik), Музей г. Шибеник (Museum of the city of Šibenik), Институт охраны памятников культуры в г. Мостар (Institute for the Protection of Cultural Monuments in Mostar), Институт защиты памятников в г. Цетинье (Institute for the Protection of Monuments in Cetinje), а в период СФРЮ — философский факультет в г. Белград (Faculty of Humanity and Social Sciences in Belgrade) (Batović, 1979, p. 477).⁵

Следует отметить, что в русскоязычных работах по археологии Балканского полуострова сведений о неолите Восточной Адриатики крайне мало (Кулькова, 2021), тог-

⁴ Район рек Соча и Випава расположен в центре региона под названием Капут Адриа на северном побережье Адриатического моря и охватывает восточную часть северной Италии, юго-западную часть Словении и хорватскую часть полуострова Истрия.

⁵ Проф., доктор наук Шиме Батович (1927–2016) — один из самых уважаемых хорватских археологов и наиболее значительных исследователей доисторической эпохи в Далмации (южный регион Республики Хорватия), он был первым, кто осветил историю археологических исследований периода неолита на восточном побережье Адриатики. Особые заслуги принадлежат ему в изучении и утверждении знаний о раннем неолите и либурнских общинах, которые составляют важную часть истории хорватской археологии. Будучи куратором и директором Археологического музея в Задаре, а также профессором и деканом тогдашнего философского факультета в Задаре, посвятил всю свою жизнь археологическим исследованиям и обучению многих поколений археологов, оставив тем значимое наследие в хорватской археологии.

да как он представляет очевидный интерес как вариант оригинальной модели неолитизации на основе местных мезолитических традиций и импортного «неолитического пакета». Обе эти особенности, безусловно, требуют более детального рассмотрения и расшифровки, что авторы предполагают сделать в специальных публикациях; для настоящей работы важно отметить главное — археологические материалы не указывают на смену населения на рубеже мезолита и раннего неолита, не документируют резкую смену технологии обработки камня и сырьевых приоритетов, но, с другой стороны, демонстрируют появление технологий гончарства и земледелия, т. е. части культурных инноваций, которые распространялись по территории Балканского полуострова из Передней Азии. При этом и для мезолита, и для неолита, и для присваивающей, и для производящей экономик важную роль играет эксплуатация прибрежных ресурсов.

Особую привлекательность создает возможность сравнительных исследований неолитических культур Восточной Адриатики с неолитом Приморья (Дальний Восток России), где прослеживаются сходные траектории неолитизации: производящее хозяйство распространяется с соседних континентальных территорий, а на раннем и среднем этапах неолита существенное значение продолжает сохранять приморская адаптация хозяйства (Popov, Tabarev, 2017; Popov, Tabarev, Mikishin, 2014). Кроме того, данная публикация — один из пилотных опытов сотрудничества российских и хорватских археологов в изучении локальных и региональных особенностей неолита.

Первый период исследований

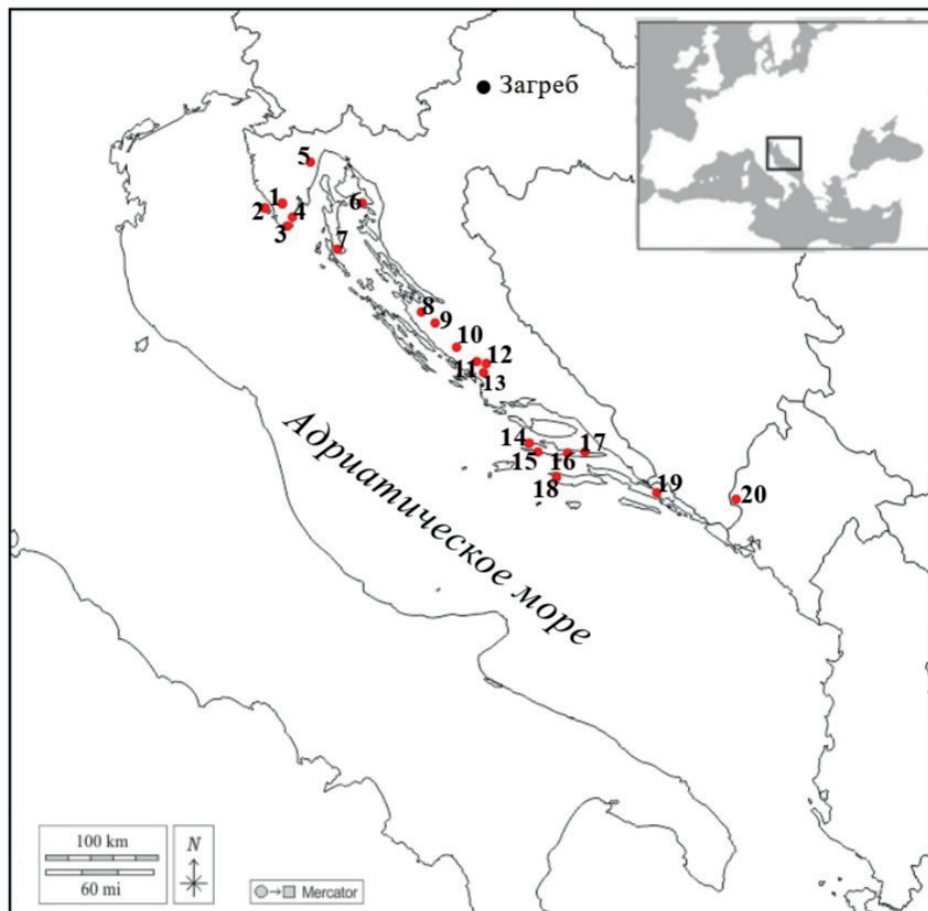
Сразу следует отметить, что для первого периода говорить о серьезных исследованиях по проблеме неолита не приходится, речь идет в основном о пилотных раскопках в пещерах без соответствующих современным требованиям наблюдений за стратиграфией, фиксацией находок, их классификацией и публикацией. Тем не менее даже эта предварительная информация о находках фрагментов керамики и каменных изделий важна в плане истории исследований (Batović, 1979, p. 477).

Первые сведения о находках каменных изделий в пещерах на территории Далмации (сегодняшней Хорватии) относятся к 1774 г. и связаны с именем итальянского натуралиста, картографа и писателя Альберто Фортиса (1741–1803)⁶ (Batović, 1979, p. 477).

Грапчева пещера на Хваре (рис.) — единственный интересный объект в рамках данного периода, исследования были проведены в 1887 г., выделено 11 различных слоев мощностью 3,5 м с различными культурными остатками, также найдена расписная керамика, но результаты не представлены и не опубликованы в систематическом виде. Последующие исследования проводились в Грапчевой пещере между двумя мировыми войнами (Girometta, 1923, p. 120; 1935, p. 292; Schneider, 1927, p. 99–103; Gamulin, 1931, p. 123). В частности, Г. Новак дважды работал в пещере: в 1912 г. (Novak, 1924, p. 11–13) и наиболее интенсивно — в 1936 г. К началу Второй мировой войны Г. Новак раскопал всего 60 м², местами на глубину до 3,5 м (Novak, 1937, p. 614; 1949, p. 149). В то время существо-

⁶ В 1774 г. в Венеции была опубликована его книга «Viaggio in Dalmazia dell'abate Alberto Fortis». В 1779 г. вышел англоязычный вариант — «Travels Into Dalmatia: Containing General Observations on the Natural History of that Country and the Neighboring Islands; the Natural Productions, Arts, Manners and Customs of the Inhabitants: in a Series of Letters from Abbe Alberto Fortis». London: J. Robson.

вали лишь краткие предварительные отчеты об этих раскопках и частично документация Новака, поскольку сами находки были во время войны утеряны. Г. Новак продолжал свои исследования с 1947 по 1952 г., и в итоге было исследовано почти 100 м², примерно треть всего памятника. После окончания исследования опубликованы подробные отчеты и т. н. «хварская культура» признана одной из наиболее важных неолитических культур в Восточной Адриатике (Ehric, 1965, p. 424; Trump, 1980, p. 133; Wilkes, 1992, p. 34).

Географическая карта, на которой показаны археологические памятники, упомянутые в тексте:

- 1 — Врчин; 2 — Яворика; 3 — Вижула; 4 — Каргадур; 5 — Оповина над Медвеей; 6 — Ворганска Печь; 7 — Ями-на-Среди; 8 — Црно Врило; 9 — Смилчич; 10 — Брибир; 11 — Традань возле Затона Шибеник; 12 — Данило; 13 — Шкарин-самоград; 14 — Пещера Марка; 15 — Бабина пещера; 16 — Грапчева пещера; 17 — Покривеник; 18 — Вела Шпиля; 19 — Гудня; 20 — Црвена стиена (Черногория)

Geographical map showing the archaeological sites mentioned in the text: 1 — Vrčin; 2 — Javorika; 3 — Vižula; 4 — Kargadur; 5 — Oporovina nad Medveja; 6 — Vorganska Peč; 7 — Jami-na-Sredi; 8 — Crno Vrilo; 9 — Smilčić; 10 — Bribir; 11 — Tradanj near Zaton of Šibenik; 12 — Danilo; 13 — Škarin-samograd; 14 — Marka Cave; 15 — Babina Cave; 16 — Grapčeva Cave; 17 — Pokrivenik; 18 — Vela Spila; 19 — Gudnja; 20 — Crvena stijena (Montenegro)

Раскопки в пещере *Традань* возле Затона Шибеникского, которые проводились в 1888 и 1890 гг. позволили в целом проследить стратиграфию отложений мощностью 2–3 м, но сведений об археологических материалах крайне мало, за исключением нескольких фрагментов керамики эпохи неолита и энеолита, сохранившихся в Археологическом музее в г. Сплит (Klisović, 2015, p. 57).

К числу первых известных памятников открытого типа относится поселение *Яворица* на о. Велики Бриюн в Истрии с выгодной топографией — на наиболее высокой точке с видом на побережье и прилегающие части острова. А. Гнирс с 1910 по 1919 г. произвел на поселении выборочные исследования, зафиксировал участки концентрации материала, остатки жилищных конструкций и в целом определил время существования памятника от раннего неолита до начала бронзового века. Более детальной информации по этому поселению, к сожалению, не было опубликовано (Batović, 1979, p. 477; Gnirs, 1925, p. 9, 27).

Второй период исследований

Второй этап, по мнению Ш. Батовича, можно охарактеризовать определенным накоплением материала, но никак не принципиальным изменением качественной ситуации с методами раскопок, документацией и какими-либо концептуальными положениями о характере неолита (Batović, 1979, p. 477).

Из наиболее важных событий можно отметить исследования, которые велись с 1925 по 1929 г. в крепости *Врчин* недалеко от Водняна в Истрии, где вместе с находками артефактов бронзового века были зафиксированы отдельные керамические изделия и более раннего возраста, энеолита или неолита. Специальных публикаций по этому сюжету в литературе нет (Cannarella, 1968, p. 172).

Так же без детального изучения и публикации остались материалы раскопок в пещере *Опоровина* над Медвеей на Учке в 1929 г., где в стратиграфическом разрезе был зафиксирован слой раннего неолита (Malez, 1974, p. 23–25).

Как уже указывалось выше, наиболее известным памятником, который исследовался в рамках второго периода, является *Грапчева пещера*. Благодаря работам Г. Новака этот объект вместе с рядом других памятников был включен в первую выделенную на территории Восточной Адриатики культуру неолита — «хварскую», с характерной расписной керамикой (Novak, 1955).

Третий период исследования

После Второй мировой войны и до 1991 г. в бывшей Югославии были созданы гораздо более благоприятные условия для исследования древнейшего прошлого, археологический поиск приобретает систематический характер, происходит активное накопление материала, появляются основания для выделения локальных особенностей культур в эпоху неолита, в том числе на территории Адриатического побережья и затем современной Хорватии.

В 1947 г. Новак провел предварительные работы в пещере в бухте *Покривеник* на Хваре, которую начали исследовать У. Гирометта и Бабич между двумя войнами. В ходе этих работ были выделены горизонты с материалами хварской неолитической

культуры и последующего энеолита, а также отдельными артефактами иной культуры неолита (впоследствии получившей название данильской). Пещера расположена примерно в 20 м над уровнем моря. Ее глубина 27 м, ширина около 11 м и высота до 17,50 м (Novak, 1949, p. 150, 157).

Начиная с 1952 г. Новак продолжил исследования в *Гранчевой пещере*⁷. Пещера расположена на высоте 224,76 м над уровнем моря. Обследована общая площадь 550 м² (глубина пещеры 31,5 м, ширина 32,5 м), в общем разрезе выделены культурные слои общей мощностью до 3,5 м, содержащие материалы от позднего неолита (культура хварская) до начала железного периода (Novak, 1955).

Несколько этапов раскопок было проведено в пещере *Вела Шпиля* на Корчуле — с 1951 по 1952 г. М. Гживойе и Г. Новак, а затем в 1974–1975 гг. Г. Новак и Б. Чечук в отложениях мощностью до 2 м выделили артефакты эпохи позднего неолита (хварская культура), ранней бронзы и Римского времени. Пещера расположена на высоте около 130 м над уровнем моря. Ее глубина около 50 м, ширина около 29 м и высота 17 м (Gjivoje, 1952, p. 262–264; Novak, 1954, p. 49–50).

Важное событие произошло в 1951 г. Д. Рендич-Миочевич во время разведочных работ в окрестностях с. Данило восточнее г. Шибеник обнаружил следы неолитического поселения, принадлежащего оригинальной культуре. В ходе последующих раскопок на площади 2400 м² Й. Корошец зафиксировал остатки нескольких землянок, а также большое количество изделий из камня и фрагментов керамики. Он отнес их к данильской «культурной группе» и впервые для Восточной Адриатики определил временем среднего неолита. Результаты исследований были опубликованы в специальной работе (Korošec, 1958, p. 59).

Информацию о нескольких эпизодах эпохи неолита (раннего и позднего) содержат отложения в пещере *Маркова Шпиля*, основные работы в которой производились с 1953 по 1975 г. Пещера расположена на высоте 57,35 м, ее глубина 31,20 м, ширина 12 м. Слои с материалами раннего неолита расположены на глубине 13–7,8 м; от 7,8 до 6,12 м слои стерильны, а выше, от 6 до 2,5 м, присутствуют артефакты хварской культуры. Результаты опубликовали в основном Г. Новак и Б. Чечук (Novak, 1959, p. 7–18; 1962, p. 93–97; 1967, 1968, 1974; Ćećuk, 1974, 1975).

Принципиальное значение для решения проблемы генезиса неолита на побережье Восточной Адриатики имеют результаты исследований памятника *Црвена стиена* в пещере, над верховьями реки Требишницы, недалеко от деревни Петровичи на границе с Черногорией. Раскопки пещеры производил в 1954–1956 гг. А. Бенац, ему удалось зафиксировать последовательность нескольких горизонтов с материалами позднего палеолита, мезолита и неолита, включая керамику, орнаментированную отпечатками раковин (т. н. «импрессо»). Общая мощность отложений в пещере достигает 20,3 м — редкий случай для всей территории бывшей Югославии, неолитические слои мощностью 1,4 м (III–II) документируют ранний и средний неолит, его перекрывают слои с материалами эпохи бронзы (Benac, 1958).

⁷ Район рек Соча и Випава расположен в центре региона под названием Капут Адриа на северном побережье Адриатического моря и охватывает восточную часть северной Италии, юго-западную часть Словении и хорватскую часть полуострова Истрия.

В Барице недалеко от *Смилчича*, восточное г. Задара, в 1955 г. обнаружено большое неолитическое поселение с четким стратиграфическим залеганием материалов всех трех культур неолита — импрессо, данильской и хварской. Систематические раскопки на памятнике с 1956 по 1959 г. и затем в 1962 г. производил Ш. Батович — было вскрыто 1148 м², мощность культуросодержащих отложений достигала 3,5 м, результаты опубликованы лишь частично (Batović, 1979, p. 481).

В. Миросавлевич начиная с 1955 г. в течение нескольких лет исследовал памятник в пещере *Ями-на-Среди* на острове Црес. В стратиграфическом разрезе мощностью 5 м он отметил присутствие материалов от палеолита до финала неолита (Miroslavljević, 1962). В том же 1955 г. В. Миросавлевич протестировал памятник со следами неолитической культуры импрессо в *Ворганской пещи* на острове Крк, а затем В. Миросавлевич и М. Малез проводили небольшие раскопки в пещере *Вела Шпиля* на острове Лошинь, которые позволили определить многокомпонентный (4,32 м, палеолит, неолит, железный век) характер объекта (Miroslavljević, 1962, p. 204–205).

В 1963 г. Й. Корошец провел исследования на неолитическом поселении Криваче в *Брибуре*, который расположен на слиянии двух ручьев, Брибирчицы и Срчанаца. На площади 200×150 м им зафиксированы слои мощностью до 3 м с неолитическими материалами, которые относятся к данильской и хварской культурам (Korošec, 1966, 1968).

В свою очередь, С. Петрак с 1963 по 1968 г. изучал памятник на полуострове Пелешац в пещере *Гудня* возле Стона. Согласно частично опубликованным данным, в пещере прослеживаются следы обитания от раннего неолита (культура импрессо) до средневековья (Batović, 1966, p. 96–98; Petrić, 1976, p. 297).

Из других исследований следует отметить работы Б. Бачича в 1969 г. на однослойной стоянке раннего неолита на полуострове *Ижула* недалеко от Медулина в Истрии; Г. Новака и Б. Чечука в пещере *Вела Шпиля* на Хваре в 1970–1974 гг.; И. Маровича в пещере *Шкарин-самоград* к северо-востоку от Шибеника, недалеко от д. Мирловича; Я. Корошеца на поселении данильской культуры в *Брибуре*; Ш. Батовича в *Ясеново во Врси*; З. Брусича в *Привлаке*; К. Томича в *Исламу Греческом*; М. Савича в *Лисичиче* и целого ряда других (Batović, 1966, p. 86, 88; 1979, p. 484).

Четвертый период исследований

Четвертый период в археологических исследованиях в целом и по проблематике неолита в частности начинается на территории адриатического побережья Хорватии после 1995 г. и перерыва, связанного с событиями войны на Балканском полуострове.

В рамках этого периода происходят как поиск и изучение новых памятников, так и дополнительные работы на ранее исследованных объектах. Например на пещерном памятнике *Вела Шпиля* (глубина 26 м, высота 8 м и ширина 7 м), расположенном на острове Лошинь, на западных склонах холма Осорчица, пионерные исследования на котором производил еще в 1950-х гг. В. Мирославлевич.

В 2004 г. в рамках проекта «Палеолитические и мезолитические памятники Северной Адриатики» Д. Комшо выполнил зачистку общего разреза и уточнил стратиграфию. В колонке им были выделены палеолитические и мезолитические горизонты — в последних найдены характерные для этого времени останки виноградных улиток (*Helix*

romatia), которые перекрывались горизонтами неолитического возраста с керамикой «импрессо» (Hrvatski arheološki godišnjak..., 2005, p. 174–175).

В том же 2004 г. М. Менджушич провел исследование на близлежащем памятнике *Данило-Битинь* недалеко от Шибеника. Этот памятник также был известен ранее, исследовался в 1950-х гг. Я. Корошцем, который определил мощность культуросодержащих отложений в пределах 80–120 см. В них зафиксированы фрагменты данильской керамики, а также отдельные фрагменты сосудов рипольской культуры, существовавшей одновременно на Апеннинском полуострове, т. е. на территории нынешней Италии (Hrvatski arheološki godišnjak..., 2005, p. 208).

В 2002–2007 гг. Д. Комшо произвел работы на памятнике *Каргадур* в 2 км к юго-востоку от Лижняна и примерно в 12 км к юго-востоку от Пулы в Истрии, в ходе которого были зафиксированы слои с характерной керамикой раннего и среднего неолита. Богатство и разнообразие находок, а также превосходная сохранность культурных слоев делает Каргадур одним из важнейших объектов для изучения раннего и среднего неолита на побережье Адриатики. Дальнейшие запланированные исследования, безусловно, принесут новые результаты, прольют свет на неолитизацию региона, экономические и социальные отношения, а также на проблемы изменения этого процесса в эпоху неолита (Hrvatski arheološki godišnjak..., 2006, p. 214).

В свою очередь, Б. Марианович с 2001 по 2005 г. проводил систематические раскопки на памятнике *Црно Врило*, в 12 км от Задара, в районе деревни Нински Драчевац на окраине деревни Кнежевичи-Зекичи. Это крупное неолитическое поселение, по оценке исследователя до 10–12 тыс. м², на нем представлены все три периода (ранний, средний и поздний) неолита (Marijanović, 2009).

В 2003–2006 и в 2010–2013 гг. масштабные археологические работы проводились в населенных пунктах *Данило-Битинь* и *Покровник*, расстояние между которым 11 км, недалеко от г. Шибеника. Первые исследования здесь начал в 1979 г. З. Брусич, их продолжили Й. Занинович и Б. Марианович, они соотнесли неолитические материалы из *Данило-Битинь* с данильской культурой, а находки из поселения в *Покровнике* — с культурой импрессо (Hrvatski arheološki godišnjak..., 2014, p. 525).

В 2016 г. на острове Крк в *Ворганской Пече*, недалеко от Башки, Ф. Сировица провел археологические раскопки, в ходе которых было установлено, что этот памятник является одним из трех наиболее важных для исследования периода неолита на Кварнере, т. е. в северной части восточной Адриатики. Предыдущие исследования здесь проводил В. Миросавлевич в середине 1950-х гг. (Hrvatski arheološki godišnjak..., 2017, p. 536).

В 2016–2017 гг. Б. Марианович провел исследования на памятнике *Смилчич-Барице* недалеко от г. Бенковаца. Было исследовано 700 м² площади памятника, что делает его одним из наиболее изученных объектов эпохи неолита на восточном побережье Адриатики (Marijanović, 2022; Hrvatski arheološki godišnjak..., 2018, p. 622). И наконец, в 2021–2023 гг. М. Бурич и Д. Борич вели раскопки памятника *Бабина пещера* на острове Хвар — здесь зафиксированы горизонты с материалами мезолитического и неолитического периодов. Неолит представлен фрагментами керамики хварской культуры и культуры импрессо. Раскопки данного объекта продолжаются в настоящее время.

Периодизация и хронология

На сегодняшний день общая схема периодизации неолита восточной Адриатики включает *ранний неолит* (культура импрессо), *средний неолит* (данильская культура) — и *поздний неолит* (хварская культура).

Применительно к раннему неолиту Ш. Батович предлагал его подразделение на три фазы — Црвена стена, Смилчич и Гудня — на основании усложнения орнаментации и разнообразия форм сосудов (Batović, 1979, p. 489). По всей видимости, керамика раннего неолита типа импрессо имела достаточно широкое географическое распространение — на восточном побережье Адриатики и во внутренних районах за исключением северного направления (северная Истрия, Триестский карст на юге Словении и северо-восточной части Италии) (Batović, 1979; Forenbaher, Miracle, 2005; Müller, 1994).

С. Форенбахер и Т. Кайзер на основании серии новых датировок предлагают модифицированную схему для неолитических культур восточной Адриатики. Так, ранний неолит ассоциируется исключительно с керамикой типа импрессо с наиболее ранними датами в диапазоне от 6 до 5,5 кал. тыс. л. до н. э. Несколько образцов подтверждают возможность короткого существования комплекса недекорированной посуды, которая разделяет культуры импрессо и данильскую. Время последней определяется датировками от 5,3 до 4,8 кал. тыс. л. до н. э., а за ней сразу следует хварская культура — 4,8–4 кал. тыс. л. до н. э. (Forenbaher, Kaiser, Frame, 2010; Forenbaher, Kaiser, Miracle, 2013).

Применительно к данильской культуре у ряда специалистов есть варианты ее внутренней периодизации (до 7 фаз), а также более широкая хронология, которая предполагает частичное сосуществование данильской культуры с хварской (фазы IV и V), а отдельные элементы прослеживаются в более поздних культурах вплоть до эпохи металла (Kogošec, 1964, p. 69). Почти все ранние даты данильской культуры происходят из трех пещер Истрии, или Триестского карста: Пупичина, Эдерэ и Циклами. Только даты из пяти местонахождений Истрии и Триестского карста моложе 4,7 кал. тыс. л. до н. э. (Gilli, Montagnari-Kokelj, 1992), шесть из оставшихся восьми дат приходятся примерно на период между 5,6 и 4,9 кал. тыс. л. до н. э.

В свою очередь, хварская культура соответствует по времени бутмирской культуре в Боснии, а также винчанской и сопотской культурам в континентальной части Балкан.

Заключение

Таким образом, краткая история поиска археологических свидетельств неолита в Восточной Адриатике свидетельствует о постепенном нарастании темпов, географии и интенсивности исследований, а также о сложении в результате этого процесса аргументированных представлений о хронологии и особенностях сценария неолитизации.

Разделение истории исследований на четыре периода в значительной степени связано с хронологией политических событий на Балканах в целом: до Первой мировой войны, в промежутке между двумя войнами, послевоенный период, соответствующий существованию СФРЮ, и современный период, в рамках которого археологические изыскания производятся непосредственно научными учреждениями Республики Хорватия.

Первый и во многом второй период отражают начало научного интереса к археологии каменного века и его отдельным этапам (палеолит, мезолит, неолит) в соответствии с ев-

ропейской концепцией доисторического прошлого, обнаружением ряда многослойных, в основном пещерных памятников, например, таких важных объектов, как Грапчева пещера, материалы которой стали основой для выделения первой неолитической культуры в регионе — *хварской*. В то же время раскопки данного периода не отличаются корректной техникой разбора слоев, фиксацией материала и его полноценным описанием.

Третий период можно характеризовать как время полноценных профессиональных исследований, изучения многослойных памятников закрытого и открытого типов, на большой площади, в рамках проектов с многолетним циклом. Именно в этот период происходит выделение двух новых культур неолита — раннего (культура *импрессо*) и среднего (*данильская*) — в обоих случаях основой для выделения стали комплексы с диагностичной керамикой, разделенные стратиграфически и хронологически.

Для четвертого (современного) периода характерны междисциплинарные исследования, повторное обращение к ряду ранее изученных объектов для уточнения локальной и региональной хронологий, рассмотрение неолита Восточной Адриатики в более широком, средиземноморском и южноевропейском контекстах, а также обращение к вопросам происхождения неолита и системы производящего хозяйства.

Мнение большинства специалистов едино в том, что неолит Восточной Адриатики является результатом синтеза местных мезолитических традиций и мощных, прежде всего технологических импульсов с территории Ближнего Востока в формате «неолитического пакета» — интродукции готовых технологий (земледелие, гончарство, скотоводство). При этом следует отметить, что возможен сценарий передачи «пакета» частями: сначала гончарство и земледелие, а затем скотоводство.

Кроме того, для периода раннего неолита следует указать на комплексный характер хозяйства и сохранение важности эксплуатации акваторических ресурсов, что, в частности, подтверждается инструментарием (фрагментами морских раковин) нанесения орнамента на керамическую посуду — керамика типа импрессо.

Именно этот аспект открывает возможность для сравнительных исследований проблематики раннего неолита в максимально широкой географической перспективе, включая в наш случай районы российского Дальнего Востока (Приморье), где неолитизация предполагает использование автохтонного компонента, импорта технологий производящего хозяйства и сохраняющегося значения прибрежных биоресурсов. Подчеркнем, что данный формат исследований определен в числе наиболее перспективных на площадке прошедшего в ноябре 2024 г. в Турции Первого Всемирного неолитического конгресса (Gebel, 2024; Nikolova, 2024).

В качестве следующего шага авторы намерены обратиться к более детальной характеристике материальной составляющей каждой из выделенных для Восточной Адриатики культур неолита — *импрессо*, *данильской* и *хварской* — для определения особенностей и общих тенденций неолитизации в рамках Балканского полуострова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Кулькова М. А. Адаптация древних сообществ к изменениям окружающей среды в голоцене в регионах Ближнего Востока, Западной Европы, Балкан и Северного Причерноморья: учебное пособие. Ч. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 160 с.

- Batović Š. Older Neolithic in Dalmatia. Zadar: Arheološki Muzej Zadar, 1966. 248 p. (In Croatian)
- Batović Š. Adriatic Zone, Prehistory of Yugoslav Countries II. Sarajevo: Academy of Science and Arts of Bosnia and Herzegovina, Center of Balcanologic Research, 1979. 804 p.
- Benac A. Neolithic Settlement in Lisičići near Konjic, Scientific Society of Bosnia and Herzegovina, Works X. Sarajevo: Scientific Society of Bosnia and Herzegovina, 1958. 106 p.
- Boschian G., Montagnari-Kokelj E. Prehistoric Shepherds and Caves in the Trieste Karst (Northeastern Italy). *Geoarchaeology*. 2000. Vol. 15, No. 4. Pp. 331–371.
- Cannarella D. Il Carso. Trieste: Il nostro Carso, 1968. 250 p.
- Čečuk B. Stone and Bone Handicrafts of Marko's Cave II. Archeological works and discussions. 1974. Vol. VII. Pp. 221–258.
- Čečuk B. Alcuni "Tranchets" nella Grotta di Marco nell' isola di Hvar (Jugoslavija). In: *Colloquio Foggia 1973*. Firenze: Atti del Colloquio Internazionale di Preistoria e Protostoria della Daunia, 1975. P. 163–164.
- Ehrlich R. W. Geographical and Chronological Patterns in East Central Europe. In: *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. P. 403–458.
- Forenbaier S., Miracle P. T. The Spread of Farming in the Eastern Adriatic. *Antiquity*. 2005. Vol. 79. Pp. 514–528.
- Forenbaier S., Kaiser T., Frame S. Adriatic Neolithic Mortuary Ritual at Grapčeva Cave, Croatia. *Journal of Field of Archeology*. 2010. Vol. 35, No. 4. Pp. 337–354.
- Forenbaier S., Kaiser T., Miracle P. T. Dating the East Adriatic Neolithic. *European Journal of Archaeology*. 2013. Vol. 16, No. 4. Pp. 589–609.
- Gamulin Ć. Cave Finds on the Island of Hvar. *Priroda*. 1931. Vol. No. 21. Pp. 122–124.
- Gjivoje M. U podzemnom svijetu otoka Korčule. *Naše planine*. 1952. No. IV. Pp. 9–10. (In Croatian)
- Gilli E., Montagnari-Kokelj E. La Grotta dei Ciclami nel Carso Triestino (materiali degli scavi 1959–1961). *Atti della Società per la Preistoria e Protostoria della Regione Friuli-Venezia Giulia*. 1992. No. 7. Pp. 65–162. (In Italian)
- Girometta U. Caves and Caves of Central Dalmatia. *Gazette of the Geographical Society*. 1923. No. 9. Pp. 95–120.
- Girometta U. Cave Finds in Central Dalmatia. *Hrvatski planinar*. 1935. No. 31. Pp. 289–294, 323–330.
- Gebel H. G. K. Early Productive Behavior, or the Regional and Global Problems with the Terms Neolithic/Neolithisation. Report on Global Session 02 at the World Neolithic Congress, Şanlıurfa, 4–5th of Nov. 2024. *Neo-Lithics*. 2024. No. 24. Pp. A1 — A8.
- Gnirs A. *Istria praeromana*. Karlsbad: Verlag von Walther Heinisch, 1925. 157 p.
- Hrvatski arheološki godišnjak. 2004. Vol. 1. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2005. 279 s. (In Croatian)
- Hrvatski arheološki godišnjak. 2005. Vol. 1. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2006. 479 s. (In Croatian)
- Hrvatski arheološki godišnjak. 2013. Vol. 10. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2014. 897 s. (In Croatian)

Hrvatski arheološki godišnjak. 2016. Vol. 13. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2017. 983 s. (In Croatian)

Hrvatski arheološki godišnjak. 2017. Vol. 14. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2018. 981 s. (In Croatian)

Klisović M. Archaeological Finds in the Speleological Objects of the Šibenik-Knin County, Subetranea Croatica. Šibenik. 2015. 15, No. 19. Pp. 50–58.

Korošec J. Neolithic Settlement in Danilo-Bitinje. Zagreb: Yugoslavian Academy of Science and art, 1958. 216 p.

Korošec J. Danilo in Danilo-Culture. Ljubljana: University Press, 1964. 108 p.

Korošec J. Interesting Cult Objects in the Neolithic of the Adriatic Cult Circle. Zgodovinski Journal. 1966. Vol. XIX–XX. Pp. 65–80.

Korošec J. Bribir in Prehistoric Times, Colloquy on Bribir. Starohrvatska prosvjeta. 1968. Vol. III, No. 10. Pp. 213–221.

Malez M. Palaeolithic and Mesolithic Research in the Area of Liburnia. Opatija: Liburniske teme, 1974. 30 p.

Marijanović B. Crno Vrilo, Sveučilište u Zadru — Odsjek za arheologiju. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2009. 249 s. (In Croatian)

Marijanović B. Neolithic Site of Barica in Smilčić — Research 2016/2017. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2022. 163 p.

Mirosavljević V. Impresso — Cardium Ceramics on the islands of Cres, Lošinj and Krk. Archeological works and discussions. 1962 Vol. II. Pp. 175–211.

Müller J. Das Ostadriatische Frühneolithikum: Die Impresso-Kultur und die Neolithisierung des Adriaumes. Berlin: Volker Spiess, 1994. 482 p. (In German)

Nikolova N. The Şanlıurfa Stone Mounds (the 10th–7th millennium BC) Review of the 2024 World Neolithic Congress in Türkiye. Studia Praehistorica. 2024. No. 18. Pp. 103–124.

Novak G. Hvar. Belgrade: D. Gregorić, 1924. 238 p. (In Croatian)

Novak G. Grabčeva Cave on the Island of Hvar. Yugoslav Historical Journal. 1937. No. 3. Pp. 613–615.

Novak G. Report on Prehistoric Research on the Island of Hvar. Annals of the Yugoslav Academy of Sciences and Arts. 1949. Pp. 149–160.

Novak G. Archaeological Research on the Island of Korčula and Hvar. Ljetopis Jugoslaven-ske akademije znanosti i umjetnosti. 1954. No. 59. Pp. 41–54.

Novak G. Archaeological Research on the Islands of Lastovo and Korčula in 1953. Ljetopis Jugoslaven-ske akademije znanosti i umjetnosti. 1955. No. 60. Pp. 227–230.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar, a New Site of the Neolithic Painted Ceramics. Archaeological Works and Discussions. 1959. Vol. I. 60.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar II. Archaeological Works and Discussions. 1962. Vol. II. Pp. 19–102.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar III. Archaeological Works and Discussions. 1967. Vol. IV–V. Pp. 95–234.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar IV. Archaeological Works and Discussions. 1968. Vol. VI. Pp. 61–179.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar V. *Archaeological Works and Discussions*. 1974; VII:75–220.

Petrić N. Prehistoric Cultures of Pelješac. *Pelješki zbornik*. 1976. Vol. I. Pp. 520.

Popov A. N., Tabarev A. V. The Preagricultural Human Occupation of Primorye (Russian Far East). In: *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New York: Springer, 2017. P. 379–396.

Popov A. N., Tabarev A. V., Mikishin Y. A. Neolithization and Ancient Landscapes in Southern Primorye, Russian Far East. *Journal of World Prehistory*. 2014. Vol. 27, No. 3. Pp. 247–261.

Schneider M. Ho'hlenfunde in Dalmatien. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*. 1927; No. 49. Pp.:98–104.

Trump D. H. *The Mediterranean in Prehistory*. New Haven: Yale University Press, 1980. 310 p.

Wilkes J. *The Illyrians*. Oxford: Blackwell, 1992. 351 p.

REFERENCES

Kulkova M. A. Adaptation of Ancient Societies to the Environmental Changes during the Holocene in the Near East, Western Europe, Balkans, and Northern Black Sea Regions: Textbook. Part 1. St. Petersburg: Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena, 2021. 160 p. (*In Russ.*)

Batović Š. Older Neolithic in Dalmatia. Zadar: Arheološki Muzej Zadar, 1966. 248 p. (*In Croatian*)

Batović Š. Adriatic Zone, Prehistory of Yugoslav Countries II. Sarajevo: Academy of Science and Arts of Bosnia and Herzegovina, Center of Balcanologic Research, 1979. 804 p.

Benac A. Neolithic Settlement in Lisičići near Konjic, Scientific Society of Bosnia and Herzegovina, Works X. Sarajevo: Scientific Society of Bosnia and Herzegovina, 1958. 106 p.

Boschian G., Montagnari-Kokelj E. Prehistoric Shepherds and Caves in the Trieste Karst (Northeastern Italy). *Geoarchaeology*. 2000;15(4):331–371.

Cannarella D. Il Carso. Trieste: Il nostro Carso, 1968. 250 p. (*In Italian*)

Čečuk B. Stone and Bone Handicrafts of Marko's Cave II. *Archeological works and discussions*. 1974;VII:221–258.

Čečuk B. Alcuni "Tranchets" nella Grotta di Marco nell' isola di Hvar (Jugoslavia). In: *Colloquio Foggia 1973*. Firenze: Atti del Colloquio Internazionale di Preistoria e Protostoria della Daunia, 1975. P. 163–164. (*In Italian*)

Ehrlich R. W. Geographical and Chronological Patterns in East Central Europe. In: *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. P. 403–458.

Forenbaher S., Miracle P. T. The Spread of Farming in the Eastern Adriatic. *Antiquity*. 2005;79:514–528.

Forenbaher S., Kaiser T., Frame S. Adriatic Neolithic Mortuary Ritual at Grapčeva Cave, Croatia. *Journal of Field of Archeology*. 2010;35 (4):337–354.

Forenbaher S., Kaiser T., Miracle P. T. Dating the East Adriatic Neolithic. *European Journal of Archaeology*. 2013;16 (4):589–609.

Gamulin Ć. Cave Finds on the Island of Hvar. *Priroda*. 1931;21:122–124.

Gjivoje M. U podzemnom svijetu otoka Korčule. *Naše planine*. 1952; IV:9–10. (*In Croatian*)

Gilli E., Montagnari-Kokelj E. La Grotta dei Ciclami nel Carso Triestino (materiali degli scavi 1959–1961). *Atti della Società per la Preistoria e Protostoria della Regione Friuli-Venezia Giulia*. 1992;7:65–162. (In Italian)

Girometta U. Caves and Caves of Central Dalmatia. *Gazette of the Geographical Society*. 1923;9:95–120.

Girometta U. Cave Finds in Central Dalmatia. *Hrvatski planinar*. 1935;31:289–294, 323–330.

Gebel H. G. K. Early Productive Behavior, or the Regional and Global Problems with the Terms Neolithic/Neolithisation. Report on Global Session 02 at the World Neolithic Congress, Şanlıurfa, 4–5th of Nov. 2024. *Neo-Lithics*. 2024;24: A1 — A8.

Gnirs A. Istria praeromana. Karlsbad: Verlag von Walther Heinisch, 1925. 157 p.

Hrvatski arheološki godišnjak. 2004. Vol. 1. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2005. 279 s. (In Croatian)

Hrvatski arheološki godišnjak. 2005. Vol. 1. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2006. 479 s. (In Croatian)

Hrvatski arheološki godišnjak. 2013. Vol. 10. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2014. 897 s. (In Croatian)

Hrvatski arheološki godišnjak. 2016. Vol. 13. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2017. 983 s. (In Croatian)

Hrvatski arheološki godišnjak. 2017. Vol. 14. Zagreb: Ministarstvo kulture, 2018. 981 s. (In Croatian)

Klisović M. Archaeological Finds in the Speleological Objects of the Šibenik-Knin County, Subetranea Croatica. *Šibenik*. 2015;19:50–58.

Korošec J. Neolithic Settlement in Danilo-Bitinje. Zagreb: Yugoslavian Academy of Science and art, 1958. 216 p.

Korošec J. Danilo in Danilo-Culture. Ljubljana: University Press, 1964. 108 p.

Korošec J. Interesting Cult Objects in the Neolithic of the Adriatic Cult Circle. *Zgodovinski Journal*. 1966; XIX–XX:65–80.

Korošec J. Bribir in Prehistoric Times, Colloquy on Bribir. *Starohrvatska prosvjeta*. 1968; III (10):213–221.

Malez M. Palaeolithic and Mesolithic Research in the Area of Liburnia. Opatija: Liburniske teme, 1974. 30 p.

Marijanović B. Crno Vrilo, Sveučilište u Zadru — Odsjek za arheologiju. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2009. 249 s. (In Croatian)

Marijanović B. Neolithic Site of Barica in Smilčić — Research 2016/2017. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2022. 163 p.

Mirosavljević V. Impreso — Cardium Ceramics on the islands of Cres, Lošinj and Krk. *Archeological works and discussions*. 1962; II:175–211.

Müller J. Das Ostadriatische Frühneolithikum: Die Impreso-Kultur und die Neolithisierung des Adria-raumes. Berlin: Volker Spiess, 1994. 482 p. (In German)

Nikolova N. The Şanlıurfa Stone Mounds (the 10th–7th millennium BC) Review of the 2024 World Neolithic Congress in Türkiye. *Studia Praehistorica*. 2024;18:103–124.

Novak G. Hvar. Belgrade: D. Gregorić, 1924. 238 p. (In Croatian)

Novak G. Grabčeva Cave on the Island of Hvar. *Yugoslav Historical Journal*. 1937;3:613–615.

Novak G. Report on Prehistoric Research on the Island of Hvar. *Annals of the Yugoslav Academy of Sciences and Arts*. 1949:149–160.

Novak G. Archaeological Research on the Island of Korčula and Hvar. *Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. 1954;59:41–54.

Novak G. Archaeological Research on the Islands of Lastovo and Korčula in 1953. *Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. 1955;60:227–230.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar, a New Site of the Neolithic Painted Ceramics. *Archaeological Works and Discussions*. 1959; I:60.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar II. *Archaeological Works and Discussions*. 1962;II:19–102.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar III. *Archaeological Works and Discussions*. 1967;IV–V:95–234.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar IV. *Archaeological Works and Discussions*. 1968;VI:61–179.

Novak G. Marko's Cave on the Island of Hvar V. *Archaeological Works and Discussions*. 1974;VII:75–220.

Petrić N. Prehistoric Cultures of Pelješac. *Pelješki zbornik*. 1976; I:520.

Popov A. N., Tabarev A. V. The Preagricultural Human Occupation of Primorye (Russian Far East). In: *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New York: Springer, 2017. P. 379–396.

Popov A. N., Tabarev A. V., Mikishin Y. A. Neolithization and Ancient Landscapes in Southern Primorye, Russian Far East. *Journal of World Prehistory*. 2014;27(3):247–261.

Schneider M. Hohlenfunde in Dalmatien. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*. 1927;49:98–104. (*In German*.)

Trump D. H. *The Mediterranean in Prehistory*. New Haven: Yale University Press, 1980. 310 p.

Wilkes J. *The Illyrians*. Oxford: Blackwell, 1992. 351 p.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Жгела Ш.: подбор и анализ литературы, написание основной части текста, подготовка иллюстративного материала.

Š. Žgela: gathering and analysis of literature, wiring of the main part of the article, preparation of illustrations.

Табарев А. В.: общая концепция работы, оформление статьи, заключение.

A. V. Tabarev: concept of the article, conclusions, article design.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жгела Шиме, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Россия.

Šime Žgela, Graduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

Andrey V. Tabarev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2025;
одобрена после рецензирования 16.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.
The article was submitted 04.01.2025;
approved after reviewing 16.06.2025;
accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.22(51)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-14)

EDN: LGFXVD

ОЙРАТСКОЕ ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

Леонид Александрович Бобров

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;
spsml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>*

Резюме. В статье представлены результаты изучения защитного и наступательного вооружения ойратов (джунгар, калмыков, «чакарцев», хошутов Кукунорской равнины) XVII–XVIII вв. в музейных собраниях России, Казахстана, Монголии, Китая, США и Великобритании. Охарактеризованы основные этапы, особенности формирования и состав крупнейших профильных коллекций. Установлено, что наиболее ранней из них является коллекция ойратских предметов вооружения в собрании Музеев Московского Кремля, начало формирования которой относится к 1-й половине XVII в. Значительное количество джунгарских и калмыцких шлемов и панцирей хранится также в музеях Казахстана, восточные и юго-восточные районы которого входили в состав Джунгарского государства. Оружие и доспехи ойратов в собраниях КНР представлены в основном джунгарскими военными трофеями, а также элитными образцами вооружения, переданными в дар цинскому императору калмыцкими нойонами в 1771 г. Значительная часть богато оформленных шлемов и палашей хошутов и джунгар, хранящихся в музеях Великобритании и США, была вывезена из Тибета в ходе военной экспедиции Ф. Янгхазбенда 1903–1904 гг. Результаты исследования собранных материалов позволяют сделать вывод, что ойратское вооружение весьма широко представлено в российских и зарубежных музейных собраниях. Его всестороннее изучение является важным направлением исследования ойратского военно-культурного наследия.

Ключевые слова: Центральная Азия, ойраты, оружие и доспехи ойратов, вооружение джунгар, вооружение калмыков, формирование межкультурных коммуникаций в Сибири и Центральной Азии

Благодарности: исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту №FSUS-2025–0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири — от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников).

Для цитирования: Бобров Л.А. Ойратское оружие и доспехи в отечественных и зарубежных музейных собраниях // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 224–243. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-14)

OIRAT WEAPONS AND ARMOR IN DOMESTIC AND FOREIGN MUSEUM COLLECTIONS

Leonid A. Bobrov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; spsml@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>

Abstract. The article presents the results of the study of the defensive and offensive weapons of the Oirats (Dzhungars, Kalmyks, “Chakars”, Khoshuts of the Kukur Plain) of the 17th–18th centuries in museum collections of Russia, Kazakhstan, China, the USA and Great Britain. The main stages, features of the formation and composition of the largest specialized collections are characterized. It has been found out that the earliest of them is the collection of Oirat weapons in the collection of the Moscow Kremlin Museums, the beginning of the formation of which dates back to the first half of the 17th century. A significant number of Dzhungar and Kalmyk helmets and armor are also stored in the museums of Kazakhstan, the eastern and southeastern regions of which were part of the Dzhungar state. Oirat weapons and armor in the collections of the PRC are represented mainly by Dzhungar military trophies, as well as elite examples of weapons presented as a gift to the Qing Emperor by Kalmyk noyons (princes) in 1771. A significant part of the richly decorated helmets and broadswords of Khoshuts and Dzhungars, stored in museums in Great Britain and the USA, were taken from Tibet during the military expedition of F. Younghusband in 1903–1904. The results of the study of the collected materials allow us to conclude that Oirat weapons are very widely represented in Russian and foreign museum collections. Its comprehensive study is an important area of research into the Oirat military and cultural heritage.

Keywords: Central Asia, Oirats, Oirat weapons and armor, Dzhungar weapons, Kalmyk weapons, the formation of intercultural communications in Siberia and Central Asia

Acknowledgments: The study was conducted as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity under the project No. FSUS-2025-0009 “Features of the Formation of Intercultural Communications in Siberia — from the Stone Age to the Early Modern Period (according to archaeological and written sources)”.

For citation: Bobrov L.A. Oirat Weapons and Armor in Domestic and Foreign Museum Collections. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):224–243. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-14)

Введение

Исторический период, охватывающий XVII — середину XVIII в., является важным этапом в истории Евразии. Западная Европа в это время стала ареной ожесточенных войн, которые следовали одна за другой. Крупнейшими из них стали Тридцатилетняя война (1618–1648), война за Испанское наследство (1701–1714), Семилетняя война (1756–1763) и др. Однако военные конфликты не помешали бурному развитию европейских государств. Именно в этот период были заложены основы последующего 150-летнего военно-политического и экономического доминирования Европы в мире.

В то же самое время Российское государство сумело преодолеть Смуту, присоединить Сибирь, Левобережную Украину и, одержав победу над Швецией в Великой Северной войне (1700–1721), войти в число ведущих европейских государств.

Если мир западных держав в XVII — середине XVIII в. находился на подъеме, то Мусульманский восток вступал в полосу системного кризиса. Во 2-й половине XVII в. Австрии, Речи Посполитой, России и их союзникам удалось остановить продвижение Османской империи в центральную и Восточную Европу, после чего Стамбул был вынужден перейти к стратегической обороне.

На востоке континента в середине XVII в. пала Минская империя, которая стала жертвой молодого и агрессивного государства поздних чжурчжэней (маньчжуров), поставивших под контроль Цинской династии значительную часть континентальной Восточной Азии.

Однако Великая степь и сопредельные с ней территории жили по совсем другим историческим ритмам. В XVII — 1-й половине XVIII в. внутреннюю Евразию захлестнула волна так называемого Малого монгольского (ойратского) нашествия.

По ареалу военной активности Ойратское нашествие входит, наряду с завоеваниями древних тюрков 2-й половины VI в. и Великими Монгольскими завоеваниями XIII в., в тройку крупнейших военных предприятий кочевников эпохи Средневековья и Нового времени.

Ойраты (западные монголы), известные у китайцев и маньчжуров под именем *олётов* (*элютов*), а у тюрков и русских — как *калмаки/калмыки*, сокрушили Большую Ногайскую Орду, захватили значительную часть Северного Прикаспия, Юго-Восточного и Восточного Казахстана, Тибета, целый ряд районов Южной Сибири.

В XVII — 1-й половине XVIII в. ойратские войска действовали на огромных евразийских пространствах, от Причерноморья и Северного Кавказа на западе до Юго-Восточной Монголии и Тибета на востоке, от лесостепных районов Западной Сибири на севере до Мавераннахра и Бадахшана на юге.

В середине XVII в. сформировались четыре основных ойратских владения: «Калмыцкое» — в Северном Прикаспии, «Чакарское» — на границе Западной Сибири и Северного Казахстана, «Джунгарское» — в Западной Монголии и Юго-Восточном Казахстане и «Хошутское» — с центром у озера Кукунор в Тибете. Судьба этих групп ойратов сложилась по-разному. Так, например, волжские калмыки стали важным союзником России в войнах с Османской империей и ее степными вассалами. Активное участие калмыцкая конница принимала и в европейских военных кампаниях Москвы и Санкт-Петербурга. В свою очередь, Джунгарское *хунтайджийство* (1635–1758) стало последней кочевой империей в истории человечества и более столетия сдерживало продвижение Цинской империи в Центральную Азию, а Российского государства — в Саяно-Алтай.

Ойратский военно-исторический феномен представляет значительный научный интерес и требует всестороннего изучения. Наряду с тактическим искусством и военной организацией ойратов, важным направлением исследований военно-культурного наследия калмыков, «чакарцев», джунгар и хошуттов Кукунора является изучение их защитного и наступательного вооружения.

На протяжении длительного периода данная научная задача решалась за счет анализа материалов письменных (преимущественно русских) источников. Однако на современном уровне развития исторической науки всестороннее исследование вооружения того или иного народа прошлого возможно только на основе комплексного анали-

за всех основных видов доступных источников. В том числе вещественных, изобразительных и письменных материалов. Поэтому актуальным направлением профильных научных исследований является сбор, систематизация, классификация, а также датировка, атрибуция и введение в научный оборот образцов ойратского вооружения, хранящихся в музейных собраниях России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Отдельные предметы и комплексы предметов ойратского вооружения были изучены и введены в научный оборот Ю. С. Худяковым, М. В. Гореликом, Д. ЛаРоккой, А. А. Тишкиным, В. В. Горбуновым, Ю. И. Ожередовым, С. П. Орленко, С. С. Зозулей, и др. (Бобров, Худяков, 2006; LaRossa, 2006; Бобров, Худяков, 2008; Бобров, Ожередов, 2010; Бобров, Худяков, 2011; Бобров, Ожередов, 2013; Бобров, 2015; Бобров, Анисимова, 2013; Бобров, 2016; Горбунов, Тишкин, 2016; Бобров, Орленко, 2017; Бобров, Сальников, 2017; Бобров, Кушкumbaев, Сальников, 2018; Бобров, Орленко, 2020а, б; Бобров, Ожередов, 2021; Бобров, Балюнов, 2022; Бобров, Зозуля, 2022; Бобров, Анисимова, Батыров, 2023; Бобров, Балюнов, 2023; Бобров, Пилипенко, Мартюшов, 2023; и др.).

За последние 20 лет автором настоящей работы были изучены более 80 музейных и частных коллекций, содержащих оружие и доспехи монголоязычных кочевников (в том числе ойратов). Собранные материалы позволяют составить некоторое представление о профильных вещественных источниках, хранящихся в отечественных и зарубежных музейных собраниях.

Цель статьи — выявить особенности формирования и состав основных коллекций ойратского вооружения XVII–XVIII вв. в музеях России, Казахстана, Монголии, Китая, США и Великобритании.

Материалы и результаты

Начиная с XVII в. крупнейшим хранилищем ойратских доспехов в Европе являлась Оружейная палата Московского Кремля (ОПМК)⁸. В ходе специального исследования было установлено, что боевые и церемониальные центральноазиатские наголовья («шапки калмыцкие») начали поступать в царские арсеналы еще в 1-й половине XVII в. Это были богато украшенные шлемы, являвшиеся дипломатическими подарками светских и духовных феодалов Монголии и Ойратии. Во 2-й половине XVII в. в Оружейную палату стали пересылаться из Зауралья шлемы южносибирского производства, полученные русскими властями от «кузнецких татар» (предков современных шорцев). Это были значительно более простые и лаконично оформленные наголовья, вероятно, аналогичные тем, что передавались «кузнецкими татарами» ойратам в качестве *алмана* (дани) и в обмен на скот. Некоторое количество центральноазиатских шлемов было передано в царский арсенал от представителей русской аристократии.

Анализ письменных материалов показал, что во 2-й половине XVII в. в Оружейной палате Московского Кремля хранились около 100 «шапок калмыцких». Долгое время эти наголовья отождествлялись с так называемыми «шапками бумажными», изготовленными из органических материалов. Однако данное предположение было опровергнуто в ходе

⁸ В настоящее время Оружейная палата организационно входит в состав Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль», государственного музейного учреждения «Музеи Московского Кремля» (далее — ММК).

изучения подлинных «шапок калмыцких», сохранившихся в собрании ММК. Все они представляют собой клепаные железные шлемы различных типов (рис. 1).

Наряду с боевыми и церемониальными наголовьями в ОПМК передавались чешуйчатые и пластинчато-клепаные доспехи («куяки»), наручи и сегментные панцирные нарукавья (монг. *харабчи*). В большинстве случаев они представляли собой дипломатические подарки, отправленные в дар российскому самодержцу представителями монгольской и ойратской аристократии.

В 60–70-х гг. XVII в. в Оружейной палате было налажено собственное производство доспехов-куяков предположительно центральноазиатского образца. Судя по описаниям и изображениям, они относились к категории пластинчато-клепанных доспехов с внутренним бронированием. Параллельно с этим царские мастера получили приказ доработать «шапки калмыцкие», снабдив их «куяшными» бармицами, подшлемниками, подбородочными лентами и специальными флажками.

Данные действия имели вполне утилитарный прикладной характер. С 1664 г. русские придворные начинают массово участвовать в военных смотрах и встречах иностранных дипломатов, будучи облаченными в крытые бархатом, парчой и цветным сукном ориентальные «куяки», «шапки калмыцкие», наручи и «калмыцкие зарукавья». Помимо демонстрации военной азиатской экзотики, такие выезды должны были символически отобразить вовлечение воинственных калмыков в орбиту Российского государства (Бобров, Орленко, 2020а, с. 278–304).

К сожалению, в результате пожара 1737 г. органические элементы упомянутых образцов защитного вооружения (подшлемники, плюмажи, бармицы «шапок калмыцких», матерчатая основа куюков и др.) были уничтожены огнем. Кроме того, на протяжении XVII–XIX вв. часть предметов была передана из ОПМК в другие государственные хранилища и частные собрания. В результате общая численность центральноазиатских шлемов и панцирей в ОПМК существенно сократилась.

В настоящее время в фондах ММК хранится 10 «шапок калмыцких», которые могут быть уверенно отнесены к комплексу вооружения ойратов или их южносибирских васалов (Бобров, Орленко, 2020а, с. 292, 293). Еще один роскошно оформленный клепанный шлем, поступивший в качестве дара русскому самодержцу от верховного хотогойского ламы Эрдэни Дай мэргэн Нансо в 1636 г. (ОР-2058), мог быть выкован как ойратскими, так и монгольскими мастерами (Бобров, Орленко, 2017, с. 127–135). Кроме того, в ММК также хранится фрагмент медного чешуйчатого куюка, присланного хотогойским *хунтайджи* Омбо-Эрдэни в 1636 г., а также две пары «наручей калмыцких». В настоящее время данные образцы защитного вооружения последовательно вводятся в научный оборот (Бобров, Худяков, 2008, с. 427–440, 435–438, 440–444, 484–486; Бобров, Орленко, 2017, с. 127–135; Бобров, Орленков, 2020а, с. 278–304; Бобров, Орленко, 2020б, с. 1184–1217). Высокая научная ценность центральноазиатских наголовий из собрания Оружейной палаты, помимо прочего, обусловлена тем фактом, что в документации XVII в. часто содержатся сведения о времени поступления и/или начальных этапах хранения интересующих нас предметов защитного вооружения. Благодаря этому «шапки калмыцкие» представляют собой своеобразный эталон при датировке и атрибуции шлемов, происходящих из числа случайных находок и из археологических

памятников Центральной Азии, Южной Сибири, Северного Прикаспия XVII — середины XVIII в. (Бобров, Орленко, 2017, с. 128, 130, 134; Бобров, Орленко, 2020а, с. 280).

Рис. 1. «Шапка колмыцкая большая», ойратский шлем XVII в. (до 1683 г.) из Музеев Московского Кремля (по: Бобров, Орленко, 2020б)

Fig. 1. "Kalmuk big hat", the Oirat helmet of the 17th century (before 1683) from the Museums of the Moscow Kremlin (according to: Bobrov, Orlenko, 2020b)

Серия предметов центральноазиатского (ойратского, монгольского) и южносибирского производства XVII–XVIII вв. хранится в Государственном Эрмитаже (ГЭ, г. Санкт-Петербург), Государственном историческом Музее (ГИМ, г. Москва), Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС, г. Санкт-Петербург).

Часть предметов из ГЭ (в том числе шлемы и пластинчато-клепаннные куяки центральноазиатского образца) ранее входили в состав родового арсенала Шереметевых. Петр Васильевич Шереметев Большой возглавлял Оружейную палату в 1683–1690 г. Не исключено, что именно в этот период в собрание Шереметевых попали некоторые предметы вооружения, которые ранее предположительно хранились в ОПМК (цельнокованный цилиндро-конический шлем с надписью на *тодо-бичиг*, куяки и др.). При описании интересующего нас защитного вооружения из собрания Эрмитажа наряду с наголовьями из фондов ГЭ необходимо отметить и три богато оформленных центральноазиатских шлема, которые находятся в настоящее время в постоянной экспозиции, посвященной Монголии (Бобров, Худяков, 2006, с. 33–40).

В фондах ГИМ наряду с представительной серией центральноазиатских боевых наголовий XVII–XVIII вв. хранится фрагмент ойратского или южносибирского доспе-

ха-«куяка» из кургана в Причумылье (рис. 2). Последний был раскопан В. В. Радловым еще в 1863 г. В отличие от большинства аналогов, данный панцирь частично сохранил органическую основу. Ее нижний слой состоял из кожи, а верхний — из шерстяной ткани (Бобров, Зозуля, 2022, с. 115–130).

Рис. 2. Фрагменты ойратского или южносибирского доспеха XVII — середины XVIII в., Государственный исторический музей; 1, 3 — пластины; 2 — пряжка (по: Бобров, Зозуля, 2022)
 Fig. 2. Fragments of the Oirat or South Siberian armor of the 17th — mid-18th century, the State Historical Museum: 1, 3 — plates; 2 — buckle (according to: Бобров, Зозуля, 2022)

В собрании ВИМАИВиВС находятся богато оформленные центральноазиатские (в том числе ойратские) шлемы, а также некоторые образцы «жалованных» сабель, принадлежавшие представителям калмыцкой аристократии XVIII в.

Предметы центральноазиатского вооружения из собрания ГЭ, ГИМ, ВИМАИВиВС представляют значительный научный интерес и последовательно вводятся в научный оборот (Бобров, Худяков, 2006, с. 33–40; Бобров, Анисимова, 2013, с. 196–207; Бобров, Образцов, Сальников, 2019, с. 5–19; Бобров, Зозуля, 2022, с. 115–130; Бобров, Анисимова, Батыров, 2023, с. 131–146).

Миссюрка, кольчатый «пансырь», наруч, пара кольчатых «полурукавиц» (черкеск. *азшигель*), сабля, шашка, фитильное ружье, пороховница, колчан со стрелами, принадлежавшие калмыцким воинам XVIII–XIX вв., хранятся в Российском этнографическом музее (РЭМ, г. Санкт-Петербург). Ранее нами высказывалось предположение о том, что как минимум часть данных предметов экспонировалась на знаменитой выставке калмыцкого прикладного искусства в Таврическом дворце в 1902 г. Новейшее исследование Е. И. Нейратовой подтвердило данное предположение. В ближайшее время образцы калмыцкого вооружения из собрания РЭМ будут введены в научный оборот.

Ойратское защитное и, в меньшей степени, наступательное вооружение, принадлежавшее «чакарским» калмыкам и джунгарам, представлено в музейных и частных собраниях Сибири. Особо хотелось бы выделить коллекции Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТИАМЗ, г. Тобольск) и Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского (МАЭС ТГУ, г. Томск).

В ТИАМЗ хранятся предметы вооружения, принадлежавшие знатным служилым татарам рода Кульмаметьевых. Последние активно взаимодействовали с ойратскими номадами, кочевавшими на границах Западной Сибири, что обусловило наличие в арсенале Кульмаметьевых боевых наголовий и других предметов вооружения джунгар и (или) «чакарских» калмыков. Особый интерес представляют клепаные ойратские сфероцилиндрические шлемы, сохранившие «куяшные» бармицы, роскошно оформленный колчан «ойратского типа» (рис. 3), стрелы и др. (Бобров, Худяков, 2011, с. 45–49; Бобров, Балюнов, 2022, с. 226–249; Бобров, Балюнов, 2023, с. 786–810; Бобров, Пилипенко, Мартюшов, 2023, с. 121–141).

В фондах МАЭС ТГУ хранятся уникальные образцы защитного вооружения джунгар — богато оформленный куяк, скроенный в виде распашного халата (рис. 4), а также кольчато-пластинчатый доспех, оформленный в виде безрукавного жилета. Данные предметы, поступившие в МАЭС ТГУ в 1907 г. из Музея Алтайского горного округа (г. Барнаул), уже стали объектом всестороннего научного исследования (Бобров, Ожередов, 2010, с. 7–64; Бобров, Ожередов, 2013, с. 42–63; Бобров, Ожередов, 2021).

Оружие и доспехи южносибирских вассалов джунгар (енисейских кыргызов, телеутов и др.), а также самих ойратов широко представлены в музейных собраниях Республики Алтай, Алтайского края, Красноярского края, Республики Хакасия, Омской области и др.

Из зарубежных коллекций следует в первую очередь отметить музейные собрания Республики Казахстан (РК). В XVII — середине XVIII в. казахи активно взаимодействовали с различными группами ойратов — волжскими калмыками, «чакарцами»,

джунгарами. На территории современного Юго-Восточного Казахстана (в бассейне р. Или) находился политический центр Джунгарского *хунтайджийства*. После гибели Джунгарии в середине XVIII в. и «Торгутского побега» 1771 г. значительные по численности группы ойратов поселились на территории казахских *жузов*. Все эти факторы обусловили наличие ойратского вооружения в частных и музейных собраниях РК. Среди них можно выделить коллекции Национального музея Республики Казахстан (НМРК, г. Нур-Султан), Центрального государственного музея Республики Казахстан (ЦГМРК, г. Алматы), и Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (ЮКОИКМ, г. Чимкент).

Так, например, в ЦГМРК экспонируется богато оформленный джунгарский узкопластинчатый шлем с клепаным соединением, возможно, доработанный казахскими мастерами (Бобров, Сальников, 2017, с. 342–357). В фондах ЦГМРК хранится сфероцилиндрический калмыцкий шлем, обнаруженный в окрестностях ст. Магнитная (в настоящее время — г. Магнитогорск). Первоначально шлем поступил в Музей Оренбургского края, а оттуда в собрание ЦГМРК (Bobrov, Kabuldinov, Agatay, 2022, p. 91–98).

В музее г. Чимкента длительное время хранилась целая серия образцов джунгарского вооружения, включавшая цельнокованные шлемы с «коробчатыми» козырьками (рис. 5), кольчато-пластинчатый доспех покроя «жилет» (аналогичный доспеху из МАЭС ТГУ) и др. В настоящее время часть из них передана в собрание НМРК.

Рис. 3. Ойратский колчан XVII — середины XVIII в., ТИАМЗ (по: Бобров, Балюнов, 2023)

Fig. 3. Oirat quiver of the 17th — mid 18th centuries, TIAMZ (by: Бобров, Балюнов, 2023)

1

2

Рис. 4. Джунгарский доспех XVII — середины XVIII в., МАЭС ТГУ (по: Бобров, Ожередов, 2021):
1 — внешняя сторона; 2 — внутренняя сторона
Fig. 4. Dzungarian armor of the 17th — mid 18th centuries, MAES TSU (according to: Бобров, Ожередов,
2021): 1 — outer sides; 2 — inner side

Рис. 5. Джунгарский шлем 2-й половины XVII — середины XVIII в., НМРК: 1 — вид спереди; 2 — вид слева; 3 — вид справа; 4 — вид сзади; 5 — навершие (по: Бобров, Агатай, Абдрахманов, 2024)
 Fig. 5. Dzungarian helmet of the second half of the 17th — mid 18th centuries, NMRK: 1 — front view; 2 — left view; 3 — right view; 4 — rear view; 5 — pommel (according to: Bobrov, Agatai, Abdrakhmanov, 2024)

Некоторые из упомянутых предметов вооружения атрибутируются музейными сотрудниками РК как изделия казахских мастеров. Однако типологический анализ и наличие буддийской символики (рис. 6) позволяет отнести данные предметы к ойратскому оружейному комплексу (Бобров, 2015, с. 242–248; Бобров, 2016, с. 119–126; Бобров, Сальников, 2017, с. 342–357).

Ойратские предметы вооружения достаточно широко представлены в центральных и региональных музейных собраниях Монголии. Наибольшее их число хранится в коллекциях музеев аймаков западной части страны. Весьма ценные образцы можно наблюдать в музее г. Баян-Улгий, Ховд, Улангом и др. Однако необходимо учитывать, что территория Западной Монголии является традиционным местом проживания ойратов вплоть до Этнографической современности. По данной причине выделение предметов вооружения XVII–XVIII вв. из общего массива ойратского боевого и охотничье-

го оружия позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени представляет собой важную научную задачу. В первую очередь это касается огнестрельного оружия и ружейной амуниции, которые могли использоваться на протяжении длительного времени, периодически подновляясь, ремонтируясь и модернизируясь. Кроме того, следует отделять собственно ойратское вооружение времен существования Джунгарии от стандартизированного оружия и снаряжения цинских воинов, которое также встречается на территории данного региона.

Рис. 6. Навершие джунгарского шлема из НМРК (1) и ритуальные буддийские сосуды: 2 — изображение «Сосуда сокровищ» на тибетской танка XVIII–XIX вв.; 3 — ритуальный сосуд из собрания Центрального государственного музея Томской области, Монголия, XVIII–XIX вв.; 4 — фрагмент ритуального сосуда, Центральная Азия, XIX–XX вв.

(по: Бобров, Агатай, Абдрахманов, 2024)

Fig. 6. The pommel of a Dzungarian helmet from NMRK (1) and ritual Buddhist vessels: 2 — the image of a "Treasure Vessel" on a Tibetan tanka of the 18th–19th centuries; 3 — a ritual vessel from the collection of the Central State Museum of the Tomsk Region, Mongolia, 18th–19th centuries; 4 — a fragment of a ritual vessel, Central Asia, XIX–XX centuries (by: Bobrov, Agatai, Abdrakhmanov, 2024)

Большинство предметов защитного и наступательного вооружения, применявшихся ойратскими воинами XVII — середины XVIII в. и происходящих с территории Монголии, представлено случайными находками. Это не только изделия собственно ойратских оружейников, но и импорт с территории соседних государств. Среди них присутствуют кольчато-пластинчатые, пластинчато-клепаные и кольчатые панцири, наконечники копий и стрел, клинковое оружие, фрагменты воинского снаряжения и т. д. Кроме того, некоторое количество образцов защитного и наступательного вооружения происходит из старых коллекций. Вероятно, эти предметы хранились в ойратских и монгольских семьях на протяжении жизни нескольких поколений.

К сожалению, ойратское вооружение из Монголии еще недостаточно активно вводится в научный оборот. Вместе с тем некоторые из образцов вызывают значительный интерес исследователей. В статье В. В. Горбунова были рассмотрены наконечники стрел из арсенала цинской крепости Кобдо, а также их аналоги с территории Южной Сибири (Горбунов, 2016). Фрагмент пластинчатого нарукавья с кованым наплечником из Ховдского музея были опубликованы и изучены В. В. Горбуновым и А. А. Тишкиным (Горбунов, Тишкин, 2016). Сопоставление защитных деталей из Ховда с другими центрально-

азиатскими и южносибирскими материалами позволило атрибутировать рассматриваемый образец защитного вооружения как сегментное нарукавье-*харабчи* и датировать 2-й половиной XV–XVII в. (Бобров, 2023, с. 338–340, 344). Выражаем надежду, что публикация ойратского оружия и доспехов из музейных и частных собраний Монголии будет продолжена в ближайшие годы.

В конце XVII в. началась серия Джунгаро-Цинских войн, которая продолжалась, с перерывами, вплоть до 2-й половины 50-х гг. XVIII в. В 1771 г. на территорию Поднебесной прибыла большая группа волжских калмыков во главе с ханом Убаши. Все эти факторы обусловили наличие в музейных и частных собраниях Китайской Народной Республики представительной серии предметов, принадлежавших жителям Джунгарского *хунтайджийства* и Калмыцкого ханства 1-й половины — середины XVIII в.

Большинство образцов ойратского вооружения, хранящихся в музейных собраниях КНР, можно разделить на три основные группы. В состав первой входят военные трофеи, захваченные цинскими войсками в ходе завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана во 2-й половине 50-х гг. XVIII в. Часть этих предметов была доставлена в Пекин и экспонировалась в Цзыгуангэ («Павильоне пурпурного блеска» — своеобразном зале воинской славы Цинской империи). В числе данных предметов можно отметить панцирный комплект, состоящий из кольчужной «рубаци» и длинных кольчужных «штанов» (набедренников), крупнокалиберное ружье мусульманского производства и др. (Бобров, 2022, с. 12).

Часть предметов вооружения, захваченных у ойратов Джунгарии и мусульман Восточного Туркестана, были сохранены маньчжурскими, монгольскими и китайскими военачальниками в качестве личных трофеев. Эти образцы в настоящее время сосредоточены по музейным и частным собраниям различных провинций КНР. В качестве примера можно привести комплект защитного вооружения, состоящий из кольчатого «башлыка», кольчуги, пары створчатых наручей и пластинчатого пояса-«корсета» (*бельдемчи*). В настоящее время данный панцирный комплект экспонируется в одном из выставочных залов Музея автономного района Внутренняя Монголия (МАРВМ, г. Хух-Хото, КНР). До передачи в музейное собрание доспехи принадлежали *вану хошуна* Дорвон Хуухэд (Сыцзы). Считается, что они были привезены в Южную Монголию по результатам походов цинских войск в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1755–1759 гг. Особенности конструкции и оформления указанных предметов свидетельствуют в пользу данной датировки (Бобров, 2022, с. 13).

Вторая группа ойратских предметов вооружения состоит из подарков джунгарской и калмыцкой знати, переданных императору Цяньлуну во 2-й половине XVIII в. Большинство даров представляют собой различные образцы клинкового оружия. В настоящее время они хранятся в музеях Пекина, в первую очередь в собрании Музеев императорского дворца Гугун. Среди них можно выделить палаш, принадлежавший калмыцкому Аюке-хану, саблю знаменитого джунгарского полководца 1-й половины XVIII в. Цэрэн-Дондобы Младшего, стрелковый набор, состоящий из богато оформленного налуча и колчана калмыцкого хана Дондук-Даши, и некоторые другие (Armaments and Military Provisions..., 2008, p. 142–144; Бобров, Худяков, 2008, с. 117, 118, 122, рис. 35.-1, 149, 151, 155, рис. 58.-2; Бобров, 2009, рис. 6.-3, 5).

Наконец, третья группа включает оружие и доспехи, привезенные с собой из Волжской Калмыкии воинами Убаши-хана в 1771 г. Длительное время они хранились в семьях синьцзянских калмыков, а позднее были переданы в музеи СУАР КНР. Многие из этих предметов выполнены мастерами Северо-Западного Кавказа, что отражает особенности формирования оружейного комплекса кочевников Восточной Европы рассматриваемого периода (не только калмыков, но и крымских татар и ногайцев). В качестве примера можно привести богато оформленный шлем с кольчатой бармицей, принадлежавший одному из калмыцких (торгутских) воинов, а в настоящее время экспонирующийся в музее «Дун Гуй» уезда Хэцзин, Баян-Гол-Монгольского автономного округа СУАР КНР.

В музеях СУАР КНР также встречаются предметы джунгарского вооружения, которые не были вывезены в Китай в качестве трофеев, а в силу различных причин оставлены в регионе. К этой группе также относятся боевые наголовья, панцири и их фрагменты, происходящие из числа случайных находок с территории Синьцзяна. К числу таких находок относится, например, джунгарский клепаный шлем, хранящийся в фондах музея г. Куча округа Аксу СУАР КНР. Конструкция данного наголовья очень близка «шапкам калмыцким» из собрания ОПМК.

Оружие и доспехи народов Центральной Азии достаточно широко представлены в музейных и частных собраниях США и Великобритании. Многие из этих предметов отличаются богатым декоративным оформлением. В значительной степени это обусловлено особенностями формирования профильных американских и западноевропейских коллекций. Их «ядро» составлено из предметов, вывезенных с территории Тибета британскими офицерами в ходе экспедиции Ф. Янгхазбенда 1903–1904 гг. На протяжении XVII–XVIII вв. монгольские и ойратские феодалы делали богатые подношения тибетским монастырям и отдельным ламам. В число таких даров нередко включались и предметы защитного вооружения, в первую очередь шлемы. Кроме того, в арсеналах тибетских крепостей-*дзонгов* продолжали храниться оружие и доспехи ойратов-хошутов, которые в середине XVII — 1-й четверти XVIII в. являлись основной военной силой «Страны снегов». По всей видимости, именно это вооружение и было вывезено британскими интервентами из Тибета в начале XX в. Впоследствии оно было продано частным коллекционерам, а затем передано или выкуплено крупнейшими западными музеями. В настоящее время наиболее представительные серии ойратского и монгольского вооружения хранятся в Музее искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США), Музее Виктории и Альберта (г. Лондон, Великобритания), Национальном музее Шотландии (г. Эдинбург, Великобритания) и др. Большинство образцов уже стали объектом изучения как западных, так и отечественных исследователей (LaRocca, 2006; Бобров, Худяков, 2008).

Заключение

В завершение еще раз оговоримся, что мы отметили лишь некоторые музейные собрания, содержащие предметы ойратского вооружения. Ценные образцы панцирей, шлемов, наручей, нарукавий, клинкового, древкового и огнестрельного оружия, принадлежавшего джунгарам, калмыкам, хошутам Кукунорской равнины, а также их вас-

салам и союзникам, хранятся в музеях и частных коллекциях России, Китая, Монголии, Кыргызстана, Узбекистана, США, Великобритании, ФРГ, Швеции и других стран.

В музейных собраниях присутствуют практически все основные разновидности защитного и наступательного вооружения ойратов. Однако данные предметы представлены весьма неравномерно. В силу различных объективных и субъективных причин до нашего времени дошло большое количество образцов ойратского защитного вооружения, в том числе несколько десятков боевых наголовий. Кроме того, отметим значительное число кольчуг и панцирных пластин, а также наличие среди рассматриваемых материалов целиком сохранившихся корпусных кольчато-пластинчатых и пластинчато-клепанных доспехов. Некоторые из кюяков частично или полностью сохранили внешнее органическое покрытие, что позволяет детально изучить особенности их конструкции и покроя. Среди оружия дистанционного и ближнего боя следует отметить многочисленные наконечники стрел, копий и пик. При этом луки, клинковое, ударно-рубящее и ручное огнестрельное оружие встречается в музейных собраниях относительно редко. Кроме того, до настоящего времени нам не удалось обнаружить стволы джунгарских и калмыцких орудий, хотя известно, что, например в Джунгарии, легкая полевая артиллерия насчитывала несколько десятков стволов, которые перевозились на верблюдах. В настоящее время особенности конструкции этих джунгарских пушек могут быть исследованы на основе анализа письменных и изобразительных цинских источников 2-й половины XVIII в. Однако мы не теряем надежды, что более детальное изучение музейных фондов России, Казахстана, Китая и Монголии рано или поздно позволит обнаружить и атрибутировать ойратские пушки и мортиры, игравшие заметную роль в военном искусстве джунгар.

Характерной особенностью источниковой базы по вооружению монголо- и тюркоязычных кочевников позднего Средневековья и Нового времени является относительная малочисленность собственно археологических материалов, что обусловлено изменением погребальной обрядности, вызванной распространением мировых религий среди кочевников. В данных условиях основной разновидностью вещественных источников по теме исследования являются предметы вооружения из старых арсеналов, музейных и частных собраний. Сбор, систематизация и анализ данных предметов является важной и весьма актуальной научной задачей, без решения которой невозможно всестороннее изучение военно-культурного наследия воинов Великой степи XVII–XVIII вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобров Л. А. Военное дело волжских калмыков и его эволюция в XVII–XVIII вв. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Издательский дом «Герел», 2009. Т. III. С. 83–103.

Бобров Л. А. Джунгарский шлем из Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7. С. 242–248.

Бобров Л. А. Позднесредневековый шлем из Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15. Вып. 3. С. 119–126.

Бобров Л. А. Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2022. № 17 (49). С. 5–33.

Бобров Л. А. Пластинчатые нарукавья в комплексе защитного вооружения азиатских народов XIV — первой половины XVIII в. // *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего Средневековья*. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2023. С. 324–362.

Бобров Л. А., Агатай У. М., Абдрахманов С. А. Цельнокованный шлем с серебряным орнаментом второй половины XVII — середины XVIII в. из собрания Национального музея Республики Казахстан // *Былые годы*. 2024. № 19 (3). С. 1027–1039.

Бобров Л. А., Анисимова М. А. Центральноеазиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 196–207.

Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Жалованная сабля калмыцкого нойона Бамбара из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 131–146.

Бобров Л. А., Балюнов И. В. «Большой» ойратский сфероцилиндрический шлем из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // *Теория и практика археологических исследований*. 2022. Т. 34, № 1. С. 226–249.

Бобров Л. А., Балюнов И. В. Колчан XVII — середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 786–810.

Бобров Л. А., Зозуля С. С. Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 115–130.

Бобров Л. А., Кушкumbaев А. К., Сальников А. В. Ойратский шлем XVII — середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея // *Былые годы*. 2018. Т. 48, № 2. С. 443–455.

Бобров Л. А., Образцов В. Н., Сальников А. В. Ойратский шлем второй половины XVII — середины XVIII в. из Государственного Эрмитажа // *Былые годы*. 2019. Т. 51. № 1. С. 5–19.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // *Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии*. Т. III, вып. 1. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 7–64.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Панцирь-«калantarь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения*. Вып. 3. Томск: Томский государственный университет, 2013. С. 42–63.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноеазиатский панцирь-«кюак» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.

Бобров Л. А., Орленко С. П. Монгольский шлем конца XVI — первой трети XVII вв. из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. С. 127–135.

Бобров Л. А., Орленко С. П. «Шапки калмыцкие» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля // *Oriental Studies*. 2020a. Т. 13. № 2. С. 278–304.

Бобров Л. А., Орленко С. П. «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля // *Oriental Studies*. 2020b. № 5. С. 1184–1217.

Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А. Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 121–141.

Бобров Л. А., Сальников А. В. Клепанный узкопластинчатый шлем из собрания Центрального Государственного Музея Республики Казахстан // *Былые годы*. 2017. № 2. С. 342–357.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Парадные монгольские шлемы эпохи позднего Средневековья из собрания Государственного Эрмитажа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 33–40.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Шлемы сибирских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-краеведческого музея-заповедника) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2011. № 3. С. 43–52.

Горбунов В. В. Монгольские «копьевидные» наконечники из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // *Теория и практика археологических исследований*. 2016. № 3 (15). С. 150–158.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Детали пластинчатого панциря монгольского времени из Ховдского музея // *Теория и практика археологических исследований*. 2016. № 1 (13). С. 78–90.

Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing: w/o publisher, 2008. 264 p.

Bobrov L. A., Kabuldinov Z. E., Agatay O. M. Oirat Sphero-Cylindrical Helmet and Arming Cap from the Central State Museum Collection of the Republic of Kazakhstan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2022. № 50/4. P. 91–98.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

REFERENCES

Bobrov L. A. Military Affairs of the Volga Kalmyks and Its Evolution in the 17th–18th centuries. In: *History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day*. Elista: Izdatel'skij dom "Gerel", 2009. Vol. III. Pp. 83–103. (*In Russ.*)

Bobrov L. A. Dzungarian Helmet from the South Kazakhstan Regional Museum of Local Lore. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2015;14(7):242–248. (*In Russ.*)

Bobrov L. A. Late Medieval Helmet from the South Kazakhstan Regional Museum of History and Local Lore. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2016;15(3):119–126. (In Russ.)

Bobrov L. A. The Decline of the “Last Nomadic Empire”. Military Affairs of the Dzungars in the Middle of the 18th Century. *Parabellum novum: Voenno-istoricheskij zhurnal = Parabellum novum: Military History magazine*. 2022;17 (49):5–33. (In Russ.)

Bobrov L. A. Plate Armbands in the Complex of Protective Weapons of the Asian Peoples of the 14th — first half of the 18th century. In: Military Traditions in the Archaeological Context: from the Late Laten to the late Middle Ages. Tula: Gosudarstvennyj muzej-zapovednik “Kulikovo pole”, 2023. Pp. 324–362. (In Russ.)

Bobrov L. A., Agatai U. M., Abdrakhmanov S. A. One-piece Helmet with Silver Ornament of the Second Half of the 17th — mid 18th Centuries from the Collection of the National Museum of the Republic of Kazakhstan. *Bylye gody = The Old Years*. 2024;19 (3):1027–1039 (In Russ.)

Bobrov L. A., Anisimova M. A. Central Asian Helmets of the Late Middle Ages and Early Modern Times from the Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2013;12 (3):196–207.

Bobrov L. A., Anisimova M. A., Batyrov V. V. The Decorated Saber of the Kalmyk Noyon Bambara from the Collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2023;22 (5):131–146. (In Russ.)

Bobrov L. A., Balyunov I. V. The “Big” Oirat Spherical Cylindrical Helmet from the Collection of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(1):226–249. (In Russ.)

Bobrov L. A., Balyunov I. V. Quiver of the 17th — mid 18th Centuries from the Collection of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. *Oriental Studies*. 2023;16(4):786–810. (In Russ.)

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Shell Plates from the Excavations of V. V. Radlov in the Collection of the State Historical Museum. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2022;21 (5):115–130. (In Russ.)

Bobrov L. A., Kushkumbaev A. K., Salnikov A. V. The Oirat Helmet of the 17th — mid 18th Centuries from the Akmola Regional Museum of Local Lore. *Bylye gody = The old years*. 2018;48(2):443–455. (In Russ.)

Bobrov L. A., Obratstov V. N., Salnikov A. V. The Oirat Helmet of the Second Half of the 17th — mid 18th Centuries from the State Hermitage Museum. *Bylye gody = The old years*. 2019;51(1):5–19. (In Russ.)

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Late Medieval Armor-the “Robe” of a Buddhist Warrior (From the history of the “armory” collection of the MAES TSU). In: Materials and Research

on the Ancient, Medieval and Modern History of North and Central Asia. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2010. Vol. III, issue 1. Pp. 7–64. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Pantsir-“kalantar” from Central Asia (From the History of the “Armory” Collection of the MAES TSU). In: Cultures and Peoples of North and Central Asia in the Context of Interdisciplinary Study. Vol. 3. Issue 1. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2013. Pp. 42–63. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. The Armor of the Jamsaran Warrior. The Central Asian Shell is a “kuyak” from the Collection of the MAES TSU. Novosibirsk: IPC NGU, 2021. 228 p. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Orlenko S. P. Mongolian Helmet of the late 16th — first third of the 17th Centuries from the Collection of the Armory of the Moscow Kremlin. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2017;4:127–135 (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Orlenko S. P. “Kalmyk Hats” in the Collection of the Armory of the Moscow Kremlin. *Oriental Studies*. 2020a;13(2):278–304. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Orlenko S. P. “Kolmykskaya Bolshaya Hat” from the Collection of the Moscow Kremlin Museums. *Oriental Studies*. 2020b;5:1184–1217. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Pilipenko S. A., Martyushov R. A. Late Medieval Central Asian Quiver from the Collection of the Novokuznetsk Museum of Local Lore. *Universum Humanitarium*. 2023;1:121–141. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Salnikov A. V. Riveted Narrow-Plate Helmet from the Collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. *Bylye gody = The old years*. 2017;2:342–357. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Khudyakov Y. S. Ceremonial Mongolian Helmets of the Late Middle Ages from the Collection of the State Hermitage Museum. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2006;3(27):33–40. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Khudyakov Y. S. Weapons and Military Tactics of the Nomads from Central Asia and Southern Siberia of the late Middle Ages and Modern Age (the 15th century — the first half of the 18th century). St. Petersburg: Fak. filol. i iskusstv SPbGU, 2008. 770 p. (*In Russ.*)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Helmets of Siberian Warriors (from the collection of the Tobolsk State Museum of Local Lore). *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar States*. 2011;3:43–52 (*In Russ.*)

Gorbunov V. V. Mongolian “Spear-shaped” Arrowheads from the Collection of the Altai State Museum of Local Lore. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016;3 (15):150–158. (*In Russ.*)

Gorbunov V. V., Tishkin A. A. Details of the Plate Shell of the Mongolian Period from the Khovda Museum. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016;1 (13):78–90. (*In Russ.*)

Armaments and Military Provisions. The Complete Kollektion of Treasures of the Palace Museum. Beijing: w/o publisher, 2008. 264 p.

Bobrov L. A., Kabuldinov Z. E., Agatay O. M. Oirat Sphero-Cylindrical Helmet and Arming Cap from the Central State Museum Collection of the Republic of Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2022;50/4:91–98.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета; ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета; ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук.

Leonid A. Bobrov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology and Ethnography of Novosibirsk State University, Leading Researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk State University, Leading Researcher at the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

*Статья поступила в редакцию 22.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.05.2025;
принята к публикации 16.06.2025.
The article was submitted 22.12.2024;
approved after reviewing 18.05.2025;
accepted for publication 16.06.2025.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКИН — Агентство по культурно-историческому наследию (Республика Алтай).
АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет.
АлтГУ — Алтайский государственный университет.
АН — Академия наук.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПИ (БГПУ) — Барнаульский государственный педагогический институт.
Б. и. — Без издательства.
БКМ — Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки.
ВГПУ — Воронежский государственный педагогический университет.
ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург).
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва).
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы.
ГЭ — Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург).
ГЭС — гидроэлектростанция.
ЕНУ — Евразийский Национальный университет им. Л. Н. Гумилева.
ИА — Институт археологии.
ИАН КазССР — Академия наук КазССР.
ИАЭТ (ИАЭ) — Институт археологии и этнографии.
ИИМК (ГАИМК) — Институт истории материальной культуры.
ИрГСХА — Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежовского.
ИрГТУ — Иркутский государственный технический университет.
КазНИИ ПКНН — Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия номадов.
КазССР — Казахстанская Советская Социалистическая Республика.
КемГУ — Кемеровский государственный университет.
КНР — Китайская Народная Республика.
КузГТУ — Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва.
МАЭ — Музей археологии и этнографии.
МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (г. Томск).
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
ММК — государственное музейное учреждение «Музеи Московского Кремля».
МНВО РК — Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан.

- НГУ — Новосибирский государственный университет.
НМРК — Национальный музей Республики Казахстан.
ОмГПУ (ОГПИ) — Омский государственный педагогический университет.
ОмГУ — Омский государственный университет.
ООО — открытое акционерное общество.
ОПМК — Оружейная палата Московского Кремля (г. Москва).
ПГПИ — Павлодарский государственный педагогический институт.
ПТКА — Протоколы Заседания Туркестанского кружка любителей археологии.
РАН — Российская академия наук.
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
РИЦ — Редакционно-издательский центр.
РК — Республика Казахстан.
РНФ — Российский научный фонд.
РЭМ — Российский этнографический музей.
СА — Советская археология.
СААЭ ГЭ — Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа.
СГСПУ — Самарский государственный социально-педагогический университет.
СО — Сибирское отделение.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
СУАР КНР — Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.
СФУ — Сибирский федеральный университет.
ТГУ — Томский государственный университет.
ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.
ТКОПОИРГО — Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества.
ФИЦ УУХ СО РАН — Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты СО РАН.
ЦГМРК — Центральный Государственный Музей Республики Казахстан (г. Алматы).
ЮКОИКМ — Южно-казахстанский областной историко-краеведческий музей (г. Чимкент).

Научное издание

**Журнал
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Том 37 №2 2025

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Перевод и редактирование текстов на английском языке,
References: Е.А. Россинская
Подготовка оригинал-макета: Д.А. Басманова

Журнал распространяется по подписке через каталог «Урал Пресс»,
индекс ВН018441
Цена свободная

Подписано в печать 14.07.2025. Печать офсетная
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 19,99. Тираж 500 экз. Заказ №511.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода в свет 21.07.2025.